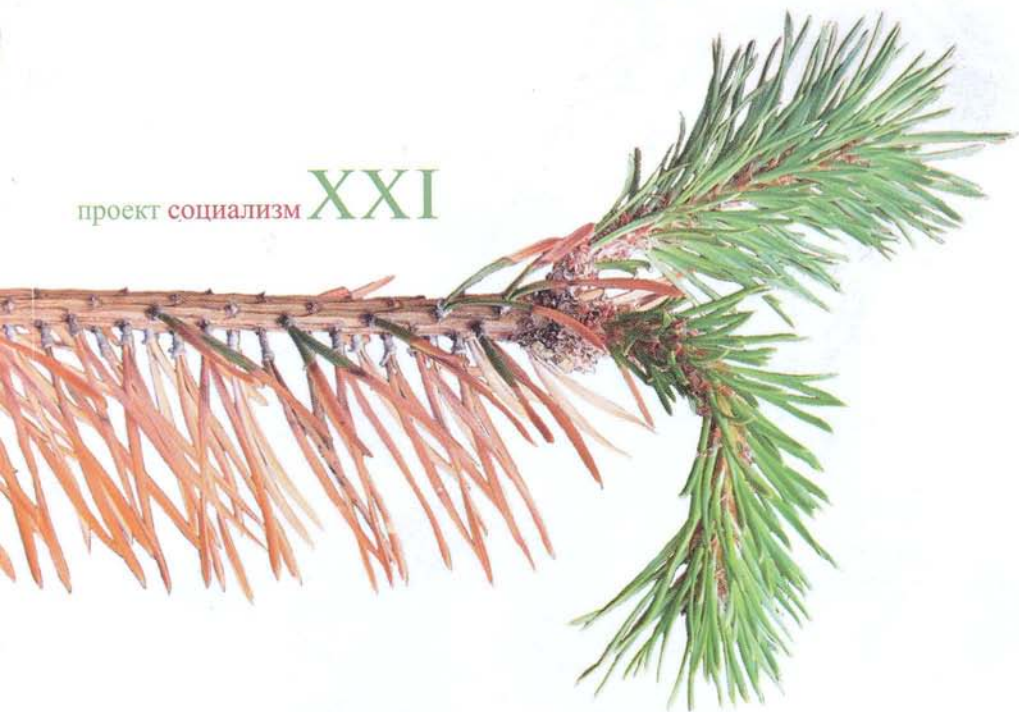

проект социализм XXI

Октябрь
1917:
ВЫЗОВЫ
для XXI века

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

ФОНД РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

ФОНД «АЛЬТЕРНАТИВЫ»

ОКТЯБРЬ 1917

Вызовы для XXI века

Под общей редакцией
А. А. Сорокина

Редакционная коллегия:

А. А. Сорокин (отв. редактор), А. В. Бузгалин, Л. А. Булавка, М. И. Воейков, А. И. Колганов, П. Линке.

Октябрь 1917: Вызовы для XXI века / Под общ. ред. А. Сорокина. — М.: ЛЕНАНД, 2009. — 384 с. (Проект «Социализм XXI».)

Десятилетия, прошедшие после октябрьской революции 1917 года, не сняли остроты вопроса о природе этого события и его влиянии на судьбы и нашего Отечества, и мира. Был ли случайным порыв сотен миллионов к новому обществу, начавшийся в Октябре? К каким результатам он привел в XX веке? Какие уроки мы должны извлечь из этой истории в новом столетии?

Известные ученые Российской академии наук, МГУ, других научных и учебных центров России, ученые из Германии и Венгрии размышляют и спорят об этих проблемах в предлагаемой книге. В основу текстов положены доклады участников международной научной конференции «Октябрь 1917: вызовы для XXI века», организованной Фондом Р. Люксембург, Фондом «Альтернативы» и Современной гуманитарной академией.

Для всех тех, кому не безразличны проблемы будущего мира и нашего Отечества.

Формат 60×90/16. Тираж 500 экз. Печ. л. 24. Зак. № 1918.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-9710-0232-1

© Коллектив авторов, 2008

© И. Бернштейн, дизайн обложки, 2008

Введение

Более 90 лет прошло с события, ставшего поворотным не только в судьбе народов бывшей Российской империи, но и оставившего глубокий след во всей мировой истории. Невозможно говорить об XX веке и не понимать роли и значения Великой революции, попытки прорыва из «царства необходимости» в «царство свободы».

Хотя, почему бы и нет. Сегодня некоторые из наших современников стараются забыть этот исторический опыт, представить революцию случайностью, заговором, а то и операцией иностранных спецслужб. Наверное, кому-то от этого становится легче и спокойнее жить, кто-то надеется, что его-то капиталам и власти уже ничто угрожать не сможет, кто-то старается забыть свои вчерашние клятвы верности «заветам Октября». По-человечески это понять можно, но как известно «если ты стреляешь в историю из пистолета, то она выстрелит в тебя из пушки».

Ведь не только в истории дело: не понимая социальной природы таких общественных катаклизмов как революция, человечество неизбежно будет вынуждено вновь и вновь решать свои наболевшие проблемы силой и кровью, теряя миллионы и миллионы человеческих жизней, разрушая материальные блага созданные предшествующими поколениями. И опять оказываясь перед неразрешимыми вопросами: Почему? Зачем? Откуда?

Не все авторы данной книги являются идейными и политическими единомышленниками, но всем им близко понимание феномена Октябрьской революции как серьезного и многогранного процесса имеющего глубокие социальные, экономические, культурные корни в российской действительности начало XX века. Природа революции, ее характер, движущие силы, мировое значение, соотношение событий Февраля и Октября 1917 года стали темами первого раздела книги. Научная и гражданская позиция ряда авторов четко выражена в заявлении «Октябрь для нас, России и всего мира». Вторая часть книги посвящена исследованию конкретных исторических событий революционных и первых постреволюционных лет. Без подобного скрупулезного анализа, казалось бы, частных вопросов невозможно создать полноценный облик революции, понять всю ее противоречивость и неоднозначность. Третий раздел посвящен проблемам культуры и революции, рождающей феномен созидательного творчества масс в искусстве, в политике, государственном строительстве, производстве. Пусть этот порыв и был, в значительной степени, погашен последующим бюрократическим перерождением революции, но опыт этих лет, их гуманистический вектор остаётся непревзойденным примером социальной активности широких народных масс.

Представленные в книге статьи являются, в большинстве своем, итогом работы международной научной конференции «1917-2007: уроки революции», проведенной в ноябре 2007 года в Москве, Санкт-Петербурге, Томске, а также серии публикаций в журнале «Альтернативы».

Революции 90

*Линке П.,
Руководитель Российского отделения
Фонда им. Р. Люксембург*

Говорить об Октябрьской революции сегодня сложно потому, что мы живем в мире, в котором люди практически отказались от использования понятия революция. А если человек находит что-то положительное в этом слове, его упрекают, называют «вечно вчерашним», оторвавшимся от реальности. А реальность сегодня такова, считают многие, что только эволюционным путем человечество может двигаться дальше вперед.

Тем не менее, я рискну сказать, что русская революция очень многое дала не только народам, которые жили на огромном пространстве Российской империи, но и миру в целом. Это было эпохальное явление не только потому, что это была социалистическая революция, но потому что это была революция Модерна. После нее и благодаря ей Россия стала современным по мировым стандартам государством. Все что потом произошло в Советской России, например, индустриализация, реформа системы образования, перемены в быту, градостроительстве, шло в русле процесса модернизации. Октябрьская революция не была переворотом политических авантюристов, которые победили в силу слабости Российской империи, как это модно сейчас говорить. Это был определенный общественный проект. И многое из этого проекта имеет продолжение сегодня и должно иметь в будущем. Если Россия будет отказываться от этого, будет возвращаться к каким-то дореволюционным проектам, например к реставрации монархии, то это ничего хорошего не даст.

Кроме того, следует отметить, что Октябрьская революция это была геополитическая революция. Она привела к полной реорганизации великого евразийского пространства, создавая новые субпространства и расширяя сферу современного общества не только в сторону юга – Центральной Азии, но и в сторону Запада. Об этом я могу говорить с полным основанием, как человек из ГДР. И нынешнее развитие стран Восточной Европы нельзя рассматривать без учета феномена Октябрьской революции. На огромном евразийском пространстве – от Атлантики до Дальнего Востока благодаря Октябрьской революции имел место обширный процесс трансформации и модернизации. Проявления этого процесса ощущаются в наши дни повсюду...

Октябрьская революция была не только реакцией на первую мировую войну, но и одним из ответов на социальные и технологические проблемы, порождённые ещё девятнадцатым веком. Вспомним, что писал Анатолий Луначарский в „Великом перевороте“. Для него революция „была необходимым в своем трагизме моментом в

мировом развитии человеческого духа к «вседуше», самым великим и решительным актом в процессе «богостроительства», самым ярким и решающим подвигом в направлении программы, формально удачно намеченной Ницше: «В мире нет смысла, но мы должны дать ему смысл».

Ощущение, что лишь революция может быть спасением от приближающегося глобального катаклизма, своего рода конца света, было характерно для мыслителей многих других стран, в частности и для немцев. Тяга к тоталитарному, понимаемому как единое общественное тело, стало ответом на раздробленность общества девятнадцатого века. В социальном плане это выразилось в его классовой структуре, а в технологическом - в новых принципах общественного разделения труда.

В германской социальной мысли того времени попытки найти ответ на эту разобщенность развивались по трем главным направлениям. Два из них, имевшие мистическую и антипрогрессистскую направленность, представлены такими именами как Вернер Зомбарт, Фердинанд Тённис, Освальд Шпенглер, Мартин Хайдеггер, а также Франк Тисс и Томас Манн. Первые четверо относятся к тому течению, которое называется «фёлькиш» (приблизительно: народнически-националистическое), из него позже вышли идеологи национал-социализма. Последних двух можно назвать представителями мистического космополитизма. Третье главное направление, которое представляют, прежде всего, Эрих Мендельсон и Вальтер Гропиус, можно обозначить как рационалистическую, прогрессистскую реакцию на вызов разобщенности.

Конкретная политическая воля к преодолению недобровольной международной изоляции и та новая духовная близость, которая образовалась в революционный послевоенный период, позволили Веймарской Республике и Советской России подписать в геновском пригороде Рапалло 16 апреля 1922 договор, предусматривавший мирное урегулирование на условиях взаимной выгоды и отказа от репарационных претензий, а также нормализацию и развитие межгосударственных отношений.

Курс на сближение между советской Россией и Германией был прерван гитлеровской войной на уничтожение славянского «недочеловека». Эта война стоила жизни примерно 30 миллионам советских граждан и закончилась для Германии национальной катастрофой: страна была оккупирована и, затем, как акт исторической справедливости, разделена на две части.

В зоне советского влияния возникла и развивалась Германская Демократическая Республика как составная часть культурного пространства, простиравшегося от Балтийского через Черное море до Тихого океана, а также как момент культурного времени, которое в силу своей специфической ритмики, особенно на уровне социальной повседневности, фундаментально отличалось от культурного времени западно-капиталистического индустриального общества.

Генератором этого культурного пространства и этого культурного времени был Советский Союз как конкретный цивилизационный проект. Радикально изменив и

в значительной мере гармонизировав ритмы социальной повседневности от Эльбы до Владивостока, этот проект привел к совершенно экстраординарному результату: социальной и мировоззренческой эгализации немцев (в ГДР) и восточных европейцев. Тем самым было начато решение исторической задачи, вполне соответствовавшей духу Рапалло и одновременно далеко выходящей за его рамки: цивилизационно сблизить друг с другом немцев и восточных европейцев.

Само-демонтаж Советского Союза и его важнейших международных опор – Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора – резко оборвали это многообещающий эксперимент.

Последствия этого фатального поворота продолжают сказываться на общественно-политическом климате в отношении вновь сколоченной Германии с ее восточными соседями...

Но более важно другое: Октябрьская революция как процесс радикального общественного обновления, в конечном счете, содействовала тому, чтобы люди, прошедшие свою социализацию так или иначе под ее (революцией) влиянием, располагали всеми предпосылками для успешной адаптации к предстоящим революционным переменам в области генной инженерии, нано-технологического прогресса и роботизации со всеми вытекающими социальными последствиями.

Подвергаются изменениям сами основания того, что принято называть человеческим бытием, взаимоотношения между человеком и техникой. На обломках старых философских знаний, опирающихся на отчаянный поиск вечно загадочной субстанции, возникает новая философия – поиска «пределов возможного» (выражаясь словами Федора Гиренока).

Происходит фундаментальный разлом прежних общественных структур. Революция человеческого состояния продолжается на новом, киборгизированном уровне, но левые в массе своей не замечают этого, во многом повторяя дебаты 19-го и раннего 20-го веков. В этом и заключается главная причина их слабости...

Часть I

Природа и перспективы

Октябрь для нас, России и всего мира (заявление 17-ти)*

Приближающееся 90-летие Октябрьской революции в России не случайно стало объектом всеобщего внимания. Октябрь 1917 года действительно потряс мир, изменив его экономические, социальные и культурные основы.

Это всемирно-историческое явление многие средства массовой информации представляют как простой переворот, совершенный при помощи западных спецслужб кучкой заговорщиков и авантюристов. В ход пускается все: прямая ложь, фальсификации фактов, включая грязные сплетни об участниках и лидерах Великой революции. Повторяются одни и те же, давно отвергнутые видными учеными разных стран, измышления о том, что «октябрьский переворот», оказывается, спровоцировали «немецкий агент» Ленин и «англо-американский шпион» Троцкий. При этом русский народ изображается безвольной игрушкой в руках «революционных экстремистов», в то время как в действительности без его решающей роли революция не могла ни начаться, ни победить.

Не заговор, а социальная революция

Октябрьская революция разразилась не потому, что ее породили заговорщики или агенты иностранных держав. Она была социальным землетрясением, ураганом, цунами, которые никто никакими призывами вызвать не может. Октябрь возник в силу внутренней логики развития событий, когда множество источников народного недовольства слились в единый, всепоглощающий поток. И трактовать его как продукт заговора по меньшей мере странно. Если это было так, то почему за короткое время в гигантской стране вместо прежней власти установилась новая власть и почему эту власть народ России не только поддержал, но с оружием в руках отстоял в гражданской войне?

Критики «октябрьского переворота» почему-то «забывают» о том глубочайшем кризисе, в который ввергли Россию царская монархия и заменившее ее Временное правительство. Завороженная лозунгом: «войны до победного конца», власть не хотела замечать реальные нужды народа. Забывают критики и о самораспаде монархии накануне революции, о чем прямо свидетельствуют факты

---

* Опубликовано: Московские новости, № 21, 1-7 июня 2007; Альтернативы, 2007, №3, сс. 6-12.

бесконечных интриг и конфликтов внутри царского двора, военные поражения на фронте, наконец, прямое отречение от власти самодержца и главнокомандующего российской армии Николая Второго. Бесплодным оказалось и заменившее монархию буржуазное правительство, не сумевшее решить главные проблемы того времени – остановить войну и дать землю крестьянам.

Октябрь был кульминацией Великой русской социальной революции XX века. Ее лидерами стали революционные социал-демократы, раньше других осознавшие нужды и чаяния простых людей, те острейшие проблемы, в решении которых нуждалось российское общество на рубеже веков. Главную роль среди них, конечно, сыграли Владимир Ульянов-Ленин и его ближайшие соратники.

Никто из вождей Октября не был безгрешным. Но неверно как обожествлять, так и демонизировать их. Возводимые на них сегодня злобные наветы не имеют под собой реальных оснований. Никому, кроме своих революционных идеалов, они не служили. Никакие земные соблазны, вроде денег и прочих атрибутов обывательского благополучия, для них не имели значения. Свою жизнь они мерили самой высокой меркой беззаветного служения свободе и счастью угнетенных и обездоленных.

Революции не сводятся к насилию

Октябрьскую революцию нередко называют «насильственным переворотом». Но сам «переворот» в Петрограде прошел почти без человеческих жертв. Не являясь сторонниками насилия, мы в то же время сознаем его неизбежность на определенной стадии исторического развития, связанного с наличием классовых и национальных антагонизмов. Да, революции во многом сопряжены с насилием, которое, например, наглядно проявилось в буржуазных революциях Нидерландов, Англии, Франции и т. д. Как известно, отказ от рабства в Америке сопровождался самой кровопролитной в XIX веке Гражданской войной. В России закат феодализма также сопровождался войнами и революциями.

При этом подобные явления были вызваны к жизни не кознями политических интриганов, а кризисом предыдущей системы и невозможностью решить застарелые проблемы эволюционным путем. *К насильственной революции прибегают в особых условиях, когда ослепленные жадой собственного обогащения и удержанием своих привилегий господствующие классы пренебрегают благополучием народа. Тогда у неимущих классов не остается другого выхода, кроме как брать свою судьбу в собственные руки. Таков главный урок Великой русской революции XX столетия.*

Вместе с тем, социальная революция не сводится к насилию, тем более – вооруженному: ее конечная цель – создание нового мира, создание лучших условий для жизни всех людей, а не только верхов общества. В этом смысле такие революции действительно являются локомотивами истории, ускоряющими ее прогресс.

Что дала Октябрьская революция

В истории разных стран всегда было множество выступлений трудящихся против капитализма. Но только у нас они приняли столь далеко идущий характер. Это сделало Россию XX века эпицентром мирового развития, где скрестились все основные проблемы тогдашнего мира, где решался исход основной болезни капитализма – противостояния труда и капитала. Только у русских рабочих хватило воли и решимости найти выход из этого противостояния – не только свергнуть капитализм, но и начать переход к более прогрессивной социальной системе – социализму.

Октябрьская революция вслед за Парижской Коммуной подняла к власти низы общества: рабочих, крестьян и выражавшую их интересы интеллигенцию. Она утвердила Советы как наиболее демократическую форму политической власти, давшую измученному войной народу долгожданные мир, землю и возможность национального самоопределения. Подняв к социальному творчеству миллионы трудящихся, она наглядно показала, что не только «элита» способна быть субъектом и демиургом истории.

В результате Октябрьской революции в мире появились две социально противоположные системы, во многом определившие ход последующего развития человечества. Благодаря влиянию Октября возникло национально-освободительное движение, началось реформирование самой системы капитализма. Под воздействием русской революции произошел распад колониальных империй, полное крушение давно изживших себя монархических режимов.

Октябрьская революция выдвинула наднациональную и надконфессиональную объединительную идею – идею социального освобождения и справедливости. На ее основе впервые в истории возник добровольный союз равноправных народов – СССР. Идеи и начинания Октября были созвучны целям и смыслу жизни многих титанов науки и искусства – Тимирязева и Вернадского, Платонова и Маяковского, Шолохова и Эйзенштейна. Заложенную Октябрем траекторию движения к социалистическому будущему в свое время активно поддерживали выдающиеся деятели XX века: Бернард Шоу и Пикассо, Эйнштейн и Циолковский.

Советская история была разной

Октябрь положил начало советской истории. Она не была движением по гладкому Невскому проспекту. В ней было все: и великие достижения и страшные трагедии. Мы хорошо знаем, что после мирного перехода власти к трудящимся в большинстве губерний России началась кровопролитная Гражданская война, сопровождавшаяся внешней интервенцией, «белым» и «красным» террором.

Не имевшая соответствующего исторического опыта, советская власть, естественно, делала много ошибок. В частности, такой ошибкой была политика «военного коммунизма», вызвавшая общенациональный кризис. Заслугой

большевиков был решительный отказ от нее и сознательный переход к Новой экономической политике – первой исторической модели успешного соединения начал социализма и капитализма, многие черты которой были позднее воспроизведены в рамках развития некоторых европейских стран и современного Китая. НЭП позволил в кратчайшие сроки залечить раны войны и поднять экономику России до предвоенного уровня.

Опираясь на опыт и значение НЭПа, Ленин разработал план дальнейшего развития советского государства, включавший в себя радикальные экономические и политические преобразования в стране. Эти преобразования были, прежде всего ориентированы на прорывы в развитии энергетики, культуры и образования – сфер, ставших определяющими не только в XX, но и в XXI веке. Эти преобразования предполагали демократизацию политической системы путем привлечения рабочих к управлению государством, обновление партии, включавшее смещение с поста генсека И. Сталина, проявившего уже тогда свою непопулярность, грубость и злоупотребление властью.

Однако этим намерениям не суждено было сбыться. Сложившийся после смерти Ленина властный режим, признавая социализм в качестве своей цели, делал многое, что ей противоречило. Так, были полностью нарушены политические свободы граждан, провозглашенные Октябрем. Непомерной оказалась цена, заплаченная за проведение индустриализации и насильственной коллективизации. В итоге, народовластие первых лет революции переродилось в господство бюрократии и ее вождя И. Сталина. Мы считаем преступлением массовые сталинские репрессии, нарушение прав человека и целых народов в СССР. Все это дискредитировало идеалы революции и социализма.

Сознавая данные факты, мы в то же время не приемлем наукообразной лжи и односторонней отупляющей пропаганды по отношению ко всей советской истории. Эта история была разной: в ней боролись, сменяя друг друга, демократическая и бюрократическая тенденции. Так, на смену нэповской свободе пришел сталинский тоталитаризм, который, в свою очередь, сменился хрущевской «оттепелью». Позднее брежневский авторитаризм сменила перестройка, провозгласившая своей целью создание гуманного демократического социализма.

История любой страны не является бесспорной. Жестокости британских и французских колониальных войн, рабовладение в США едва ли были лучше советского ГУЛага. Однако это не исключило социальных и культурных достижений в этих странах. Почему же следует отказывать в подобных достижениях советскому народу, одержавшему великую победу над фашизмом, создавшему неповторимую культуру и литературу, доступную систему социальной защиты населения, первому проложившему дорогу в космос? Нельзя забывать, что Октябрь породил невиданную ранее творческую энергию массового создания нового общества, воплотил в жизнь многие идеи интернационализма, приобщил прежние низы российского общества к высотам национальной и мировой культуры. Нельзя вычеркнуть из советской истории и энтузиазм масс, проявившийся в овладении новейшими достижениями науки и

техники. В нем наглядно проявился революционный романтизм и героизм миллионов советских людей.

Почему пала советская модель

Следует отметить, что у нас разные взгляды на природу общественного строя, сложившегося в СССР, но мы сходимся в том, что пренебрежение или отказ от рожденных Октябрем принципов народовластия, интернационализма, справедливости и гуманизма рано или поздно приводит общество, строящее социализм, к катастрофе. Именно это и произошло в Советском Союзе.

Сковывание творческой инициативы людей в условиях тоталитарного режима резко ограничивало возможности роста советской экономики. Дефицит товаров был характерной ее чертой. В результате нам не удалось поднять благосостояние трудящихся до уровня развитых стран мира, что послужило одной из причин крушения советского строя. Вторая важнейшая причина – отсутствие в стране реальной экономической и политической демократии, что стало особенно нетерпимым в условиях разветвления в мире технологической и информационной революции. Следствием всего этого стало полное отчуждение бюрократической власти от трудящихся. Попытка преодолеть это отчуждение в ходе перестройки не дала нужного результата. В итоге падение КПСС и советской власти стало реальностью, чем и воспользовались политические силы, распустившие СССР и направившие Россию по пути становления дикого олигархического капитализма с его массовой безработицей, падением жизненного уровня народа, глубоким социальным расслоением общества, расцветом национализма и ростом преступности.

Падение советской модели общества не означает ложность идеалов Октября. Как христианские идеи не ответственны за практику инквизиции, так сталинский тоталитаризм не рушит идеалы революции. Историческое дело социализма не сразу делается. Уже появилось новое поколение молодежи которое, не принимает капитализм как систему. Есть все основания надеяться, что оно сумеет вдохнуть новую жизнь в идеалы Октябрьской революции.

От чего зависит величие современной России

Идеи Октябрьской революции объединили не только пролетарских интернационалистов, но и сторонников укрепления и развития российской державы. Они открыли дорогу тем, кто хотел нести национальную культуру России на ее окраины, в другие страны, кто, разделяя патриотические чувства, был готов защищать советскую страну от возможного агрессора. Силу этого чувства наглядно проявила Великая Отечественная война, защитившая суверенитет СССР и завоевания Октября.

Октябрьская революция показала величие духа российского народа, предложившего альтернативный капитализму путь развития страны. Третирование ее как заговора экстремистских сил опасно еще и потому, что оно льет воду на мельницу

антироссийской трактовки истории, согласно которой своей непредсказуемостью Россия якобы таит в себе неизменную угрозу миру. От России, утверждают известные круги, следует ждать одних неприятностей, а потому ее надо держать в ежовых рукавицах, контролируя и используя ее природные запасы, энергетические и интеллектуальные ресурсы.

Современная Россия должна трезво оценивать подобные провокационные заявления и твердо идти свои курсом. Величие России состоит не в слепом копировании зарубежных образцов, тем более не в национальной кичливости по отношению к другим народам, а в опоре на таланты и творческие силы своего народа, в глубоком усвоении знаний и опыта, выработанных мировой цивилизацией и культурой.

Только преодолев бедность и глубокое социальное расслоение россиян, качественно улучшив жизнь своих граждан, расширив на деле их социальные и демократические права, взяв все лучшее из своего исторического прошлого, Россия сможет стать вновь сильной державой, с которой будут вынуждены считаться ее противники.

***

Историческое значение Октября трудно переоценить. Его положительные последствия очевидны. Треть человечества прошла часть своего пути по проложенной им магистрали. Многие страны продолжают это движение сегодня, извлекая уроки из поражений и трагедий прошлого. Октябрь доказал, что иной, более справедливый мир возможен. К нему сегодня стремятся разные социальные и политические силы, страны и народы. Об этом же говорит новая волна революционных преобразований, особенно сильно проявившаяся в ряде стран Латинской Америки и Азии.

Октябрьская революция была и остается нашей судьбой, и мы не можем отказаться от нее как важнейшей части истории России. Ошибок хватало всегда и везде, не миновали их и великие революции прошлого. Однако праздничные даты этих революций отмечаются во всех странах, в том числе на государственном уровне. Только в России этого нет. В ней продолжается очернение ее революционного прошлого.

В канун 90-летия Октябрьской революции мы поднимаем свой голос против такой практики. Нужно вернуть народу его революционный праздник и правду об Октябре. Нельзя забывать, что мы принадлежим к стране, в истории которой была своя Великая революция. Ею можно и нужно гордиться.

Арсланов В. Г., д-р искусствоведения, профессор
Багатурия Г. А., д-р философских наук, профессор
Бузгалин А. В., д-р экономических наук, профессор
Воейков М. И., д-р экономических наук, профессор
Воробьев А. И., академик РАН

Галкин А. А., д-р исторических наук, профессор
Дзарасов С. С., д-р экономических наук, профессор
Истягин Л. Г., д-р исторических наук.
Келле В. Ж., д-р философских наук, профессор
Колганов А. И., д-р экономических наук.
Логинов В. Т., д-р исторических наук, профессор
Медведев Р. А., д-р исторических наук.
Рудык Э. Н., д-р экономических наук, профессор
Серебрякова З. Л., д-р исторических наук.
Славин Б. Ф., д-р философских наук, профессор
Смолин О. Н., д-р философских наук, депутат Государственной Думы
Шатров М. Ф., драматург

Великая Русская революция: от Февраля к Октябрю (Круглый стол, посвященный 90-летию Февральской революции 1917 г.)*

Бузгалин А. В., доктор экономических наук, профессор (МГУ).

Тема, которую нам придется обсудить в рамках данного семинара, очень сложна и многопланова, и поэтому я предлагаю рассмотреть лишь несколько принципиально значительных вопросов.

Вопрос первый. Насколько мы считаем ушедшими или же не ушедшими в прошлое задачи буржуазно-демократической революции, которое формирует традиционные механизмы гражданского общества, представительную демократию, социальную рыночную экономику (такие требования, как 8-часовой рабочий день, рабочий контроль на предприятиях, являлись, наряду с другими, требованиями февральской революции). Насколько мы считаем эти задачи уходящими в прошлое в условиях XXI века, 90 лет спустя после Февральской революции и 2-4 столетия после революций в Нидерландах и других странах Западной Европы? Не является ли

---

* Опубликовано: Альтернативы, 2007, № 2, сс. 4-30.

закономерностью для буржуазной системы отрицание своих собственных генетических основ и стремление подорвать не только свободную конкуренцию, о чем писал В. И. Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», но и некоторые фундаментальные черты социально-политической системы? Является ли наступление в XXI веке на демократические завоевания правилом только для относительно отсталых стран, или для стран со средним уровнем развития (Россия здесь один из грустных примеров), или же это правило и для развитых стран, учитывая имперские тенденции в США? Или эта угроза вообще не актуальна? Т. е. не можем ли мы сформулировать в качестве гипотезы наличие угрозы вырождения основ буржуазно-демократических свобод и некоторых минимальных социальных завоеваний в экономике – постоянного дамоклова меча, висящего над буржуазной системой? Можно ли сказать, что единственным условием сохранения этих механизмов является постоянное, активное давление альтернативных буржуазии сил, будь то силы внутри страны – профсоюзы, социально-политические движения, или глобальные альтернативные силы сопротивления?

Второй вопрос. Является ли тенденция перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую устойчивой или это случайность? В России она проявила себя достаточно четко. Есть и другие примеры – Куба, Чили времен С. Альенде, в меньшей степени другие страны. Можно ли считать, что и в условиях позднего, зрелого капитализма буржуазно-демократические революции будут вызывать этот порыв продвигаться к социализму?

Третий вопрос. Должна ли Россия, чтобы преодолеть тенденции сырьевой ориентации, коррупции, политического авторитаризма, пройти через радикальные буржуазно-демократические и социальные преобразования, которые на самом деле могут носить характер радикальной смены институтов, не будучи революцией в привычном варианте (штурм, насилие). Или иначе: насколько актуальны для России «оранжевые», «цветные» революции, о которых все говорят?

Логинов В. Т., доктор исторических наук, профессор (Горбачев-Фонд).

Видимо, пора уже признать, что Вторая русская революция, юбилей которой мы отмечаем, – это (как и Первая революция 1905–1907 годов) длительный процесс, занявший около четырех лет: 1917–1921 годы. Правы были и Деникин в своей «Истории Русской смуты», и Милюков – в «Истории русской революции», когда они рассматривали этот период как неразрывную цепь взаимосвязанных тенденций и событий. А посему и столь модная сегодня постановка вопроса: а нельзя ли было остановиться на Феврале? – звучит, мягко выражаясь, наивно.

За февралем следовали март-апрель, июнь-июль, август-октябрь. И эта цепь политических, правительственных кризисов была неизбежна. Ибо та гигантская революционная волна, которая прокатилась по России, не могла остановиться, не достигнув своей цели – мира, хлеба, земли. И чем больше призывов к «терпению», чем больше оттяжек и отсрочек выстраивалось на ее пути, тем яростнее и ожесточеннее становился напор «снизу».

А стремительность этого процесса еще более ускорялась тем, что в давнем, вековом «диалоге» между властью и народом у народа появилось два новых сильных аргумента: организация и оружие. Более 10 млн. рабочих и крестьян получили в руки винтовки и были выстроены в роты, полки, армии. Именно это и решило исход столь давнего «диалога».

Сегодня не только жеманные гимназистки, но и на вид вполне солидные политики любят говорить о «нежелательности» революции. С таким же успехом можно говорить о нежелательности землетрясений или цунами.

Происхождение подобного предрассудка вполне очевидно. Мы плохо учили историю – это факт. Но беда в том, что в политику пошли худшие из учеников – троечники. Раньше они читали книжки: «Ленин – организатор и вождь Октября», «Партия – организатор Октябрьской революции»...

Теперь они смотрят по телевизору на самые разные «цветные революции», участники которых получают спецпитание и поденную оплату в валюте. И складывается ощущение, что народ – это «быдло», которое опытные политики могут повести за собой куда угодно.

Но не надо путать конфликты между властью и различного рода кланами и тусовками с конфликтом между властью и народом. Даже в старых учебниках никогда не писали о том, что революцию 1905 года или 1917 года начинали по указанию каких-либо партий.

Революции вырастают из острейших общенациональных кризисов как взрыв народного возмущения. Это взрыв народного гнева, копившегося десятилетиями и переполнившего через край чашу покорности и долготерпения. И Ленин многократно писал, что никакой класс, никакая партия, а тем более никакая харизматическая личность или группа лиц не могут вызвать подобного рода социального катаклизма.

Оглядывая панораму 1917 года, видишь, как из месяца в месяц нарастают стихийные взрывы. И осенью они выливаются и в рабочие стачки, и в солдатские погромы, и в крестьянское восстание. И во взятие власти местными Советами в сотнях провинциальных городов и поселков.

Крестьянская война, начавшаяся в России в 1902 году, вновь, как и в первую революцию, соединилась с рабочим движением. Но массы этих движений – рабочего и крестьянского – были слишком разнородны. Бунтарско-анархический элемент захлестывал сознательное ядро. И задачу партии Ленин видел в том, чтобы, встав во главе движения, предотвратить общенациональный стихийный взрыв и «канализировать» энергию борьбы на реализацию подлинных народных нужд и интересов.

В сентябре 1917 года Ленин пишет: «События в русской революции... развиваются с такой невероятной быстротой вихря или урагана, что задачей партии никак не может быть ускорение их; напротив, все усилия должны быть направлены на то, чтобы не отстать от событий и поспевать с нашей работой посильного уяснения рабочим и трудящимся перемен в положении и в ходе классовой борьбы».

Ибо рабочий класс «в силу поворота событий от него не зависящего, окажется вынужденным вступить в решительный бой... и завоевать власть» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 147.)

Пора, видимо, расстаться и с другим мифом: о демократическом варианте развития России, ворота которому якобы открыл Февраль, а персонально олицетворял этот вариант Керенский.

1917 год стал годом краха российского либерализма. Пока народ в умах либеральной интеллигенции ассоциировался с образом благостного Платона Каратаева, все было ясно: «Свободу народу! Демократия! Всеобщее, равное и тайное голосование!» Но когда на первых же муниципальных выборах в Питере и Москве кадеты, собиравшие здесь по городской курии III и IV Государственных Дум – более 60%, получили теперь лишь 18-20%, один из вождей российского либерализма Василий Алексеевич Маклаков сказал: «Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала». Ариадна Тыркова, которую называли «единственным мужчиной в кадетском ЦК», прямо заявила, что всеобщее голосование «приведет нас в яму». И уже весной 1917 года Милюков начинает вести переговоры с адмиралом Колчаком, а потом с Корниловым.

А. И. Солженицын считает, что невозможность «мирного» варианта стала очевидной уже в мае 1917-го, Милюков – что в августе, а Ленин считал, что в сентябре. Сам же Александр Федорович Керенский уже летом 17-го пришел к твердому убеждению, что для спасения страны от катастрофы необходима военная диктатура. И в этом смысле он был вполне солидарен с Корниловым. Другое дело, что в силу своего характера, а главное – утратив массовую поддержку, он оказался неспособным сыграть эту роль.

Президент Франсуа Миттеран рассказывал, что когда Керенский эмигрировал во Францию, он поселился на вилле его друзей. И каждое утро он выходил в парк и, гуляя по аллеям, произносил речи, в которых что-то доказывал, в чем-то оправдывался и т.д. и т.п. А 1917 год очень скоро перестал быть временем речей. Он стал временем прямого действия.

Слишком глубоко разделила Россию конфронтация бедных и богатых, власти и народа, чтобы выйти из кризиса мягкими реформистскими методами. Не было уже на это времени. Не было для этого и «пространства»: слишком узка была нейтральная полоса между линиями окопов противоборствующих сторон.

Существует обывательское представление о том, что годы социальных потрясений гигантски расширяют пространство для свободы воли и выбора. Мол, в такие времена – что хочу, то и ворочу. Наоборот, кризисные ситуации, раскалывая страну надвое, сужают коридор возможных решений. И политическим деятелям часто приходится делать совсем не то, что определяется их личными симпатиями или доктринальными соображениями, а то, что диктуется жизненными обстоятельствами. Это относится и к Керенскому, и к Ленину, о котором один из интеллигентных рабочих очень точно сказал: «И ему приходится *держатъ душу за крылья*».

Февраль 1917 года положил начало подлинно народной революции. И она сразу стала приобретать не только антипомещичий, но и антибуржуазный характер. За три года до «Апрельских тезисов» Ленина бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в меморандуме на имя государя подвел итог многолетним размышлениям:

«Особенно благоприятную почву для социальных потрясений», – писал он, – «представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма... Политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно вырождается в социалистическое... Русский простолюдин, крестьянин и рабочий одинаково не ищет политических прав, ему и не нужных и непонятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабрикантов. И дальше этого их вождения не идут».

Слово «социализм» было у всех на устах с начала мировой войны. Ибо тот порядок, который сложился в воюющих европейских странах, – госзаказ, госконтроль, регулирование производства и распределения, таксация цен, карточная система, всеобщая трудовая повинность и т.п., – пресса именovala «военным социализмом».

Это были меры, вынужденные войной. И когда Николай II подписал указ о секвестре Путиловского завода и передаче его в госуправление, он, естественно, ни о каком социализме не думал. И когда при Керенском заводы работали на госзаказ, причем не только военные, но и текстильные, – это воспринималось как норма и не вызывало никаких истерик. Даже крестьяне воспринимали эсеровскую программу «социализации» земли как благую весть.

И лишь когда встал вопрос о том, что контроль за производством и распределением, за банками будут осуществлять не коррумпированные чиновники буржуазного государства, а Совдепы, союзы рабочих, союзы служащих, крестьянские организации, – вот тогда и разгорелись страсти. И совсем не о формах собственности и управления, а о том, способен ли «этот народ» на разумные поступки, или это – «быдло», которое надо держать в узде и стойле.

Эта **антибуржуазность** русской народной революции в эпоху империализма объяснялась тем, что буржуазия оказалась неспособной решить *в интересах народа* те задачи, которые поставила новейшая история.

Эту объективную историческую тенденцию и проявил Октябрь.

«Дело облыжно представлено так», – писал Ленин накануне Октября, – «будто кто-то хочет “ввести” социализм в России одним указом, не считаясь ни с уровнем техники, ни с обилием мелких предприятий, ни с привычками и волей большинства населения».

Все это сплошная ложь. Ничего подобного никто не предлагал. Ни одна партия, ни один человек “вводить социализм” указом не собирался. Речь идет и шла исключительно о таких мерах, которые... вполне одобряются массой бедных, т.е. большинством населения, о таких мерах, которые технически и культурно вполне назрели, доставляют немедленное облегчение жизни бедноте, позволяют ослабить

тягости войны и распределить их равномернее» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 132).

И после Октября, характеризуя политику Советской власти, Ленин с гордостью говорил: «Это не политика большевиков, вообще не политика "партийная", а политика рабочих, солдат и крестьян, т.е. большинства народа... Ведь народ именно той политики желал, которую ведет новое правительство. Оно взяло ее не у большевиков, а у солдат на фронте, у крестьян в деревне и у рабочих в городе» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 36, 37).

Воейков М. И., доктор экономических наук, профессор (Институт экономики РАН)

Главный вопрос всей этой темы и нашей дискуссии состоит в определении характера Русской революции 1917 года. Каким был характер этой революции? Вот капитальный вопрос. В. Т. Логинов в своем творческом и очень интересном докладе в общем-то уклонился от прямого ответа на этот капитальный вопрос. В. Т. Логинов говорит, что это была народная революция. Тем самым как бы и не признается ее социалистический характер. Уже это хорошо. Уже это есть некоторое продвижение.

Относительно Февральской и Октябрьской революции. До сих пор у нас господствует стандартный советский штамп, заложенный еще «Кратким курсом Истории ВКП(б)», что в феврале была буржуазно-демократическая революция, а в октябре случилась социалистическая. Мне представляется такая конструкция совершенно нелепой. Не может капитализм за 7–8 месяцев так мощно развиваться, что тут же подготовит общество к социализму. В мировой исторической литературе давно уже говорят и пишут об одной Русской революции 1917 года. Такая же оценка этой революции есть у Троцкого, Милюкова, Мартова и других очевидцев и участников. И я рад, что наконец-то отечественный профессиональный историк сказал, что это была одна революция. После издания «Краткого курса» у нас разделили революцию на две противоположные революции: Февральская революция была буржуазной, но через 7 месяцев она стала социалистической. С точки зрения материалистического понимания истории это абсурд.

Конечно, можно отказаться от материалистического понимания истории. Но тогда нужно объяснить – как нам все же надлежит понимать историю. Нельзя же на веру принимать любые выдумки любого начальства по этому вопросу. Нельзя верить в самоназвания.

Теперь – что касается термина «народная революция», который иной раз действительно употреблял Ленин. Я думаю, что для Ленина проблема характера революции составляла большую задачу. Он бился над этим вопросом. Он был марксистским догматиком в хорошем смысле слова, то есть он не мог просто взять и отбросить марксизм. Ведь согласно марксистской теории в экономически и культурно отсталой стране сначала должна произойти буржуазная революция и только после целой эпохи буржуазного развития можно говорить о построении социалистического общества. Отбросить это положение, значит, отбросить марксизм. Ленин не мог так

сделать, он не мог не быть догматиком – он был марксистом. Вот Сталин не был догматиком и строил всякие теории, которые ему нужны были в конкретный момент времени. Часто эти теории никакого отношения, кроме нескольких фраз, к марксизму не имели.

Вспомним споры большевиков с меньшевиками по поводу характера русской революции 1917 года. Меньшевики считали, что в отсталой стране социалистическая революция невозможна. Ленин в общем и целом был согласен с этим и до 1917 г. говорил о буржуазном характере предстоящей революции. С меньшевиками же спорил по другому поводу. Те заявляли, что поскольку революция не социалистическая, то и власть социалистическим партиям брать не нужно. Ленин же считал, что без пролетарской партии буржуазия все равно ничего не сделает, а лишь пойдет на соглашение с царизмом и самодержавием. Сделать революцию и тем самым вывести страну из кризиса сможет, по мысли Ленина, только рабочая партия. Мысль, надо сказать, верная.

Трагедия и большевиков и меньшевиков состояла в том, что рабочих в стране было крайне мало (буквально проценты), социальная база социал-демократической партии была ничтожна. Ленину нужно было что-то делать, как-то объяснить захват власти пролетарской, социалистической партией в стране, которая к социализму была вовсе не готова. В теоретическом отношении Ленин оказался в тупике. В «Апрельских тезисах» 1917 года о социалистической революции речь не шла. Ленин по этому вопросу испытывал, видимо, наибольшее беспокойство. Ведь у него была марксистская теоретическая схема, по которой революция должна носить буржуазный характер.

Перед Лениным стояла проблема – как использовать марксистскую теорию. Ведь по этой теории новое общество должно строиться планомерно и сознательно, а не спонтанно, как это происходит сейчас, когда «невидимая рука рынка все сделает сама». Капитализм – спонтанно развивающееся общество, социализм – сознательно организованное. В этом смысл теории марксизма. Где-то Бердяев писал, что, когда в России в XIX в. появился марксизм, интеллигенция вздохнула – появилось научное объяснение исторического процесса. Поэтому для Ленина вопросы теории были очень важны. Поэтому он и не спешил объявлять революцию 1917 года социалистической. Так, выступая на III-ем Конгрессе Коминтерна в июле 1921 года, говорил: «Крестьяне безусловно выиграли в России от революции больше, чем рабочий класс. В этом не может быть никакого сомнения. С теоретической точки зрения это, разумеется, показывает, что наша революция, в известной степени, была буржуазной». И это через 4 года после самой революции Ленин не решает ее назвать социалистической в точном смысле этого слова. Таких высказываний у Ленина было много, и отсюда использование термина «народная революция» как стремление уйти от сугубо теоретических положений.

Любая революция по сути дела есть народная революция, а иначе это переворот. Ни у Ленина, ни у Троцкого, ни у других большевистских лидеров нет четкой трактовки характера революции. Такое четкое определение дал «Краткий курс

Истории ВКП(б)». Если же пользоваться определением «народная революция», то непонятно, какой после этой революции получился общественный строй.

Характерен в этом смысле пример с Н. И. Бухариным, который вопрос о характере революции рассматривал в целом ряде статей и выступлений середины 20-х годов. Так вот, Бухарин, не ведая о своей собственной судьбе в конце 30-х годов, в позе победителя и «любимца партии» громил в 1926 году ошибочную, как он думал, концепцию меньшевизма, которая исходила из буржуазного характера революции 1917 года. Бухарин рассматривает по этому вопросу взгляды К. Каутского, О. Бауэра, Г. Плеханова, П. Маслова, Д. Далина и др. и заключает, что лучшие меньшевистские идеологи еще в начале революции «давали характеристику этой революции как революции необходимо и неизбежно буржуазной». Аргументация «лучших меньшевистских идеологов», как пишет Бухарин, сводилась к тому, что для осуществления социализма нужна определенная степень развития индустрии и зрелость рабочего класса, а в России ни того, ни другого не было. Стало быть, по их мнению, большевики послужат лишь мостом для какого-нибудь цезаря, бонапарта или кого-нибудь в том же роде, рассуждает Бухарин. И тут же все это он объявляет «клеветническим итогом», ибо никакого цезаря или бонапарта Бухарин среди своей партии в 1926 г. еще не разглядел. Бухарин стоял на такой позиции: если следовать логике меньшевиков о том, что страна не готова к социализму, то получается, что диктатура пролетариата – затея опасная и для самих большевиков. По этой логике, пишет Бухарин, можно лишь «заставить партию, очертя голову, броситься в эту авантюру, но путного из этого, как и из всякой авантюры, ничего не выйдет: партию ждет или неминуемый разгром или неминуемая гибель по истечению короткого срока ее господства». И несколько ниже еще очень меткие слова писал Бухарин, иронизируя над сомнениями меньшевиков и левых оппозиционеров, что мол, строительство социализма в отсталых условиях России поведет лишь «к вырождению нового режима в безответственный режим бюрократического, аппаратного нажима, политического террора, к отрыву масс и в конце концов к вырождению самой партии».

Что на это можно сказать сегодня? А то, что очень правильно писал Бухарин, как в воду глядел. Конечно, в 1926 г. Бухарин вполне мог так говорить и насмехаться над своими оппонентами. Но сегодня мы можем констатировать, что оппоненты Бухарина оказались правы, а его ирония 1926 года превратилась в трагедию. Все, как говорил Бухарин, так и получилось. Партия оказалась разгромленной в 1937 г., а сам Бухарин погиб. Значит, сегодня и Бухарин сказал бы о буржуазном характере русской революции. Это полностью вытекает из логики его рассуждений. Значит, и сегодня большевик Бухарин повторил бы общие тезисы марксизма.

Тем самым мы видим, что научные категории и понятия, которые вырабатываются социальной наукой на протяжении столетий, в том числе и марксизмом, нельзя выбрасывать и заменять их общими словами. Общие слова типа «народная революция», «смешанное общество» не дают углубленного понимания ни характера революции, ни характера, возникшего после революции общества.

Если революция была социалистической и общественный строй был социалистическим, куда же все это делось, кто же его предал? Во время Ленина был переходный период, не было еще никакого социалистического общества, только Сталин в середине 30-х годов провозгласил построенный социализм «в основном». Но что у нас было построено – вот вопрос? Как-то по ТВ увидел рекламу: «Хватит париться на работе. Становитесь рантье!». Это антибуржуазная реклама. Буржуазные ценности – это экономный, бережливый труд. Как оказалось, даже сегодня у нас этих ценностей нет, мы еще не поднялись до буржуазно-демократического состояния. В буржуазном обществе, которое противостоит феодализму (и который у нас еще не преодолен окончательно), труд является ценностью. У нас этого нет, люди не хотят работать, а хорошо работать, тем более.

Сейчас стал моден так называемый «цивилизационный» подход. На мой взгляд, это квазинаука, это убийство науки. Если марксизм плох, то представьте другую науку, которая давала бы лучшее понимание истории. «Цивилизационный» подход каждую деревню превращает в особую цивилизацию, со своими законами общественного развития. Такой подход убивает социальную науку, ибо тогда для каждой деревни нужно делать свою, особую науку.

Итак, взамен марксизма никто пока еще не предложил ничего лучшего, никакой другой подход не выясняет общие законы общественного развития, которые объясняют развитие каждой страны. Революция в России в 1917 году, это повтор революций, произошедших во всех странах Западной Европы. Не может быть такой ситуации, что в европейских странах были буржуазные революции, а в России, наиболее отсталой стране, сразу случилась социалистическая революция. С научной точки зрения это нелепо.

Колганов А. И., доктор экономических наук (МГУ).

Мне очень понравился тон, который задал нашей дискуссии В. Т. Логинов, и то, как отреагировал на это М. И. Воейков. Логинов поставил вопрос без оглядки на те шаблоны, которых мы придерживались раньше, а Воейков начал ставить вопрос на той отметке, на которой Логинов закончил.

Относительно идей Троцкого о перманентной революции. Когда ставится вопрос о непрерывном развитии революции от буржуазно-демократического к социалистическому этапу, это не от глупости или желания соорудить красивую доктрину. Этот вопрос поставила жизнь. Когда в относительно отсталой стране совершается буржуазно-демократическая революция, которая решает демократические задачи, то есть очень сильная угроза перерастания этой революции в социалистическую, и это именно угроза, т.к. для социалистической партии такое развитие событий, само по себе, создает тяжелейшие проблемы. О такой угрозе в свое время, еще в 50-е гг. XIX в., писал Ф. Энгельс: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам

общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28, С. 490–491.). А как же быть в условиях такой угрозы?

Первоначальная постановка Лениным вопроса была такой. Никакого социализма, никакой социализм мы сейчас строить не беремся. Наша задача – демократические цели, мы ими и ограничимся. Никакого непосредственного внедрения социализма, это не наша задача, она не стоит в повестке дня. Она может встать в повестку дня, если произойдет революция на Западе, если они всей своей мощью нам помогут. Тогда еще можно будет говорить о социализме в России. Без этого вопрос снимается с повестки дня. Таков был подход в апреле и даже позже. Потом пришел Октябрь, и что стали делать большевики? Ленин бросает «апрельские тезисы» в корзинку и начинает проводить то самое, от чего предостерегал Энгельс, и о чем 10 раз на дню говорилось в печати между февралем и октябрём. – Почему? По глупости? Нет – в силу обстоятельств.

Что это были за обстоятельства? Нужно было решать демократические задачи, не выходящие за рамки буржуазной революции. А кто их будет решать? Буржуазия не хочет и не может. Значит, ее нужно отстранять. Кто придет к власти: мелкая буржуазия, крестьянство? Они оказались недостаточно организованы, чтобы взять власть в крупной стране и эту власть осуществить. Имея большинство в стране по результатам голосования в Учредительное собрание, они оказались неспособными взять власть. А ведь эсеры не рассуждали как меньшевики: раз революция буржуазная, то и власть брать не будем. Но власть им не досталась, а досталась большевикам, т.к. они опирались хотя и на малый в масштабах России социальный слой, но слой весьма организованный, в отличие от всех остальных, на наемных рабочих, на фабрично-заводской пролетариат. Эта прослойка небольшая, но самая организованная, сознательная, культурная среди массы остальных слоев. Опираясь на нее, большевики смогли взять власть. Но, раз они опирались на этот слой, значит, они должны выражать его интересы.

В чем выражались интересы рабочего класса в области культурного строительства? Пролетарская революция по классовому содержанию есть революция антибуржуазная. Никакой речи, чтобы ограничить себя буржуазными рамками, не могло быть. Более того, большевики вынуждены были пойти дальше, чем пошел рабочий класс. Если между февралем и октябрём ставился вопрос, чтобы не отстать от народного движения, то после октября Ленин говорит – мы все время забегаем вперед, мы делаем то, что осознано нами, но не осознано массами, потому, что

события толкают нас в этом направлении. Каким образом можно организовать экономику в стране без буржуазии и против буржуазии? Методом свободы частного предпринимательства? Что делать? Тогда приходится вспомнить о несвоевременных социалистических лозунгах и пытаться их осуществить.

В 1921–1922 гг. Ленин начинает понимать, что, если продолжать двигаться в этом направлении, то крах неизбежен, т.к. логика событий, обстоятельств толкает на путь, который перспективы не имеет, и что нужно возвращаться к программе апреля 1917 г. Но каким путем можно разрешить противоречие, которое заложено в «Апрельских тезисах», Ленин не знает, и его статьи 1921–1922 гг. действительного ответа на этот вопрос не дают. Он мучительно его ищет, и хотя ответы дает, но они не являются решением. Мы возвращаемся на позиции демократической революции и ограничиваем себя буржуазным культурничеством, при этом власть в руках пролетариата, буржуазия от власти отстранена, ее мы к власти не допустим, и делить с ней власть не будем. Мы заключаем компромисс с крестьянством, но к власти не допускаем. В 1921 г., на X съезде Ленин назвал нашу власть рабоче-крестьянской, а Бухарин удивился – «какой-какой?». И в следующем своем выступлении Ленин сказал, что он не прав, а Бухарин был прав. Государство у нас рабочее. Компромиссов в вопросах власти нет. Что же может пролетариат, составляющий ничтожное меньшинство в стране, какой социализм можно строить на такой основе? Значит, на деле будем строить культурное буржуазное общество, но с пролетарской властью.

А как это может быть? Мы будем решать буржуазные задачи, будем допускать буржуазию к хозяйственному строительству, дадим простор мелкобуржуазному обороту – это в экономике. А в политике незначительный социальный слой, который никакого отношения к предпринимательству не имеет, берет в свои руки политическую власть. Большинство же тех, кто занимается хозяйственным строительством, отстранены от власти. Из этого получается острейший внутренний социальный конфликт. Вопрос о власти встает снова. Либо мы буржуазные и мелкобуржуазные слои будем силой держать и не пускать, либо они сами свою долю власти потребуют и возьмут. Поэтому Ленин, а затем Бухарин разрабатывают программу развития социализма через госкапитализм. Это чистая авантюра, которая не могла быть реализована, и практика показала, что этот план очень скоро дал сбой.

Воейков прав – Сталин не был доктринером. Он видел, что бухаринская программа не может быть реализована, но не по теоретическим соображениям, а в реальности. Кризис сельскохозяйственных заготовок 1928 г. показал, что крестьянин не хочет идти по предложенному социалистическому пути. Была и другая программа – Троцкого, не очень ясно оформленная. Она заключалась в том, что мелкобуржуазные слои нужно прижать, но не сильно обижать, а ставку делать на развитие самостоятельной инициативы рабочего класса. Теоретически очень красивая программа, но не реальная в условиях советской России. Не было у нас в России

такого и в таком масштабе рабочего класса, чтобы эту программу выполнить. Наш фабрично-заводской пролетариат начала XX-го в. на это не потянул.

Сталин, не будучи доктринером, исходил из реальных позиций: власть должна быть в руках пролетариата, потому что он провел Октябрьскую революцию, которая шла под пролетарскими лозунгами и их нужно сохранить, иначе нет оправдания нашей власти. Строя социализм, мы упираемся в крестьянство, при этом пролетариат слаб. Значит, будем вести хозяйственное строительство, не оглядываясь на социалистические принципы, но лозунги сохраним. Пролетариат на роль руководителя хозяйственного строительства не тянет, а буржуазию к руководству мы не допустим. Остается единственный слой, на который можно опереться и который ходом событий был вытолкнут на поверхность – бюрократия. Значит, будем строить государственно-бюрократическое хозяйство. Централизуем в руках бюрократии все рычаги власти и будем ими оперировать, все будем делать сами из центра: проводить индустриализацию, строить механизированное сельское хозяйство.

Это – бонапартистская политика лавирования на основе существовавших тогда классовых противоречий. Как тактика она себя оправдала, но как длительная историческая перспектива она оказалась безуспешной и должна была быть заменена чем-то другим.

Славин Б. Ф., доктор философских наук, профессор (Горбачев-Фонд).

Все, о чем мы сейчас говорим, в определенной степени уже обсуждалось на предыдущих семинарах: опять поднят вопрос о характере революции 1917 года и ее этапах, о том, был ли социализм в СССР, о необходимости сталинского тоталитаризма и т.д. и т.п. «Новым» и неожиданным словом для меня оказалось утверждение о том, что, оказывается, Сталин был творческим человеком, а Ленин доктринером.

Как говорится, «дальше ехать некуда». С этим утверждением можно согласиться только в одном случае: если под «творчеством» понимать не теорию НЭПа, с которой выступил Ленин, а сталинский возврат в начале 30-х гг. от НЭПа к политике «военного коммунизма», не ленинскую идею постепенной добровольной кооперации на селе, а «большой скачок», связанный со сталинской коллективизацией и раскулачиванием деревни, наконец, не проект дебюрократизации советского государства, начертанный в последние годы жизни Ленина, а создание Сталиным тоталитарной системы, с ее незаконными массовыми репрессиями и соответствующей теорией обострения классовой борьбы в условиях построения социализма.

Утверждение о якобы творческой натуре Сталина вызывает в памяти творчество Воланда. Отличие только в том, что Воланд в писательском воображении Михаила Булгакова применял метод «секир башка» лишь к отдельным нехорошим персонажам романа «Мастер и Маргарита», а Сталин пользовался им в реальной действительности применительно к сотням тысяч невинных людей, виноватых только в том, что они не соглашались с «творческим» гением «отца всех народов».

Я думаю, что такая «новаторская» трактовка Сталина есть прямое логическое следствие ошибочного понимания революции 1917 года и всей советской истории со стороны наших докладчиков, и особенно М. Воейкова, не желающего замечать определенных социалистических тенденций ни в Октябрьской революции, ни в советской действительности, которая для него есть почему-то наглядный образец «буржуазного общества», ни больше, ни меньше. Однако об этом я уже подробно говорил в соответствующей статье в «Альтернативах» и отсылаю к ней интересующихся данными вопросами.

Однако вернемся к проблеме Февральской революции. Какая это была революция? Безусловно, она была буржуазно-демократической революцией на российской почве, ставшей составной частью Великой русской революции начала XX века наряду с революцией 1905 года и Октябрьской революцией. Как известно, последняя не только потрясла, но и перевернула мир. И суть этого переворота заключалась в том, что он впервые в истории привел к власти низы общества в лице таких классов, как рабочие и крестьяне. Февраль проложил дорогу к Октябрю, свергнув самодержавие и дав демократию России.

По мнению историка Т. Шанина, Великая русская революция длилась двадцать лет, начиная с 1902 года и кончая 1922 годом. Можно спорить о точности этих исторических рамок, но главное здесь в том, что русскую революцию нельзя мыслить только как некое единовременное явление, приуроченное к той или иной дате, хотя конкретные сроки и даты в революции тоже играют важную роль. Шанин считает русскую революцию первой революцией «развивающейся страны», каковой, по его мнению, была Россия в начале XX века, то есть страны «модернизирующейся» в современном понимании этого слова. Однако не это дискуссионное понимание для меня важно в книгах Шанина, а то, что он рассматривает русскую революцию как непрерывный процесс революционного творчества русского народа, стремящегося снизу решить проблемы, которые верхи решать не хотели.

Прежде всего, и главным образом, это «проблема земли», которая после отмены крепостного права превратилась в хроническую, ибо земля, несмотря на развитие капитализма, по-прежнему оставалась у помещиков. Мало того, капитализм усугубил эту проблему, требуя пустить в свободный оборот важнейшую производительную силу страны. Столыпинская реформа была шагом «верхов» в этом направлении, но шагом специфическим, что отмечал и Ленин, отмечая противоречивость этого шага. Дело в том, что в земле нуждалась не только буржуазия, не только деревенские кулаки, в ней, прежде всего, нуждались середняки и бедняки, составлявшие основную массу крестьянства. Они после рабочих и были главными субъектами русской революции. Без земли голод был постоянным бичом России, заставлявшим массы крестьянства периодически подниматься против помещиков: стихийный захват помещичьих земель и «красные петухи» были характерными явлениями русской революции. После отмены крепостного права, сделавшей крестьян свободными, но не давшей им желанной помещичьей земли, революция встала в повестку дня России: вопрос был лишь в том, когда конкретно

она начнется. И она началась сразу после поражения России в русско-японской войне, которая показала слабость и историческую истощенность самодержавия.

Но 1905 год лишь надломил, но не ликвидировал самодержавие, не решил он и земельную проблему. Крестьянские бунты продолжались в России и после 1905 года. Попытки царской жандармерии обвинить революционных интеллигентов в революционных настроениях крестьянства опровергаются характерными словами одного из крестьянских бунтовщиков о том, что никакие призывы и листки интеллигенции не сумели бы поднять мужика на революцию, если бы земля была в его руках. Подобное говорил и Ленин, считая, что Октябрьская революция была бы невозможна, если бы Февральская революция дала мир и землю крестьянам. Но этого не случилось, и потому народ отвернулся от Временного правительства. Говорят, что лидеры меньшевиков в Советах накануне Октября уговаривали Керенского дать землю крестьянам, доказывая, что в противном случае это сделают большевики. Но Керенский их не услышал, чем позднее и поплатился утратой собственной власти.

В итоге, историческое значение Февраля сводится только к одному – ликвидации монархии, которая к тому времени уже начала самораспадаться. Об этом свидетельствуют многочисленные факты: бесконечные интриги и дрязги при царском дворе, частые военные поражения на фронтах первой мировой войны, наконец, самоотречение от власти последнего самодержца и главнокомандующего российской армии безвольного Николая Второго. Достаточно было в феврале 1917 года стихийного толчка вышедших на улицу голодных женщин Петрограда, оставшихся зимой без хлеба, чтобы их поддержали сразу рабочие и недовольные войной солдаты. Главным политическим лозунгом того времени был лозунг: «Долой самодержавие!». Уже в марте он был реализован: самодержавие рухнуло, и на смену ему приходит двоевластие «Временного правительства» и «Советов рабочих и солдатских депутатов». Дальнейшее развитие Февральской революции определяется взаимоотношением этих двух властей, с одной стороны, масс и Временного правительства, с другой.

Тактика Советов и всех их левых фракций, включая большевиков, в этом случае была одна: поддерживать Временное правительство и оказывать на него сильное давление слева. Но Временное правительство в то время фактически продолжало прежний курс самодержавия – война до победного конца. Однако такой курс только усугублял, а не разрешал общественный кризис, обнаженный Февральской революцией. Мало того, он превращал «Советы» и их левые фракции в своеобразных заложников этого курса.

Что касается народных масс, то они были последовательными противниками этого курса. Солдаты и рабочие жаждали окончания войны, а крестьяне – земли. Ни того, ни другого Временное правительство не давало, хотя время от времени и меняло свой персональный состав, освобождаясь от наиболее одиозных фигур типа промонархически настроенного князя Львова и т.п.

После возвращения из эмиграции Владимира Ленина и его знаменитых «Апрельских тезисов», выдвинувших фактически идею перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, происходит раскол в «Советах»: большевики отказываются от своей прежней тактики поддержки Временного правительства и выдвигают прямо противоположный лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству!». Этот лозунг был во многом созвучен требованиям масс, желавших скорейшего окончания войны и радикальной земельной реформы. Отсюда же известное июльское выступление трудящихся против временного правительства под лозунгом «Вся власть Советам!». И хотя «Советы» того периода не удовлетворяли большевиков, они поддержали июльскую демонстрацию, хотя и считали ее преждевременной.

Сознательное возвращение большевиков к лозунгу «Вся власть Советам!» происходит лишь после разгрома корниловского путча, когда рабочие и солдатские массы начинают большевизировать «Советы», заменяя в них меньшевиков на большевиков. Большевизация «Советов» практически означала конец Февральской и начало Октябрьской революции, которая и совершается в ночь с 24-го на 25-е Октября 1917 года взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства. Именно Октябрьская революция сразу делает то, что должна была сделать буржуазная Февральская революция, – даст российскому народу мир и землю. После провозглашения Советской власти первыми ее декретами станут декреты о мире и земле.

В этих декретах было мало социализма, но без их осуществления, как и без демократического этапа революции, двигаться к социализму было нельзя. Во всяком случае, отказывать Октябрю в его социалистическом характере только на основе анализа этих декретов не следует. Что касается социалистической сути Октябрьской революции, то ее определяют, во-первых, рабочие и солдаты, ее совершившие, во-вторых, те декреты и решения Советской власти, которые закладывали социалистический уклад в стране: это и передача власти Советам, и национализация земли, крупных фабрик и заводов, решение национального вопроса, революция в области культуры и многое другое. Социалистическими, по сути своей, были и меры, предложенные Лениным в его Политическом завещании, предполагавшие, помимо качественного развития производительных сил и кооперации, радикальную антибюрократическую реформу Советов и партии, вплоть до снятия с поста генсека И. Сталина за его нелояльность, грубость и злоупотребление властью.

На мой взгляд, нельзя механически связывать социализм только с уровнем технологического развития России начала XX века, как это делают наши докладчики, надо говорить о его связи с уровнем развития производительных сил, достигнутым по миру в целом, в том числе в самых развитых капиталистических странах. Россия в начале XX века являлась лишь частью, лишь своеобразным «слабым звеном» мировой системы капитализма. И это своеобразие состояло в том, что в России острота социальных и национальных противоречий была выше, чем в других странах,

а рабочий класс был более сознательным и более энергичным, чем, например, в США или Англии.

Нельзя забывать, что именно рабочие являются главной составной частью производительных сил капиталистического общества. Прежде всего, от их энергии и сознательности зависит судьба и успех социалистической революции. Рассматривать развитие производительных сил без уровня развития рабочего класса, его организованности и сознательности – это значит воспроизводить сегодня худший вариант «экономического марксизма», которому у нас в свое время отдали свою дань Струве, Плеханов и меньшевики. Замечу, что именно о таком марксизме Маркс говорил, что если это марксизм, то в таком случае я не марксист. Однако подробнее об этом поговорим в другой раз.

Водолазов Г. Г., доктор философских наук, профессор.

Я вижу следующие задачи нашего обсуждения. Попытаться извлечь некоторые уроки из событий Февральской революции для современных деятелей, демократических, гуманистических, социалистических сил, для их теории и практики. Ставя такую задачу, я понимаю, что это не простая операция, так как нужно отдавать себе отчет, что нынешняя ситуация и ситуация февральских и постфевральских событий имеет сходство в стремлении преодолеть недемократические формы, в стремлении к демократизации общества и страны. Так было в феврале 1917 г. и в конце 80-х – начале 90-х гг. Но есть и существенное различие. Недемократическая романовская самодержавная Россия очень отличалась от сталинско-брежневской организации. А демократические устремления социальных сил в России в 80-е – 90-е гг., их социальное содержание очень отличались от того, что мы видели в февральских событиях 1917 г. И, тем не менее, есть некоторое сходство ситуаций, когда можно извлечь некоторые уроки.

Хочу сказать об одном из главных уроков февраля 1917 г. – это оценка его как движения демократического. Ленин писал: Россия сейчас самая свободная страна в мире, нигде нет такого демократического половодья, митинги, демонстрации, Россия опередила всех. Такое демократическое половодье было у нас в 80-е – 90-е гг., такие моменты, как многопартийность, митинги, слом цензуры и т.д., в этом есть некоторое сходство.

С чем это связано и каковы задачи демократических сил? Было и есть искушение приписать это демократическое половодье тем силам, которые сбросили романовское самодержавие, а в наше время тем силам, которые преодолели сталинско-брежневскую организацию. Есть искушение приписать это Временному правительству, и такой точки зрения придерживались меньшевики, эсеры, лидеры тех Советов. Этой точки зрения придерживаются сейчас исследователи либерального толка. У Ленина другая позиция. Демократия в решающий момент складывалась вопреки Временному правительству. Поэтому лозунги Ленина – «Никакого доверия Временному правительству», это чужая власть. Это демократическое половодье благодаря народной самодеятельности. Самоорганизующая сила масс, создающая

союзы, ассоциации, и высшая форма – Советы. Все ленинские статьи этого периода – это гимн Советам. Итак, не благодаря правительству, а благодаря Советам.

Следующий важный шаг – это правильно оценить Советы. Ленин пишет: мы ухватились за Советы, но мы не понимаем их. И главное, что это происходит до сих пор. Сталинско-брежневские Советы исказили их суть и содержание. Следующий ленинский шаг, важный и для нас, это правильно выстроить тактику и стратегию деятельности. Ленин пишет: Советы – это орган общества (сегодня мы сказали бы: гражданского общества), новая форма организации связи с людьми, не на основе принятого закона, а на основе самостоятельности масс. Советы – не просто общественная организация, а организация силы низов, т.е. организация, обладающая властью, т.е. институт гражданского общества. Организованная власть – это правительство, это государство, орган, облеченный насилием. Советы – это новая власть гражданского общества, противостоящая силе исполнительной власти. Советы – это правительство и государство нового типа. Ленин пишет, что это больше, чем демократия, это выше демократии.

У Ленина есть мысль, что демократия это есть господство народа. Советы – это самогосподство, господство над самим собой, это другой тип политической организации общества, это выше, чем демократия. Если Вы хотите развивать, укреплять демократию, а не стремитесь пролезть в парламент, в правительство и пытаться сделать там что-либо (хотя как побочный вариант Ленин это не отрицает), клеймите это правительство и тех, кто делает на него ставку. Укрепляйте силу гражданского общества, низовой демократии, а не рассуждайте о социализме и капитализме. Марксистские законы – это уровень абстрактной теории, которая на конкретном уровне вступает в противоречие.

Значит, у каждой деревни свой закон? Да! Есть законы всеобщие, есть законы конкретные. Ты должен учитывать конкретные обстоятельства деревни, региона, где ты работаешь. Нужно поспешествовать накоплению реальной силы гражданского общества, поддерживать союзы, организации и их высшую форму – Советы, а не разговоры о социализме и капитализме. Главная задача теоретиков в этот период – это выявление и пропаганда сути и значения этих организаций гражданского общества как силы, противостоящей силе правящих кругов. Ленин приводит известный ряд мер, как-то: замена армии вооружением народа, полиции милицией и т.д. Это старые принципы времен Парижской Коммуны, но ведь ничего не получилось? Но это были маяки! Задача теоретиков – выяснить суть и значение этой власти нового типа, вносить в самостоятельность масс (подчас стихийную) научное сознание. Плеханов писал: «Пока история готовит армию революции, наша задача готовить офицеров и унтер офицеров революции».

При сталинско-брежневской организации Советы не стали новым типом государства, они оказались старым типом государства. Сегодня нужно дать новый термин. Стратегия вертикали сверху вниз – это старая форма государства. Задача теоретиков-демократов – противопоставить ей стратегию горизонтали. Развитие силы гражданского общества – это урок Февральской революции.

Пригарин А. А., кандидат экономических наук.

Начну с Апрельской конференции 1917 года. Есть выступление Ленина, есть резолюции конференции. Ленин занимает совершенно четкую позицию. Мы в отсталой стране не можем ставить лозунг непосредственного перехода к социализму, но мы должны делать шаги к социализму всюду, где это возможно. Ленин говорит – смешно с лозунгом социализма приходить в деревню к крестьянству. Но есть сахарный синдикат, почему нельзя его национализировать? Если Вы откроете резолюции съездов и конференций, то увидите, что на протяжении всего лета 1917 г. Временное правительство проваливалось, социалистические требования возрастали. В материалах VI съезда мы видим, что появилось положение о национализации. В статье Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» появляется положение о национализации банков, но при этом не трогать личные вклады, даже до 1 млн. рублей. Говорить, что не ставилась задача перехода к социализму, принципиально неверно. То, что не было четкой социалистической программы перед Октябрем, – верно. Но цепочка шагов к социализму была намечена.

Временных правительств было 4. Когда в апреле Ленин приехал, правительство было чисто буржуазным, никакой демократии оно не ограничивало, ограничивало социалистическое правительство, где сидели министры-социалисты, относящие себя к членам РСДРП(о).

Относительно НЭПа – смешно слышать, что это был возврат к буржуазному обществу. Мы переживали длительный переходный период от буржуазного общества к социалистическому. Какое буржуазное общество было? В частной собственности разрешено было иметь заводы до 20-ти человек, это после денационализации, проведенной в 1922 г. Ленин писал, что из России нэповской мы построим Россию социалистическую, задачи построения социализма не менялись. Очень вольно трактовались и последние письма Ленина, и его известное замечание об изменении точки зрения на социализм, но даже вырванное из контекста, оно ничего подобного не дает. Мы Россию завоевали, мы закончили гражданскую войну, и теперь мы меняем свою точку зрения и должны заняться строительством. Также и его известное положение о том, что социализм есть строй цивилизованных кооператоров.

Еще один очень важный момент. Централизацию власти начал Ленин – «Очередные задачи советской власти», апрель 1918 г. Что представляла собой Россия весной 1918 г.? Неграмотность, нет возможности широкой информации, которая доходила бы до глубинки. Каждый район, каждая деревня управляются по-своему. Ленин говорит о стягивании, о создании вертикали власти. Вторая сторона НЭПа – наряду с допущением буржуазных элементов в розничную торговлю, в промышленность, определены пределы; ужесточение политического режима. Все это делал Ленин, понимая историческую необходимость этого. Поэтому и запрещение меньшевиков, эсеров. Посмотрите на резолюции X съезда в историческом контексте. В этой же резолюции есть положение «О дискуссионных листках», которые поощряются, но без создания фракций.

Сталин был творческим человеком, но волюнтаристом. Он делал головокружительные маневры, отрицая то, что говорил за месяц до этого. Пример – его указания по коллективизации за период от весны 1929 г. по март 1930 г. В моменты перелома роль партии не снижается, а повышается. Так было и в 80-е гг. Когда идет крутой перекося, люди, стоящие наверху, политические течения начинают играть решающую роль. В условиях стабильности это не имеет такого значения. В 1912 г. Ленин тем, кто перестал верить, что революция снова поднимется, указал на Китай, Персию, когда поднимутся целые регионы.

Недавно прочитал Суханова «Записки о революции», ничего более интересного о революции не читал, написано блестяще и в литературном отношении.

Павлов М. Ю., кандидат экономических наук (МГУ).

В начале нашей дискуссии было поставлено несколько вопросов, на один из них мне хотелось бы попытаться ответить.

Закономерно ли происходят революции, закономерно ли, что естественное развитие капитализма подводит к революции? Вот стандартная политическая схема: развитие капитализма доходит до какой-то высшей точки, проходит эту точку, и после этого, по идее, начинается переход к социализму, но на самом деле – к империализму. Это констатировали 100–150 лет назад Маркс, Энгельс, и сейчас, когда речь заходит о глобализации, эти ситуации во многом схожи. Что же на самом деле происходит? Я специально приведу несколько отрывков из одной книги, где автор доказывает, что в России с приходом Николая II стали особенно бурно развиваться экономические отношения, они достигли империалистической стадии, а именно – Витте ввел конвертируемый рубль, привлекались иностранные инвестиции, иностранцам давали концессии и т.д. Тем не менее, все происходит по расписанному алгоритму: вывоз всего ценного за границу, что по сути дела ведет к разорению экономики, подрыву отечественного производства. Случайно это происходит или нет? Аналогичные мероприятия мы видели и в странах Латинской Америки. Я предлагаю следующую гипотезу. Действительно, на рубеже XIX–XX столетий мир достиг империалистической стадии развития. В России в экономике идет острая конкуренция, много было разрушено до 1917 г. отнюдь не большевиками.

Что касается раскулачивания 30-х гг. Чтобы определить, кто на самом деле кулак, нужно было получить информацию, что было трудно в тех условиях. На самом деле в деревне шло развитие капиталистических отношений в результате столыпинской реформы, шло расслоение, напряжение социальных отношений. Процесс раскулачивания шел снизу, а власти, Сталин лишь оформили это документально. Вот в чем причина, почему раскулачивание шло так успешно.

Итак, мир достиг стадии империализма, и должен был произойти переход к социализму, правители усвоили уроки и пошел откат, мероприятия госрегулирования, рост госсектора. Большого успеха достигли те страны, которые не открывали своей экономики, т.е. империализм свернул с пути в определенный момент. Возможно, революция не произошла, т.к. развитие империализма притормозили. Почему в

Латинской Америке происходит приход левых правительств? В Европе глобализация, империализм на очередном витке задавлены.

Миронов В. Н., доктор философских наук, профессор (МГИМО).

Я хотел бы начать с такой посылки. Столыпин явился организатором Великой Октябрьской социалистической революции. Разрушив общину, он вытолкнул в города крестьян, которые с крестьянской философией, психологией и составили базу, на которую потом опирались большевики. Если пойти еще дальше, то НЭП, по сути, попытка восстановить общину, он допустил буржуазные отношения в деревне, обострил там социальные отношения. Сталин оперся на 2-ю крестьянскую войну. Мы жарко спорили с Драбкиным о характере Ноябрьской революции в Германии, была ли она социалистической или буржуазной? Я считаю, что она могла бы быть социалистической, но что-то помешало ей перерасти в социалистическую. Может быть, сыграла свою роль ранняя гибель К. Либкнехта и Р. Люксембург? Но, с другой стороны, есть интересный вопрос, который тесно связан и с судьбой ноябрьской революции в Германии, – это вопрос развилки. Такая ситуация сложилась и у нас – либо Корнилов, либо Ленин. Мы видим во Франции буржуазную модернизацию, организованную Ш. де Голлем. В Китае мы видим сейчас выдающийся пример буржуазной революции. Государство – рабочее, коммунистическая партия держит все рычаги власти, при этом есть оптимальные условия, чтобы привлекать западные инвестиции и обеспечивать эксплуатацию своего родного рабочего класса. Хочу процитировать Энгельса, который вывел своеобразное уравнение: уровень насилия обратно пропорционален уровню зрелости экономических условий для перехода к социализму.

Какой строй возник у нас в стране? По этому вопросу идут постоянные споры. Возник азиатский способ производства, но на более высокой экономической основе. Это удел всех ранних социалистических революций. Все ранние социалистические революции вырождались в тоталитарные режимы: Кампучия, Китай, Россия. В этой связи хочу сослаться на цитату из Ницше – новое входит в мир первоначально в искаженном, карикатурном виде.

По поводу альтерглобализма. Мне приходилось часто участвовать в их форумах. Меня потрясло сказанное Негри. Он доказывает, что на сегодня организация масс в такой форме, как Советы, неактуальна, что власть брать не нужно. Самый эффективный способ это максимальное развитие демократии, но не самоорганизация масс. Под демократией он понимает – власть каждого над каждым. В кругах альтерглобалистов и по сей день господствует мнение, что власть брать не надо, что должна быть низовая сеть, что противоположно авторитарной вертикали власти, а советы не являются такой властью. Их лозунг – низовая сеть должна возникнуть в каждой деревне, городе, и она противостоит власти. Каждый раз, когда мы берем власть, мы утверждаем суверенитет и в итоге приходим к сталинизму. Я писал диссертацию по фабзавкомам в Италии и был в шоке, когда услышал, что они

категорически против Советов. Они считают, что как только мы выстраиваем эту вертикаль, мы идем к сталинизму.

Сетевая идея – это одна тема, и вторая тема, которая требует обсуждения – фашизм и социализм, сравнение. Мы видим сейчас его проявление в нашей стране. Фашизм, как некая извращенная форма прямой демократии. Если бы не было такой прямой демократии, такого подъема масс, возможно, того, что произошло в Германии, Италии, не случилось бы.

Келле В. Ж., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН).

Я не историк и не политолог, и хочу остановиться на двух более общих вопросах.

Первый. Нас учили, что социализм, в отличие от предшествующих форм, строится сознательно на основе знания законов общественного развития. Ленин в своем выступлении по поводу четвертой годовщины Октябрьской революции сказал: когда мы делали революцию, то что мы знали? Что будущее – это социализм и что история движется к социализму, это дал нам Маркс. И что движущей силой революции является рабочий класс. Больше мы ничего не знали, остальное должен был сделать опыт масс, и задача заключалась в том, чтобы обобщать этот опыт. Это положение у нас как-то мало осмысливается, а в нем заложен очень большой потенциал. В реальности, когда люди делают историю, они не руководствуются никакими законами.

Два первых выступления, на которые я хочу опереться, показали прежде всего, что шел процесс, и задача партии заключалась в том, чтобы эту стихию ввести в какие-то рамки или, как сказал В. Т. Логинов, канализировать. Политики в своей деятельности исходили из существующих условий. Закон был в самом общем целеположении, что мы движемся к социализму. Все остальное решала конкретная ситуация. Говорить, что люди руководствовались законами, это не так, это осталось у нас еще от прошлого. И Ленин, и Сталин руководствовались конкретными обстоятельствами, старались приспособиться к этим обстоятельствам и либо адаптироваться, либо направить их, как они считали, в нужном направлении.

Одним из уроков события, которое мы обсуждаем, Февральской революции, является размышление о том, как делается история. Единственный урок, который мы можем использовать для своего времени и в какой-то мере учитывать его, – вот так делается история, так она делается и сегодня. Если история делается сознательно, значит, результаты и цели совпадают. А где все наоборот, результаты обратны целям, никакого сознания здесь нет. Мы как раз имели эту ситуацию, все, что мы сделали, имеет обратный результат. Это было и в конце перестройки и сейчас, в 90-е гг. Идеи демократической республики, расцвета, прогресса обернулись тем, что мы сейчас имеем. Я думаю, что этот урок для нас очень важен.

О выступлении А. И. Колганова. Он выстроил железную логику того, как развивалась наша революция от начала XX века до конца сталинской эпохи. Но эта

логика привела к тому, что, в конечном счете, Сталин вынужден был опираться на бюрократию. Получается, что и то насилие, террор, который был организован Сталиным, являлся исторической необходимостью. С этим выводом согласиться нельзя. Вероятно, нужно внести в эти рассуждения некоторые поправки. Сталин опирался на бюрократию, это верно, но это и привело к гибели советской власти. Бюрократия оторвалась от народа и не смогла решить задачи, которые выдвинул сам ход событий во второй половине XX века. Но у Сталина есть и другой момент, который показывает, что Сталин не только канализировал историю, а вводил насилие в историю, хотел насилием изменить исторический процесс. (Коллективизация – голодом). Да, мы должны были быстро провести индустриализацию, коллективизацию, чтобы не быть съеденными соседями, но это мощное насилие превзошло все нормы.

Кроме насилия, в сталинский период был и энтузиазм. Этого сбрасывать со счетов нельзя. Это дало возможность построить индустрию, спасти Советский Союз, спасти нашу Родину.

Галкин А. А., доктор исторических наук, профессор (Институт социологии РАН).

В ходе дискуссии было приведено много фактов, и при всех различиях у нас было общее понимание. Со времени обсуждаемых событий прошло 90 лет, мы пытаемся их понять, осмыслить и может быть, в чем-то эти люди были выше нас.

Революции можно классифицировать по разным основаниям – по движущим силам, по целям, по результатам. И многие споры происходят от того, по каким параметрам оцениваются события. Из этого объективного обстоятельства возникают следующие соображения. В чистом виде революций не бывает. Бывают разные элементы, которые накладываются один на другой, создается некоторое смешение. В каждом случае происходит разное соотношение этих частей. Октябрьская революция по своим движущим силам была преимущественно крестьянской, «народной революцией», по установкам – носила социалистический элемент, по результатам – крайняя, искаженная форма государственно-капиталистической революции, в результате был создан госкапитализм с большим элементом социальной политики. Не чистый госкапитализм, как это было в Германии после первой мировой войны. Элемент социальной политики обеспечивал устойчивость и стабильность в нашей стране.

Опыт событий 90-летней давности показал, что объективное развитие может приводить не к однолинейному результату, а к многолинейному. С этим связан вопрос: возможна ли социалистическая революция в развитых странах? Теоретически да, если возникнет специфическая ситуация, которая приведет к обострению социальных отношений, и это не исключено, т.к. капитализм все время порождает неравенство, и как только это неравенство достигнет критической массы, может возникнуть революция. Но возможна и другая реакция, если произойдет вырождение и распад национальной общности. Или другой вариант – «консервативная

революция», смена власти под крайне консервативными лозунгами. Для нас это важно, т.к. сейчас на смену крайне радикально-либеральной идеологии приходит ретро-консервативная идеология, которая навязывается обществу и уже принимается общественным сознанием.

Бузгалин А. В. (Заключительное выступление).

Предлагаю шесть тезисов в связи с 90-летием буржуазно-демократической революции в России.

Первый тезис. Для позднего капитализма становится вновь актуальной задача совершения буржуазно-демократической революции. Эта актуальность буржуазно-демократических революций вызвана той причиной, что по своим главным параметрам они будут оставаться внутри капиталистической общественно-экономической формации, хотя и создадут предпосылки для выхода за ее рамки.

Этот тезис можно пояснить следующим образом. В результате перехода к заключительной стадии капиталистической системы, в ее рамках происходит подрыв исходных основ этой системы, она начинает отрицать самое себя. Тезис этот не новый: он был сформулирован Лениным, отчасти Марксом и Энгельсом, др. марксистами конца XIX – начала XX веков. Империализм есть только начало, мы пошли дальше. Отсюда возникает угроза скатывания позднего капитализма в сторону от буржуазно-демократических свобод и социального рыночного хозяйства, которая частично начала реализовываться. Причем эта угроза существует как для развитых стран (что отмечается редко), так и для стран со средним уровнем развития. Для развитых стран это угроза движения к империи, причем не по Хардту и Негри, а в жестких и примитивных формах возрастания насилия внутри и вне страны, о чем многие, и я в том числе, писали. Я бы выделил три вида угроз. Первая. Собственно империалистические тенденции в развитых странах, пример США. Вторая. Угроза создания периферийных империй, т. е. пародий на империю, в странах типа России, мусульманских странах и др. Третья. Угроза диктатуры в слаборазвитых странах (она присутствовала на протяжении всего XIX века, и сейчас вновь актуализировалась). Во всех трех случаях задачи буржуазно-демократической революции разрушения всех основных институтов господствующей системы, становиться актуальным. Почему буржуазной? Потому что, совершая такую революцию, мы по всем параметрам будем оставаться в рамках капиталистической общественно-экономической формации.

Второй тезис. Причина всего этого в том, что внутри капитализма в XXI веке происходит своего рода ренессанс феодальных, добуржуазных отношений, основанных на внеэкономическом принуждении. Идет подрыв своих собственных, буржуазных, экономических и политических основ, что приводит к восстановлению в новом виде добуржуазных экономических и общественно-политических форм (это можно считать закономерностью закатной стадии каждой системы, когда предшествующие формы начинают как бы возвращаться).

Третий тезис. Буржуазно-демократическая революция нужна, когда в рамках капиталистической системы подрываются основные институты социальной демократии. Если эта тенденция только начинается, то возможна реформистская тенденция восстановления демократических, социальных начал. Если этот процесс заходит далеко, нужна революция. В какой политической форме она будет – это очень интересный вопрос. Может быть, эта форма будет связана с развитием низовых организаций гражданского общества, сетевых структур, которые часто реально забирают власть себе, не изменяя политической системы, т.е. в рамках Конституции, которую реально, де-факто, централизованная власть нарушает.

Четвертый тезис. Наиболее актуальна эта проблема для стран, которые пошли по пути превращения в империю или периферийную империю, претендующую на изменение социально-экономических и общественно-политических форм не только внутри, но и вне страны. И в этом смысле М. Ю. Павлов высказал интересную гипотезу. Капитализм породил ситуацию, когда возможен и необходим путь к качественно новому обществу, царству свободы, начало пути к социализму. В таких странах как Россия, уже давно появилась потенциальная возможность движения к социализму. Предельно жесткие противоречия толкают в этом направлении, но достаточных предпосылок для левой системы не появилось. Отсюда феномен, который я назвал «ловушкой XX века»: необходимость совершить не только буржуазно-демократическую, но и социалистическую революцию есть, и такие революции все время совершаются, но возможности победоносно их завершить минимальны и требуют каких-то уникальных субъективных условий, либо отсутствуют вовсе.

Тем не менее, совершение революций даже в таких условиях повело развитие в тех странах, где возникли социалистические тенденции, по пути, который отличается от собственной логики развития капиталистической формации. Эта логика, так или иначе, описывалась, об этом говорили. Обычно это сводилось к развитию социалистической системы, но я поставил бы вопрос гораздо шире и вспомнил бы тезис научного коммунизма о 3-х частях международного революционного процесса: «социалистических» странах, «рабочем и коммунистическом движении», национально-освободительном, антиколониальном движении. В этих, хотя и догматических, формулах содержится правда о трех руслах социального творчества, которое было в XX в. Эти три тенденции все-таки повернули мир капитализма в направлении другом, нежели его собственная внутренняя логика. И то, что происходит после краха советской системы и двух остальных русел, в той или иной степени, мне кажется, является возвратом к первоначальным интенциям капитализма. И не случайно мы можем сейчас вновь возвратиться к работам Гильфердинга, Гобсона, Ленина, Р. Люксембург, в которых подчеркивалась агрессивная сущность империализма, стремление к колониальным захватам и др. тезисам, которые, казалось, ушли в прошлое.

Пятый тезис. Буржуазно-демократическая революция в условиях позднего капитализма во всех странах, и развитых и слаборазвитых, на мой взгляд, будет

успешной только при условии активной роли трудящихся или социалистической ориентации развития, как одной из ведущих тенденций. Собственно буржуазные организации, ограниченные буржуазными лозунгами, совершить такую революцию не могут. Это выглядит как парадокс, но реальность такова, что сегодня делать буржуазно-демократическую революцию будут силы социалистической оппозиции, альтерглобалистских и других социальных движений нового типа. Выступать они будут под лозунгами, выходящими за рамки буржуазно-демократической революции, и требовать, выражая настроения масс, будут больше, чем простые буржуазно-демократические преобразования. Можно сказать, что они всегда будут идти под лозунгами:

- социальной экономики, т.е. социал-демократической модели буржуазной экономики в новом ее издании;
- низовой демократии, а не просто восстановления парламентской демократии;
- общедоступного образования, медицины, культуры как альтернативы обществу потребления.

Насколько этим силам удастся сделать шаг больший, чем буржуазно-демократическая революция, пойдя в сторону социализма, низовой демократии, сказать сложно, но идти по этому пути через буржуазно-демократическую революцию можно: антифашистские, антидиктаторские (Латинская Америка, Испания, Португалия, Куба) революции.

Шестой тезис. Идеальный путь – это перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Здесь нет нового ничего. Внутренняя логика буржуазно-демократической революции, которая делается преимущественно левыми силами, требует именно такого перерастания. Удастся ли оно и если да, то при каких условиях, и как – это мы сейчас не обсуждаем.

В этой связи в качестве небольшого отступления напомним некую тезу, которая существует в классическом наследии и которую мы не учли. Наиболее значительным в революции, в опыте революции 1917 г., является не позиция большинства, а *позиция той общественной силы, которая обладает максимальной энергией социального творчества*, – организованной, способной к действию, социальному преобразованию, имеющей стратегию силы (здесь существенно единство деятельности, отношения, общественной связи). Это сила, которая по отношению к другим структурам выступает как субъект, ведущий преобразовательную деятельность, в т. ч. иногда вопреки интересам большинства.

(Реплика Келле): Это очень опасная теза.

Да, это опасная теза. И здесь принципиально важен вопрос о границах этого социального творчества. Грубо и примитивно ответ можно сформулировать так: в той мере, в какой эта общественная сила выражает реальную, объективную, необходимость и возможность прогрессивного развития данного социума, она демократична и имеет право на такие действия, даже если идет вразрез с инерцией обывательского большинства. И только история скажет, права она была или нет.

Подчеркну: это не лозунг «цель оправдывает средства», нет. Это идея, если угодно, прогрессорства, содействующего объективно возможному и необходимому развитию общества в условиях, когда субъективный фактор – инерция конформистских слоев – противостоит прогрессу. Здесь, однако, принципиален «нюанс»: это прогрессорство может и должно иметь исключительно культурные формы. Политическое и идеологическое насилие вызовет лишь обратный эффект.

Отсюда важная «лакмусовая бумажка» прогрессивности таких действий: если творческая интеллигенция, не формальная элита, а действительно наиболее талантливая, творческая часть интеллигенции поддержит это движение, то это будет важным признаком того, что движение идет в правильном направлении.

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 90 ЛЕТ

*Бузгалин А.В.,
д.э.н., профессор МГУ*

Время – безжалостно. И нелинейно. Оно не просто расставляет все по своим местам, но и многократно перетряхивает уже расставленные по полочкам оценки. Октябрьская революция также многократно была оценена и переоценена на протяжении этих 90 лет. И этот процесс будет продолжаться.

Сегодня среди этих оценок доминирует хула. И это не случайно: мы находимся на реверсивном (попятном) витке истории. Тем важнее сейчас вновь честно и открыто размышлять о великих подвигах и чудовищных ошибках всех тех, кто творил нашу Революцию. Не ставя себя выше них, но понимая всю важность учета того видения, что дает ретроспектива 90 лет. Не камуфлируя своих коммунистических взглядов, но и не давая им исказить видение объективных процессов. Не стремясь к истине в последней инстанции, но и не отказываясь от открытой полемики со своими коллегами.

1. К теории социалистической революции: некоторые дополнения к традиционным положениям Маркса и Ленина

К сожалению, далеко не всем из молодых читателей, даже относящих себя к сторонникам социалистической идеи, знакомы основные положения теории социалистической революции, развитые в работах ведущих теоретиков этой темы – К. Маркса, В. И. Ленина, Р. Люксембург, Л. Троцкого, Э. Гевары и др. Суммирование и систематизация взглядов этих ученых, – очень разных, но в основном, в теоретическом исследовании проблемы перехода к качественно новой (по отношению к капитализму, всему «миру отчуждения»), единых, – были бы, наверное, весьма полезны; но автор этих строк ставит перед собой иную задачу – не столько повторения и систематизации имеющихся наработок, сколько их некоторого дополнения и развития.

Этот текст – часть долгой теоретической работы автора. И в том, что касается фундаментальных аспектов теории революции, я пока что не многое наработал по сравнению с концом 2004 г., когда была опубликована моя статья на эту тему¹. Главное там было сказано. Но это главное принципиально важно для аргументации моей позиции в полемике с коллегами, столь же пристрастно изучающими проблему природы нашей революции, и потому я решился в качестве введения к данному разговору вставить в этот текст краткие выдержки из предыдущей публикации.

1.1. Революция как праздник: диалектика созидания и разрушения

Начнем с очевидного: революция ломает старую систему институтов отчуждения и знаменуется кратковременным торжеством отношений непосредственного социального творчества истории, новых общественных отношений самими массами и в этом смысле – кратковременным торжеством царства свободы. Не менее важна и обратная связь: **царство свободы** как снятие отчужденных детерминант жизни человека **есть перманентная революция**. В момент революции (а она может длиться долгие дни или несущиеся стремглав годы), когда старая система подчинения уже разрушена, а новая еще не возникла, и рождается тот самый «**праздник** угнетенных», когда вы, кажется, можете своими руками изменять мир как захотите, чувствуя «опьянение свободой».

Как период снятых внешних детерминант и предельно раскрепощенного социального творчества революции становятся полем широчайших и глубочайших достижений в области самоорганизации и сотворения новых общественных форм. В эти короткие, но предельно насыщенные периоды сами граждане рожают на основе инициативы снизу столько новых общественных отношений, сколько эволюционные периоды не приносят за десятилетия.

---

¹ См.: Бузгалин А.В. Социальные революции: ассоциированное социальное творчество и культура // Альтернативы, 2004, № 4.

Это становится и причиной, и следствием невиданного в иное время всплеска широчайшего спектра реализованных (реализуемых) человеческих талантов, скрытых среди представителей самых разных социальных слоев и профессий. Именно в революции общественная практика масс часто создает такие новые социальные формы, которые затем долго изучают и пытаются понять теоретики. Привычная логика творческой деятельности здесь как бы переворачивается: теоретическая модель и ее практическое воплощение рождаются почти одновременно. Примеры этого – Парижская коммуна, первые Советы в России 1905 года, опыт СССР со всеми его противоречиями и даже современное альтерглобалистское движение – хорошо известны.

Но эта мощная социальная энергия неизбежно несет в себе и противоположный потенциал, что очевидно: *революция по определению всегда есть и процесс разрушения старой системы*. Общеизвестно (во всяком случае, для знатоков классического марксизма, о чем мы уже мельком упомянули выше, обозначив подход к данной проблеме), что в принципе разрушению в революции подлежат старые, отжившие свое социальные формы (производственные отношения, экономические и политические институты, социальные градации, идеологические стереотипы и т. п.). Однако на практике революции почти всегда разрушают вместе с тем и производительные силы, некоторые элементы культуры, уносят человеческие жизни. Было бы неверным считать ответственными за это только революции: едва ли не в большинстве случаев эти разрушения связаны с яростным сопротивлением старого мира, провоцирующего террор и войны¹. Но и революция не может не нести с собой разрушительного потенциала.

Суммируя сказанное о субъекте ассоциированного социального творчества и революции, мы можем определить в первом приближении **меру разрушительности/созидательности революции**².

Первая тем выше, чем (1) более жесткой, варварской и мощной была система отчуждения и чем (2) отчаяннее ее сопротивление – с одной стороны; чем ниже (3) уровень самоорганизации и (4) культуры революционных масс, но больше (5) стихийность и (6) влияние отчужденных мотивов борьбы (типа «грабь награбленное»), характерных для «обиженного» старой системой мещанства, – с другой стороны; чем слабее (7) мотивы (как объективные, так и субъективные) борьбы за собственно социальное освобождение и, следовательно, больше (8) «забегание революционеров вперед» по отношению к объективным возможностям сотворения новых отношений.

И, напротив, **революция будет тем более созидательно-освободительной, чем в большей степени [1] прогнила старая система** (глубоки

---

¹ Подробнее об ответственности господствующего «старого» класса и революционных сил за инициирование и использование насилия в революции см. в работе автора «Анти-Рорге» (М.: URSS, 2004).

² Автор в данном случае в основном суммирует хорошо известные положения Маркса, Энгельса, Ленина, Грамши, Троцкого и других революционеров-марксистов.

ее объективные противоречия) и [2] слаб господствующий класс («верхи не могут управлять по старому»); чем [3] в большей степени общество не только находится в кризисе («низы не хотят жить по старому»), но и готово к социальным преобразованиям как [4] материально (имеются достаточные объективные социально-экономические и т.п. предпосылки генезиса нового типа общественной организации), так и [5] духовно (востребованность революции значительной частью критически мыслящих граждан и творческой интеллигенции, предреволюционная атмосфера в культуре и общественном сознании); чем в большей степени [6] субъект революционных изменений осознал свои конструктивные цели (в частности, превратился из «класса-в-себе» в «класс-для-себя») и, следовательно, [7] подготовлены общественные формы самоорганизации этого субъекта (революционные силы организованы, способны к *позитивному* социальному творчеству, имеют достаточно мощные «социальные мускулы»), плюс чем более [8] культурны революционные силы (развит «социальный интеллект» революции).

В той мере, повторяю, в какой развиты эти объективные и субъективные предпосылки, хорошо известные каждому марксисту¹, революция пройдет мирно и не разрушительно (для Человека, его производительных сил и культуры).

Эта «формула» однако, имеет крайне ограниченное значение, *ибо революции – это исторические явления* и происходят они не тогда, когда их в должной мере подготовила та или иная партия, а *объективно*; во многом независимо от воли и желания тех или иных политических сил. И потому не только искусственное форсирование, но и **всякое субъективное торможение революционного**

---

¹ В наиболее полном виде этот блок вопросов был развит в работах В. И. Ленина по проблемам социальной революции, о чем ныне принято «забывать» (отчасти, быть может, вследствие аллергии, развившейся от чрезмерно апологетических работ советского прошлого).

Не могу в этой связи не напомнить знаменитое ленинское определение революционной ситуации: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими «верхами», к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция – по общему правилу – невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218–219).

процесса контр-революционными силами чреват реакцией и неисчислимыми материальными, культурными и прежде всего – личностными жертвами: в реакции люди гибнут и физически, и нравственно в масштабах не менее массовых, нежели в преждевременных бунтах. Классическим примером таких реакционных систем являются различные разновидности фашистских режимов (от итальянских, немецких и испанских до чилийского и иных латиноамериканских), возникавших, как правило, как реакция господствовавшего класса на угрозу развертывания социалистических преобразований¹.

Задача революционеров, следовательно, состоит не в том, чтобы совершать революцию «по правилам», а в том, чтобы понять реальную диалектику рождающихся и развертывающихся революционных событий, «алгебру революции» (я бы сказал, высшую математику, сложнейшую диалектику), максимально подготовить революционные силы и общество к грядущим потрясениям, содействовать, насколько это объективно возможно, сознательности и организованности революционных сил, помогая (как талантливый акушер) своевременному и сколь возможно безболезненному рождению нового социального организма. И здесь нерешительность и промедление могут быть не менее опасны, чем торопливость.

1.2. Социальные революции как временное торжество царства свободы.

Революции как праздник культуры

И все же эти аспекты революций относительно известны теоретикам-социалистам. Гораздо реже (за исключением ряда критических марксистов-«шестидесятников») акцентируется другая важнейшая особенность социальных революций – феномен своего рода «коммунистичности» *любой* (в том числе – буржуазной) *подлинной, идущей снизу, социальной революции*. Это явление сотворения массами элементов позитивной свободы особенно характерно для стадии революционного подъема, когда люди, ломая власть старых форм отчуждения, становятся, как мы уже сказали, на краткие исторические мгновения свободными. В этом смысле любая социальная революция есть ломка не только одной из исторически конкретных форм отчуждения (старой формации), но и **«революция против царства необходимости»**.

Более того, поскольку всякая революция (в том числе ориентированная «всего лишь» на смену одного способа угнетения на другой, более прогрессивный) есть вместе с тем и революция против мира отчуждения в целом (кратковременное торжество царства свободы – мы ниже еще раз специально обратимся к этому вопросу), постольку *всякая революция* (в том числе и не социалистическая) *стремиться сделать и объективно невозможное – хотя бы на время создать хотя бы некоторые элементы реального освобождения для трудящихся, а не только для*

---

¹ Автор в данном случае не рассматривает проблемы собственной природы фашизма и ответственности сталинизма за победу фашизма в Испании и Германии.

нового господствующего класса, и обеспечить простор для развития креатосферы.

Революция как борьба с отчуждением вкупе с уже отмечавшимся феноменом объективно обусловленного «опьянения свободой» рождает (и позволяет, кстати, теоретически объяснить) хорошо известный философам истории феномен **«забегания революций вперед»**, когда освобождающие себя массы заходят чрезмерно далеко по отношению к объективным возможностям.

Отсюда, кстати, и **романтичность** всякой подлинно социально-творческой (прежде всего – революционной) деятельности, осуществляемой в условиях царства необходимости. *Революции романтичны по самой своей природе, как «абстракции будущего»*. Будучи качественным скачком, *революции становятся эпохой* (быть может, очень кратковременной – в несколько недель или месяцев, как, например, Парижская коммуна), *в которой люди живут не в делящемся настоящем, а в диалоге прошлого с будущим*, в процессе сотворения-рождения будущего, создаваемого-рождающегося здесь и сейчас.

Но здесь как никогда оказывается важна и обратная сторона этой медали: снятие внешних детерминант высвобождает поле для субъективизма и волюнтаризма, а простор самореализации Человека оборачивается и необузданностью антитворчества. За этой проблемой скрыто еще одно (**второе** из отмечаемых нами) **противоречие революции как социального творчества в мире отчуждения**: с одной стороны, она вызывает к жизни социальное действие огромных масс, призванных решать сложнейшие социально-творческие задачи, с другой – ломает все и всяческие институционально-организационные формы для столь массовой деятельности. Формы разрешения этого противоречия могут быть более или менее конструктивными в зависимости от *меры созидательности/разрушительности революции*. Ее «формулу» мы привели выше, но при этом, однако, мы хотим вновь подчеркнуть, что революция – это процесс объективный, и всякие «формулы» отражают лишь некоторые законы-тенденции, устойчивые социальные связи и не могут быть использованы для арифметического вычисления результата революционных действий (хотя могут и должны служить теоретическим компасом для прокладки курса в штормящем океане революции).

Кроме того, специально оговорим еще раз, что здесь особенно важна **мера «культурности» революции**, ибо, как мы отметили выше, именно эта мера должна ограничивать претензии революционеров (характерно в этом отношении «отступление» Ленина к нэпу, не принятое сталинистами).

Более того, оставляемый как бы «за скобкой» в данном случае анализ диалектики взаимодействия процессов развития креатосферы и социального освобождения позволяет показать, что **социальные революции являются** не только следствием противоречия производительных сил и производственных отношений, резкого обострения классовых противоречий (что относится – и совершенно справедливо – к неустаревающим азбучным положениям марксизма), но

и взрывом перенакопленного культурного потенциала общества, сжатого до взрывоопасного состояния «старой» системой отчуждения. Культуре (равно как и производительным силам – эти два феномена, кстати, частично пересекаются), развитие которой оказывается особенно необходимо для самосохранения старого, загнывающего общества, с одной стороны, становится тесно в прежних социальных рамках. С другой стороны, культура, креатосфера (нелинейное развитие которой есть инвариант жизни рода Человек) стремится в лице своих лучших представителей как бы к самозащите от агрессивно-разрушающего (или застойно-разлагающего) воздействия мира отчуждения, дозревшего до очередной революционной ситуации (я пока веду речь об объективных слагаемых последней).

Не случайно поэтому и то, что первоначальный импульс подлинной революции сначала рождается в умах «диссидентской» (и, как правило, творчески наиболее продуктивной) интеллигенции. Другим слагаемым этого процесса является протест творческой части общества против разрушения и подавления подлинной культуры старой системой, которая одной рукой пытается влить в свое дряхлеющее тело «кровь молодых девушек» (развивать культуру), другой тормозит все новое и прогрессивное.

Отсюда, в частности, тот всплеск культуры, которым сопровождается подлинная позитивная социальная революция – будь то Ренессанс как слагаемое буржуазной революции или пред- и послереволюционный подъем культуры в России XX века.

Но всякая революция, как мы показали выше, есть и разрушение старой системы, когда «заодно» с прежней, устаревшей системой производительных сил и надстройкой революционные силы (в XVI – XIX веках – «третье сословие», в том числе – буржуазия, в XX – трудящиеся и прежде всего пролетариат) разрушают и материальные, и культурные элементы экономической и политической систем прошлого. *В этой диалектике освобождения и разрушения – суть революции, и именно мера этого соотношения (с учетом и меры реакционности, разрушительности прежней системы¹) показывает действительную*

---

¹ Так (используем наиболее очевидный пример), слом фашистской модели капитализма и обеспечение победы модели социал-демократической потребовали массовых человеческих жертв и привели к колоссальному разрушению материальной и духовной культуры (вплоть до массированных бомбардировок городов Германии английской авиацией и уничтожения в ядерном пожаре сотен тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки американской «демократией»); какие из этих жертв были необходимы, а какие нет для того, чтобы остановить развертывание на Земле фашистской системы – сложный вопрос. Так же стоит вопрос и в других случаях: буржуазные революции предотвращали дальнейшее варварское угнетение человека, культуры и производства реакционными феодальными системами, но несли неисчислимые жертвы, которыми Кромвель и якобинцы оплачивали свои победы. Социалистическая революция в России стала (вкуче с революцией в Германии) условием прекращения I Мировой войны и предотвращения образования в России диктаторской модели все того же «военно-феодального империализма», но она же вызвала агрессию со стороны «белых» и Антанты. Есть, однако, и

прогрессивность (или реакционность, т. е. по сути контрреволюционный характер) тех или иных качественных социальных преобразований. И в этом смысле мы имеем теоретически определенную меру, позволяющую отнести всякое качественное изменение общества к ряду революций (при всей их трагической неоднозначности) или контрреволюций (при некотором позитивном потенциале и этих действий).

И все же всякая подлинная революция служит прогрессу культуры. Более того, мы можем сказать, что **только тот социальный качественный сдвиг («взрыв»), который способствует (1) новому скачку в развитии креатосферы, (2) рождению системы отчуждения, относительно менее антагонистичной для прогресса культуры, чем предыдущая (или, в коммунистической революции, снятию отчуждения) и (3) росту меры социального освобождения, мы можем назвать подлинной социальной революцией** (а не бунтом), **праздником не только угнетенных, но и культуры.**

1.3. Революции как праздник *трудящихся* и локомотивы истории

Общеизвестно, что всякая революция (в отличие от бунта или государственного переворота) поднимает к творчески-преобразовательной, созидательной деятельности широкие слои трудящихся, возвышая их до совместных сознательных, позитивных действий. Причем, чем глубже преобразования, тем более масштабные и организованные действия оказываются востребованы историей. Не случайно поэтому революции поднимают до творческой деятельности (и культурной, и социальной) столь широкий круг новаторов из «низов», когда трудящиеся могут на деле почувствовать свою созидательную мощь, доказав практически свою способность самим стать достойными хозяевами общественной жизни.

В результате именно **революция делает «простого» человека творцом.**

Другое дело, что угнетенные классы так же двойственны, как и творческая интеллигенция. **В массах** (будь то «третье сословие» в буржуазной революции или пролетариат в раннесоциалистической) **скрыты, как мы показали выше, мощные оппозиции раба-слуги системы отчуждения и социального творца. Революция предельно обнажает это противоречие**, открывая простор для энергии (в том числе – разрушительной) как созидателю, так и обывателю-разрушителю, взбешенному ужасами прежней системы (как тут не вспомнить известный тезис о кошмарах, которые способен сотворить «взбешенный ужасами капитализма мелкий буржуа»). При этом снятие жестких социальных ограничений с обывателя в условиях разрушения не только внешних институтов, но и устоявшихся

другие примеры псевдореволюций (полпотовская диктатура – типичный пример), в которых мера разрушения превышала меру созидания, рождая реакционные социальные системы, выступавшие под революционными знаменами.

нравственных норм превращает конформистскую часть трудящихся (в капиталистическую эпоху – прежде всего мелкую буржуазию) в «хама».

Будучи особым миром социального творчества, [временным – если мы говорим о социальных революциях в рамках царства необходимости] торжеством социальной свободы, революция рождает особый тип социального времени и пространства. *Мощные выбросы энергии революционного творчества массового субъекта спрессовывают социальное пространство и время, существенно меняя их конфигурацию.*

В течение нескольких дней или месяцев в революционные периоды происходит столько исторических событий, сколько не случается за десятилетия застоя или стагнации. *Время революции как время непосредственного социального творчества несется необычайно быстро*, требуя от участников этого процесса столь же быстрой и точной, самостоятельной творческой (и в этом смысле – обязательно *талантливой*) реакции (выше я особо отметил, что в условиях революций человеческие таланты оказываются востребованы в массовых масштабах, ибо *истории, которая, так же как и природа, не терпит пустоты, в условиях слома старой системы требуются – и в массовых масштабах – творцы новых общественных форм*; в этом величие и опасность этих эпох).

Не менее радикально изменяется и социальное пространство: *революция спрессовывает субъектов социального творчества в единый интернациональный мир*, где рабочие и крестьяне не только крупнейших стран, но и деревень в глухих районах других континентов (и это, заметим, в эпохи, крайне далекие от информационной эры) не просто узнают о революции (в Петрограде или Париже), но и готовы своими действиями поддержать товарищей по борьбе. В этих условиях *центр и периферия существенно меняют свою конфигурацию*; зачастую вообще преодолевается периферийность, и на маленьких окраинах «цивилизованного мира» (таких, например, как Куба в конце 50-х годов XX века) происходят события, потрясающие весь мир. В результате спрессованное в пространстве и во времени социальное творчество миллионов людей (до и после революции, в «обычные» эпохи рассеянное по миру и истории) вызывает к жизни огромные общественные силы, порождая *чрезвычайную насыщенность этих кратких эпох взаимосвязанными событиями и изменениями.*

В условиях социальных революций историческое время несется необычайно быстро, а пространство спрессовывается, сокращая социальные дистанции между людьми, классами и государствами, ибо здесь действуют законы *непосредственного социального творчества*, когда для созидания новых общественных отношений используется энергия (1) *широких масс*, а не узкого слоя элиты, и (2) эта энергия направляется на творение истории *прямо и непосредственно* (вне барьеров отчуждения). Именно поэтому революции становятся *«локомотивами истории»*.

Суммируя эти краткие теоретические размышления, можно сделать вывод, что **основными предпосылками, которые подводят человечество вплотную к великой эпохе перехода из царства необходимости в царство свободы и социального творчества, являющееся прямым наследником и адекватной формой прогресса и креатосферы, становятся:**

1) *рост производительности труда и материального богатства, прогресс производительных сил, создающие необходимые основы для социального освобождения; и в этом смысле все трудящиеся, независимо от их субъективного отношения к прогрессу свободы, являются созидателями материального фундамента последнего;*

2) *прогресс креатосферы, являющийся, с одной стороны, импульсом повышения производительности труда, прогресса производительных сил, в конечном счете – прогресса личностных качеств человека (развития его родовой сущности), вплотную подводящих к необходимости скачка «по ту сторону» материального производства, к превращению творческого труда в основной фактор развития, а с другой – основой «культурности», созидательной позитивности будущих социальных преобразований, своеобразной «прививкой» против активизма и чрезмерной гносеологической гордыни, условием адекватного постижения законов истории; и в силу этого все культурно-творческие силы общества, все, кто созидает на протяжении тысячелетий мир креатосферы, также служат делу освобождения Человека;*

3) *борьба за социальное освобождение (идущая через серию реформ и революций к негативной свободе и далее – классовой борьбе пролетариата); пройдя ряд ступеней, она приводит к образованию переходных форм самоорганизации трудящихся и граждан и, в конечном счете, ведет к формированию субъекта ассоциированного социального творчества, непосредственно совершающего подвиг социального освобождения – коммунистическую социальную революцию; вот почему все подлинные революционеры и реформаторы, борцы за справедливость и свободу («Гренада, Гренада, Гренада моя...») стоят в едином строю тех, кто совершали эту революцию.*

2. Октябрьская революция: полемика с товарищами

Девяносто лет, прошедших с момента совершения Октябрьской революции, вызвали огромный поток полемики по поводу ее природы и последствий. Оставляя в стороне полемику с откровенными антикоммунистами и широкий международный контекст дебатов, хотелось бы в этом тексте лишь коротко сформулировать основные пункты разногласий с моими товарищами по исследованию природы Октябрьской революции и возникшего в ее результате общества. Это тем более важно, что наша общность уже засвидетельствована (заявление 17 профессоров в связи с юбилеем революции 17-го года публикуется в этом же номере журнала), а позиции моих коллег во многом отражают сложившийся не только в нашей стране, но и в мире круг спорных вопросов. Комментируя же спорные тезисы, я буду апеллировать к приведенной выше теоретической части.

Оставляю в стороне мало интересную для читателей «Альтернатив» дискуссию о том, были ли Октябрьские события 1917 года революцией или заговором кучки амбициозных политиканов. В работах сотен серьезных историков, политологов, социологов и философов показано, сколь качественные изменения произошли после 1917 года во всей социальной жизни нашего Отечества и многих других стран мира, сколь значимые общественные силы были вовлечены в них, причем в качестве активного субъекта, а не пассивного объекта преобразований, сколь широка была поддержка начинаний революции и в нашей стране, и во всем мире. Серьезными учеными доказано, что **в 1917 году начались революционные, эпохальные изменения**. Начну же я с главного вопроса, дискутируемого в нашей среде: какова была природа революции (революций?) 1917 года?

2.1. Была ли Октябрьская революция социалистической?

(К вопросу о возможности опережающего развития ростков социализма на неадекватном базисе)

В рамках авторского коллектива «Альтернатив» главным критиком, казалось бы, незыблемого в рамках прежней советской традиции тезиса об Октябрьской революции как социалистической стал М. И. Воейков (с некоторой частью из них солидаризируется отчасти и А. И. Колганов)¹. Развивая тезисы А. Грамши, Р. Люксембург, ряда представителей международного троцкистского направления и т. д., он доказывает, что по своим реальным результатам и реальным движущим силам Октябрь 1917 года был продолжением Февраля, частью единого процесса буржуазной экономической, социальной и даже технологической революции в России. Соответственно, ключевым выводом автора является положение о буржуазной, в общем и целом, природе «реального социализма».

Основные аргументы М. И. Воейкова известны нашим читателям: главным субъектом революционных событий не мог быть пролетариат (он был крайне малочислен в России), и он им не стал. Главные задачи, которые действительно решила революция, были буржуазными (индустриализация, урбанизация, ликвидация неграмотности и т.п.). Социально-экономические отношения, господствовавшие в СССР, трудно назвать социалистическими, ибо мера отчуждения человека от труда, его средств и результатов была в условиях этой системы едва ли не выше, чем в условиях «классического капитализма». Следовательно, делает вывод профессор Воейков, эта революция объективно была буржуазной.

---

¹ Воейков М. 13 тезисов о классовой борьбе в России // Альтернативы, 2006, № 2; Воейков М. Средние слои в социальной структуре современной России // Альтернативы, 2000, № 2; Колганов А. Почему погибла Советская держава? (тезисы к дискуссии) // Альтернативы, 2001, № 3; Колганов А. Границы капитализма // Альтернативы, 2006, № 3.

С ним активно спорит Б. Ф. Славин, акцентируя внимание на социалистических слагаемых революции¹. Это и природа партии большевиков, других левых партий, совершавших революцию, и содержание многих социально-экономических преобразований (не только национализации, но и планирования, социальных гарантий и т. п.), и новый тип человека, возникшего в результате победы этой революции, и самосознание ее субъектов, и др.

С этими аргументами трудно не согласиться, но, тем не менее, они мне кажутся недостаточными. Они доказывают прежде всего то, что и в самой революции, и в системе, возникшей после ее свершения, были реальные ростки нового, посткапиталистического общества. Это доказать можно, и с этим, в конечном итоге, согласится если не Воейков, то Колганов.

Гораздо сложнее доказать, что *действительное содержание октябрьской революции было социалистическим*. И здесь я хочу обратиться к некоторым теоретическим положениям о природе революции, высказанным выше.

Как было специально подчеркнуто в первом разделе статьи, главным критерием социальной революции является пробуждение к жизни массового социального творчества. И Октябрьская революция действительно стала источником такого творчества низов. Она вызвала к жизни созидание самими трудящимися новых социальных форм, несших в себе ростки (именно ростки – иного и не может быть в исходном пункте нового общества, каковым является революция) отношений нового общества.

Этот тезис, конечно же, требует подробного историко-документального обоснования, но даже исторически не слишком просвещенный исследователь знаком с примерами *десятков тысяч новых форм социальной организации*, созданных еще в годы Гражданской войны, а уж тем более – в 20-е годы. Они создавались везде. В экономике ими были коммуны и реальные кооперативы, программы долгосрочного экономического развития (ГОЭЛРО) и формы всенародного учета и контроля... В политике ими стали Советы и массы новых общественных организаций и движений; по размаху форм социально-политической и иной самодеятельности (того, что ныне называется «grassroots democracy») СССР первых 10 лет революции не знает себе равных. В общественной жизни и культуре это пробуждение к жизни миллионов «рядовых» граждан, участвовавших в ликвидации беспризорности и неграмотности, строительстве дирижаблей и спорте, создании новых художественных объединений и театров, немислимом ни до, ни после размахе художественной самодеятельности при огромном взлете профессионального искусства...

Да, все это было сопряжено и с многоукладностью нэповской экономики, и с растущей бюрократизацией политической системы и т. п. Да, все это социальное

---

¹ Славин Б. Кто сегодня определяет ход истории? // Альтернативы, 2000, № 2; Славин Б. Еще раз о природе социализма // Альтернативы, 2000, № 4; Славин Б. Почему советское общество не было буржуазным // Альтернативы, 2002, № 4; Славин Б. Социализм и Россия // Альтернативы, 2004, № 4.

творчество базировалось на отсталых производительных силах и решало задачи, лежащие в общем и целом в рамках буржуазного горизонта (от электрификации до массовой физкультуры). Но решало оно их на основе *новых, посткапиталистических форм организации*. Эти формы творили *новые субъекты* – по-новому (ассоциации) взаимосвязанные новые (по своим ценностям и мотивам) люди. Видимым символом этого процесса стала *радостно-приподнятая, романтическая, полная энтузиазма атмосфера*, бывшая не единственной, но господствующей социальной музыкой революционной эпохи.

Более того, это была атмосфера ускорения социального времени («Время – вперед!») – это не просто имя музыкального произведения, это ритм эпохи) и открытия новых пространств – Неба (повальное увлечение авиацией), Севера и т.п.

Так мы в практике первого десятилетия Октября находим еще три признака социалистической революции: романтическое сотворение ее просыпающимися к новой жизни низами; музыкальность и праздничность; ускорение социального времени, спрессованность и одновременно открытость социального пространства.

Наконец, это была и культурная революция: Октябрь дал начало новому культурному процессу, имеющему очевидно посткапиталистическую природу, что доказала в своих работах Л. А. Булавка¹.

Вот почему я берусь утверждать, что диалектика Октябрьской революции не сводима к однозначной оценке: «буржуазная – социалистическая».

Да, она на капиталистических (подчас даже раннекапиталистических) основаниях решала задачи, которые в принципе должна была решать капиталистическая система. Но она решала их *некапиталистическими методами и вызывая к жизни некапиталистические социальные формы*, что привело, в частности, к тому, что и сами эти буржуазные задачи были решены иначе.

Если мы попытаемся проследить собственно социалистическую линию, идущую от Октября, то мы заметим, что в нашей стране, если и были действительные достижения, то в деле решения задач:

- не столько буржуазной индустриализации (ориентированной прежде всего на массовое производство потребительских благ), сколько полу- (мутантно-) социалистической научно-технической революции;
- не столько обеспечения буржуазной профессиональной грамотности, сколько полу- (мутантно-) социалистической общей высокой культуры населения;
- не столько обеспечения буржуазной демократии (ее-то как раз и не было, и это одна из причин краха СССР), сколько первых ростков более высокого низового демократизма – реального социального творчества.

Парадокс Октября и последующих лет состоял в том, что собственно буржуазные задачи-то мы решали как раз очень плохо (экономика дефицита вместо «общества потребления», технологическая отсталость вместо «более высокой

---

¹ Булавка Л. Коммунизм возвращается. Маяковский // Альтернативы, 2006, № 2.

производительности труда» и т. п.). Единственно, где у нас были действительные успехи, так это как раз в сферах посткапиталистических (отчасти даже постиндустриальных) – в обеспечении общедоступного образования высокого уровня и ориентированного на формирование разносторонне развитого человека, а не узкого специалиста; в освоении космоса и фундаментальной науке; развитии высокой культуры и обеспечении ее доступности массам...

Другой вопрос, который здесь возникает: можно ли решать посткапиталистические задачи, не решив собственно буржуазных, и не потому ли в конечном итоге рухнул «реальный социализм», что собственно буржуазные задачи массового потребления и т. п. у нас не были решены – мы пока оставим в стороне. Нам в данном случае было важно показать другое: то, что импульс Октября вопреки сталинскому террору и брежневскому застою дал мощный (хотя и постепенно истончившийся) поток новых общественных отношений и форм деятельности, человеческих поступков, ценностей и мотив постбуржуазного, социалистического типа.

Оппоненты могут возразить: это была не единственная линия Октябрьской революции.

Да, это действительно так. В ней было много и того, что характеризует как инерционность общественного развития, так и разрушительные составляющие самой революции. Низы СССР несли в себе не только начала ассоциированного социального творчества, но и родовые черты Хама. Интеллигенция частью шла в Революцию, созидая в диалоге с массами новые чудеса техники и качественно новую культуру, а частью бежала от революции. Советская власть открывала тысячи новых школ и музеев, но Гражданская война и сталинская модернизация уничтожили массу объектов и – что гораздо страшнее – субъектов культуры...

В этом реальная диалектика революции. И диалектика эта была такова, что баланс разрушения и созидания был очень подвижен и колебался, вызывая фантастические достижения и чудовищные разрушения на протяжении долгих десятилетий, пока не завершился поражением советского проекта. Но это была именно революция.

Другой вопрос, была ли это революция «против «Капитала»»¹. Если смотреть на проблему узко политико-экономически и исходить только из одного тезиса Маркса

---

¹ Выше я постарался коротко показать, что это в любом случае это была революция против капитала. Да, она выродилась в конечном итоге, но это не отменяет собственной природы этой революции. Что же касается того, насколько Октябрьская революция произошла в соответствие с буквой и духом марксизма, то здесь следует помнить, что революции – объективное слагаемое исторического процесса. Они происходят, как мы вслед за Марксом отметили выше, не потому, что группа теоретиков и практиков от революции решила, что ее нужно совершить. Это взрыв социального котла с перегретым паром общественных противоречий. Именно этот взрыв и произошел в России 1917 года, и не случайно его кульминацией стали октябрьские события.

о том, что революция происходит там, где старые производственные отношения стали тормозом развития новых, обогнавших их производительных сил, то это действительно так. Но объективно произошедшие в XX веке во многих слабо- и средне-развитых странах антикапиталистические социально-экономические и политические изменения поставили *проблему возможности опережающего развития и решения в некапиталистических системах буржуазных задач* (1) прогресса технологии, создания позднеиндустриального уклада и перехода к постиндустриальному и (2) обеспечения материального благосостояния на уровне «общества потребления» для значимой части граждан, профессионального образования и т. д.

Ключ к решению этой теоретической проблемы отчасти дает методология «Капитала», прежде всего – теория формального и реального подчинения труда капиталу. В рамках последней показано, что сформировавшиеся «на вырост» производственные отношения капитализма при благоприятных социально-политических условиях (например, в Нидерландах с XVI века) могли обеспечить опережающее развитие технологий. И, наоборот, при неблагоприятных условиях индустриальные технологии могли развиваться в феодальных формах (крепостные фабрики в России XIX века).

Отсюда гипотеза возможности развития при благоприятных условиях отношений формального освобождения труда на базе недостаточных для посткапиталистической системы технологических и культурных предпосылок.

В этой связи автор предлагает уточняющую основные ленинские идеи гипотезу условий, при которых возможно «доставление» предпосылок нового общества, в условиях, когда революционный переход к его созиданию начался на неадекватной базе. К числу таких **условий опережающего развития предпосылок и элементов социализма** на неадекватном материальном базисе относятся, как минимум, следующие.

(1) Разработка и реализация стратегии решения буржуазных задач (прежде всего – создания позднеиндустриального технологического базиса и обеспечения рационального уровня потребления населения) новыми методами и в новых социальных формах. В частности, среди таких форм должны были бы быть отношения формального освобождения труда (самоуправление, социальное творчество и новаторство работников в условиях фордистской модели организации труда: ситуация не более, но и не менее противоречивая, чем капиталистическое производство на базе ручных орудий труда), новые формы утилитарного потребления (в СССР не были найдены действенные гуманистические альтернативы ни «обществу потребления», ни «экономике дефицита», а это едва ли не ключевые проблемы раннего социализма) и т. п.

(2) Развитие постиндустриальных технологий и сфер деятельности, адекватных вызовам нового общества, а не имитирующих процессы позднего капитализма (для социализма должны быть характерны постиндустриальные

процессы: развитие прежде всего массового высококачественного образования, здравоохранения, культуры, науки, рекреации природы и общества, трудосберегающих технологий, всех других форм креативной деятельности, развивающей человеческие качества, а не милитаризма, финансовых спекуляций и масс-культуры), причем при помощи новых социально-экономических отношений.

(3) Наличие мощной энергии социального творчества («энтузиазма»), формирующего отношения формального освобождения труда и компенсирующего недостаточное развитие материально-технических предпосылок. Социализм, конечно же, нельзя построить только на энтузиазме, но *без энтузиазма, без энергии социального творчества значительной части общества социализм построить также невозможно*. Справедливость обеих тезисов в полной мере подтверждает опыт генезиса и краха «реального социализма».

(4) Приоритетное развитие подлинной культуры как второго (наряду с социальным творчеством) неотъемлемого слагаемого «компенсации» недостаточного развития материально-технического базиса.

(5) Использование наиболее развитых форм «старой» социально-экономической организации там, где для формирования новых нет условий в рамках смешанных общественных систем; более того, развертывание новых форм только в той мере, в какой присутствует достаточная социальная энергия для их выращивания. Существенна при этом динамика в соотношении старых и новых форм: для Китая последних десятилетий, как и СССР эпохи нэпа, характерна смешанная экономика, но между ними есть принципиальное различие: в первом случае цели стоят чисто буржуазные (рост ВВП и прогресс «державы» *любymi* средствами), а ростки социализма постепенно затухают, так и не успев избавиться от мутантных форм, вытесняются капиталистическими отношениями; во втором – в СССР периода нэпа – ставились социалистические задачи и наращивалось использование социалистических методов их достижения. В конечном итоге эта попытка, правда, выродилась. Но выродилась именно вследствие отхода (объективно неизбежного или вызванного субъективными причинами – это мы сейчас не рассматриваем) от названной выше стратегии.

(6) Обеспечение форм базисной демократии (строительство «социализма гражданского общества», говоря языком нового века) как абсолютно необходимое условие реализации всех названных выше процессов.

К сожалению, в СССР социальные и политические условия оказались неблагоприятны для решения задач опережающего развития, некапиталистические формы решения проблем технологического развития и роста потребления не были найдены (или были найдены лишь отчасти – в сферах образования, фундаментальной науки, культуры).

Возвращаясь к теме статьи, мы можем сделать вывод, что Октябрьская революция, как и практически каждая революция, произошла в условиях, когда налицо отнюдь не все необходимые и достаточные условия ее безболезненного совершения. В этом случае великая миссия и ответственность революционных сил

состоит в том, чтобы суметь «достроить» недостающие элементы нового общественного здания уже в процессе революционных событий.

И в этом смысле надо отдать должное смелости и ответственности «ленинской гвардии», решившейся пойти в сложнейших условиях кризиса Российской империи именно по этому пути, не предав – из-за осторожности или трусости, свойственной меньшевикам, – интересов и действий широчайших масс, поднявшихся на революцию в начале XX века во многих странах мира. Другое дело, что выдержать эту линию «достраивания» предпосылок революции после политического переворота большевикам не удалось: они потерпели поражение в борьбе... со своим *alter ego* – мутациями социализма. Впрочем, наряду с поражением и трагедией большевиков мутантный социализм был еще и их подвигом – подвигом всех тех, кто вырос из Октябрьской революции и сделал XX век эпохой борьбы за социализм в мировом масштабе.

Ну а далее работает теоретически отображенная закономерность: *в той мере, в какой «достроить» предпосылки социалистической революции не удастся (или объективно невозможно вследствие недостаточности предпосылок рождения нового общества), она неизбежно вырождается в контрреволюцию*, приводя либо к восстановлению прежней системы, либо к появлению мутантного вида нового общества, приспособленного (именно в силу этих мутаций) к неадекватным объективным и субъективным (таким, в частности, как перерождение революционных сил, «термидор») условиям.

Примеры таких мутаций – не только сталинский СССР, но и многие другие социумы, в том числе – мутантно-капиталистические монстры конца XIX – начала XX века, соединявшие в себе военно-феодальные и империалистические черты. И если в случае СССР мы можем говорить об «опережающей» мутации, возникшей вследствие объективной тенденции Великой Октябрьской социалистической революции создать новое общество «слишком рано», то применительно к буржуазным преобразованиям в Российской империи правильнее было бы говорить об «отстающей» мутации капитализма¹. Последняя возникла в силу того, что движение к буржуазному обществу началось слишком поздно и проходило слишком медленно, искусственно тормозилось правящими классами, осуществлялось недостаточно радикальными, половинчато-реформистскими методами, что и привело к рождению «военно-феодального империализма» с массовой нищетой, неграмотностью и политической диктатурой распутиных и романовых.

Но! Еще и еще раз подчеркнем: было бы большой ошибкой считать эти мутации следствием того, что в первом случае революционеры слишком поспешили и были слишком радикальны, а во втором – были слишком слабы и нерешительны. Дialeктика объективного и субъективного в революции гораздо сложнее, и отчасти

---

¹ Дialeктика «опережающих» и «отстающих» мутаций раскрыта в наших статьях в журналах «Вопросы экономики» (2001, № 12) и «Вестник Моск. Ун-та. Сер. Экономика» (2002, № 3, 4, 5).

мы постарались в первой части статьи показать некоторые азы этой «алгебры», дополняя в меру сил опыт и теорию великих революционеров прошлых веков.

И еще, повторю: *не-свершение объективно назревшей революции чревато регрессом и жертвами гораздо большими, чем в условиях ее свершения*. Да к тому же это были бы жертвы социального регресса.

Это в полной мере относится и к Октябрьской революции. Ее не-свершение в 1917 году было чревато не мирным процветанием в духе бельгийской социал-демократической «монархии» нынешней поры, а кровавой диктатурой и продолжением Мировой войны вкупе с продразверсткой, начатой отнюдь не большевиками, а царским и Временным правительствами.

2.2. Что принесла Октябрьская революция России и миру: диалектика интернационализма и патриотизма

Здесь мне менее всего хотелось бы повторять тезисы, развитые в работах десятков ученых, писавших о всемирном значении Октябрьской революции. Да, в этих работах, особенно написанных на заказ и в годы ужесточения цензуры, было много лжи, но главное все же было сказано. Особенно важным в этом было то, что наша революция стала важнейшим импульсом для той частичной социализации и гуманизации капитализма, что была характерна для него в XX веке и отчасти сохраняется и сейчас. Но это общеизвестно.

Сегодня мне представляется более важным полемицировать с теми из защитников идей Октября, кто наряду с действительно мировым значением Октябрьской революции, изменившей историю Человечества в XX веке, акцентирует ее роль в создании «великой советской державы». Этот акцент ныне становится особенно моден, и не случайно: распад СССР лишил нас могучей Родины, а наблюдающееся в последние десятилетия стремление США и других глобальных игроков окончательно сформировать новый однополюсный имперский порядок еще больше подливает масла в огонь. Все это можно понять. Но нельзя оправдать.

И дело здесь не в том, что СССР не был великой державой. Он был (какой именно – это другой и очень важный вопрос и автор об этом немало писал ранее). Дело в том, что позитивный импульс Октября, в результате которого и удалось создать двухполюсный мир, был анти-державным. Более того, на первый взгляд он выглядел как *стратегия разрушения державы* (империи): односторонний выход из войны и сдача территорий; предоставление экс-колониям права на самоопределение вплоть до отделения; курс на интернационализм и равноправие наций и народов – все это очевидные антитезы и прежней, и нынешней державно-имперской тенденции. И неслучайна в этой связи нелюбовь, а то и ненависть нынешних державников к Ленину – пожалуй, крупнейшему теоретику и практику интернациональной модели выращивания социализма.

Коротко главный импульс Октябрьской революции может быть выражен просто: *развитие международной солидарности социалистических сил как главное*

средство решения проблем социализма и («попутно», тем самым) укрепления первых практически создающих социализм особых государств.

Расшифрую эту тезу. Национальное государство можно строить разными способами. Тем более – если это государство, претендующее на роль «державы» (а то и империи), то есть на роль центра-покровителя, защитника, «собирателя» и «держателя» земель – в лучшем случае, эксплуататора и диктатора по отношению к периферийным составляющим – в худшем. Традиционно известны два.

Один – насильственное подчинение периферии центру и конфронтация со всеми претендентами на то, чтобы эту «державу» потеснить на мировой арене. Плюс жесткий протекционизм во внешнеэкономических связях и культурный изоляционизм вкупе с великодержавным шовинизмом.

Второй вариант – экономическая экспансия, подчинение мира путем распространения власти крупнейших корпораций.

Первый способ был и остается характерен для добуржуазных методов строительства империй. К сожалению, и в XXI веке он не ушел в прошлое. Его используют и те, кто не преуспел в экономической экспансии (от исламского экспансионизма до интенций российских державников строить самодостаточную «периферийную империю»), и те, кто не прочь дополнить свое экономическое господство военной силой. Второй способ в чистом виде никогда не существовал: это о США сказано, что господство «Макдональдсов» невозможно без «Макдоннел Дуглас» (производитель «Фантомов»).

Октябрьская революция открыла дорогу для реализации на первый взгляд невозможного проекта – *расширения влияния и роли отдельного государства или союза равноправных государств путем... отказа от экономико-политической экспансии*, более того, путем борьбы с ней.

Как именно? На этот вопрос ответ дает теория и практика, предложенная большевиками, начиная с 1917 года. Вот лишь несколько аспектов.

Первый. Как решить проблему победы в Первой мировой войне? Решение, предложенное Лениным, выглядит абсолютно парадоксальным, но в конечном итоге оказывается верным: заключить мир с врагом, ибо в силу своих внутренних противоречий он завтра станет союзником, если помочь прогрессивным силам в стане этого врага. Революции в Германии и Венгрии стали первыми шагами в этом направлении.

Второй. Как обеспечить единство народов бывшей царской империи? Опять парадоксальный ответ: дать им право на отделение, но поддержать те силы, которым равноправный союз «выгоднее», чем сепаратизм.

Третий. Как преодолеть изоляцию СССР со стороны остальных государств? И вновь «перпендикулярное» предложение: развивать диалог не с властными структурами, а с организациями трудящихся, которые своей активностью вынудят элиту идти на союз.

Это лишь некоторые аспекты, показывающие, как социальный подход, основанный на понимании противоречий интересов прогрессивных и консервативных

сил, существующих в каждой стране, ориентированный на интернациональную солидарность этих прогрессивных сил, позволяет принципиально по-иному решать кажущиеся неразрешимыми геополитические проблемы.

Именно на этом пути СССР, сократив после окончания Гражданской войны армию в несколько раз и тратя денег на оборону меньше, чем любая из империалистических стран, смог обеспечить безопасность нового государства в действительно чудовищно враждебном окружении и изоляции. Почему? Да потому, что мы предложили мирную интернационалистическую альтернативу, которая оказалась притягательна для социалистических и национально-освободительных сил. Потому, что мы предложили социальную модель, привлекательную для трудящихся и их организаций во всех странах мира. Потому, что мы предложили такую образовательную и культурную политику, которую не могли не поддержать широчайшие круги прогрессивной интеллигенции в США, Европе, Азии и т. п. *Это была мирная социальная и культурная экспансия новых принципов и внутренней, и внешней политики, предполагающих равноправный диалог и солидарность.*

Да, начиная с 30-х годов сталинизм изменил эту линию, ломая ее основы – равноправие, солидарность и интернационализм – и дополняя ее во все большей степени традиционной политикой экономического и военного экспансионизма. Но эта модель и сегодня остается крайне актуальной. Единственный способ действительного роста престижа и влияния нашей страны сегодня – это не рост вооружений и экспорта нефти, а реализация таких «правил» внутренней и внешней политики, таких моделей организации экономической, социальной, культурно-образовательной сферы, таких проектов открытого сотрудничества и солидарности с общественностью и социальными движениями других стран, которые станут притягательными и для международного гражданского общества, и для прогрессивных интеллектуалов мира. А они уже в свою очередь заставят свои правительства считаться с нами и уважать нас.

И этот проект для России XXI века в принципе не более романтичен, чем ленинский план создания СССР и проведения мирной внешней политики в условиях блокады 20-х годов прошлого века¹. Единственный «пустяк», который мешает его реализации, – общественно-политические силы, стоящие у власти в нашей стране. Так мы в точном соответствии с буквой и духом Октября упираемся в то, что *ключ к решению геополитических проблем лежит в области социально-политической*. И это один из важнейших уроков свершенной 90 лет назад революции.

---

¹ Критика державного проекта для России и обоснование возможности новой социокультурной «экспансии» нашей страны даны в статье: Бузгалин А., Колганов А. «Серые» приходят в сумерках // Альтернативы, 2006, № 1.

2.3. Нужна ли XXI веку социалистическая революция? (Политические и экономические основания социализма как мира культуры)

Отвечу сразу и коротко: да, нужна. Более того, нужна не просто социалистическая, но коммунистическая социальная революция, т.е. не политический переворот в духе сталинского «экспорта социализма», а качественное изменение всей системы общественных отношений в процессе перехода к «царству свободы», сопровождающееся, в том числе, и качественными политическими изменениями.

И здесь возникает один из ключевых пунктов моих разногласий с теми, кто считает, что в новом столетии экономическая и политическая критика капитализма невозможна, что социальное рыночное хозяйство и социал-демократическая политическая модель есть вершина экономико-политического развития, ее же не преищешь.

В странной политико-духовной транскрипции русского традиционализма эту идею высказывает Г. Зюганов, для которого «лимит на революции исчерпан» и все задачи в области экономики и политики сводятся к совершенствованию нынешней капиталистической системы, а главные проблемы лежат в сфере укрепления традиционных российских духовных ценностей.

В рамках философского-культурологического «дискурса» эту тезу развивают В. Межуев и некоторые другие видные философы-культурологи. Профессор Межуев вслед за Марксом, а также своими учителями и коллегами-шестидесятниками справедливо подчеркивает тезис о том, что коммунизм есть пространство культуры¹. И это действительно так: если под культурой подразумевать не отрасль народного хозяйства, а пространство и время, в которых человек снимает границы своего индивидуального существования (Шекспир и Эйнштейн, Толстой и Ломоносов вечны и всемирны), находится в поле неотчужденных общественных отношений, творчества, то этот мир и есть иное имя коммунизма.

В качестве отступления замечу: именно таким справедливо рисуется мир будущего в произведениях А. и Б. Стругацких, И. Ефремова и даже современного фантаста Ахманова; это мир педагогов, врачей, ученых, поэтов, «прогрессоров» – людей, занятых совместным творением культуры и общества вне узкого горизонта наживы и власти².

---

¹ В журнале «Альтернативы» этот тезис так же звучал неоднократно. См.: Злобин Н. С. Коммунизм как культура (1995, № 1); Межуев В. М. Социализм как пространство культуры (1999, № 2). Автор развил тезис о коммунизме как мире со-творчества, креатосферы, в частности, в книгах «Будущее коммунизма» (М., 1995) и «По ту сторону царства необходимости» (М., 1998).

² См.: Хазанов В. Е. Основы социального оптимизма. Миры Ивана Ефремова и пути человечества в будущее. М.: КомКнига / URSS, 2006; Колганов А. Редкий жанр: утопия // Альтернативы, 2005, № 3.

А теперь вернемся к философской полемике. Из названной выше справедливой посылки В. Межуевым выводится совершенно ошибочное следствие: единственное отличие коммунизма от предшествующих обществ лежит в сфере культуры. Никаких качественных преобразований в социально-экономической и социально-политической области не нужно, ибо коммунизм (обычно В. Межуев говорит "социализм") – это не новая общественная система или тем паче способ производства, а лишь некоторое пространство-время инобытия человека после того, как он вышел за рамки завода или офиса.

Однако¹.

Еще К. Маркс заметил, что «царство свободы» (мир культуры) может «расцвести» только на базе соответствующего развития «царства необходимости». Поэтому первостепенно значимым становится ответ на вопрос: какой именно тип организации экономико-социальной жизни будет адекватной основой для свободного развития «пространства культуры»? Я бы эту проблему переформулировал следующим образом. *Мир свободного развития человеческих качеств (культуры) формирует своего рода «социальный заказ» к технологическим основам общества, экономическим и социальным отношениям, политической системе и т. п.* Все они должны быть адекватны для решения задач прогресса креатосферы, мира культуры, Человека.

Теперь давайте задумаемся: насколько адекватны для прогресса последних конвейер, рынок, наемный труд, политическое манипулирование, господство СМИ и т. п.?

Видимо, профессор Межуев знает, что деньги – это не просто способ обмена и калькуляции издержек, но еще и особые общественные отношения (еще Шекспир знал, что деньги способны превратить зло в добродетель, а из человека сделать циника или преступника). Что рынок – это система, формирующая «экономического человека», мотивы и ценности которого определяются соображениями выгоды. Что наемный труд предполагает отчуждение работника от целеполагания и других атрибутов творческой деятельности. Что воспроизводство капитала при отсутствии социально-политического противодействия со стороны трудящихся ведет к социальной поляризации и развитию массовой нищеты (от которой капитализм никогда не был свободен и не свободен сейчас). Что господствующие ныне системы властных отношений при помощи современных технологий политического, идеологического и т. п. манипулирования обеспечивают концентрацию власти в руках отнюдь не деятелей культуры, а совсем других социальных сил. Что массовое потребление, массовая культура и средства массовой информации формируют человека-мещанина, которому мир культуры принципиально чужд, который отторгает и омертвляет подлинную культуру...

---

¹ Полемика с В. Межуевым по затрагиваемым ниже вопросам представлена в работах Б. Ф. Славина. См.: Межуев В., Славин Б. Диалоги о социализме. М., 2001; Славин Б. Бегство от реальности, или новая теория социализма Вадима Межуева // Альтернативы, 1999, № 4.

Неужели такая система и есть тот адекватный для «коммунизма как пространства культуры» базис, на котором расцветет будущее «царство свободы»?

Продолжим. Даже сам по себе мир культуры не существует вне экономических и политических процессов.

Скажите, профессор Межуев, для прогресса культуры безразлично, какой будет собственность на знания? Вы справедливо развиваете тезис о том, что для мира культуры адекватна лишь всеобщая собственность – собственность каждого на все. Но рынок и капитал требуют и воспроизводят частную собственность на феномены культуры.

Скажите, для мира культуры безразлично, общедоступным или коммерчески-элитарным будет образование?

А безразлично ли для него, куда будут направлены основные ресурсы развития человечества, в том числе «человеческий капитал», – на экспансию финансовых спекуляций, милитаризма, масс-культуры или на воспитание, обучение, здравоохранение, развитие искусства, решение проблем рекреации природы и общества?

А между тем это все сугубо социально-экономические и социально-политические проблемы...

Другой вопрос, что первые попытки создать антикапиталистическую модель решения этих и многих других проблем оказались крайне противоречивы. Я уже не раз писал, что советская система при всех ее достижениях в области науки, образования и искусства была весьма далека от создания адекватных социально-экономических и политических предпосылок для прогресса культуры. Но поражение первой попытки разработать и практически реализовать модель нового общества не может служить для ученого аргументом принципиальной неосуществимости нового проекта: *ученый* прекрасно знает, сколь долг и многотруден путь разработок и реализаций новых стратегических проектов в любой сфере деятельности человека.

Вот почему я вслед за моими учителями и совместно с моими коллегами постоянно работаю над проблемой поиска реальных тенденций движения к экономике и обществу будущего, реальных ростков этого будущего в сегодняшней действительности¹.

А теперь о том, почему я счел столь важным именно в этой статье воспроизвести полемику с академическим ученым – профессором Межуевым – на, казалось бы, отвлеченную тему. Причина проста: Октябрьская революция была не просто политическим переворотом и не только попыткой (в конечном итоге закончившейся поражением) создать плановую экономику и советскую политическую систему. По своему самому глубокому смыслу она была *революцией против*

---

¹ Краткое суммирование итогов этой работы и обзор ряда работ по проблемам экономики будущего содержится в статье: Бузгалин А., Колганов А. Социализм после «социализма»: ответы на вызовы неэкономии. // Альтернативы, 2006, № 4. См. так же: Бузгалин А. В. Ренессанс социализма. М., 2003.

«царства необходимости» и началом масштабного, по сути дела всемирного поиска практических путей формирования предпосылок и основных элементов «царства свободы».

Отсюда важность акцента, который сделал еще К. Маркс, развил Ленин¹, а затем и многие марксисты, в том числе Межуев: *первостепенная задача коммунистической революции – формирование условий для максимального свободного и быстрого прогресса человеческих качеств* («коммунизм есть практический гуманизм»), со-творчества, культуры. И в этом смысле важнейшим достижением Октябрьской революции стали не Днепрогэс и Спутник как таковые, а те миллионы (хотя, к сожалению, не миллиарды) людей, которые по всему миру – и прежде всего в СССР – жили и работали не ради денег и не ради власти. Им было интересно и талантливо творить новую жизнь и, прежде всего, новую культуру. Не просто книги и фильмы, знания и космические корабли, но культуру как пространство и время неотчужденного бытия человека, неотчужденных человеческих отношений – культуру как пространство коммунизма.

И это важнейший урок для социализма будущего: по большому счету он может и должен начинаться с *социокультурной революции, важнейшее содержание которой – снятие экономических и политических форм, тормозящих прогресс человеческих качеств, креатосферы и создание предпосылок для выращивания новых общественных форм, помогающих ускоренному прогрессу культуры, Человека*. Без этого экономические и политические преобразования выродятся в свою противоположность.

Но столь же верно и обратное: *без социально-экономической и политической социалистической революции прогресс культуры никогда не станет определяющим параметром человеческого развития*.

---

¹ Вклад В. И. Ленина в эту проблему раскрыт, в частности, в книге Н. С. Злобина «Культура и общественный прогресс» (М., 1979).

Материальные и социально-экономические предпосылки Русской революции

Воейков М.И.,
д.э.н., Институт экономики РАН

Введение

О Русской революции 1917 года написаны горы книг. Казалось бы, все должно быть ясно. И такая ясность вроде была у подавляющего числа советских читателей до 1991 года. Нас учили и мы считали, что в феврале 1917 г. произошла буржуазно-демократическая революция, а в октябре того же года - социалистическая, после которой началось и осуществилось строительство социалистического общества в нашей стране. И это все происходило в соответствии с объективными законами социально-экономического развития. Все было правильно и научно обосновано. Так нас учили и так мы думали.

Но вот, после 1991 года стали появляться и все больше доминировать (правда, в очень узком кругу так называемой "творческой интеллигенции") взгляды на Великую Октябрьскую революцию (или октябрьский этап Русской революции) как на ошибку, как навязанную России плохую альтернативу, как, наконец, злостную выходку плохих людей (большевиков), которые замутили голову русскому народу и повели Россию не в ту сторону. Как пример, можно привести высказывание такого, претендующего на некую респектабельную объективность, писателя от социологии как Мартина Малия, который в самом начале своей книги пишет следующее: "Советская социалистическая революция была великой утопической авантурой современности".¹ В этой фразе автор умудрился сделать по крайней мере три смысловых ошибки, вероятно, совершенно не понимая этого. Ошибки эти следующие: 1-ая - революция не может быть утопической, если она реально совершилась, это не утопия, а реальность. 2-ая - по той же причине революция не может быть авантурой; авантюра - это неудавшийся переворот, путч. 3-ая - термин "советская" совершенно не приложим к революции октября 1917 года, ибо советская система как таковая появилась после февраля 1917 в лице советов рабочих и солдатских депутатов, а после гражданской войны этот термин превратился в эвфемизм. Конечно, в такого рода взглядах на Русскую революцию как авантюру много наивности, невежества, а порой и просто лжи.

Так что же было на самом деле в 1917 году, что же было в России все последующие 74 года, что мы имеем сегодня, и что же нас ждет завтра? Все эти и

---

¹ Малия М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917 - 1991. М., 2002, с. 9.

подобные им "проклятые вопросы" каждый день задает себе и другим каждый мыслящий россиянин и не только житель России, но всех других республик бывшего СССР.

Интересуют эти проблемы и западного читателя. Но в отличие от России на Западе давно сформировалось несколько течений или концепций объяснения русской революции и русского феномена. И надо сказать, что с падением "государственного социализма" в СССР западные дискуссии о природе и характере русской революции и советского общества не только не угасли, а, наоборот, стали интенсивней и острее.¹ Стало интересней. Тем более, что теперь в этих дискуссиях могут принять посильное участие и российские исследователи, которые знают "государственный социализм", так сказать, изнутри.

Изучение и объяснение всех этих вопросов - огромная работа, посильная, наверно, поколениям исследователей. И не только историков. Важная роль в этой работе должна принадлежать политэкономическому анализу. Думается, отсутствие именно политэкономического подхода в анализе прошлой и настоящей российской социально-экономической действительности не дает возможности сформулировать четкие и ясные направления развития общества, выхода его из так затянувшегося кризиса.

Именно политэкономический подход должен пролить свет на проблему социально-экономических и материальных предпосылок Русской революции. Эта проблема давно была поставлена в исторической литературе, но экономистами разрабатывалась мало. Отсюда много нерешенных проблем, особенно с позиций современного научного знания. Например, в исторической литературе очень редко различают экономическое развитие и капиталистическое развитие. Часто, говоря о бурном экономическом росте в последней четверти XIX века, делаю вывод о таком же мощном развитии капитализма в России. С политэкономической точки зрения это не одно и то же. Таким образом, проблема наличия материальных предпосылок революции продолжает быть актуальной.

Были ли эти предпосылки вообще, насколько они были объективны? От ответа на эти вопросы зависит и объективность самой революции. Действительно, если никаких объективных предпосылок революции в реальности не было, то последнюю логично трактовать как заговор, авантюру, путч и т.п. Но если материальные и социально-экономические предпосылки революции были

---

¹ Укажем лишь на две научные конференции, посвященные 80-летию Октябрьской революции и прошедшие в Германии и Франции в 1997 г., результаты которых отражены в следующих изданиях: *Der Widerschein der Russischen Revolution. Ein Kritischer Ruckblick auf 1917 und die Folgen.* Hrsg. Th. Bergmann / W. Hedeler / M. Kessler / G. Schafer. - Hamburg: VSA-Verlag, 1997. *Octobre 1917: Causes, impact, prolongements.* Sous la direction de B. Drweski. - Paris: Presses Universitaires de France, 1999. См. также сборник обзоров и рефератов: 1917 год: Россия революционная. - М.: ИНИОН РАН, 2007.

объективны, что и делает ее объективно неизбежной, то какие они были, т.е. какой характер они придавали самой революции? То же интересный и важный вопрос.

Еще одно предварительное замечание. Традиционно в нашей литературе указывают на три русские революции: 1905 года, Февраль 1917 года и Октябрь того же 1917 года. В последнее время стали появляться взгляды, объединяющие все эти три революции в одну Русскую революцию с внутренними своеобразными этапами. Действительно, политэкономический подход к анализу предпосылок и характера этих революций показывает, что они сливаются в единый процесс. Сами участники и свидетели революции не превращали эти этапы, особенно два последних 17-го года, в принципиально различные революции. Эта традиция утвердилась и в зарубежной исследовательской литературе.¹ В самое последнее время положение о единой Русской революции с ее этапами все шире пробивает себе дорогу и в отечественной исторической литературе.² Думается, что эти позиции, при правильном их истолковании, не противоречат друг другу. Просто первая, традиционная позиция более детализированная, вторая более агрегированная. В данной статье чаще используется вторая точка зрения, хотя и не отрицается первый подход, если он рассматривает все три революции как единый революционный процесс преодоления феодальных социально-экономических отношений в России. Другое дело, если рассматривать эти революции как принципиально различные по сущности, типу и характеру исторические явления. Именно такая точка зрения и оспаривается всем материалом статьи.

В серьезной исторической литературе как в начале XX века, так и в его конце проблема социально-экономических предпосылок русской революции обычно не ставилась под сомнение. Но вызывает острые споры специальная проблема предпосылок для строительства социализма в России в начале XX века. Большинство исследователей (в основном, марксисты и либералы) склоняются к мнению, что именно этих предпосылок для социализма в экономически и культурно отсталой стране в то время не было. Эта точка зрения была общей, например, для социал-демократов (особенно меньшевиков).

Но проблема отсутствия объективных социально-экономических предпосылок для социализма в России и для большевиков составляла громадную теоретическую трудность. Идею социализма и социалистического общества они ставили во главу всей своей деятельности, подчиняя ей отдельные шаги и мероприятия. В этом состоял один из важнейших принципов марксизма, согласно

---

¹ См.: Россия XIX – XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996, с. 229.

² См., например.: Хрестоматия по отечественной истории (1914 – 1945). Под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М., 1996, с. 7; а также материалы дискуссий: Октябрь 1917: смысл и значение. Материалы круглого стола в Горбачев-Фонде 30 октября 1997 г. М., 1998; 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; Великая русская революция: от Февраля к Октябрю. "Круглый стол", посвященный 90-летию Февральской революции 1917 года. – Альтернативы, 2007, № 2.

которому переделывать старое общество надлежит сознательно и планомерно. То есть, нужно изучать объективные условия социальной жизни, выявлять тенденции ее развития и разрабатывать мероприятия, способствующие развертыванию прогрессивных тенденций. Но беда первых большевиков состояла в том, что объективных условий для социализма тогда в России еще не было. Не было также и достаточных теоретических накоплений в общественной науке. Идеи В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого были великолепны, но они не могли быть реализованы в тех материальных и культурных условиях. В конце концов, условия и сокрушили или извратили идеи. Идеи марксизма превратились в практику сталинизма, ничего не имеющую общего, кроме нескольких фраз, с марксизмом.

При этом, конечно, не следует смешивать социализм и русскую революцию вообще. Революция имела свои материальные предпосылки, что почти не отрицается в научной литературе, а также и в политических трудах деятелей самой революции (от кадет до большевиков). Если говорить более точно, то в русской революции получила подтверждение концепция марксизма, российской социал-демократии в целом, включая большевиков и меньшевиков. Ведь концептуально, теоретически между большевиками и меньшевиками расхождений не было. В 1917 году у них была единая партийная программа и единая марксистская теория. Немецкий историк Э. Нольте замечает в этой связи, что "с точки зрения социологии, различие между большевиками и меньшевиками было едва уловимым".¹ Теоретические расхождения имели в основном тактический характер. После Октября начались, конечно, и концептуальные расхождения. Они приняли окончательную форму к середине 20-х годов, с провозглашением положения строительства социализма в одной стране. Однако с этого времени большевизм как таковой стал превращаться в национал-большевизм.²

Но вернемся к 1917 году. В результате революции у власти оказались большевики во главе с Лениным и Троцким. Это, казалось бы, должно свидетельствовать, что концепция большевиков оказалась более жизненной, чем меньшевиков, более правильной. Но вот с этого места начинаются проблемы и загадки. Если большевистская концепция русской революции как социалистической революции была, скажем, более верной, чем меньшевистская, а для такого утверждения есть много оснований, ибо победили большевики, а не меньшевики, то почему сегодня, после развала СССР ни один образованный и думающий марксист в мире не может назвать общественный строй, который существовал в СССР, социалистическим в полном смысле этого слова, без каких-либо эпитетов или оговорок?

---

¹ Нольте Э. Европейская гражданская война (1917-1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003, с. 280.

² Подробнее об этом см.: Воейков М.И. Большевики и меньшевики: 100 лет вместе. – В кн.: Либерализм, социал-демократизм, коммунизм. Академическая дискуссия. Под ред. А.В. Бугагина и М.И. Воейкова. – М.: URSS, 2005, с. 86-133.

В этом я думаю, заключается одна из крупнейших теоретических загадок нашей истории, без прояснения которой невозможно толком понять ни "государственный социализм", существовавший в бывшем СССР, ни сегодняшние российские пертурбации, ни даже пути развития мировой цивилизации.

Можно сказать даже больше, а именно, что концепция революции Ленина и Троцкого при всем том, что они ей посвятили большое число литературных работ, оказалась несформулированной, незаконченной. Концепция тактики революционной деятельности разошлась с теоретической программной концепцией. От того характер русской революции остался непроясненным.

Я, конечно, далек от несообразностей того рода, что революция в России была искусственно навязана русскому народу, что это была беда для России, что революция увела страну куда-то в сторону от мировой цивилизации. Все эти рассуждения просто невежественный вздор мещански настроенных писателей или того хуже, прямая ложь в угоду тем, кто платит большие деньги за такого рода сочинения. Конечно, ни один серьезный исследователь любого политического толка в любой стране мира так не считает. Вот что, например, пишет на этот счет весьма уважаемый заокеанский историк Ричард Пайпс, который сам себя аттестует "октябристом" и у профессиональных историков вызывает "почти озлобление"¹ своим стремлением всегда угождать шаблонным представлениям малообразованной толпы. И тем не менее он пишет: "Решения, принятые Николаем в августе 1915 года, сделали революцию практически неотвратимой". И несколько дальше: "К концу 1916 года оппозиционные настроения охватили и высшие военные круги, и высшую бюрократию, и даже великих князей, которые решили, как говорилось, "спасти монархию от монарха". Россия еще не знала такого единения, а двор - такой изоляции. И революция 1917 года стала неизбежной..."²

Это пишет либеральный ученый, который честно, в рамках своих возможностей, изучает документы. А вот документ, который приводит в своем отчете Александр Блок. Это письмо Великого князя Александра Михайловича своему брату Николаю II от 25 января 1917 года: "В заключении скажу, что как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию; народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу". Это мнение "великого" князя. А вот выводы великого поэта России: "На исходе 1916 года все члены государственного тела России были поражены болезнью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операции.

---

¹ Как сообщает О.В. Большакова, рецензии в профессиональных журналах книги Пайпса буквально «рвут на части». См.: Большакова О.В. Русская революция глазами трех поколений американских историков. (Обзор). – В кн.: 1917 год. Россия революционная. Сб. обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН РАН, 2007, с. 22.

² Пайпс Р. Русская революция. Часть 1. М., 1994, с. 257, 277.

Так понимали в то время положение все люди, обладавшие государственным смыслом...".¹ Таким образом, можно заключить, что все те люди, которые называют Русскую революцию авантюрой, по мнению великого поэта, лишены "государственного смысла".

Революция и революции не могут быть кем-то придуманными действиями, не могут быть искусственно вызваны или осуществлены даже самыми сильными личностями и самыми организованными партиями. Революции - это спонтанный и закономерный для определенных условий этап естественного процесса исторического развития. Этап, к сожалению, малоприятный и малоблагопристойный, но объективно неизбежный. Князь П. А. Кропоткин как-то сказал о русской революции 1917 года: "Пережитая нами революция есть итог не усилий отдельных личностей, а явление стихийное - не зависящее от человеческой воли, а такое же природное явление, как тайфун, набегающий на берега Восточной Азии... Все мы - я в том числе - подготовили этот стихийный переворот. Но его же подготовили и все предшествующие революции 1798, 1848, 1871 годов, все писания якобинцев, социалистов, политиканов, все успехи науки, промышленности, искусства и т. д."² Отметим здесь лишь одну тонкость. Революции, как правильно замечает П. Кропоткин, не зависят от человеческой воли, но совершаются через человеческие действия, посредством воли. Вот эту объективную вынужденность, объективную необходимость, которая осуществляется посредством субъективной формы, многие наблюдатели не могут различать, отчего возникает серьезная путаница и часто форма принимается за содержание. В общем, хорошо сказал один западный исследователь: "Всякая революция порождается врагами революции".³ И, наконец, приведем слова Н.А. Бердяева, одного из лучших философов России, который как бы специально отвечает многим наплотившимся сегодня недоброжелателям русской революции и русской общественной мысли: "Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана каким-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников, сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой".⁴

Но научный ответ на сомнения в объективности революции коренится в анализе ее материальных и социально-экономических предпосылок.

---

¹ Блок А. Последние дни императорской власти. - М., 2005, с. 114, 6.

² Кропоткин П. А. Что же делать? - В сб.: Труды комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 1. - М.: ИЭ РАН, 1992, с. 196.

³ Фишер Л. Жизнь Ленина. - London, 1970, с. 77. Умных свидетельств об объективном характере русской революции множество. Вот Ф. Степун, противник большевизма, пишет так: "Философия Бердяева и искусство Белого были своеобразным "небесным прологом" столь же великой, как и страшной русской революции". (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994, с. 222).

⁴ Бердяев Н. А.. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991, с. 226.

Методология проблемы материальных предпосылок

Вопрос о материальных предпосылках Русской революции по сути дела сводится к определению степени развитости капитализма в России к 1917 году. Если эта степень была достаточно высокой уже к февралю 1917 г., т. е. капитализм в России к этому сроку был как бы уже и перезрелым, то отсюда следуют два важных вывода. Первый – что февральская революция 1917 г. вообще была не нужна, ибо капитализм в России на тот период господствовал и процветал. Зачем же делать буржуазную (а по поводу характера Февраля никто не спорит) революцию, если с капитализмом в стране все было прекрасно. Второй – ничтожный срок между “буржуазным” Февралем и “социалистическим” Октябрем можно легко объяснить или вообще не принимать во внимание. Логическое объяснение этого феномена может быть следующим. Февральская буржуазная революция сильно запоздала в силу исключительных особенностей российского капитализма, но высокая степень развития последнего предопределила быстрый переход к социалистической революции. Можно даже говорить о значительной растянутости буржуазной революции, начиная отсчет с крестьянской реформы 1861 г. Революцию 1905 г. будем принимать за кульминацию этого процесса и февраль 1917 г. как уже окончательное утверждение господства буржуазно-капиталистических отношений, приобретение ими соответствующей политической оболочки. Конечно, растянутость революции на 50-55 лет довольно большой срок, но по историческим меркам и для условий России это можно как-то объяснить. Все это, хотя и с трудом, можно объяснить, если исходить из гипотетического предположения, что российский капитализм к 1861 г. был уже достаточно развит, а к 1917 г. не просто занимал господствующее положение, но и был даже изрядно перезрелым. В общем, все упирается в доказательство степени развитости капитализма в России к началу XX века.

Отечественные историки советского периода, которые довольно много занимались вопросами генезиса капитализма в России и перехода от феодализма к капитализму, все свои дискуссии и изыскания проводили в рамках ленинской формулы, что в России капитализм был среднеразвит. Более того, было даже и такое мнение: “Начальный и конечный моменты капиталистической формации на территории нашей страны точно определены классиками марксизма”. Это мнение высказал академик Н.М. Дружинин в 1949 году в журнале “Вопросы истории”, сославшись при этом на Краткий курс “Истории ВКП(б)”.¹ Но если в этом Кратком курсе все “точно определено”, зачем же было писать статью для научного журнала под названием “О периодизации истории капиталистических отношений в России” и вообще развивать дискуссию по данному вопросу? А дискуссия эта, как мы увидим в

---

¹ Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. – М.: Наука, 1987, с. 149.

дальнейшем, шла все последующие годы с нарастающей интенсивностью и сегодня приобретает новый оборот. Однако, вернемся к ленинской постановке.

В работе "Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905-1907 годов" В. И. Ленин писал о "сравнительно развитом капитализме в промышленности", правда, тут же отмечая "чудовищную отсталость деревни".¹ И в 1920 г. он продолжал держаться этого определения российского капитализма: "Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло" - писал Ленин в замечаниях на книгу Н. Бухарина "Экономика переходного периода".² Эти положения в общем и целом просуществовали в отечественной исторической литературе и до сего дня. Хотя встречались и очень редкие исключения, когда тезис о среднеразвитом капитализме ставился под сомнение. Однако, эти исключения нужно выискивать, что называется, между строк, и на них будет указано ниже. Ничего принципиально нового в перестроечное и постперестроечное время по данному вопросу официальная (т. е. осуществляемая Российской Академией Наук) историческая наука нам не предложила.³ Лишь на периферии ее пробиваются некоторые реалистические воззрения. Так, например, Л. В. Никифоров из Института экономики РАН вполне обоснованно замечает, что "в фундаментальном труде Ленина "Развитие капитализма в России" уровень капитализации страны был явно преувеличен".⁴ При этом оставим в стороне вообще фантастический взгляд, что Россия в начале XX века представляла собой мощно развивающуюся экономическую систему, которая входила в число 5-7 ведущих стран капиталистического мира. Взгляд, который активно развивался в начале 90-х годов в основном в худосочной публицистике, к науке никакого отношения не имеющий.⁵ Этот взгляд был инспирирован конъюнктурным желанием подвести как бы научную базу, найти хоть какое-нибудь серьезное обоснование в защиту идеологической позиции ненужности, искусственности революции 1917 года. Мол, Россия и так прекрасно развивалась. Но этот взгляд полностью игнорирует все результаты многих социальных наук, полученные авторитетными исследователями любой политической тенденции. Поэтому в рассмотрении проблемы материальных предпосылок мы будем использовать не только самые последние работы (которых чрезвычайно мало), но и

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 16, с. 301.

² Ленинский сборник. XL. М., 1985, с. 425.

³ В этой связи можно привести книгу В. И. Бовыкина "Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны" (М., 2001), где отмечается, что признание России начала XX века страной "среднего уровня капиталистического развития" до последнего времени повторялось в различных изданиях "как нечто, не вызывающее сомнений" (с. 14).

⁴ Смешанное общество. Российский вариант. М., 1999, с. 15.

⁵ В мировой специальной литературе прочно утвердилось мнение, что Россия в 1913 г. была "беднейшим из цивилизованных государств". (Эктон Э., Гэтрелл П. Глазами британцев: современная английская историография России и Советского Союза. - В кн.: Россия XIX - XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996, с. 34.

более ранние (которые также по своему интересны). Однако есть более чем основательные сомнения в тезисе о среднеразвитом капитализме в России. Рассмотрим эти сомнения по порядку.

Еще в середине советского периода (50-е годы) академик Н. М. Дружинин дал достаточно емкое определение предпосылок зарождения капитализма. Он писал: "Необходимой предпосылкой для зарождения капиталистического строя является достаточно широкое развитие товарного производства и обмена, которые служат питательной базой для образования денежных богатств и для социального расслоения города и деревни. Возникновению системы капиталистической эксплуатации должен предшествовать процесс первоначального накопления, который складывается из двух основных моментов: превращения мелкого собственника в свободного, но лишенного средств производства пролетария и появления обладателя денежных средств, которые могут быть затрачены на покупку рабочей силы."¹ Посмотрим же, как с этими признаками капитализма дело обстояло в реальности к началу XX века в России.

Проблема генезиса капитализма

Сами отечественные историки весьма противоречивы и далеко не едины в определении основных моментов генезиса капитализма в России: развитие товарного производства и обмена, капитализма в аграрном секторе, промышленного переворота, первоначального накопления капитала, начала и завершения индустриализации, перехода от мануфактуры к фабрике и т. д. Так, Н. М. Дружинин считает, что "реформа 1861 г. завершила собой процесс первоначального накопления"². Однако после этой крестьянской реформы крупной машинной промышленности в стране создано не было и даже не появились отдельные "гиганты индустрии". После реформы 1861 г. можно говорить лишь о начале процесса накопления капитала, и то с большой степенью условности. Ибо к началу первого этапа индустриализации в последней четверти того века собственного капитала в стране было мало. Другой авторитетный историк Б. Б. Кафенгауз процесс первоначального накопления растягивает до начала XX века: "Таким образом, методами "первоначального накопления" в России являлись частичная "экспроприация земледельцев", рост государственного долга, субсидии и привилегии буржуазии, они приходятся на вторую половину XIX и начало XX в."³ Действительно, это более реалистическая точка зрения. Однако ее стоило бы дополнить тем, что на этот период приходится лишь начало "первоначального накопления", которое было прервано Первой мировой войной. После войны, в 20-е годы вопрос о средствах для экономического развития страны встал опять в повестку дня. Вспомним дискуссии тех

---

¹ Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. М., 1955, с. 5-6.

² Там же, с. 36.

³ Кафенгауз Б. Б. К вопросу о первоначальном накоплении в России. - В сб.: Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957, с. 224.

лет в советской литературе о “законе первоначального накопления”, которое опять же осуществлялось в основном за счет аграрного сектора. И только индустриализацию 30-х годов XX века можно считать естественной формой реализации процесса накопления капитала для экономической модернизации производственного потенциала страны.

В пользу тезиса о том, что к началу XX века первоначальное накопление капитала не было завершено или не было достаточным (что то же самое) говорит интенсивное проникновение в страну иностранного капитала. Современный историк прямо так и пишет, что приток иностранного капитала был обусловлен “недостаточностью внутренних накоплений”.¹

Исходя из этих рассуждений, можно опровергнуть широко распространенный среди историков тезис о том, что 1861 год явился как бы границей между феодализмом и капитализмом в России. Так, в 1974 г. академик Н.М. Дружинин безапелляционно писал: “Реформа 1861 г. при всей своей ограниченности явилась переломным моментом между двумя формациями. Несмотря на многочисленные крепостнические пережитки в деревне, капитализм одержал полную победу в промышленности и начал завоевывать позиции в отсталом сельском хозяйстве”.² В коллективном докладе группы авторитетных историков “Переход России от феодализма к капитализму”, представленном на Всесоюзной дискуссии историков в 1965 г. на этот счет сказано: “Реформа 1861 г., как известно, провела пограничную черту между феодальной и капиталистической формациями, после реформы изменился удельный вес старого и нового в социально-экономической жизни страны: в дореформенную пору капитализм пробивал себе путь в окружении господствовавшей феодально-крепостнической системы, теперь он занял господствующее положение...”.³ То есть, авторы хотят сказать, что капитализм в России стал господствующим, доминирующим уже сразу после крестьянской реформы 1861 года. Это значительно более сильная, а, значит, и более неверная формула, чем даже ленинское положение о среднеразвитом капитализме.

Одним из немногих или даже единственным, кто достаточно четко выступил против этого положения на той дискуссии был М. Я. Гефтер. Он, в частности, назвал большим упрощением считать, что “капитализм полностью созревает в недрах феодального общества еще до начала буржуазных революций”. И тем более эта схема не применима к России, где “в общественном и прежде всего в аграрном строе которой доминировало крепостничество - притом не только в дореформенное время,

---

¹ Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны. М., 2001, с. 34.

² Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. – М.: Наука, 1987, с. 368, а также с. 345.

³ Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969, с. 38. Некоторые участники той дискуссии “известную зрелость буржуазных отношений” в России обнаружили уже в последней четверти XVII столетия, где она “отчетливо выявилась” (Там же, с. 137). Такой взгляд, по меньшей мере, можно расценивать как анекдот и только.

но в определенной мере и в первые пореформенные десятилетия".¹ Если вчитаться в эту фразу, особенно в три слова "первые пореформенные десятилетия", то по М. Гефтеру получается, что крепостничество в аграрном секторе "доминировало" до самого конца XIX века. Ибо, первые десятилетия - это никак не меньше 20-30 лет после 1861 г. То есть, и к 1891 году, по М. Гефтеру, доминировало крепостничество. В принципе эту же позицию можно увидеть и в выступлении старого и очень опытного (гибкого)² историка С. М. Дубровского, который, с одной стороны, отмежеввался от мнения, "что до 1917 г. в России господствовали феодально-крепостнические отношения, потому что это не соответствует фактам и не соответствует ленинскому учению". В то же время, с другой стороны, он говорил и следующее: "Конечно, полного торжества капитализма в нашей стране не получилось даже в области надстройки. Буржуазия господствовала в промышленности, торговле и экономической жизни, но политическая власть на 99 % находилась в руках помещиков-полукрепостников. В феврале 1917 г. свергли Николая II, но остатки феодально-крепостных отношений в виде помещичьего землевладения, неравноправия крестьян и всякой кабалы сохранились до октября 1917 г."³ Если политическая власть до 1917 г. находилась в руках феодальной аристократии, то, следовательно, ни о каком господствующем положении капитализма после реформы 1861 г. говорить не приходится. Этого требует элементарная логика. Да и вообще, формации в один год не образуются, это длительный процесс, занимающий столетия. Более того, капитализм после реформы 1861 г. далеко не занял господствующего положения даже в промышленном секторе страны. Иначе не было бы революций 1905 и 1917 гг. По имеющимся данным К. А. Пажитнова к 1861 г. из общего числа 862 тыс. рабочих крупной промышленности, включая горнозаводскую, 44 % были крепостными.⁴ Можно вполне утверждать, что всю вторую половину XIX в. экономические отношения даже в промышленности характеризовались полукрепостническим состоянием. Причем, как верно замечает историк А. М. Анфимов, "полукрепостнические отношения не следует понимать как равнозначные "полубуржуазным". Это те же крепостнические отношения, правда, модифицированные капитализмом..."⁵ Значит, период после Великой реформы 1861 г. ушел на то, чтобы сделать рабочих из крепостных действительными рабочими, продающими свою рабочую силу. Более прав в этом вопросе Н. М. Дружнин, когда утверждает, что "незавершенность капиталистического переустройства в 60-х годах XIX в. породила буржуазно-демократическую революцию

---

¹ Там же, с. 224-225.

² С.М. Дубровский был замечен еще в дискуссиях 20-х годов, где он довольно часто менял свои позиции.

³ Там же, с. 147.

⁴ Пажитнов К. А. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности. - "Исторические записки", 1940, вып. 7.

⁵ Анфимов А. М. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX в. - "Исторические записки", Т. 65. М., 1959, с. 121.

1905 г.¹ Однако вспомним, что эта революция вырвала лишь некоторые уступки у феодальной системы, царизма. То есть, "незавершенность капиталистического переустройства" растянулась и до 1917 г.

Некоторые советские историки, правда, очень немногие, хорошо показали, что даже на промышленных предприятиях Урала к началу XX века сохранялись некапиталистические уклады. Так, В. В. Адамов утверждал, что в этот период вся российская промышленность была многоукладна. Он приводит мнение комиссии Д. И. Менделеева, посетившей Урал в 1898 г., о большой степени натурализации в промышленности Урала: "Почти повсеместное господство старого дореформенного принципа "иметь" все свое от рабочего до последнего гвоздя".² В.В. Адамов также отмечал, что лишь в конце XIX - начале XX веков в прессе и литературе был поднят вопрос "о путях и средствах ликвидации крепостнических порядков и реорганизации промышленности Урала на капиталистических началах".³ А надо сказать, что в начале XX века Урал продолжал концентрировать существенную долю национального промышленного производства. Так, в 1910 г. из 173 действующих железоделательных предприятий страны 94 (или 54 %) размещались на Урале.⁴ То есть, более половины промышленных предприятий основного индустриального ядра (металлургия) даже в начале XX века не было охвачено капиталистическими отношениями в точном смысле этого слова.

У некоторых отечественных историков также можно обнаружить аналогичную позицию, но, что называется, читая между строк. Так, М. Я. Гефтер, анализируя дискуссии 1929 г. о финансовом капитале в России, отмечал, что в той дискуссии выяснялась внутренняя почва для появления "перезрелого капитализма" в стране, где, как пишет Гефтер и что можно принять за его позицию, "еще не сложились окончательно или даже отсутствовали многие из основных условий для капитализма свободной конкуренции".⁵ В Предисловии к этой книге 1972 года и изданной в Свердловске, В. В. Адамов также отмечал, что "крупный капитал в России, хотя и обладал массой привилегий, все же не сложился в силу, способную преобразовать весь ее строй. Экономика страны до самой революции носила переходный характер".⁶ Вот, если внимательно читать тексты некоторых советских историков можно почерпнуть много поучительного. Однако такая позиция была очень редким исключением, к тому же глубоко запрятанная в гущу общепринятых

---

¹ Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. М., 1955, с. 36.

² Адамов В. В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала. - В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972, с. 250.

³ Там же, с. 252.

⁴ Статистический ежегодник на 1912 год. Под ред. В. И. Шарога. СПб, 1912, с. 158.

⁵ Гефтер М. Я. Многоукладность - характеристика целого. - В кн.: Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972, с. 85.

⁶ Там же, с. 11.

стандартных положений и фраз. На всю эту свердловскую книгу, пожалуй, вот эти два реалистических мнения, которые тонут в море повторений официальной советской позиции о среднеразвитом и даже высокоразвитом российском капитализме. Вот, к примеру, место из стандартной статьи К. Н. Тарновского, где развивается совершенно обратная позиция. Он пишет, что серия статей и монографий, опубликованных в начале 1960-х годов, "привели к преодолению тезиса о слабости, недоразвитости капиталистического империализма в России. Вывод о том, что российский монополистический капитализм не имел принципиальных отличий от империализма более развитых экономически государств Западной Европы и Америки, стал прочным достоянием науки".¹ Однако, позволим себе спросить – что это была за птица "советская историческая наука"?

Известный французский историк Н. Верт по этому вопросу пишет даже так: "Часто, вопреки собственным исследованиям, советские историки настойчиво утверждают, что отмена крепостного права, которую они называют "буржуазной реформой", вызвала ускоренное развитие капитализма в деревне. Тем самым они лишь повторяют тезис Ленина, выдвинутый им в 1900 г. в работе "Развитие капитализма в России". В действительности же, если принять во внимание те условия, при которых было уничтожено крепостное право, его отмена вовсе не способствовала развитию капитализма, а скорее укрепляла архаичные, можно сказать феодальные, экономические структуры".² Однако, последнее утверждение французского историка, что отмена крепостного права укрепляла архаические феодальные структуры, думается, малообоснованно. Все-таки, она их расшатывала. Но суть дела автор уловил верно: 1861 год еще не дал и не мог дать капитализма как господствующую форму производства в стране, хотя и открыл возможность такого развития.

В последнее время и среди отечественных исследователей начинают появляться реалистические взгляды на процесс генезиса капитализма в России. Так, Е. Г. Плимак и И. К. Пантин совершенно справедливо пишут, что хотя после реформы 1861 г. "была приоткрыта дверь буржуазному прогрессу", но царизму так и "не удалось превратить процесс внедрения и роста "верхушек" капитализма в фактор, преобразующий всю систему общественных отношений". И даже в результате реформ Витте-Столыпина, верно считают эти авторы, капиталистические отношения "оказались неспособными охватить все народное хозяйство".³ Это действительно реалистический и современный взгляд на вещи.

Таким образом, следует признать совершенно несостоятельным общераспространенное среди историков (и, конечно, не только среди них) утверждение, зафиксированное в Советской исторической энциклопедии, что господство капиталистического строя в России приходится на период 1861 - 1917 гг. И

---

¹ Там же, с. 16.

² Верт Н. История советского государства. 1900 - 1991. М., с. 13.

³ Плимак Е. Г., Пантин И. К. Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000, с. 19, 20.

что этот период “делится на две стадии: прогрессивного, восходящего развития (1861 - конец 19 в.) и стадию империализма, гибели капиталистической системы эксплуатации (начало 20 в. - 1917)”.¹ Нелепость этого положения просто вопиющая. По мнению авторов, капитализм восходяще развивался до конца XIX века, т.е. до начала первого этапа индустриализации. Но что же это был за “капитализм” без индустрии, без крупной машинной промышленности? Далее, на зрелую стадию капитализма авторы этой, с позволения сказать, энциклопедии отводят 17 лет, когда капитализм не только стал зрелым, но и перезрел и ликвидировался. И это в России, которая позже других стран вступила на капиталистический путь развития и буквально тут же его и закрыла, несмотря на то, что все остальные страны мира преспокойно до сих пор развиваются в лоне капиталистического способа производства. Хотя многие из них начали свой путь к капитализму на несколько сот лет раньше России. Таким образом, развитие капитализма в России после отмены крепостного права действительно началось, но до его господства было еще очень далеко.

Развитие капитализма в аграрном секторе

Теперь рассмотрим вопрос – как обстояло дело с капитализмом в сельском хозяйстве. Прежде всего заметим, что нельзя распространять господство (подчеркнем, не развитие, а именно господство) капиталистического строя в России на период второй половины и конца XIX века, не объяснив - куда девалась община. Ведь более 80 % населения страны в начале XX века составляло сельское население и все или почти все это население было охвачено общинными и натуральными производственными отношениями. По имеющимся данным историков, 83,2 % крестьянской земли в Европейской России в 1905 г. было в общинном пользовании.² И как считают современные историки, “хотя община в 20-е годы формально не представляла, как до революции, административную единицу, фактически оставалась в системе государственного устройства”.³

В этих условиях не было свободного товарного оборота земли и не было свободного рынка труда. Более того, как отмечают специалисты по аграрному вопросу России в конце XIX века, несмотря на усиление процесса замены отработочной ренты на денежную, что могло бы свидетельствовать о проникновении товарных отношений вглубь сельскохозяйственного производства, эта замена была лишь номинальной. Помещики и владельцы земли сообразили, что сдавать землю в

---

¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965, ст. 988.

² Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002, с. 100.

³ Кабанов В. В. Крестьянская община и кооперация в России XX в. - В сб.: Кооперация. Страницы истории. Вып. 6. М., 1997, с. 86-87. Современный японский историк Юзури Таниуги также отмечает, что русская община пережила октябрьскую революцию и стала “преобладающей формой землепользования у крестьян” весь период нэпа. (Таниуги Ю. К истории коллективизации сельского хозяйства в СССР: государство и община. - В кн.: Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996, с. 368).

аренду выгоднее не за натуральные отработки на земле владельца, а за деньги. Но так как денег на селе было мало, а рабочих рук много, то деньги ценились выше труда. У крестьян денег не было и расплачиваться им в конце концов приходилось трудом, т. е. теми же натуральными отработками, но уже в большем размере. На это впервые обратил внимание известный историк аграрных отношений в России А. М. Анфимов: "Началась своеобразная мимикрия отработочной системы: по учету - денежная, а по сути - отработочная. Это вконец запутало статистиков, и статистическое отражение арендных цен превратилось в фикцию". И несколько дальше: "Денежные расчеты были лишь оболочкой, денежной оберткой той же отработочной системы".¹ Значит, даже там, где натуральные экономические отношения в аграрном секторе заменялись как бы денежными, все это было не глубинной трансформацией, а внешней, по форме. Конечно, какие-то моменты капитализации аграрного строя имели место (отрицать это невозможно), но и они были или незначительными, или локальными. "Если капиталистические элементы русской деревни были относительно локализованы, - писал М. Я. Гефтер, - то крепостнический уклад является фактически всероссийским".² Академик Н.М. Дружинин в одной из своих работ специально отмечал: "Аграрный вопрос и ликвидация сословной неправомерности крестьян оставались в центре внимания не только революционных социалистических партий, но и либерально-реформистских течений вплоть до социального переворота 1917 г."³ Тем самым признается, что 80 % населения страны до самого 1917 г. находилось в "сословной неправомерности", т.е. не освободилось еще от пут феодализма.

Столыпинские реформы начали процесс капитализации деревни, но он не был ни последователен, ни закончен. И по общему мнению специалистов эти реформы потерпели поражение. Тот же А. Анфимов на основе тщательного и детального анализа делает такой вывод: "Официальные государственные акты позволяют высказать утверждение, что столыпинский вариант земельной реформы в России потерпел крушение еще при жизни Столыпина".⁴ Другой крупный отечественный историк И.Д. Ковальченко, который, заметим, по вопросу капитализации аграрной сферы придерживался противоположной позиции, чем Анфимов, тем не менее после тщательного анализа всех современных "мифов и реальностей" столыпинской реформы делает тот же самый вывод: "Проведенный анализ показывает, что столыпинская аграрная реформа по сути провалилась еще до

---

¹ Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002, с. 17, 20. Надо сказать, что этой статистической ловушки не избежал и В.И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России», где приводятся многочисленные данные о росте денежной ренты, как показатель разложения феодальных отношений в деревне. На самом деле все было много сложнее.

² Гефтер М. Я. Многоукладность - характеристика целого. - В кн.: Вопросы истории капиталистической России. - Свердловск, 1972, с. 91.

³ Дружинин Н.М. Избранные труды. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990, с. 366.

⁴ Анфилов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002, с. 133.

Первой мировой войны".¹ В этой связи следует признать ничем не обоснованным и крайне устаревшим мнение некоторых историков (как старых, так и новых), что "на основе столыпинской реформы ликвидируется поземельная община", высказанное еще в 1951 году тем же вездесущим академиком Н.М. Дружининым.² Это искусственно притянутое мнение, как и многие другие такого же рода, высказывалось лишь с одной целью – показать или провозгласить (ибо доказать это было невозможно) высокую степень развития капиталистических отношений в России в начале XX века. Но, ведь, даже революция 1917 г. (и Февраль, и Октябрь) не разрушила общину в деревне, хотя и расшатала. Некоторые исследователи даже полагают, что революция 1917 года укрепила общину, что в деревне «была именно общинная революция»³. С формальной точки зрения это верно, но по существу – нет. Ибо антифеодальная революция, в деревне направленная прежде всего против помещичьего землевладения, по смыслу не может укреплять другой элемент феодального общества, т.е. общину. Хотя на какое-то время после революции общинные настроения в деревне, действительно, укрепились. По настоящему обезземеливания крестьянства провел деспотическими методами И. Сталин в начале 30-х годов уже XX века. Однако остатки общинного уклада в деревне (и не только там) в определенном смысле просуществовали в России весь XX век.

Итак, основное население страны жило в деревне и занималось сельским хозяйством, несмотря на бурное развитие промышленности. Некоторые историки утверждают, что и в аграрной сфере происходило интенсивное развитие капиталистических отношений. Действительно, такое развитие имело место. Однако, показатели товарности крестьянского сельскохозяйственного производства свидетельствуют о преобладании натуральной формы производства. Так, известные историки-экономисты Н. Д. Кондратьев и П. И. Лященко дают примерно равный процент товарности сельскохозяйственной продукции в первом десятилетии XX века: 33,3 % (Н. Кондратьев)⁴ и 26,0 % (П. Лященко). Причем, последний отмечает при этом, что середняки и бедняки, производя половину всего хлеба, давали его товарность лишь 14,7 %.⁵ Иными словами, несколько более 85 % производства подавляющего большинства населения страны оказывалось натуральным. Это резко контрастирует с бездоказательными утверждениями многих историков советской поры, что к середине

---

¹ Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. – М.: РОССПЭН, 2004, с. 485.

² Дружинин Н.М. Избранные труды. Социально-экономическая история России. – М.: Наука, 1987, с. 165.

³ Беспалов С.В. Модернизация России в конце XIX – начале XX века (К вопросу о предпосылках революции 1917 г.). (Обзор). – В кн.: 1917 год. Россия революционная. Сб. обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН РАН, 2007, с. 74.

⁴ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991, с. 101.

⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956, с. 279.

XIX века у нас существовало крестьянское хозяйство, "которое уже в значительной мере втянулось в товарное производство".¹

С вышеприведенными данными о низкой доли товарности сельскохозяйственного производства почти полностью совпадает и другое статистическое наблюдение. Академик В. С. Немчинов, разрабатывая вопрос о социально-экономических группировках крестьянских хозяйств в конце 20-х годов прошлого века, приводит группировку Г. И. Баскина за 1913 г. по Ставропольскому уезду.² Согласно этой группировке, крестьянских хозяйств, которые вели свое хозяйство на основе капиталистических методов (т. е. земледельческие хозяйства предпринимательского типа и торгово-промышленные хозяйства) было всего - 2,6 %. Чисто трудовых земледельческих хозяйств и бедняцких хозяйств было - 65,3 %. Если сюда добавить половину от числа хозяйств с временными наемными работниками (которых было - 31,5 %), ибо примем, что далеко не все эти хозяйства были товарными в существенной своей части, то получаем итоговую цифру в 80 %. Эта цифра поразительно близка к нашим вычислениям натуральности сельскохозяйственного производства (85 %), проведенных на основе данных П. И. Лященко. Из другой работы В. С. Немчинова можно заключить, что даже в предколхозный период (1928 -1929 гг.) в СССР в целом до 60 % крестьянских хозяйств он относил к докапиталистическим формам производства.³

Таким образом, дореволюционная русская деревня, объединяющая абсолютное большинство населения страны и тем самым доминирующая во всех сферах русской жизни, была опутана не капиталистическими, а еще феодальными отношениями. И сегодня совершенно справедлив вывод П.И. Лященко, сделанный им еще более полувека назад: "Гвоздём аграрных отношений и через 40 лет после реформы, так же как и в 1861 г. оставалась борьба крестьянства против помещичьих латифундий".⁴

Выводы серьезных отечественных ученых подтверждаются и работами зарубежных исследователей. Так, немецкий историк К. Функен пишет, что вплоть до октября 1917 г. "отношения в деревне остаются в переходной стадии, где чисто феодальная и полуфеодальная эксплуатация смешивается с мелкобуржуазным и капиталистическим аграрным производством, а сама Россия после пятидесяти лет "политики реформ" все еще была системой, смешанной из феодальных и капиталистических элементов".⁵

Таким образом, говорить о сильном проникновении капитализма в аграрный сектор дореволюционной России просто не приходится. Главная проблема в аграрной

---

¹ См.: Переход от феодализма к капитализму в России. М., 1969, с. 338.

² Немчинов В. С. Избр. произведения. Т. 1. Теория и практика статистики. М., 1967, с. 71-72.

³ Немчинов В. С. Избр. произведения. Т. 4. Размещение производительных сил. М., 1967, с. 374.

⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956, с. 88.

⁵ См.: Россия XIX-XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996, с. 179.

сфере состояла в малоземелье подавляющего числа крестьянских семей. То количество земли, которым владели крестьяне, не могло обеспечить их выживаемость. По имеющимся данным в центральных губерниях России на крестьянский двор приходилось в среднем 7-8 десятин (1 дес.=1,09 га.) земли.¹ Тогда как для нормального воспроизводства крестьянского хозяйства нужно было в два раза больше, т.е. 14-15 десятин. Необходимость перераспределения земли, в первую очередь помещичьей, и составляла основную материальную предпосылку русской революции.

Степень развитости капитализма

Многие историки и экономисты, когда рассуждают о развитии капитализма в России не различают собственно капиталистическое развитие и экономический рост или экономическое развитие. Так, в обобщающем многотомном труде по истории экономики СССР читаем: "Об уровне развития капиталистической экономики России можно судить по следующим показателям: в 1913 г. по уровню промышленного производства Россия занимала пятое место в мире, по добыче нефти, вывозу древесины, производству пиломатериалов - второе, по выработке хлопчатобумажных тканей (суровых) - третье, по продукции машиностроения, по производству кокса и сахарного песка (из отечественного сырья) - четвертое, по производству чугуна, железной руды, цемента, выплавке стали - пятое, по добыче угля - шестое". И из всего этого делается такой вывод: "Развитие капитализма в России подготовило необходимые материальные предпосылки для социалистической революции и строительства нового общества".² Из более свежих сочинений можно привести такое мнение: "Рост промышленного производства, отвечавший в России почти исключительно потребностям внутреннего спроса, отражал степень капиталистической эволюции всего народного хозяйства. При этом абсолютные его размеры характеризовали масштаб передовой капиталистической сферы экономики страны, а показатели промышленного производства на душу населения указывали на глубину проникновения капитализма в толщу производственных отношений, степень подчинения им всего народного хозяйства и распространения его на территорию страны".³ Очень странная логика у этого историка. Если считать производство на душу населения, значит проникать "в толщу производственных отношений". Но ведь производственные отношения находятся отнюдь не в душе населения. Как раз эти показатели "на душу" в России резко отличались от европейского стандарта в меньшую сторону.

---

¹ См.: Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции». – В сб.: 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998, с. 132.

² История социалистической экономики СССР. Т. 1. Советская экономика в 1917 -1920 гг. М., 1976, с. 17.

³ Бовыкин В. И. Финансовый капитал в России накануне первой мировой войны. М., 2001, с. 45.

Развитие экономики России в рассматриваемый период действительно было значительным, но это еще не выводило страну в ряд высокоразвитых капиталистических стран. По среднедушевому доходу страна оставалась в разряде отсталых стран мира. Так, по данным известного американского исследователя П. Грегори Россия в 1913 году имела доход на душу населения, равнявшийся 50 % немецкого и французского, 20 % английского и 15 % американского. К 1913 г., - продолжает анализ П. Грегори, - относительная позиция Российской империи ухудшилась из-за быстрого роста населения и сравнительно низких темпов роста объема производства между 1861 г. и 1880-ми гг. И такой вывод делает ученый: "Относительная отсталость экономики России очевидна".¹ Имеющиеся данные свидетельствуют даже об отставании России от стран Запада. Так, если в 1830 г. российский ВВП на душу населения составлял 70 % от средневропейского, то в 1913 г. он опустился даже до 60 %.² Д.И. Менделеев также приводит расчеты, согласно которым в 1905 г. "сумма ценности нашего фабрично-заводского производства едва ли превосходит" по 25 руб. в год в среднем на жителя, тогда как в США тот же показатель составляет 330 руб. "До заработков испанских или итальянских, потом до немецких, французских и английских, а тем паче до американских нам очень далеко" - делает вывод Д.И. Менделеев.³ Экономическую отсталость России отмечали и некоторые советские историки. Так, И.Ф. Гиндин писал еще в 1970 году: "С 1861 по 1890 г. по темпам роста фабрично-заводской и горной промышленности Россия опережала Францию и Англию, а в 1890-1913 гг. - Германию и даже США. Однако в 1913 г. повысившийся удельный вес российской промышленности в совокупной промышленной продукции пяти указанных стран оставался незначительным".⁴ И хотя автор по традиции того времени пишет о "капиталистической" России, но тут же и оговаривается, что российский капитализм "не мог совершить скачок в своем развитии и преодолеть вековую отсталость", что "тяжелое наследие крепостничества и азиатчины по рукам и ногам сковывало развитие страны".⁵ Есть и более обобщенные данные. Так, А.Г. Вишневский приводит данные американских исследователей темпов прироста валового национального продукта за 1870-1913 гг. по основным странам. Согласно этим данным, среднегодовые темпы прироста на душу населения были (в процентах): Россия - 1,0; США -2,2; Великобритания - 1,1; Германия - 1,6; Франция - 1,4; Италия - 0,7; Япония - 1,7.⁶ Так, Россия, хотя и развивалась почти как западные

---

¹ Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX - начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. - М.: РОССПЭН, 2003, с. 21.

² Экономическая история России XIX - XX вв.: современный взгляд. М., 2000, с. 209.

³ Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002, с. 346.

⁴ Гиндин И.Ф. В.И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России. - В сб.: В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970, с. 265.

⁵ Там же, с. 266.

⁶ Вишневский А.Г. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. - М.: ОГИ, 1998, с. 12.

страны, но по темпам прироста опережала только Италию. Поэтому вывод А.Г. Вишневого о том, что «в целом, несмотря на ускоренное промышленное развитие, преодолеть отрыв от западных стран не удавалось, возможно, он даже увеличился», следует признать вполне убедительным.

Современный историк российских моделей индустриализации делает такой обоснованный вывод: «Если сравнить темпы индустриализации СССР и дореволюционной России, то последняя по сути дела топталась на месте... Нет никаких оснований утверждать, что при сохранении дореволюционного экономического устройства Россия достигла бы большего экономического развития, чем при большевиках».¹ Таким образом, сделаем вывод, что «российский капитализм» как не смог преодолеть «наследие крепостничества и азиатчины», так и не смог провести индустриализацию и создать крупное машинное производство. Значит, господствовали не капиталистические отношения, хотя они и были в изрядной доле, а отношения «крепостничества и азиатчины».

Однако главное - нельзя путать экономический рост и социальную форму этого роста, то есть нельзя путать развитие производительных сил и развитие производственных отношений. Конечно, одно должно соответствовать другому и история это подтверждает. Но это соответствие не происходит автоматически с каждым пунктом развития техники и технологии производства. Естественным образом производственные отношения более или менее отстают от своего материального базиса и соответствуют ему лишь в конечном счете. Поэтому следует признать грубой методологической ошибкой, когда показателями промышленного производства на душу населения определяют степень развитости капиталистических производственных отношений.

При этом необходимо иметь в виду, что значительную долю национального дохода России в начале XX века давало именно сельское хозяйство. По обобщенным данным А. Л. Вайнштейна в 1913 г. на долю сельского хозяйства, лесоводства, рыболовства и охоты приходилось 54 -52 % (по подсчетам разных экономистов) национального дохода страны, а на промышленность, строительство и транспорт - 34-36 %.² Иными словами, индустриальный сектор отнюдь не доминировал в дореволюционной России, и темпы его развития, временами значительные, не создавали в стране даже "среднеразвитого" капитализма.

Капиталистические производственные отношения как таковые характеризуются наемным трудом прежде всего в отраслях, где производится прибавочная стоимость, то есть характеризуются эксплуатацией чужого труда. А это должно означать для условий России массовый переход рабочей силы из деревни в город, в промышленность. Еще в свое время К. Маркс замечал относительно России:

---

¹ Бокарев Ю.П. Две модели индустриализации. – В сб.: История российской промышленности в XX веке. – М.: ИЭ РАН, 2004, с. 30-31.

² Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М., 1969, с. 68, 71.

“Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, - а за последние годы она немало потрудились в этом направлении, - она не достигнет этого, не превратив предварительно значительную часть своих крестьян в пролетариев; а после этого, уже очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы. Вот и все”.¹ А как будет показано ниже, к 1917 г. крестьянское население в России существенно преобладало, численность пролетариата была ничтожна. В Германии уже к 1910 г. большая часть населения проживала в городах, и рабочие составляли более 60 % населения страны.²

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о численности пролетариата (рабочего класса) в России в начале XX века, ибо здесь также накопилось много совершенно фантастических представлений.

Наемный труд и численность пролетариата

Исследуя предпосылки революции 1917 года, необходимо также прояснить вопрос о главном ее субъекте: какой класс или слой выступил основной движущей силой в революции. Если капитализм в стране был достаточно развит и революция по сути дела была не нужна, то, видимо, преобладающим классом уже был рабочий класс. Далее, если эта революция была социалистической или пролетарской, то, стало быть, основным ее двигателем должен быть пролетариат. Таким образом, важным представляется выяснение вопроса о численности рабочего класса (пролетариата) в канун русской революции 1917 года. В этой связи нелишним будет привести слова К. Каутского, который в согласии с марксистской традицией считал, что сильнейшим оружием пролетариата является его численность. “Он может освободить себя только тогда, - пишет К. Каутский, - когда сделается самым многочисленным классом, когда капиталистическое общество настолько развилось, что в работающих классах уже не преобладают крестьяне и мелкая буржуазия”.³ В России же к 1917 году существенно, ощутимо преобладало крестьянство. Этот факт никто не подвергает сомнению. И тем не менее желательно посмотреть – сколько же было в реальности рабочего класса на этот период.

На этот счет имеются самые разные, порой фантастические представления. Официальный советский историограф “Великой Октябрьской социалистической революции” академик И. И. Минц в своем фундаментальном творении “История Великого Октября” пишет, что “пролетариат и полупролетариат вместе составляли в 1913 г. 64,4 % населения страны”.⁴ Количество пролетариата вроде бы вполне

---

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 19, с. 120.

² Экономическая история капиталистических стран. Курс лекций под ред. Ю. К. Авдакова и Ф. Я. Полянского. М., 1962, с. 367.

³ Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тулупе. М., 2002, с. 49.

⁴ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. - М.: Наука, 1977, с. 15. Это тот самый Исаак

достаточное для свершение пролетарской революции. Но вот что такое "полупролетариат"? Оказывается, что сюда относятся такие слои населения как прислуга (лакеи), кустари, мелкие торговцы и прочие категории, которые всегда в марксистской литературе относились к мелкой буржуазии или ее разновидности. Более реальную структуру трудящегося населения России в предреволюционную пору дает А. Г. Рашин¹. По его данным получается в 1913 году: промышленных рабочих и служащих - 7 850 тыс., занятых на транспорте и связи - 1 400 тыс., сельскохозяйственных рабочих - 4 500 тыс., чернорабочих и поденщиков - 1 100 тыс., рабочие, ученики и служащие в торговле, гостиницах, ресторанах - 865 тыс., разнообразная "прислуга" - 2 100 тыс. В целом получается 17 815 тыс. человек или, если принять все население России в 1913 г. в 159,2 млн. человек, то все трудящиеся массы (кроме предпринимателей, хозяев и крестьян в том числе) составят немногим более 11 % населения страны.

В этих исчислениях А. Рашина, которые, можно сказать, стали классическими и широко воспроизводятся многими исследователями, есть тем не менее серьезные изъяны. Так, в пункте "фабрично-заводские и горнозаводские рабочие и служащие" (3 350 тыс.) объединяются, собственно, рабочие и служащие. Последние в тогдашних условиях России составляли достаточно привилегированный класс и ни с какой стороны не относятся к пролетариату. В другом месте А. Рашин указывает, что только рабочих промышленных предприятий страны в 1913 г. насчитывалось 2 120, 8 тыс. человек,² что составляло примерно 1,3 % общей численности населения страны. Но это по Рашину касается только численности рабочих промышленности. Затем, весьма сомнительно относить к пролетариату разнообразную прислугу в количестве 2 100 тыс. Так же и сельскохозяйственные рабочие (4 500 тыс.), это все-таки больше крестьяне, которые подрабатывают по найму. Таким образом, если даже очень грубо очистить данные Рашина от явных натяжек (т. е. вычесть прислугу; рабочих, учеников и служащих в торговле, гостиницах, ресторанах; сельскохозяйственных рабочих), но оставить в его перечне "служащих" во всех остальных разрядах, ибо не представляется возможным их статистически вычленить, то получаем общий итог в 10 350 тыс. человек или 6,5 % от всего населения.

Советский официальный статистический справочник на 1913 г. дает более высокую цифру рабочих - 14,6 %.³ Последний авторитетный советский историк П. В.

Минц, который по свидетельству Миклоша Куна, вместе с Мехлисом возглавил разгром "школы Бухарина" в Институте красной профессуры в мае 1928 г. и сделал карьеру "подчас на костях своих же сокурсников" (Кун М. Бухарин: его друзья и враги. М., 1992, с. 229).

¹ Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958, с. 171.

² Там же, с. 42.

³ Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. - М.: Статистика, 1977, с. 8.

Волобуев считает численность пролетариата в общей массе населения в 1917 г. в 10 %.¹ Однако, в любом случае, все это не минцевские 64,4 % пролетариата и полупролетариата.

Если же подходить к определению численности пролетариата более строго, то следует выделять лишь промышленный пролетариат, который и является согласно ортодоксальному марксизму, собственно, носителем идеи "научного социализма". Ясно, что такие категории трудящихся как прислуга, ученики и служащие в торговле, поденщики, рабочие-надомники и т. п., промышленным пролетариатом не являются. Нельзя к нему относить и сельскохозяйственных рабочих потому, что в российских условиях это по сути дела те же крестьяне, которые в силу разных причин временно вынуждены работать по найму. Однако и у них есть свой крестьянский дом, свое хозяйство, крестьянская (в целом мелкобуржуазная), а не пролетарская идеология и психология.

Таким образом, если брать только пролетариат в узком его значении, которое является и наиболее точным, то есть рабочих фабрично-заводской промышленности, то мы должны остановиться на 1917 революционный год на цифре где-то в 3 млн. человек. Именно на эту цифру указывают многие другие авторы. Так, авторитетный советский статистик трудовых ресурсов Л. Е. Минц приводит таблицу, в которой на 1917 г. дается цифра в 2,9 млн. человек фабрично-заводских рабочих.² Если к этой цифре добавить еще работников железнодорожного транспорта (т. е. рабочих и служащих вместе, ибо мы не располагаем раздельной статистикой по данному разряду) в размере 520 тыс. человек постоянно занятых или даже 905 тыс. вместе с временными и поденными³, то получим около 4 млн. человек. Другой весьма авторитетный специалист в области экономической истории П. А. Хромов приводит почти те же данные. По его мнению в 1913 г. в крупной фабрично-заводской промышленности России было занято 3,1 млн. рабочих. Некоторые советские статистические сборники дают примерно ту же цифру рабочих промышленности в 1913 г. в 3,5 млн. или 3,9 млн. человек.⁴ Если же учитывать численность "работников водного транспорта, рабочих коммунальных предприятий, предприятий военного ведомства и других", то П. Хромов дает общую численность пролетариата России в 1913 г. приблизительно в 4,5 млн. человек.⁵ Другие авторы приводят примерно такие же данные.¹

---

¹ Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М.: Политиздат, 1987, с. 127.

² Минц Л. Е. Трудоресурсы СССР. М., 1975, с. 39.

³ Там же, с. 103.

⁴ В 1913 г. на территории СССР в границах до 17 сентября 1939 г. среднегодовая численность наемных рабочих составляла "около 3,5 млн. человек" (Промышленность СССР. Стат. сб. М., 1957, с. 23). См. также: Народное хозяйство СССР в 1959 году. М., 1960, с. 139; Страна советов за 50 лет. Сборник стат. материалов. М., 1967, с. 52.

⁵ Хромов П. А. Экономическая история СССР. Период промышленного и монополистического

Ко всему этому следовало бы добавить, что большая часть рабочих сосредотачивалась в 2-3 промышленных центрах: Санкт-Петербург, Московская и Владимирская губернии. В 1910 г. на эти три центра приходилось 683 тыс. рабочих или 42 % всех рабочих промышленности страны.² Можно предположить, что и в последующие годы при абсолютном увеличении численности рабочих пропорции в распределении их между промышленными центрами и всей остальной Россией существенно не изменились.

Итак, к пролетариату, собственно, можно отнести 3-5 млн. человек на почти 160 млн. населения страны в 1917 г. Другими словами можно сказать, что пролетариата в точном смысле этого слова (тем, кому, с одной стороны, действительно нечего терять кроме "своих цепей" и, с другой стороны, не люмпенов, не деклассированных элементов) перед революцией 1917 года в России было примерно 2-3 % от всего населения страны. Здесь, правда, можно возразить, что в данном подсчете не учитываются члены семьи, что увеличило бы приводимую цифру как минимум в 2-3 раза. Более того, некоторые исследователи считают, что относить численность рабочих ко всему населению научно некорректно. Ибо логично и правильно было бы соотносить число рабочих с численностью не всего населения, а только занятых в народном хозяйстве. Но это логично для сегодняшнего дня, а не для начала XX века. В начале XX века в России доминировал крестьянский труд, которым, в силу его характера, занимался не только глава семьи, "кормилец", но вся семья целиком. Поэтому крестьянами считались не только юридически, но и по существу, все 80 % населения страны, живущие в деревне и ведущие крестьянское хозяйство. У рабочих другая ситуация, ибо иждивенцы в семье рабочего, собственно, к рабочему классу не относятся. Членов семьи иждивенцев нельзя включать в общее число пролетариата (или шире - рабочего класса), ибо домашняя хозяйка и тем более дети и старики не являются носителями конституирующих признаков данного класса. Но даже, если увеличить численность рабочих за счет взрослых членов семьи, то общий процент этого класса в любом случае не превысит 5-6 % от всего населения страны.

К этому следует добавить, что даже этот ничтожный процент в большинстве своем охватывал рабочих, которые имели давние корни в деревне, далеко еще не оборвали свои связи с сельскохозяйственным производством, психологически были

капитализма в России. М., 1982, с. 152.

¹ П. Лященко приводит цифру в 2,5 млн. рабочих на 1 января 1915 г. (Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956, с. 650). В. Булдаков приводит данные, согласно которым в начале 1917 г. промышленных рабочих в России было 4,8 млн. человек (См.: Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? - М.: Политиздат, 1991, с. 25). Известный американский историк М. Левин также считает, что пролетариат перед революцией насчитывал не более 3 млн. промышленных рабочих (Lewin M. Lenin's Last Struggle. N.-Y., 1970, p. 5). Эти же 3 млн. рабочих "в строгом смысле слова" приводит Н. Верт (Верт Н. История советского государства. 1900 - 1991. М., 1992, с. 17).

² Статистический ежегодник на 1912 год. Под ред В. И. Шарого. СПб., 1912, Часть 1, с. 202.

близки к мелкобуржуазной стратегии поведения, в целом разделяя буржуазные (точнее, мелкобуржуазные) идеологические стереотипы. В старой статистической литературе, а также и в новейшей исторической литературе этот вопрос, думается, прояснен уже основательно.

В этом отношении показательны материалы выборочной переписи 1929 г. по рабочим профессиям металлистов, горнорабочих и текстильщиков, обобщение которых опубликовал известный советский экономист Я. Б. Кваша совместно с Ф. Шофманом в 1930 году.¹ Перепись проводилась в главнейших промышленных центрах страны: Московской промышленной области, Ленинграда, Ивановской области, Донбасса, Урала и Баку. Так вот, по данным Я. Б. Кваши, выходцев из крестьян (по социальному положению отца) среди металлистов Ленинграда и Московской губернии было 38 %. Среди текстильщиков московской области - 34,7 %, Ивановской области - 43,6 %, Ленинграда - 35,5 %. В каменноугольной промышленности Донбасса таких рабочих было 63,0 %, среди металлургов Украины - 53,7 %, металлургов Урала - 26,4 %. Последняя цифра может характеризовать уже сложившиеся промышленные традиции Урала. Но при этом надо иметь в виду особый характер уральской промышленности.

Это обнаруживается, если обратиться к рассмотрению вопроса о владении рабочими землей и занятием сельскохозяйственным производством. Так, из тех же данных Я. Б. Кваши следует, что в период 1914-1917 гг. землей владели среди рабочих ленинградской металлопромышленности - 12,3 %, московской металлопромышленности - 30,9 %, уральской - 30,1 %, московской текстильной промышленности - 24,7 %, ивановской - 15 %. Обращает на себя внимание факт, что среди уральских металлургов владели землей более 30 % рабочих, но крестьянские корни имели лишь 26,4 %. То есть, рабочие Урала, с одной стороны, среди всех рабочих России были, так сказать, "самыми рабочими". Но, с другой стороны, оказались в числе самых больших "землевладельцев", тех, кто не порывал с сельскохозяйственным производством. Это объясняется в целом отсталым характером индустриальных отношений Урала, о чем уже шла речь. В статье Я. Кваши и Ф. Шофмана цитируется одна примечательная резолюция Уральской областной конференции марксистов-аграрников (ноябрь 1929 г.), где среди прочего говорится: "Особенностью Урала является то, что рабочие в старых заводских районах Урала в то же время являются сельскими хозяевами, что накладывает своеобразный отпечаток и на промышленность и на сельское хозяйство Урала".² Вот! А многие советские историки 60-х годов (времен хрущевской "оттепели") продолжали упорно твердить о господстве капиталистических отношений, не "видя" архаичный

---

¹ Кваша Я., Шофман Ф. К характеристики социального состава фабрично-заводских рабочих СССР. - Пути индустриализации, 1930, № 1. Перепечатано в кн.: Кваша Я. Б. Избранные труды. Т. 1. Методологические основы статистического анализа. М., 2003, с. 191-215.

² Цит. по: Кваша Я. Б. Избранные труды. Т. 1. М., 2003, с. 212.

(полукрепостнический) характер даже промышленности Урала, что хорошо разглядели “марксисты-аграрники” уже в 1929 г.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что почти половина рабочих России в первой четверти XX века стали таковыми лишь в первом поколении. Да и среди всех рабочих от 12 % до 30 % и более держали землю в целях сельскохозяйственного производства. Здесь уместно привести мнение крупного отечественного историка Л.В. Милова о силе инерции крестьянского хозяйства в среде промышленных рабочих: «Если участие в промышленном труде позволяет непосредственному производителю не отрываться от ведения крестьянского хозяйства, то он остается владельцем жизненных средств в их изначальной форме и отрабатывает в форме промышленного труда лишь свои феодальные повинности. Это классическая форма крепостного промышленного труда...»¹. Иными словами, до 30 % промышленных рабочих России в начале XX века все еще не могли выбраться из пут феодальных отношений.

Современные исторические работы в целом подтверждают эти положения. Так, историк Д. Чураков приводит данные, согласно которым от 10 до 20 % фабрично-заводских рабочих Московской губернии в начале XX века уходило на летние работы в село. И согласно данным статистики большинство рабочих все еще принадлежало к крестьянству “по социальному положению”². Известный экономист начала века Н. А. Каблуков делает такой вывод: “Тогда как на Западе труд на фабриках составляет для рабочего единственный источник существования, у нас, за сравнительно небольшим исключением, рабочий считает труд на фабрике побочным занятием, его более тянет к земле”.³ П. Волобуев также отмечал у значительной части пролетариата наличие мелкобуржуазных взглядов и представлений.⁴ Такой западный историк как Р. Пайпс в обычной своей манере перехлестов пишет даже так: “В начале XX века промышленные рабочие в России представляли собой, за небольшим исключением, не столько определенно выраженную социальную группу, сколько разновидность крестьянства”.⁵ Это, конечно, лишь частичная истина, но весьма характерная.

Однако, даже детальный подсчет общего числа рабочего класса в России кануна революции 1917 года еще не означает, что все они как один были активными участниками революции. Среди рабочих были монархисты, черносотенцы, да и просто равнодушные и трусливые люди. Далеко не все, так сказать, стопроцентные пролетарии шли за большевиками, принимали активное участие в революции. Современный историк Е. Г. Гимпельсон отмечает, что при анализе рабочего класса в революции следует учитывать его социальную неоднородность, “наличие в его составе многочисленных отсталых слоев с мелкобуржуазными взглядами,

---

¹ Милов Л.В. По следам ушедших эпох. Статьи и заметки. – М.: Наука, 2006, с. 570.

² Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. - М., 1998, с. 29, 30.

³ Цит по: Чураков Д. О. Цит. произв., с. 29-30.

⁴ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964, с. 25.

⁵ Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994, с. 120.

настроениями, слоев, которые не поддерживали революцию, находились под влиянием меньшевиков и эсеров (железнодорожники, печатники)".¹ Вместе с тем, конечно, этого автора можно поправить, что меньшевики и эсеры были не против революции и социализма, а были против Октябрьского переворота, против большевиков. Но они также выступали за революцию, принадлежали к революционному крылу социалистических партий. То есть, та часть пролетариата, которую вели за собой, скажем, меньшевики, также носила в себе эмбрион социалистической революции. Другое дело, что Е. Гимпельсон прав по существу, что какая-то часть пролетариата могла поддерживать монархические или капиталистические основы. Но эта часть была, видимо, незначительной.

Таким образом, рабочий класс в России в 1917 году был и количественно не очень значителен, и качественно далеко не весь обладал пролетарским самосознанием. Собственно говоря, и сами лидеры большевиков это прекрасно понимали. Так, хорошо известны опасения В.И. Ленина, что после революции большевистская партия может очень легко и просто переродиться. В марте 1922 г. он писал о "непролетарском составе нашей партии" и что "пролетарская политика партии определяется не ее составом", а тончайшим слоем "старой партийной гвардии".²

Поэтому, сделаем общий вывод, что собственно пролетариат в России кануна революции был столь численно и качественно незначителен, что говорить о преобладании пролетарской идеологии над буржуазной в подавляющей массе населения просто не приходится. Более того, лидеры большевиков в первые послереволюционные годы много сил положили на борьбу против мелкобуржуазного перерождения собственной партии. И как мы знаем из дальнейшего хода истории, такое перерождение и произошло уже в середине 20-х годов. То есть, непролетарский характер как революции, так и самой большевистской партии сказался в полной мере.

Относительно социального состава партии имеются любопытные данные известного статистика С. Г. Струмилина на 1922 г. По его исследованию получается, что на этот год фабрично-заводских партийных ячеек было лишь 9,4 % (на транспорте еще - 5,4 %) от всего количества партячеек, которые охватывали 10,5 % от всех членов партии (на транспорте еще 7,1 %).³ Причем, как замечает сам автор, далеко не все члены фабрично-заводских партячеек были рабочими, ибо туда же входили служащие и другой персонал. Общее же число рабочих в 1922 г. среди членов партии С. Струмилин определяет в 37,3 % (крестьян - 32,1 %).⁴ Однако надо иметь в виду, что эти 37,3 % лишь номинально можно считать рабочими (по социальному происхождению или по прежней работе), так как значительная часть их уже перешла

---

¹ Гимпельсон Е. Г. К вопросу о социальном облике рабочего класса в 1917-1920 гг. - В сб.: Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? - М.: Наука, 1992, с. 185.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 45, с. 20.

³ Струмилин С. Г. Состав Российской Коммунистической партии к 1922 г. - В кн.: Струмилин С. Г. Избранные произведения. Т. 1. Статистика и экономика. М., 1963, с. 240.

⁴ Там же, с. 279.

на работу в советские и партийные учреждения, в армию и другие государственные ведомства. Надо также иметь в виду широко распространенную в то время практику, когда многие выборные партийные руководители разного уровня состояли на партучете в заводских ячейках.

Таким образом, можно заключить, что в России к 1917 г. пролетариата было незначительное количество и в большинстве своем он был или вчерашним крестьянином или имел тесные связи с аграрным сектором экономики. Не мог пролетариат выступить в 1917 году "гегемоном" в "пролетарской революции", ибо ни того, ни другого не было. Все это выдумки Краткого курса "Истории ВКП(б)", которые до самого последнего времени крепко сидели во многих головах. Правда, в некоторых сидят и до сих пор. Современные историки нового поколения приходят к противоположным выводам. Так, Д. О. Чураков, исследуя деятельность фабрично-заводских комитетов как органов самоуправления рабочего класса и возможности превращения их в штабы вооруженного восстания, делает такое заключение: "Любой, самый тщательный и беспристрастный анализ фабричных и заводских рабочих комитетов октября 1917 г. показывает, что такими "штабами" они не были, и быть не могли." И дальше: "Рабочее движение, несмотря на относительную зрелость органов самоорганизации рабочих, всё еще находилось в процессе становления и во многих отношениях оставалось аморфным и хаотичным".¹ Поэтому слова "диктатура пролетариата" по отношению к Русской революции следует рассматривать как эвфемизм.

Даже среди членов коммунистической (пролетарской) партии в начале 20-х годов, собственно, рабочие составляли не больше 1/3 всей партии. Соответственно этому и степень наемного труда в отраслях, где преимущественно создавалась прибавочная стоимость, была незначительной. Незначительно было и развитие капиталистических отношений в стране. Поэтому разговоры о том, что революцию сделали большевики, поведя за собой рабочий класс страны, следует оставить за рамками серьезного анализа. Большевики возглавили революцию, но сделали ее крестьяне и солдаты (те же крестьяне), лидерами которых были социалисты-революционеры, а не большевики.

Заключение

Вместе с тем надо бы, наверное, ответить на вопрос, который сегодня много муссируется среди обывательщины: что было бы с Россией, если бы не произошла или не удалась Русская революция? Этот вопрос по существу своему бессмысленный, ибо история не знает сослагательного наклонения. Но и на этот пустой вопрос ответить можно.

---

¹ Чураков Д. О. Октябрьский переворот и фабзавкомы. - В кн.: 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998, с. 120, 127.

Так вот, я думаю, что если бы в России в 1917 г. не совершилась революция и особенно ее октябрьский этап, то страна сегодня была бы похожа на Индию. То есть Россия осталась бы слаборазвитой страной полукOLONиального типа с некоторым развитием крупной промышленности, с некоторыми элементами утонченной культуры узкого слоя населения, с глубокими корнями народной духовности, но и с малограмотной и нищей подавляющей массой населения. Так, известный английский историк И. Дойчер делает такой вывод: "В эпоху последних Романовых великая империя была наполовину колонией. В руках западных держателей акций находилось 90 % шахт России, 50 % предприятий химической промышленности, свыше 40 % металлургических и машиностроительных предприятий и 42 % банковского капитала".¹ Примерно эти же цифры приводит и известный советский историк народного хозяйства П. И. Лященко. Иностраный капитал, непосредственно вложенный в отдельные отрасли составлял к 1916-1917 гг.: горное дело - 91 %; металлообработка - 42 %; текстильная промышленность - 28 %; химическая - 50 %; деревообработка - 37 %.² Современный исследователь этих проблем называет долю иностранного капитала в основном капитале ведущих коммерческих банков России на 1 января 1917 г. в 47 %. К 1913 г. иностранцы контролировали 60-70 % капитала России, а к сентябрю 1917 г. - 90-95 %.³ Ясно, что Россия в таком раскладе не могла бы и мечтать о месте второй сверхдержавы в мире.

Россия, пытаясь стать равноправной европейской державой, нуждалась в серьезной и глубокой модернизации. Как было показано, после реформы 1861 года капитализм в стране не смог занять доминирующего места. Главная причина этого состояла в том, что правящий класс, в силу своей феодально-крепостнической природы, не смог своевременно провести индустриализацию.

В стране не было развитой промышленности, не было индустриальной инфраструктуры. Все это надо было создавать. А для этого необходимы огромные капитальные вложения, которых в стране не было. С.Ю. Витте и начал индустриализацию с развития железнодорожного строительства, которое стало бы импульсом для развития отраслей металлургии и в целом всей промышленности. Однако, железнодорожное строительство после 1900 г. захлебнулось из-за острой нехватки средств. Если в среднем за год строилось железных дорог в России в 1896 - 1900 гг. по 3100 верст, то в 1901 - 1903 гг. по 1902 версты, а в 1908 - 1913 гг. уже по 719 верст. И комментируя эти данные, историк И.Ф. Гиндин пишет: "Цикличность железнодорожного строительства в России объясняется прежде всего тем, что оно почти целиком зависело от привлечения капиталов извне, которое практически могло осуществляться лишь путем государственных и гарантированных правительством займов".⁴ Таким образом, русская революция не прервала индустриализацию,

---

¹ Хобсбаум Э. Эхо "Марсельезы". Дойчер И. Незавершенная революция. М., 1991, с. 170.

² Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956, с. 380.

³ Арин О. Царская Россия: мифы и реальность (конец XIX - начало XX веков). М., 1999, с. 25.

⁴ Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Пути сообщения и

начатую еще при Витте, а явилась объективно неизбежным моментом самой индустриализации, которая была закончена уже в 30-х годах XX века. Феодальные социально-экономические отношения не позволяли национальному капиталу создать необходимые накопления. Потому-то и был так силен иностранный капитал.

История перед страной ставила вопрос: или развиваться по пути европейской модернизации, т.е. проводить индустриализацию или скатываться на периферию мировой экономики. Царское правительство не смогло найти собственных накоплений для индустриализации. Весь талант С.Ю. Витте, прекрасно понимавшего историческую необходимость индустриального развития для страны, ничего не смог сделать в условиях по существу феодальных отношений. Поэтому и нужна была в России революция как единственно возможный путь ее модернизации.

1917 год: ПРОБЛЕМА ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Колганов А.И.,
д.э.н., МГУ*

Одна или две революции? Этот вопрос, применительно к Февралю и Октябрю 1917 года, давно уже является предметом дискуссии, и ответы на него давались различные. Представители советской исторической науки – а также и большинство эмигрантских политиков – жестко противопоставляли Октябрь Февралю. Первые возвеличивали Октябрь, как славную социалистическую революцию по отношению к презренному буржуазному Февралю. Вторые прославляли благодетельный демократический Февраль в противоположность разнузданному охлократическому Октябрю. Среди зарубежных историков, однако, широко была распространена позиция, согласно которой Февраль и Октябрь были лишь различными этапами единого революционного процесса, так что первый закономерно перетекал во второй.

экономическое развитие России. Кн. 2, ч. 2. - М.: Наука, 2006, с. 591, 592.

На мой взгляд, для более обстоятельного решения этой проблемы необходимо, прежде всего, не оставаться в кругу анализа только политических процессов, и не упускать из вида различие и взаимную связь между социальной и политической революцией. Разумеется, и Февраль, и Октябрь – это обозначения ступеней революционного процесса именно в сфере политической надстройки. Но понять их природу, не обращаясь к рассмотрению существа проходившей в России социальной революции, невозможно.

1. Социальная революция и политическая революция в Российской империи начала XX века

На протяжении последней трети XIX и начала XX века в России постепенно разворачивается *капиталистическая социальная революция*¹, толчок которой дали реформы 60-х – 70-х гг. XIX века и в первую очередь крестьянская реформа. Однако и в начале XX века эта революция была еще *весьма далека от своего завершения*. Капиталистические производственные отношения охватили меньшую часть общественного производства. Промышленный переворот затронул лишь весьма узкий уклад фабрично-заводской промышленности, охвативший примерно 10-15% занятых. Крестьянское землевладение примерно на 80% оставалось общинным (что, впрочем, составляло уже менее половины от всего землевладения). Вовлечение крестьянства в отношения товарного производства, хотя и прогрессировало, но все еще затрагивало меньшую часть крестьянского производства, а многочисленные слои крестьянства не затрагивало практически совсем – уклад их экономической жизни оставался добуржуазным. В товарной части аграрного сектора господствовало помещичье хозяйство, во многом основанное на полуфеодальных методах эксплуатации крестьянства.²

Задачи буржуазной революции в области политической и юридической надстройки и вовсе не были достигнуты ни в чем существенном (за исключением земского самоуправления и суда присяжных). «Либеральный» монарх Александр II весьма жестоко расправлялся с претензиями на завоевание политических свобод и социальных прав, а его преемник, Александр III, был еще более тверд в своей «охранительной» (по отношению к неограниченному самодержавию) политике.

---

¹ Такую оценку социально-экономическим процессам в России того времени давал и Ф. Энгельс в 1893 г.: «В России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо для России это настоящая социальная революция)». (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 39 С. 128). Вообще Ф.Энгельс в 90-е гг. XIX века неоднократно обращается к теме социальной революции, происходящей в России (см.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 22. С. 47, 261, 452 и др.).

² Все это очень хорошо показано в работе: Воейков М.И. Политико-экономические эссе. М.: Наука, 2004. С. 101-121.

Правда, революция 1905-1907 гг. все же принудила монархию обзавестись некоторыми конституционно-парламентскими декорациями, были сделаны некоторые шаги вперед в отношении свободы печати и свободы союзов.¹

Итак, в повестке дня стояло продолжение капиталистической *социальной* революции, и использование буржуазной *политической* революции как рычага назревавших социальных преобразований.

2. Буржуазная революция? Но какая?

Историки советской поры сходились в оценке революции 1905-1907 гг. и Февральской революции, как буржуазно-демократических. Думаю, это не совсем точно. Если *основные* задачи буржуазной революции *не решены*, говорить о буржуазно-демократическом этапе вроде бы рано. Почему же не только советские историки, но и социал-демократы, участвовавшие в этих революциях, оценивали их, как буржуазно-демократические? Вероятно, потому, что основным политическим вопросом этих революций как раз стал вопрос о политической демократии как средстве проведения буржуазных преобразований. В этих революциях уже невозможно было сделать шаг вперед за счет политического компромисса дворянской монархии с буржуазией – ибо этот компромисс не обеспечивал условий проведения основных преобразований капиталистической *социальной* революции, названных выше. Этому препятствовала контрреволюционная позиция буржуазии, готовой смириться с сословно-феодальными пережитками ради защиты своих социальных привилегий в деле эксплуатации пролетариата и крестьянства. В результате в революции сложился неформальный «демократический блок» пролетариата, мелкой буржуазии и добуржуазного (или полубуржуазного) крестьянства.

Итак, можно сделать вывод, что назревающая революция действительно была буржуазно-демократической, но с той особенностью, что *буржуазно-демократические задачи в этой революции были поставлены еще до того, как были решены основные задачи революции буржуазной*.

Другая особенность этой революции заключается в том, что это *поздняя* буржуазная революция. Она происходила в условиях, когда в странах капиталистического «ядра» буржуазные революции уже прошли. Поэтому российская революция не могла не встать перед проблемой не только буржуазно-демократических преобразований, но и поиска «места под солнцем» в мировом капиталистическом хозяйстве. Что делать, если мировой промышленный рынок уже поделен, и новую капиталистическую Россию на нем не ждут, тем более – с ее все еще довольно слабой промышленностью? На современном языке это называется

---

¹ Однако до буржуазной республики было еще очень далеко – и не случайно. Какая может быть буржуазная республика в стране, где уже заложены основы капитализма, но экономический строй которой в основном еще остается добуржуазным? Примерная такая, каким был буржуазный парламентаризм на Юге США вскоре после освобождения рабов или парламентарная система в Латинской Америке в это же время.

проблемой догоняющей модернизации. И эта проблема, как я постараюсь показать ниже, наложила весьма глубокий и своеобразный отпечаток на буржуазную революцию в России.

3. Февраль и Октябрь – одна революция... Или все же две?

С точки зрения единства и непрерывности политического процесса Февраль и Октябрь, несомненно, представляют собой одну революцию. А в более широком контексте можно назвать революцией весь период с 1903 по 1922 год (как это сделал Теодор Шанин). Однако у каждой революции есть этапы. И если мы не сводим Великую Французскую революцию только к 1789 или к 1793 году, все же у каждого из этих периодов было явное своеобразие. Поэтому остановимся пока на том, что Февраль и Октябрь – это два различных этапа единой революции.

Но в чем же своеобразие этих этапов?

А своеобразие этих этапов заключается в том, что в Октябре, во-первых, происходит передвижка классов, находящихся у власти: происходит, по определению Ленина, «рабочая и крестьянская революция». И, во-вторых, к власти приходит партия большевиков с социалистической программой.

Рассматривали ли сами большевики свою революцию как социалистическую? Поначалу – определенно нет. Они полагали, что пока им придется ограничиться только буржуазно-демократическими задачами, так и не разрешенными до конца Февралем. Для них было достаточно ясно, что Россия для социализма не созрела, что она даже в преддверии социализма не находится, что в это преддверие еще нужно придти, и путь этот небыстрый.

Но не все так просто. В потенции большевики все же видели социалистическую перспективу своей революции, если... Если произойдет революция на Западе и Россия получит помощь от победившего пролетариата более передовых стран. Даже в этом случае российскую революцию следовало бы рассматривать как *раннесоциалистическую*, то есть революцию, базирующуюся на недостаточных социально-экономических предпосылках. И если проводить сравнение с самой ранней успешной буржуазной революцией – в Нидерландах XVI века, то голландская революция имела более широкую и прочную социально-экономическую базу, ибо большая часть населения принадлежала так или иначе к мелкой буржуазии и была в значительной мере втянута в товарное хозяйство. Необходимый же для совершения социалистической революции пролетариат – а тем более фабрично-заводской пролетариат – составлял в начале XX века в России явное меньшинство населения.

Итак, начиная с Октября, к буржуазно-демократической революции начинает примешиваться оттенок революции раннесоциалистической. Поначалу еще только оттенок... Что же, все-таки две революции, только не последовательно, а одновременно? Не будем спешить.

4. Ленин о шансах строительства социализма

Я не буду здесь подробно останавливаться на тех социалистических по видимости формах, которые приняла политика «военного коммунизма», вынужденная отчаянными условиями гражданской войны. Идеологическая оболочка, которую приобрел «военный коммунизм», наложила значительный отпечаток на психологию большевистской партии, и хотя не смогла помешать переходу к новой экономической политике, привела, однако, к ее трактовке как «отступления». Тактически, это, возможно, и было отступлением – от попыток явного забега вперед, совершенных под влиянием войны. Но в смысле социально-экономической стратегии ни один марксист в здравом уме не мог полагать, что можно устроить социализм в мелкокрестьянской стране, вводя декретами бестоварное хозяйство. Так что возврат к рыночным отношениям в этом смысле должен представляться совершенно необходимым исходным пунктом дальнейшего развития, а не «отступлением» от чего-то, якобы уже достигнутого.

В 1921 г. революция в России в социально-экономическом отношении во многом вернулась к положению начала 1918 года. Пролетарское государство (хотя в его пролетарском характере уже сомневались и сами его руководители) могло, конечно, сравнительно легко национализировать крупную и среднюю промышленность. Но что делать дальше с этим разрушенным войной островком промышленности и в значительной мере деклассированным пролетариатом, окруженным морем мелкобуржуазного, а по большей части даже и патриархального крестьянства? Из чего тут, собственно, можно строить социализм?

Вместе со спадом революционной волны на Западе исчезли и надежды на помощь победоносного пролетариата развитых стран (по крайней мере, в ближайшую историческую перспективу). Что же делать? Отказаться от перспектив строительства социализма, вернуться к чисто буржуазной программе (как предлагали меньшевики)? Но в стране уже сложилась столь своеобразная конфигурация политических сил, что отказ от выдвижения социалистических целей становится для большевиков невозможным. Именно социалистические лозунги обеспечили им поддержку пролетариата и оправдывают их пребывание у власти. В противном случае, вместе с отказом от социалистических целей, они неминуемо теряют власть, а при тогдашнем политическом положении в России и в мире вместе с властью они потеряли бы и головы.

Ленина весьма беспокоила эта коллизия. В конце концов он предлагает выход, в общем не находящийся в непримиримом конфликте с марксистской теорией. Пролетариат должен продолжать удерживать государственную власть, допуская в меру развитие капитализма под своим контролем. По мере того, как с ростом этого государственного (в смысле – контролируемого пролетарским государством) капитализма будут развиваться и производительные силы, необходимо концентрировать ресурсы, при помощи государственной власти, на развитии современной промышленности, электрификации страны, подъеме культурного уровня

народа, на вовлечении крестьянства в кооперацию. Тем самым, одновременно с ростом капитализма, и отчасти на основе этого роста, будут закладываться материальные предпосылки социализма и обеспечиваться постепенный рост социалистического уклада. А там, глядишь, и революция на Западе созреет...

Но получится ли осуществить эту идею на практике? Не будут ли растущие хозяйственные силы буржуазного уклада (вместе со значительной частью крестьянства, вовлеченного в товарный оборот) направлены против сковывающей их политической оболочки пролетарского государства? Эта угроза мелкобуржуазного термидора осознавалась Лениным как «основная и действительная опасность»¹. Впрочем, Сталин справился с этой опасностью ... но открыл дорогу другой.

5. Переоценка шансов с позиций сегодняшнего дня

Сегодня эта постановка вопроса Лениным выглядит как чрезмерно оптимистическая. И дело здесь – с точки зрения марксистской теории – не только в известном теперь конечном результате попыток строительства социализма в СССР. Накал классовых противоречий пролетариата и буржуазии в условиях только что утвердившегося на Западе промышленного капитализма привел к ошибочной оценке степени готовности капитализма к социалистическим преобразованиям. Между тем в начале XX века развитие материальных и экономических предпосылок социализма – в том виде, как они были обоснованы в марксистской теории² – не давало еще достаточных оснований для такого вывода.

Поэтому ошибка Ленина заключалась не в его идее провести «достройку» совершенно недостаточной материальной базы для социализма руками капиталистов и мелкой буржуазии под контролем пролетарского государства. Такая идея при определенных условиях могла бы сработать – хотя она была очень рискованной и никаких гарантий конечного успеха не давала. Ошибка заключалась в оценке уровня тех задач, которые надо было решить, чтобы создать для социализма необходимые материальные предпосылки.

Два основных пункта, на которые напирал Ленин – «крупная промышленность, способная преобразовать и земледелие», и всеобщая грамотность населения – такими предпосылками не являются. Это – адекватная материальная база для *промышленной стадии капитализма, а не для социализма*. Предпосылки социализма вырастают в результате длительного развития промышленного капитализма – такого развития, при котором промышленный капитализм вплотную подходит к исчерпанию своих возможностей и создает внутри себя материальные основы для нового, более высокого хозяйственного уклада.

---

¹ Ленин В.И. XI съезд РКП (б). Политический отчет Центрального комитета РКП (б) 27 марта. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 94.

² Характеристика этих предпосылок дана мною в статье: Колганов А.И. Границы капитализма. // Альтернативы, 2006, №3, с. 16-30.

Приходится констатировать, что в первой четверти XX века даже и победоносная пролетарская революция в странах Запада, если бы она произошла, ничего не могла бы исправить в этом отношении. Социалистическая революция осталась бы преждевременной.

Между прочим, классики марксизма, хотя и переоценивали близость социалистической революции, все же достаточно хорошо понимали все опасности преждевременного взятия власти пролетарской партией. Можно напомнить то, что писал Энгельс в 1853 г. применительно к Германии (и что в еще большей степени оказалось верно по отношению к России):

«Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать *историческую* оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже»¹.

Так что же, большевики попали в совершенно безвыходный политический и экономический тупик? Получается, что так. И выход из этого тупика, который был найден, был произведен уже не большевистской партией и не на основе большевистской программы. Чтобы понять, как сложился этот выход, надо на время покинуть область теоретических размышлений, и обратиться к реальной эволюции социально-экономических отношений в революционную эпоху.

6. Логика событий: шаги к социализму?

Итак, взяв власть, большевики встали перед необходимостью разрешить задачи буржуазно-демократической революции и подготовиться к решению в перспективе социалистических задач. За дело буржуазно-демократической революции они взялись достаточно рьяно: передали помещичьи, удельные, монастырские и т.п. земли крестьянам; ввели в России республиканской строй – установили республику Советов; ввели рабочий контроль над производством... Но одновременно они столкнулись с тем, что их буржуазно-демократические преобразования встречают растущее сопротивление буржуазии. Против буржуазии им было известно только одно *средство* – установление классового господства

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28, С. 490-491.

рабочего класса, т.е. *диктатура пролетариата*. А это средство – отнюдь не из арсенала буржуазно-демократической революции.

Чем дальше, тем больше большевики сталкивались с тем, что пролетарская власть может удержаться, только применяя меры, входящие в конфликт с демократическими задачами буржуазной революции. И в самом деле, как совместить такое развитие прав и свобод, которое предполагается буржуазно-демократической революцией, с ограничением прав непролетарских классов и социальных слоев, предполагаемым диктатурой пролетариата? Особенно, если учесть, что пролетариат представлял к тому же явное меньшинство населения.

Но эта политическая проблема, сама по себе крайне острая, дополнялась гораздо более серьезным социально-экономическим противоречием. А именно: как довести до конца буржуазную социальную революцию вопреки буржуазии? Ведь речь шла не только об участии промышленных капиталистов в индустриализации страны, но и – в гораздо большей степени – о неизбежной в ходе развития буржуазной революции экспроприации мелкой буржуазии. А последняя представляла собой основного классового союзника пролетариата.

Пойти путем добровольного кооперирования крестьянства, как предполагал Ленин? Но для этого нужна мощная материальная поддержка крестьянской кооперации со стороны промышленности. Откуда же возьмется эта промышленность и массовые кадры пролетариата для нее? История знала только один путь – пролетаризацию крестьянства...

Уже созданный в России капиталистический промышленный уклад представлялся большевикам готовой основой для создания уклада социалистического, что позволяло им контролировать в экономике «командные высоты» (банки, крупную промышленность, железные дороги). Только социализация промышленности позволяла большевикам создать в стране социально-экономический противовес мелкобуржуазной стихии. Тем более, что капиталистическая буржуазия не пожелала участвовать в строительстве материальных основ социализма под рабочим контролем, и открыто выступила политическим противником пролетарской власти. И тогда в повестку дня встал переход от рабочего контроля к экспроприации буржуазии.

Стоит напомнить, что еще до Октября В.И. Ленин, даже не предвидя полностью масштаба грядущих проблем, все же сформулировал мысль, оказавшуюся верной оценкой той логики событий, которая толкала большевиков на «коммунистические опыты» и «скачки»: «нельзя идти вперед, не идя к социализму»¹.

Но что получилось в результате экспроприации промышленной буржуазии? Если первоначально функцию социализации промышленности пытались взять на себя органы рабочего контроля, то буквально за несколько месяцев ситуация радикально изменилась. Рабочие организации в условиях гражданской войны не

---

¹ Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.34, с. 191.

смогли быстро обеспечить жесточайшую концентрацию ресурсов на решении военных задач, и были быстро оттеснены от управления промышленностью – их функции взял на себя централизованный государственный аппарат. Поначалу он действовал в той или иной мере по соглашению с рабочими организациями, но уже к началу НЭПа участие рабочих в управлении стало почти декоративным.

Таким образом, капиталистический уклад в промышленности был заменен не «свободной и равной ассоциацией тружеников», а системой государственного управления. Ведущей социальной силой нового промышленного уклада стали не работники, а бюрократия. При той реальной степени зрелости пролетариата, какая была в России к началу революции, да еще и при условиях массового деклассирования пролетариата в ходе гражданской войны, это сделалось неизбежным.

Задачи буржуазной революции вместо буржуазии стал решать не рабочий класс, выстраивающий социалистические отношения – эти задачи стала решать бюрократия. Пока она была тесно связана по происхождению с пролетарской властью и подчинялась господствующей большевистской идеологии, можно было еще вести речь о том, что перед нами бюрократизированное рабочее государство, где бюрократия выступает от имени пролетариата, и в общем в его интересах. Но что же связывало интересы бюрократии и интересы рабочего класса?

Механизм политической власти? Вряд ли. Сложившаяся к 1922 г. абсолютная монополия большевистской партии на власть сделала демократический механизм республики Советов формальностью. И даже в той части, где рабочие еще могли воспользоваться своими политическими правами, они на деле были мало способны реализовать эти права. А чем дальше, тем больше сконцентрированная в рядах большевистской партии бюрократия (в полном согласии с бюрократией беспартийной) выхолащивала возможность контроля за собой со стороны пролетариата.

Стремление к социализму? Если такого рода настроения и были свойственны как части рабочего класса, так и части бюрократии, то по своему объективному положению в системе общественного производства, достигнутом уровню культуры и сложившейся в начале 20-х гг. социальной психологии никакой особой необходимости в решении социалистических задач не испытывал ни один из этих социальных слоев, или уж, во всяком случае, не считал необходимым вступать в борьбу за социализм.

Тем не менее, общие интересы, связывающие бюрократию и рабочих, были. Во-первых, это их общее нежелание допустить реставрацию частнохозяйственного капитализма. Во-вторых, их общая заинтересованность в росте промышленности. И в-третьих, идеология, обосновывающая предыдущие два пункта, и унаследовавшая некоторые традиционные марксистские лозунги.

7. Выход из тупика: что же получилось в итоге?

Таким образом, сложившийся в промышленности уклад представлял собой плод определенного союза между бюрократией и пролетариатом при ведущей роли первой. На этом же союзе, дополненном еще и компромиссом с крестьянством, покоилась и вся общественная система СССР начала 20-х гг. Но как долго могла продержаться эта конструкция?

Здесь я не буду анализировать противоречия НЭПа, приведшие к разрушению компромисса с крестьянством.¹ В более широком контексте разрушение обоих компромиссов стало следствием объективной логики задач поздней буржуазной революции, функции решения которых приняла на себя советская бюрократия. Напомню, это были задачи догоняющей модернизации, понимавшиеся тогда в терминах индустриализации и перехода к крупному общественному земледелию.

Бюрократия встала перед необходимостью жесткой концентрации хозяйственных ресурсов для проведения догоняющей модернизации (что получило затем отражение в термине «мобилизационная экономика»). Такая концентрация и материальных ресурсов, и трудовых усилий была возможна лишь за счет сильнейшего нажима – как на рабочий класс, так и на крестьянство. Экономическое соревнование с капиталистическим укладом было прекращено, и остатки буржуазии, допущенной НЭПом, были ликвидированы административным давлением, а мелкобуржуазное крестьянство сметено «коллективизацией». Угроза с этой стороны была ликвидирована – но вовсе не ради интересов рабочего класса и «строительства социализма».

Прежние формы компромисса были отброшены – не без ожесточенной политической борьбы, занявшей почти все 20-е годы, – и политика, проводившаяся с 1929 года, знаменовала собой окончательный переход к *своеобразному советскому бонапартизму*. Правда, для этого пришлось серьезнейшим образом ревизовать прежние установки большевизма – как идейные (например, партийная программа была просто забыта), так и организационные (стремительный отказ от внутрипартийной демократии), и основательно изменить персональный состав большевистской партии, в конечном итоге превратив ее в течение 30-х гг. в иную политическую организацию, хотя и под старым названием.

Как и любые разновидности бонапартизма, советский был основан на лавировании между противоположными интересами классов и социальных слоев – в данном случае между интересами разросшегося слоя бюрократии и трудящихся классов (как рабочих, так и крестьян). Своеобразие советского бонапартизма заключалось в том, что здесь бюрократия превращалась не только в арбитра борющихся классов, стоя как бы над ними, а на деле достигая компромисса между ними, но в пользу одной из сторон. Она сама была одной из сторон компромисса и

---

¹ Краткий анализ этих противоречий был дан мною ранее. См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М.: URSS, 2003. С. 93-94.

арбитром в своем собственном деле. Это было бы невозможно, если бы в советском строе не действовали механизмы самоограничения бюрократии, степень которой не стоит преувеличивать, но которая была реальным фактом, на котором только и могла основываться мобилизующая роль бюрократии в деле модернизации.¹ Это самоограничение, вместе с успехами модернизации, постепенно стало все больше и больше предаваться забвению, и на бюрократию к середине 30-х гг. закапал золотой дождик строго отмеренных привилегий – одновременно с радикальной кровавой чисткой ее от носителей старых большевистских традиций.

Итак, бюрократия приступила к решению задач буржуазной модернизации... Поймите! Но как же с социалистической революцией, о перспективах которой так много было рассуждений выше? Попытки проведения раннесоциалистической революции постигла именно та судьба, которая и должна была их постигнуть. Постольку, поскольку для социалистических преобразований все же были некоторые, хотя и очень незрелые, предпосылки в виде капиталистического промышленного уклада, возникли весьма значимые социалистические формы, охватывающие некоторые стороны социально-экономических отношений. Классовый, политический и идеологический импульс Октября был достаточно силен, и к тому же он подкреплялся заинтересованностью советской бюрократии в сохранении идейно-политической оболочки великой революции, служащей оправданием власти бюрократии. Кроме того, использование этих форм позволяло мобилизовать энергию и энтузиазм рабочего класса. Да и формы государственного централизованного управления национализированной промышленностью, обладая определенной схожестью с прогнозируемыми чертами социалистического планового хозяйства, позволяли отождествлять одно с другим.

Некоторая устойчивость этих форм определялась еще и международным положением СССР. Их наличие позволяло СССР занять особое место в мировом хозяйстве и в мировой политике, провести линию твердого протекционизма в социалистической плановой оболочке, да еще и опереться на поддержку международного рабочего движения, противопоставив себя, как «форпост социализма», «капиталистическому окружению» (тем более, что наличие реальных социалистических элементов давало на это основания и было действенным средством давления на мировую буржуазию). Однако *эти социалистические формы не развились, да и не могли развиваться в основы социально-экономического строя, сложившегося в СССР*. Более того, имевшиеся элементы социализма сложились в уродливом, деформированном виде (что может служить оправданием применению образного выражения «мутантный социализм» – но не по отношению ко всему советскому строю, а только по отношению к этим элементам).

---

¹ Подробнее см.: Колганов А.И. Три модернизации в России и наше время // Политический класс, 2005, №11.

Таким образом, советский «социализм» сложился первоначально как незавершенное переходное общество с бонапартистской надстройкой, социально-экономической основой которого было решение задач догоняющей буржуазной модернизации без буржуазии и в оболочке социалистических форм хозяйствования.

Этот результат вполне подтверждает высказанную в общей форме мысль Ф. Энгельса, приведенную им в письме Вере Засулич, по поводу возможной революции в России:

«Люди, хвалившиеся тем, что сделали революции, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели»¹.

Это была неустойчивая, разнородная, «несбалансированная» конструкция, элементы которой удерживались вместе силой политической надстройки, и которая со временем неизбежно начала разлагаться, выхолащивая и вытесняя менее прочные социалистические формы, впрочем, отчасти сохраняя то из них, что диктовалось общими условиями развития позднеиндустриального уклада (и что параллельно развивалось в странах капиталистического «ядра»). Такое развитие социально-экономических последствий российской революции с точки зрения имевшихся материальных предпосылок было наиболее вероятным. Что же касается политической формы этого процесса, сопряженной с произволом времен сталинской диктатуры, то здесь как раз были возможны варианты, борьба вокруг которых, собственно, и была реальной подоплекой политических конфликтов 20-х – 30-х гг.

Итак, все же две революции одновременно, но не равнозначные – одна из них (раннесоциалистическая) послужила оболочкой для другой (позднекапиталистической) в силу своеобразной расстановки классовых сил.

8. Врожденные болезни капитализма, возникшего из советского строя

В конечном итоге процесс латентного формирования корпоративно-капиталистической структуры в оболочке планового хозяйства, и процесс избавления бюрократии от последних ниточек, связывающих ее с трудящимися классами, неизбежно привел к реставрации капитализма. Полукапиталистическая система, оснащенная немаловажными социалистическими атрибутами, была разрушена и заменена системой корпоративного капитализма. Однако этот новый российский капитализм оказался обременен целым рядом врожденных пороков.

Крайне оригинальный исторический путь формирования в России позднеиндустриального капитализма наложил своеобразный отпечаток и на его нынешний облик. Во-первых, этот капитализм вырос не из эволюции мелкобуржуазного моря, из которого вырастали островки свободного капиталистического предпринимательства, основанного на более или менее свободной конкуренции. Он, не имея за своей спиной исторического опыта развития

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36, С. 263.

свободного предпринимательства, с самого начала родился как система господства крупного корпоративного капитала, объединенного в монополистические структуры. Кроме того, переход от государственно-монополистических структур к частно-монополистическим был проведен скачкообразным образом, а потому господство монополистического капитала приобрело ярко выраженную олигархическую тенденцию.

Во-вторых, социальная среда, из которой рос этот капитализм, так же была необычной. Новейший российский капитализм вырос из распада и разложения бюрократической плановой системы. К несчастью, именно худшие элементы этого разложения – союз коррумпированной бюрократии и дельцов теневого бизнеса, густо приправленный пропитавшими эту среду криминальными элементами – захватили господствующие политические позиции, и составили как раз наиболее активный контингент современного российского предпринимательства. С другой стороны, становление этого капитализма происходило при отсутствии свободного наемного работника, который еще только создается заново на наших глазах.

Российский капитализм не имеет длительной истории становления, совершенствования и отладки институтов капиталистической экономики. Эти институты являются плодом поспешной импровизации, основанной на плохо продуманном копировании внешних форм организации бизнеса в развитых странах.

В результате экономическая система российского капитализма обнаруживает гораздо больше сходства с начальным этапом промышленного капитализма, описанным в «Капитале», нежели со странами высокоразвитого капитализма, прогресс которых во многом обеспечивается выходом за рамки классических капиталистических отношений. Российский же капитализм еще не вступил на этот путь постепенного самоотрицания капитализма, служащего для развитых стран неперемнным условием выживания капиталистической системы в целом. Этот относительно архаизированный характер российского капитализма служит одним из источников его отсталости, поскольку находится в остром конфликте с относительно современной материально-технической базой, созданной в советский период, с уровнем развития основной массы работников, и с условиями конкуренции в мировом хозяйстве.

Другим пороком современного российского капитализма служит неспособность новой буржуазии обеспечить ускоренную модернизацию, парадоксальным образом напоминающая подобное же свойство его предшественника времен Российской империи, что и привело тогдашнюю российскую буржуазию к историческому банкротству, несмотря на весь неисчерпанный потенциал капиталистической системы. Причины этого, впрочем, различны. Если «старая» российская буржуазия не имела достаточной решимости освободиться от обветшалых форм полукрепостнической монархии, довольно прочно сросшись с нею и переплетясь взаимными интересами, то «новая» буржуазия сформировалась с психологией захватчика, «хапнувшего» в союзе с бюрократией прежнюю государственную собственность и использующего ее как добычу, подлежащую

разграблению. В лучшем случае приобретенная собственность рассматривается «новыми богатыми» подобно какой-нибудь деревеньке, полученной «в кормление» от государя. Любые капитальные вложения поэтому представляются для нашей буржуазии не средством наращивания капитала, а прямым вычетом из ее дохода.

При этом есть и общие черты – и та, и другая генерация буржуазии характеризуются тесной зависимостью от бюрократии, глубоко вросшей в предпринимательство и паразитирующей на нем, одновременно охраняя интересы этого предпринимательства от «претензий» трудящихся классов, а также подчинением финансовой и технологической монополии более развитых держав.

Наконец, проведение нынешней буржуазией ускоренной модернизации означало бы вступление в ожесточенную конкурентную борьбу с сильнейшими капиталистическими державами и мощным транснациональным капиталом, доминирующими в глобализованном мировом хозяйстве. А наша буржуазия явно не готова нести неизбежные издержки такой борьбы.

9. Буржуазная революция закончена. Что дальше?

Итак, буржуазная революция в России завершилась. Вся экономика пронизана устойчивыми структурами капиталистических производственных отношений. Сложилась определенная национальная модель капитализма – отсталого, периферийного, занимающего в мировом хозяйстве нишу поставщика сырья и топлива (да, еще и оружия – но это не надолго...). Каково может быть ее будущее?

Россия вполне может существовать и в нынешнем ее виде. Без особых успехов – но все же существовать, постепенно накапливая внутренние противоречия, которые могут увлечь нас в пучину острейших социальных конфликтов. А что может быть альтернативой? Опять догоняющая модернизация?

Нет, новый рывок в духе мобилизационной экономики позднеиндустриального общества вряд ли вынесет – да и вряд ли предпримет. Успех такой политики сейчас более, чем сомнителен. Россия – не Сингапур и не Тайвань. При нынешних правилах игры в мировом хозяйстве, живущем в условиях глобализации, Россия вообще не имеет шансов пробиться в первые ряды. Другое дело, что эти правила не вечны.

Гигантски раздутый финансовый рынок, сублимирующий кризисный потенциал, накапливающийся в реальном секторе, не может надуваться беспределно. В исторически обозримой перспективе глобальный финансовый кризис неизбежен, а вместе с ним может придти гибель современной «имперской» модели мира и распад глобального мирового хозяйства на крупные блоки. А вот в одном из таких блоков Россия сможем получить шансы занять место под солнцем и продвинуться вперед, но в первую очередь не как промышленная держава, разумеется. Сейчас преждевременно было бы рисовать гипотетические сценарии такого процесса, однако можно сказать одно – через какое-то время после

прогнозируемого распада объективно необходимое единство мирового хозяйства вновь властно заявит о себе.

Вот тогда можно будет подумать и о предпосылках социализма в России – но на этот раз только в рамках глобального социализма. И социалистическая революция в формирующихся условиях может выступить только как своего рода «социалистическая глобализация», покоящаяся на новых материальных предпосылках того, что Маркс когда-то назвал «всеобщим трудом».

Этот процесс неизбежно столкнется с проблемой социально-экономической отсталости большинства стран (по отношению к которым Россия выступает как развитая держава). Проблема приобщения их к современной культуре ставит перед социалистической мыслью вопросы, на которые сейчас нет ответов. Каковы могут быть формы помощи этим странам? Как быть с господствующими там косными и коррумпированными политическими режимами? Как обеспечить экономический прогресс всего человечества, не упершись в тупик ресурсного перенапряжения и экологической катастрофы?

Фактически это те же самые вопросы о возможности движения к социализму стран, не обладающих для этого достаточными социально-экономическими предпосылками, что стояли перед Россией в 1917 г., но стоящие уже применительно не к отдельной стране, а ко всему мировому хозяйству. Вопросы гораздо более серьезные, чем этические конфликты, описанные в романах братьев Стругацких в связи с феноменом «прогрессорства». Готовых ответов пока нет. Но наш собственный исторический опыт может, по крайней мере, предостеречь от некоторых ошибок.

О мифах Октября и советской истории

Славин Б.Ф.,
д.ф.н., «Горбачев-фонд»

90-летие Октября воскрешает не только старые мифы советской истории, но и дает почву для появления целого ряда новых мифов, которые сегодня воспроизводятся российской прессой и электронными СМИ, проявляя различные политические позиции авторов, пишущих о революции 1917 года и ее последствиях.

Кто делает революции?

В частности, доказывается, что Октябрьская революция была не великим историческим событием, а простым преступлением большевиков. Например, с этим утверждением постоянно выступает лидер ЛДПР Вл. Жириновский, утверждая незаконность и нелегитимность октябрьского переворота и советской власти. Что можно сказать по этому поводу? Только одно: любая революция есть нарушение законов прежней власти, но от этого она не является преступлением, ибо в ходе революции прежние законы лишаются легитимности, то есть массовой поддержки народа. Напротив подлинная революция всегда легитимна, ибо она получает поддержку абсолютного большинства граждан страны. Именно таким явлением и стал Октябрь 1917 года, утвердившей советскую власть, которую в массе своей российский народ поддержал.

Близко к первому примыкает другой распространенный миф о том, что Октябрьская революция была результатом деятельности узкой группы заговорщиков, являющихся агентами германской либо англо-американской разведки. Сюда же относятся утверждения о том, что Ленин якобы делал революцию на немецкие деньги, а Троцкий выполнял указания американско-сионистского капитала. И это говорится о людях, которые были наиболее радикальными противниками капитализма, о революционерах, чьи идеалы определялись коренными интересами трудящихся России и всего мира.

Этот миф сегодня активно навязывается общественному мнению многими историческими передачами по ТВ, хотя он давно опровергнут серьезными отечественными и зарубежными учеными. (См. работы Р. Кеннана о коллекции Сиссона, Г.Соболева о тайне немецкого золота, В.Логонова о записках Платтена и др.) Нашел он свое отражение и в российских газетах, развернувших дискуссию в связи с 90-летием Октября. (См., например, «Литературная газета», 2007г., № 31, 34, 36 и др.). Сторонники этого мифа, как правило, считающие себя последовательными

и активными патриотами России, не понимают, что подобными утверждениями они сводят роль русского народа в истории до уровня простой марионетки, которой можно крутить кому угодно и как угодно.

В действительности социальные революции всегда совершаются большими массами людей, причем, по их собственному желанию и действию. Социальная революция – это всегда народная революция. По сути своей она означает радикальную смену классов у власти, которые объединяют миллионы людей. Именно такой революцией был Октябрь 1917 года. Меньшинство, в принципе, не может совершить социальную революцию, максимум, чего оно может добиться – это осуществить путч, не более того. Но путч, меняя состав политической элиты, не меняет классовых основ общества, потому он и не считается революцией. Сводить Октябрь к путчу или перевороту, проведенному кучкой заговорщиков - экстремистов, значит не понимать не только массовый характер этой революции, но и тот глубинный, классовый раскол российского общества, который наглядно проявился в Гражданской войне, унесшей миллионы человеческих жизней. Повторю еще раз: революция не делается кучкой революционных экстремистов, или агентами иностранных держав. Она возможна лишь при одном условии: если ее осуществляет сам народ.

Это и произошло в России в Октябре 1917-го года, когда народ поддержал большевиков, взявших власть в свои руки. При этом он не только принял большевистскую власть, но и отстоял ее в Гражданской войне. Такова правда истории, и ее невозможно изменить никакими мифами и хитроумными фальсификациями.

Необходимость Октября

Сегодня часто спрашивают, является ли Октябрьская революция закономерным, или аномальным явлением в жизни России? В традиционной версии вопрос звучал так: Октябрьская революция необходима, или случайна для России? Если мы не хотим снова впасть в историческую мифологию, а исходить в своих суждениях из реальной российской действительности, то ответ может быть только один: Октябрь, как и предшествовавшие ему революции начала XX века, был экономически, социально и политически необходимым историческим явлением. Здесь я придерживаюсь мнения, что всю Великую русскую революцию, начиная с 1905-го, и кончая Октябрем 1917 года, можно рассматривать как одну единую революцию, как непрерывный процесс революционного творчества русского народа, стремящегося «снизу» решить основные социальные проблемы, которые «верхи» решать не хотели. Нельзя забывать, что революции возникают всегда, если власть придерживающие не хотят их решать.

Октябрь, конечно, был кульминацией Великой русской революции XX века. Он поднял к власти низы общества: рабочих, крестьян и связанную с ними интеллигенцию. Октябрьская революция совершилась не потому, что этого хотели «зловредные большевики», или лево настроенная интеллигенция, как думают

современные наследники известного дореволюционного сборника «Вехи», а потому, что монархия и сменившее ее временное буржуазное правительство, не смогли решить двух главнейших и острейших вопросов российской жизни: дать землю крестьянам и мир народам.

«Проблема земли» после отмены крепостного права стала хронической для России, ибо большая и лучшая часть земли, не смотря на развитие капитализма, по-прежнему оставалась у помещиков. Мало того, царизм усугубил эту проблему, пытаясь пустить общинные земли в свободный оборот (Столыпинская реформа). На практике это вело к окончательному разорению основной массы крестьянства. Не случайно крестьяне вместе с рабочими, испытавшими на себе все «прелести» буржуазной эксплуатации, стали главными творцами Октябрьской революции.

Нельзя забывать, что голод был постоянным бичом царской России, заставлявшим массы крестьянства периодически подниматься против помещиков. Стихийный захват помещичьих земель и «красные петухи» были характерными явлениями русской революции на протяжении многих лет. Отмена крепостного права, сделавшая крестьян свободными, но не давшая им желанной помещичьей земли, поставила революцию в повестку дня России: вопрос был лишь в том, когда конкретно она начнется. И она началась сразу после поражения России в русско-японской войне, показавшей слабость и историческую истощенность самодержавия.

Вызванная этой войной революция 1905 года надломила, но не ликвидировала самодержавие, не решила она и земельную проблему. Крестьянские бунты продолжались в России и после 1905 года. Попытки царской жандармерии обвинить российскую интеллигенцию в революционных настроениях крестьянства опровергаются характерными словами одного из участников крестьянского бунта о том, что никакие призывы и «листки интеллигенции» не сумели бы поднять мужика на революцию, если бы земля была в его руках. Нечто похожее говорил и Ленин, считая, что Октябрьская революция была бы невозможна, если бы Февральская революция дала землю и мир крестьянам. Но этого не случилось, в итоге народ отвернулся и от Временного правительства. Есть свидетельства, что лидеры меньшевиков в Советах накануне Октября буквально уговаривали Керенского дать землю крестьянам, доказывая, что в противном случае это сделают большевики. Но Керенский их не услышал, чем и подписал приговор собственной власти и власти меньшевиков в Советах.

Вместе с землей острейшим вопросом того времени был мир. К нему не стремилась власть, опьяненная лозунгом войны до победного конца. В итоге, историческое значение Февраля свелось к одному - ликвидации монархии, которая к тому времени уже началась самораспадаться. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические факты: бесконечные интриги и дразги при царском дворе, распутищина, военные поражения на фронтах первой мировой войны, наконец, самоотречение от власти последнего самодержца и главнокомандующего российской армии безвольного Николая второго. Все это хорошо показал А

Солженицын в романе «Красное колесо» (См.: соответствующую публикацию в «Литературной газете» за 2007 г.).

Достаточно было в феврале 1917 года стихийного толчка вышедших на улицу голодных женщин Петрограда, оставшихся зимой без хлеба, чтобы их поддержали сразу рабочие и недовольные войной солдаты. Главным их политическим лозунгом был лозунг: «Долой самодержавие!». Уже в марте 1917 г. он был реализован: самодержавие рухнуло и на смену ему пришло двоевластие «Временного правительства» и «Советов рабочих и солдатских депутатов».

После возвращения из иммиграции Владимира Ленина и его знаменитых «Апрельских тезисов», выдвинувших фактически идею перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической, происходит раскол в «Советах». Большевики отказываются от своей прежней тактики условной поддержки Временного правительства и лозунга «Вся власть советам!». Они выдвигают прямо противоположный лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству!». Этот лозунг был во многом созвучен требованиям масс, желавших скорейшего окончания войны и радикальной земельной реформы.

После разгрома Корниловского мятежа, происходит быстрая большевизация «Советов», когда рабочие и солдатские массы сознательно заменяли меньшевиков на большевиков. Большевизация «Советов» практически означала конец Февральской и начало Октябрьской революции, которая совершилась в ночь с 24-го на 25-е Октября 1917 года взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства. Весьма примечательно, что само взятие власти в Питере произошло почти бескровно. *Именно Октябрьская революция сразу сделала то, что должна была сделать буржуазная Февральская революция: она дала российскому народу и желанный мир, и, главное - землю.* Основной урок этой революции состоит в том, что власть не должна пренебрегать интересами народа. Если она, занимаясь собственным обогащением и реализацией привилегий, забывает о нуждах простых людей – жди революции.

Существует давний миф, распространяемый в свое время меньшевиками, что Октябрь на деле был не социалистической, а буржуазно-демократической революцией. На первый взгляд, он соответствовал действительности: и декрет о мире, и декрет о земле, в основу которого был положен известный крестьянский наказ эсерам, являются сугубо демократическими акциями, не выходящими за пределы требований буржуазно-демократической революции. Все так, но, как известно, на этом Октябрьская революция не остановилась. Походя решив демократические задачи, она пошла дальше, утвердив Советы как власть рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проведя национализацию земли, превратив в государственную собственность железнодорожный транспорт, наиболее крупные банки, заводы и фабрики, придав законодательные функции госплану, начав добровольную кооперацию и культурную революцию. Социалистическую суть Октябрьской революции определяют, во - первых, сам рабочий класс как главный демиург этой революции, ведущий за собой многомиллионное крестьянство, во -

вторых, сама Советская власть и те ее решения, которые закладывали социалистический фундамент в экономику страны и проводили социалистические и демократические преобразования в политической и духовной сферах общества.

Так, социалистическими, по сути своей, были меры, предложенные Лениным в его Политическом завещании. Они предполагали, помимо быстрого развития производительных сил, привлечение к власти «рабочих от станка», проведение антибюрократической реформы Советов и правящей партии, вплоть до снятия с поста генсека И.Сталина за его ошибки в национальном вопросе, за проявления нелояльности к товарищам, за грубость и многочисленные факты злоупотребления личной властью.

«Эффективный менеджер» или могильщик революции

В последнее время в научной среде и во многих средствах массовой информации стал распространяться миф о Сталине как «творческом» и «эффективном менеджере», проводившем индустриализацию России, в отличие от «марксистского догматика» Ленина. При этом часто ссылаются на известную характеристику Черчилля о том, что Сталин «взял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой».

С подобными утверждениями можно согласиться только в одном случае: если под «творчеством» понимать не теорию НЭПа, с которой выступил Ленин, а сталинский возврат в начале 30-х гг. от НЭПа к политике «военного коммунизма», не ленинскую идею постепенной добровольной кооперации на селе, а «большой скачок», связанный со сталинской коллективизацией, наконец, не проект дебюрократизации советского государства, предлагавшийся Лениным, а создание Сталиным тоталитарной системы, с ее незаконными массовыми репрессиями и соответствующей теорией обострения классовой борьбы по мере построения социализма.

На мой взгляд, утверждение о якобы «творческой натуре» «эффективного менеджера» Сталина напоминает известное «творчество» Воланда из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. Отличие только в том, что Воланд в своем писательском воображении применял метод «секир башка» только к отдельным нехорошим персонажам романа «Мастер и Маргарита», а Сталин пользовался им в реальной действительности применительно к сотням тысячам не в чем не повинных людей.

На самом деле, никакого «творческого», а тем более «эффективного» менеджера в лице Сталина не было. Он был хитроумным, но недальновидным политиком, допускавшим на практике весьма грубые ошибки. (Это от него исходили нереальные цифры пятилетних планов, абсолютизация чрезвычайных мер в политике, стратегические просчеты в оценке предвоенной ситуации накануне 1941 года, полное пренебрежение ценностью человеческой жизни, и т.д.) Как известно, идеи индустриализации, кооперации и культурной революции, принадлежали Ленину, а не Сталину. Ленин хотел провести индустриализацию страны, прежде всего

за счет сокращения бюрократического госаппарата, а кооперацию - за счет строгого соблюдения принципа добровольности и постепенной механизации сельского хозяйства на основе появления в деревне не менее двухсот тысяч тракторов.

Ни тот, ни другой завет Ленина не были выполнены Сталиным. Напротив, индустриализация им проводилась чисто волевыми методами с помощью принудительного взимания «дани с крестьянства».

Что касается кооперации на селе, то она свелась к известному силовому раскулачиванию не только кулаков, но и середняков с последующим формальным обобществлением примитивного сельскохозяйственного инвентаря (сохи) и изъятия в пользу колхоза нередко единственной лошади или коровы, без которых, вообще, невозможно существование индивидуального крестьянского хозяйства. Результаты подобной политики известны: миллионы человеческих жертв и семейных трагедий, голодомор в большинстве регионов страны, многолетняя стагнация всего сельского хозяйства.

Разрушительные последствия такой политики естественно породили сопротивление сталинизму, начиная с многочисленных крестьянских восстаний на юге страны, и кончая антисталинскими выступлениями представителей «левой оппозиции», программным демаршем Рютина, обличительным письмом Раскольников, критическими высказываниями Крупской, политическими заявлениями Бухарина и других ветеранов партии.

Ответ Сталина был жестким и по иезуитски расчетливым: Он решил уничтожить всех свидетелей своих провалов в политике с помощью насилия, клеветы и самооговора. Используя данные методы, Сталин одновременно перекладывал ответственность за свои политические ошибки на реальных и вымышленных противников. Мало того, он обвинял их в попытках покушения на его личность, якобы олицетворяющую идеалы партии и Октябрьской революции. Отсюда Большой террор 30-х гг. и превращение во «врагов народа» выдающихся деятелей революции и советской власти. Отсюда же «дело Кирова» и знаменитые фальсификации Московских процессов, гонения на «старых большевиков» и полная «зачистка» ближайших соратников Ленина, упомянутых в его Политическом завещании.

За связь с «врагами народа» заплатились миллионы ни в чем не повинных граждан. По данным доклада специальной комиссии ЦК КПСС только в 1937-1938 гг. было репрессировано более полутора миллиона человек, из них расстреляно около семьсот тысяч. Таких «чисток» и жертв не знала мировая история.

Факты сталинских репрессий свидетельствуют о том, что не «революция уничтожала своих детей», как полагают нынешние радикальные либералы, а контрреволюция в лице сталинизма сознательно ликвидировала тот «тонкий слой» ленинской гвардии, на авторитете которого во многом держалась советская власть. Тем самым уже тогда были заложены глубинные предпосылки ее будущего падения. В этом смысле Сталин был могильщиком революции и дела Ленина. Весьма характерно, что современные поклонники Сталина не устают вновь и вновь повторять различные сталинские мифы и фальсификации Московских процессов, выдавая их за

сенсационные открытия. При этом они совершенно не утруждают себя предъявлением каких либо новых научных фактов, аргументов и доказательств.

Неоднозначность истории

Могут спросить, а как же быть с теми реальными достижениями советского народа, которые были в годы правления Сталина? Ответ очевиден: они были на самом деле, но не благодаря сталинизму, а вопреки ему. Этих успехов было бы намного больше, если бы не было грубых политических ошибок Сталина.

Советская история была неоднозначной. В ней соседствовали исторические завоевания и трагедии, победы и поражения. Воодушевленные идеалами Октября советские люди творили свою историю вопреки тоталитарному режиму власти. Это они одержали великую победу над фашизмом, создали неповторимую культуру и литературу, доступную систему социальной защиты населения, первые проложили дорогу в космос. Нельзя забывать, что Октябрь породил невиданную ранее творческую энергию массового созидания нового общества, воплотил в жизнь многие идеи интернационализма, приобщил прежние низы российского общества к высотам национальной и мировой культуры. Нельзя вычеркнуть из советской истории и энтузиазм масс, проявившийся в овладении новейшими достижениями науки и техники. В нем наглядно проявился революционный романтизм и героизм миллионов советских людей.

Социалистические преобразования в нашей стране всегда носили двойственный характер. Это была борьба двух тенденций: демократической и бюрократической. Тенденция демократическая, проявлялась тогда, когда улучшалась жизнь народа, когда становилось больше свободы и справедливости. Бюрократическая тенденция сковывала и подмораживала Россию, она превращала ее в авторитарное или тоталитарное государство. В борьбе этих двух тенденций и осуществлялась советская история. Так, на смену нэповской свободе пришел сталинский тоталитаризм, который, в свою очередь, сменился хрущевской «оттепелью». Позднее брежневский авторитаризм сменила перестройка, провозгласившая своей целью создание гуманного демократического социализма.

Особо следует отметить историческое значение XX-го съезда КПСС, который стал поворотным событием в советской истории. Он нанес действенный удар по сталинизму. В итоге, произошел отход от режима личной власти к системе коллективного руководства страной. Фактически с этого момента начался процесс перехода от тоталитаризма к демократии, завершившийся в годы перестройки.

Решения съезда на практике привели к реабилитации сотен тысяч граждан. Началось освобождение общественного сознания от догм и идеологических стереотипов сталинской эпохи, возникла демократическая атмосфера общественной и культурной жизни страны, образно названная «оттепелью».

XX съезд во многом вернул изначальный смысл социалистической идее, искаженной теорией и практикой сталинизма. Решения XX съезда имели большой нравственный смысл, возвращавший людям веру в правду и справедливость. Было

положено начало преобразованиям государственно-бюрократической системы, обеспечению гражданских прав советских людей, реформированию и демократизации существующей модели социализма. Характерно, что это сегодня не хотят замечать ни ортодоксальные сталинисты, ни либеральные фундаменталисты.

После XX съезда проводилась активная социальная политика, массовое строительство жилья, была осуществлена либерализация в культурной сфере, наблюдался резкий взлет науки и искусства. Именно в это время возникло целое поколение «шестидесятников», внесших существенный вклад в развитие советской науки и культуры.

Линия XX съезда была продолжена перестройкой, которая фактически полностью покончила с остатками тоталитаризма в нашей стране. Именно в эти годы началось превращение авторитарного социализма брежневской эпохи в гуманный демократический социализм с его гласностью, отменой цензуры, свободой выезда за рубеж, альтернативными выборами и т.д. Однако полностью достичь всех намеченных целей не удалось. Помешал путч, спровоцировавший приход к власти радикальных либералов во главе с Б.Ельциным.

Когда анализируешь события 91-го года, то осознаешь, что в ходе путча произошел не один переворот, а три. Сначала была попытка путчистов возвратиться назад, к прежней доперестроечной системе авторитарного типа. Затем произошел отпор путчистам со стороны демократических сил, в рядах которых находились коммунисты, социал-демократы, монархисты и либералы. Однако на плечах этого демократического сопротивления к власти приходят, в основном, радикал - либералы во главе с Борисом Ельциным. Они отказываются от социалистического выбора, сделанного народом в Октябре 1917 года, и делают ставку на развитие капитализма в нашей стране. Реализуя эту реставрационную стратегию, они распускают Советский союз, внедряют «шоковую терапию», приватизируют за бесценок госпредприятия, девальвируют вклады населения. В итоге в стране возникает олигархический капитализм со всеми отсюда вытекающими последствиями: социальным расслоением людей на богатых и бедных, системой невыплаты зарплаты рабочим, массовой безработицей, ростом преступности, возникновением в мирное время детской беспризорности, и т.д.

1990-е годы не случайно в народе были названы «потерянным десятилетием»: В эти годы практически ничего не создавалось, а только разрушалось: останавливались заводы и фабрики, появились сотни тысяч нищих, начало катастрофически вымирать население страны. И лишь с началом XXI века появились первые признаки противоположной тенденции, связанные со стабилизацией экономики, укреплением федерализма, относительным улучшением социальной обстановки в стране. К сожалению, эти улучшения жизни шли, в основном, за счет роста сырьевой экономики и продажи нефти за рубеж. Сопровождались они и характерным сужением демократических прав и свобод человека, ограничением прав политической оппозиции, государственной

монополизацией СМИ, ужесточением и усложнением системы выборов, характерным возвратом к консервативным идеям прошлого и т.д.

Куда пойдет Россия ?

Отвечая на этот сакраментальный вопрос, следует учесть, что история России XX века «проиграла» две противоположные модели общественного развития. Это модель бюрократического, тоталитарного социализма, который, отказавшись от идеалов свободы и справедливости, выдвинутых Октябрьской революции, не сумел выиграть соревнование с капитализмом. И прямо противоположная модель либерального фундаментализма, утвердившаяся в начале 90-х гг. Она сегодня отторгается абсолютным большинством российских граждан.

Отсюда следует, что необходим «третий путь», на который может и должна вступить Россия. Это путь соединения или конвергенции лучших черт социализма и капитализма, эффективности и справедливости. О том, что такое возможно, свидетельствует опыт НЭПа в России и результаты нынешней экономической реформы в Китае.

Я думаю, что «третий путь» в российских условиях означает, прежде всего, создание социально ориентированной рыночной экономики, развитие демократических и самоуправленческих начал в обществе и на производстве. Именно эти начала сегодня широко задействованы в развитых странах мира. Я имею в виду, прежде всего, создание акционерных предприятий с собственностью работников, где хозяин-собственник становится работником, а работник - хозяином-собственником. Например, на подобных предприятиях в США, по так называемой программе ИСОП, работают более 12 миллионов человек, а в Испании, в местности Мондрагон создана целая ассоциация, или холдинг подобных акционерных предприятий, намного превосходящих по производительности труда аналогичные частные предприятия.

В исторической традиции России также были похожие явления. Это знаменитые артели, работающие на началах долевого владения, различного рода подрядные бригады, акционерные товарищества и самоуправляемые трудовые коллективы типа МНТК «Микрохирургия глаза», созданного известным врачом и общественным деятелем Святославом Федоровым и др. Напомню, что по законодательной инициативе Св. Федорова предприятия с собственностью работников начали появляться в нашей стране уже в 90-е гг. Однако их становление пока идет трудно: препятствуют либерально ориентированная всесильная бюрократия и не менее всесильная отечественная мафия. Тем не менее, я уверен, будущее России связано именно с этим путем общественного развития, который, по моему мнению, сможет воплотить в жизнь идеалы Октябрьской революции, то есть на деле передать землю, заводы и фабрики в собственность тем, кто на них работает.

Октябрьская революция: современная судьба старых мифов

Булдаков В.П.,
д.и.н., *Институт российской истории РАН.*

Описание смуты ментальной, вызванной смутой социальной, может стать не менее поучительным, чем конкретно-историческое рассмотрение случившегося – революция живет в истории не только как прошлый катаклизм, но и живой миф, под который подстраивается сознание современников¹. Попытки оценить написанное по истории Октября предпринимались неоднократно.

Пожалуй, два подхода к революции оказали наибольшее внимание на умы современников: меньшевистская концепция, объявившая ее «незаконным переворотом», ибо она не вписывалась в теорию К.Маркса, и официальная советская историография, до такой степени старавшаяся подогнать события современности под интересы существующей власти, что ухитрилась оставить в наследство после себя лишь набор голых лозунгов. Строго говоря, изучение истории Октября в советский период протекало не в рамках единой идеологии, а двух различных подходов – декларативного революционаризма и подспудного государственничества. С различными интерпретациями этого «наследия» и приходится сталкиваться нашему современнику.

Несомненно, что каждое поколение вольно или невольно пишет «свою» историю, а революции по-новому «возрождаются» в памяти последующих поколений. Даже профессиональные историки, стремящиеся отделить беспристрастное знание от пустой «злобы дня», становятся заложниками причудливых зигзагов исторической памяти, историографической «моды», не говоря уже о «юбилеях». Революции отмечены особого рода коммеративностью. Стоит напомнить, что через 50 лет после Великой французской революции Ж.Мишле попытался опозитизировать революционный народ, нашедшем свою идентичность в борьбе за свободу; еще через 50 лет более академичный А.Оляр постарался показать, что она стала триумфом разума, положившим начало зарождению современного государства. 150-летие Французской революции пришлось отмечать в особых условиях угрозы нацизма. Ж.Лефевр, автор пожалуй самой яркой книги о революции «Восемьдесят девятый», связал ее с традицией многовековой борьбы за свободу, главную роль в которой играют массы, стремящиеся не только к равенству, но и социальной справедливости. Лишь к 200-летию последовала деконструкция революционного

---

¹ См.: Hellbeck J. Revolution on my Mind. Cambridge, 2004.

мифа, связанная с именем Ф.Фюре, признавшего, что якобинская традиция исчерпала себя.

В лучших работах современных западных авторов звучит мотив сочувствия к неизбежности «русской трагедии»¹. Противоречия общественного развития России оказались таковы, что в условиях безнадежной войны ярость масс выросла до иррационального ожесточения, заставлявшего поверить в утопию. Современный американский историк Уильям Розенберг обозначил ситуацию 1917 года парадоксально и точно: «трагедия соревнующихся невозможностей» – любой выход из нее не сулил ничего хорошего. По его мнению, противостоящие друг другу тогдашние устремления озлобленных, безнадежно надеющихся и еще больше отчаивающихся людей было невозможно примирить без насилия сверху².

Можно было бы надеяться, что российские историки Октябрьской революции уловят подобные «подсказки», разглядят хотя бы частицу опыта французской историографии, оценят познавательные возможности каждого из этапов ее развития. На деле, каждое новое поколение вольных или невольных «наследников Октября» принималось отбирать из него то, что могло принять, разглядеть и освоить в силу своих собственных качеств, способностей и давления исторической памяти. «Новизна» современной ситуации связана разве что с тем, что ныне историю Октября ныне пытаются психологически и нравственно «осилить» представители духовно истощенного поколения. Нельзя сказать, что это им удастся.

Строго говоря, достоинства историографии любой революции измеряется не степенью ее свободы от идеологизированности и политизированности, а по способности преодолеть и то, и другое. Российская историография революции сегодня определяется коммеморативными импульсами, задаваемыми властью и политиками. Современной власти, попросту говоря, не нужны никакие революции. Соответственно этому многими российскими авторами движет вульгарное стремление «отметиться», «разоблачая» Октябрьскую революцию.

В марте 1919 г. аргументов для осуждения Октября не смог найти выдающийся историк Французской революции А.Олар, ибо обнаружил массу аналогий с тем, что пришлось пережить его стране в конце XVIII в.³. Выступая на заседании Лиги прав человека он отметил, что Французская революция также была осуществлена руками меньшинства, а вся Европа считала его лидеров, как ныне считают большевиков, просто бандитами. Как якобинский, так и большевистский террор, по его мнению, был в значительной степени спровоцирован интервенцией извне. Для историков его уровня было очевидно, что революции вызревают очень долго, а происходят внезапно. В отличие от них, в современной России пытаются

---

¹ См.: Figes O. People's Tragedy: The Russian Revolution. 1891-1924. N.Y., 1998.

² Rosenberg W. Interpreting Revolutionary Russia // Critical Companion to the Russian Revolution, 1914-1921. London, 1997. P. 30-32.

³ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С.88.

«разделаться» с Октябрьской революцией откровенные неучи. Увы, по своему профессиональному уровню они уступают даже догматикам застойных времен.

Впрочем, феномен советской историографии куда сложнее, чем принято считать. Его можно рассматривать как цикл взлета и падения порожденного Октябрем мифотворчества, которому неизбежно предстояло иссякнуть по мере того, как общество удалялось от своих революционных истоков. И вовсе не случайно то, что современные историографы менее всего способны оценить предпосылки и стимуляторы революции и порожденную ими убийственную ярость возмущенных толп.

В свое время Й.Хейзинга предостерегал от «ортодоксально-каузальной» трактовки любых событий, полагая, что в современных общественных науках «понятие причины вытесняется понятием условия». Историческое событие не может оцениваться вне породивших его культуры и среды. Октябрьскую революцию осуществил «человек с ружьем» из вчерашних крестьян, которому сунули в руки «пролетарское» знамя¹. Похоже, что современные российские авторы никогда не задумывались над этим.

Но существует еще одна тонкость. Дело в том, что относительно независимая марксистская мысль, прежде чем столкнуться со сталинско-имперской государственностью, вынуждена была так или иначе (чаще неявно) реагировать на образы «красной смуты», засевшие в массовом сознании и многократно раздутые художественной литературой, поэзией и изобразительным искусством. В современных условиях приходится иметь дело уже с качественно иными «образами» – прежде всего с антикоммунистическими антиподами революции. Важнейший из них связан с образом дореволюционного процветания России и готовностью «оптимистично» переписать всю русскую историю на эволюционный манер². Оказывается, что системный кризис самодержавия – чистейшей воды выдумка большевиков, ибо предреволюционная Россия прогрессировала даже «антропологически» – мужики за полстолетия подросли на несколько сантиметров, а бабы успешно нагуливали вес³.

---

¹ См.: Булдаков В.П. От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997; Его же. Революционная «солдатызация» России и власть, 1917-1920 гг. // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX - начало XX века. Тамбов, 2001.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В двух томах. СПб., 1999. Т.1. С.17.

³ См.: Б.Н.Миронов. Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия» – миф, придуманный большевиками // Родина, 2006, № 1. Вульгарный социологизм приводит к поразительным открытиям. Оказывается, что непосредственной причиной подрастания населения России явилась виттиевская индустриализация. Критику подобных взглядов и ответ на нее см.: Эллман М. Витте, мионов и ошибочное использование антропометрических данных // Экономическая

Собственно именно такие представления руководствовался А.Солженицын, когда решился опубликовать свою статью о Февральской революции, написанную четверть века назад¹. Нобелевский лауреат оказался заложником антикоммунистических эмоций – такое годится для художественной литературы, а не для истории. Конечно, массовый читатель вряд ли оценит эту статью. Во-первых, она написана настолько тяжелым, искусственно архаизированным языком, что ему просто надоест «расшифровывать» текст. Во-вторых, все понимают, что налицо политическая PR-акция, приуроченная даже не к 90-летию революции², а к грядущим выборам Госдумы, а затем и президента – они должны пройти «мирно». Современные установки статьи прочитывались слишком легко: Февраль был результатом слабости Николая II, а между тем, российский правитель должен быть не только тверд, но и жесток. Ну а главные враги российской государственности – это, конечно, либералы и интеллигенция вообще.

Не успели утихнуть поднятые ею страсти, как он одарил читателями «новыми» (точнее вновь старыми) откровениями об Октябрьской революции³.

Надо заметить, что первая реакция оказалась вполне профессиональной. Но только вряд ли можно согласиться с известным историком В.Т. Логиновым в том, что о «демократии осенью 1917 года уже никто не вспоминал» – и левые и правые готовились к диктатуре⁴. На деле социалисты, а именно они стали теперь главными противниками большевиков, проиграли Ленину и Троцкому именно под знаменами демократии. После разгрома Корнилова диктатура справа в действительности стране не грозила (за генералами некому было идти), хотя именно ею запугивали людей большевики, чтобы прийти к власти – якобы обороняясь от поднимающей голову контрреволюции.

Вслед за тем последовала настоящая истерия поношения большевизма. Один самодетельный историк⁵ переплюнул всех профессиональных

история. Обозрение. Вып. 11. М., 2005. С.159; Миронов Б.Н. «В огороде – бузина, а в Киеве дядька // Там же. С.166-171.

¹ Солженицын А.И. Размышления о Февральской революции // Российская газета. 2007. 27 февраля.

² Примечательно, что об особых взглядах А.Солженицына на Февральскую революцию было известно давно – он воплотил их в «Красном колесе». См.: Лурье Я.С. Александр Солженицын – эволюция его исторических взглядов // Звезда. 1994. № 6.

³ См.: Солженицын А.И. На обрыве повествования // Литературная газета. 2007. 18-23 июля.

⁴ Литературная газета. 2007. 25-31 июля.

⁵ Его труды характеризуют две книги (см.: Шамбаров В. Белогвардейщина. М., 1999; Его же. Окультизм корни Октябрьской революции. М., 2006). Первая представляет собой невыразительный пересказ событий гражданской войны. Вторая, на деле, посвящена всего лишь одному «окультисту» революции – Я.М.Свердлову. Тот сделал шкуру из своего любимого свирепого черного пса – это и есть решающее свидетельство «окультистских корней» революции (Шамбаров В. Окультизм корни Октябрьской революции. С.334-335). Впрочем, Шамбаров признает необъективность своих сочинений, горделиво заявляя, что история вообще

антикоммунистов времен «холодной войны»¹. По его мнению, «российская революция вообще не была вызвана внутренними экономическими и социальными проблемами». Она просто была спланирована враждебными России «внешними силами, сумевшими целесообразно расколоть русский народ и сдвинуть между собой». Эти силы – американские банкиры, действовавшие через русских евреев-революционеров, за спиной каждого из которых стояло по родственнику-толстосуму².

Конечно, в современной обстановке до читателя скорее дойдут такие откровения, нежели труды историков-профессионалов. Строго говоря, историкам в любой стране не раз приходилось представлять перед судом сильных мира сего или перед «пестрым синклитом» всевозможных авторитетных дилетантов³. Но, кажется, только в современной России в среду последних допускают откровенных неучей параноидального склада. Хуже того, с ними вольно или невольно солидаризируются некоторые профессиональные авторы.

Так, по поводу Октябрьской революции в очередной раз высказался известный специалист по истории Древней Руси И.Я.Фроянов⁴. При анализе предпосылок революции он не забыл и об указе о вольности дворянству, крестьянской реформе 1861 г., столыпинской реформе – именно они в совокупности обобрали крестьян и привели к «аграрно-демократической» революции 1905-1917 гг. Мировая война, вслед за тем, вызвала «бесформенную» и бесполезную для народа Февральскую революцию. А Октябрьская революция, в свою очередь, «стала прямой реакцией на революционную ущербность Февраля». После этого следуют настоящие фантазии.

Оказывается, все было бы хорошо, если бы после 25 октября 1917 г. «революция для России» не уступила место своего рода глобалистскому проекту под названием «Россия для революции». В связи с этим автор впадает в евразийские и национал-большевистские фантазии противопоставляемые, разумеется, замыслам зловредных американско-еврейских банкиров, финансировавших все того же Троцкого⁵. В прошлом И.Фроянов писал о том, что «было бы сверхпримитивизмом ставить революционные события 1917 г. в зависимость исключительно от происков мировой

«субъективная наука» (там же. С.464). Подобная логика призвана уравнивать «научные» достижения графомана и историка-профессионала. Автор, должно быть, и не подозревает, что целые поколения историков упорно разрабатывали профессиональные исследовательские приемы, позволяющие избежать именно этого «субъективизма».

¹ В сущности, он просто устроил рекламную акцию телефильму «Лев Троцкий. Тайны мировой революции». Фильм снят «патриотами» из Фонда «Культура». Ему предшествовал не менее бредовый фильм «Кто платил Ленину?». По логике этих «документалистов» получается, что Ленин был немецким шпионом, Троцкий – английским. Вот так и делаются революции – были бы деньги! Такова печать времени.

² См.: Литературная газета. 2007. 1-7 августа.

³ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С.72.

⁴ Фроянов И. Революция для России // Литературная газета. 2007. 29 августа – 4 сентября.

⁵ Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997. С.8.

закулисы или от действий кучки революционеров, возглавляемых Лениным...». Теперь он фактически сам встал на «сверхпримитивную» точку зрения.

«Об Октябрьской революции сложили идеологизированные мифы, в объятиях которых дремлет обыденное сознание многих, если не большинства россиян», – справедливо отмечает другой известный историк. Но, сделав такое заключение, он также уходит в сферу фантазий. Оказывается, что большевики, которых поддержал народ, оказались не на высоте – «пренебрегли политической и экономической свободой в пользу социального равенства», разрушили сложившуюся «духовную иерархию ценностей». Можно подумать, что вожди революции могли выбирать на манер самодержавных правителей. Вслед за тем следуют беспочвенные сентенции и благие пожелания на будущее. Беда в том, что после смерти Ленина некому было создать «цельное учение о строительстве социализма»; в современную эпоху важно не кидаться в былые крайности – «пусть Россия впитает все положительное от социализма и капитализма»¹. Оказывается, от имени мнимой истории революции хорошо давать полезные советы. Даже профессиональные историки подвержены внеисторическим грезам применительно к революции – этого соблазна мгновенного прорыва в светлое будущее.

Вглядываясь в прошлую и нынешнюю историографию бесконечно мифологизируемой и демонизируемой революции, становится ясно, что речь идет вовсе не о ней – продолжается нескончаемый разговор об идеальной *власти*. Под покровом истории, историографии, историологии, историософии и даже клиометрии (которыми сегодня готов заниматься каждый, кому не лень) скрывается старый, известный со времен призвания варягов, российский метанарратив. Он целиком и полностью связан с образами власти. И на таком фоне уже не стыдно позволить себе благоглупости, не имеющие никакого отношения к реальной истории революции.

В связи с этим появление целой когорты «историков-любителей», конечно, не случайно². В России по-прежнему боятся своей собственной реальной истории. И дело не только в феномене притяжения или отторжения мифа. «Вещность» и «телесность» современности заставляет авторов торопливо скользить на поверхности истории, не замечая ее глубины. В известные времена люди не склонны заглядывать в устрашающую бездну истории – они предпочитают видеть в ней всего лишь отвлеченную мозаику злодеев и невинных жертв. В сущности, наркотик исторического беспамятства помогает «усталым» обществам спокойно и беспечно угасать. Но что может случиться, если подобной беззаботностью проникнутся представители страны, находящейся на перепутье?

---

¹ Громыко А. Каток истории // Литературная газета. 2007. 15-25 сентября.

² Одни из них – вполне в согласии с «духом времени» – сводят проблему революции к проблеме денег (Сикорский Е.А. Деньги на революцию: 1903-1920. Факты, версии, размышления. Смоленск, 2004); другие, смело вписывают большевизм в антологию мирового терроризма – от Адама до современной мафии (Барский Л.А. Корни и лики террора. Историко-публицистический детектив. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007).

Мир всегда предпочитал реальной истории «возвышающий обман». В России совсем недавно это уже обернулось дурной пародией на прошлую революцию¹. Но не станет ли однажды эта привычка трагическим самообманом? Опыт Октябрьской революции убеждает, что бегство от истории обходится куда дороже бегства от свободы.

Долгий путь к социализму. Три вызова марксистской традиции

*Шубин А.В.,
д.и.н., Институт всеобщей истории РАН*

Для большинства левых активистов, понимающих важность теории, пост-капиталистический проект является синонимом марксизма. В действительности социалистическая теория шире, и это придает ей большую устойчивость, возможность приобщаться к мудрости, высказанной людьми, не имевшими на челе штампа марксиста. Особенно это важно сейчас, когда марксистская традиция сталкивается с важными вызовами – неудача коммунистического проекта в СССР (вкуче в неудачах или очевидным прерождением других коммунистических режимов); кризис индустриального общества и социального государства, пост-индустриальные тенденции. Большинство марксистов сегодня пытаются решить эти проблемы «своим умом» или с помощью цитат основоположников. Путем приложения привычной методологии к новым явлениям. Я не оспариваю правомерность этой работы. Но вот методологическое поле полезно расширить до границ социалистической теории в целом, и это предоставит современной теории социализма второе дыхание.

---

¹ См. Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М., 2007.

Вызов Октября

Когда мы говорим о начале пути к социализму, то прежде всего вспоминаем об Октябре 1917 года. Старт ли это? Или – промежуточная станция? Или вообще событие из другого ряда? Октябрь как этап в развитии Великой Российской революции не сводится к большевистскому перевороту. В этом событии переплелись разные социалистические тенденции, от анархистов до эсеров (да и большевики не представляли из себя в это время монолитное течение). Октябрь открыл дорогу не только коммунистическому проекту, но и спонтанной самоорганизации масс. И все эти тенденции переплетались и сталкивались в конце 1917 г. – начале 1918 г., образуя сложную ткань революции.

Этот сложный октябрьский импульс породил противоречивое советское общество, где коммунистический режим вынужден согласовывать модернизационный проект и коммунистическую идею с традицией страны, учитывая реакцию населения, проявляющуюся то в поддержке, то в саботаже, то в бунте. Это согласование могло быть гораздо более эффективным и безболезненным, если бы было институционализировано в устойчивой демократической системе советов и левом фронте большевиков, эсеров, левых социал-демократов и анархистов, намечавшемся в 1917-1918 гг., но неоднократно срывавшемся. Неудача широкого фронта социалистических сил стала необратимой, когда централизаторская сила партократии возобладала над советской самоорганизацией. Это было во многом закономерно, соответствовало задачам обороны и индустриальной модернизации, но отклоняло коммунистический проект в сторону от формирования социалистических отношений.

Признавая право первородства основоположников социалистического учения (включая Маркса). Мы должны признать и то, что Октябрь не привел к возникновению социалистического общества. Социализм – это общество, в котором отсутствует элита, господствующая над массами трудящихся. В СССР легко обнаружить признаки угнетения и господства, существовал выраженный бюрократический класс. Это – не повод к проклятиям в адрес советского общества, своими средствами оно решало задачи индустриальной модернизации, сформировало социальное государство, встав вровень с другими индустриальными странами. Это – достижение, но это – еще далеко не социализм. А вот Октябрь прицеливался выше, и в этом его непреходящее значение, пока сохраняется классовое государство.

За рывок в светлое индустриальное будущее нужно было платить отказом от социалистических принципов равноправия, народовластия и самоорганизации. От принципов Октября. Но отказ на практике еще не означал отказа в принципе, в идее, в культуре. Образ Октября остался гарантом изначальных принципов советской цивилизации.

Беда левой мысли XX века – попытка найти в советской истории некую точку грехопадения, после которой процесс, запущенный в Октябре, пошел «не туда». Но, может быть, дело не в ошибке (злодействе) Сталина или Хрущева, а в какой-то

изначальной «родовой травме»? Может быть, следует на себя оборотиться и посмотреть, что такого в марксизме было, что позволило Бакунину, почитав работы Маркса, предсказать появление нового класса и деспотических режимов XX века под красным флагом. И ведь это писал человек, который ничего не слышал ни о Ленине, ни о Сталине: "По Марксу народ не только не должен его (государство – А.Ш.) разрушить, напротив, должен укреплять и усилить, и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей и учителей — начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать его по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивший все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производства, а массу народа разделят на две армии: промышленную и земледельческую, под непосредственное командою государственных инженеров, которые составят новое привилегированное научно-политическое сословье"¹. Это написано о «Манифесте коммунистической партии». Позднее Маркс учел бакунинскую критику, но ее не учли многие последователи Маркса. Социальные закономерности оказывались сильнее программных «сдержек и противовесов» марксистского теоретического наследия. Это предусмотрел Бакунин: "С какой точки зрения не смотри на этот вопрос, все приходишь к одному печальному результату - управление огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из бывших работников, на которые, лишь только сделаются представителями или правителями народа, перестанут быть работниками и станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственности, будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом"².

Бакунин вскрывает недемократичность любого государства, как марксистского, так и нет: "всякое государство... даже самое республиканское и демократическое, даже мнимо-народное государство, задуманное господином Марксом, в сущности своей не представляет ничего иного, кроме управления массами сверху вниз посредством интеллигентного и потому самого привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ"³. Очевидно, однако, что правящее меньшинство может быть и не интеллигентным. В любом случае — это насильственное господство элиты над обществом со стороны людей, считающих себя обладателями научной истины:

---

¹ Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989. С.485-486.

² Там же. С.483.

³ Там же. С.314. Маркс не разделял идеи народного государства, и эта фраза может быть отнесена полностью только к Лассалю. Но в общем контексте она направлена против марксистов не менее, чем против лассальянцев. Тем более, что Бакунин ясно выступает и против идей «нового рабочего, народного государства» (то есть против и Маркса, и Лассалья).

«будет не что иное, как весьма деспотическое управление народных масс новой и весьма немногочисленной аристократией действительных или мнимых ученых. Народ не учен, значит, он целиком будет освобожден от забот управления, целиком будет включен у управляемое стадо. Хорошо освобождение!»¹.

XX век добавит немало штрихов к этому портрету. За предложенной Марксом моделью общества Бакунин видит сверхмонополистические капиталистические интересы будущей элиты: "Государство является, конечно, наиболее сильным из всех акционерных обществ... Труд, кредитованный государством, таков основной принцип авторитарного коммунизма, государственного социализма. Государство, ставшее единственным собственником... будет также единственным банкиром, капиталистом, организатором, управляющим национальным трудом и распределяющим его продукты. Таков идеал, основной принцип новейшего коммунизма"². Государственный «социализм» оборачивается сверхмонополистическим аналогом капитализма.

На основе марксистского экономического централизма можно провести форсированную индустриализацию, построить социальное государство, мировую сверхдержаву, но не социализм. Оправдавшись несмотря на некоторые корректировки взглядов Маркса и его последователей, прогноз Бакунина стал серьезным предупреждением теории «государственного социализма». От нее можно было бы отмахнуться, если бы прогноз. Сделанный на основе «неверной» теории, не воплотился в суровое пророчество реальной истории XX века.

Критика со стороны Прудона, Бакунина, Михайловского была отчасти учтена марксизмом, начался идеологический синтез в социалистическом учении, но до 1917 г. его полнота была явно недостаточна, что предопределило неготовность большевистских теоретиков ко многим вызовам практики (таким, как «перерождение рабочего государства», «запаздывание» мировой революции, прорастание национальных начал в социальном проекте и т.д.). Коммунистический проект, устремленный к предельным вершинам человеческой истории, был в то же время ребенком своего времени – индустриального и авторитарного.

Большинству левых еще предстоит научиться различать временный тоталитарный каркас, на котором развивалась советская культура, и ее гуманистические достижения. Для продуктивного формирования нового социалистического проекта необходимо не только учесть опыт XX века, но и продолжить согласование и синтез разных социалистических традиций, а также учитывать пост-индустриальные тенденции (провиденные уже русскими народниками). Задачи пост-индустриального уровня СССР решить не смог и, ударившись об этот барьер, распался и откатился в нынешнее болото Третьего мира.

---

¹ Бакунин М.А. Философия, социология, политика. С.483.

² Бакунин М.А. Избр. соч. Т.4. Пг., - М., 1919-1926. С.176.

Соответственно, движение вперед от периферийного капитализма просто невозможно без решения задач, которые не удалось осуществить в 80-е гг.

Все это снова ставит вопрос о тщательном пересмотре багажа социалистической теории, об особенном внимании к левым оппонентам марксизма, к опыту синтеза достижений разных социалистических течений.

Наиболее уязвимой стороной марксистского проекта с точки зрения задач социализма был его экономический централизм и индустриальный прогрессизм. Но эти же черты составляли силу марксизма на этапе индустриальной модернизации. Сегодня, когда заметны признаки индустриальной эпохи, особенно важно вскрыть различие социалистических и индустриально-модернизационных задач.

Народнический вызов

На это различие еще в XIX веке указывали народники. И эти идеи сегодня становятся особенно актуальны, тем более, что представляют собой еще один образец социалистической футурологии, на столетия опередившей авторов пост-индустриальных теорий второй половины XX века.

Наиболее радикальный ответ на вызов индустриальной модернизации дал Н. К. Михайловский. Он дал определение прогресса, прямо противостоящее наблюдаемым технико-экономическим процессам: «Возможно полное и многостороннее разделение труда между органами человека и возможно меньшее разделение труда между людьми, таков предлагаемый нами принцип, такова цель, которую мы указываем как наилучшую... Прогресс есть постепенное приближение к целостности неделимых, к возможно полному и всестороннему разделению труда между органами и возможно меньшему разделению труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживает это движение. Нравственно, справедливо, полезно и разумно только то, что уменьшает разнородность общества, усиливая тем самым разнородность его отдельных членов»¹. Впервые гуманизм прямо бросил вызов индустриализму. Впервые был выдвинут критерий прогресса, который не отдавал человека на съедение индустриальному Молоху с его специализацией. При этом, в отличие от преодоления отчуждения у марксистов, Михайловский говорил не об идеальном финале, за которым государство превращается в не-государство, труд исчезает и прежняя история прекращает течение свое. У Михайловского речь идет об отношении к реальному экономическому процессу. В том числе и процессу эпохи капитализма. Он предлагает не идеал, а вектор развития.

Для либеральных и марксистских теоретиков мысль Михайловского была абсурдна и ретроградна, ведь он противопоставил прогрессу специализацию, считавшуюся технократами его главным признаком. Не случайно, марксисты ополчились против этого отношения к прогрессу – ведь за ним стояла и критика

---

¹ Михайловский Н.К. ПСС. Т.1. СПб., 1911-1914. Стб.148-150.

происходящего в России перехода к капитализму. Г. Плеханов упрекнул Михайловского в том, что он «изгоняет законосообразность во имя «желательного»»¹. Вслед за немецкими учителями Плеханов был готов принести «желательное» (т.е. гуманистические ценности социалистического проекта) в жертву экономическому фатуму. На стороне Плеханова были наблюдаемые явления индустриального прогресса, и историческая близорукость не позволяла ему даже понять мысль Михайловского. Наблюдаемые экономические процессы не всегда прогрессивны, развитие общества сложнее, чем простое движение из пункта «А» в пункт «Б». Чтобы найти путь к желаемому будущему, иногда следует бросить вызов современной тенденции.

Н. Бердяев развивает мысль Плеханова: «Михайловский призывает личность бороться с историческим процессом во имя своего идеала, но он нигде не говорит о том, может ли личность рассчитывать на победу»². Действительно, Михайловский мало писал о «конечной цели» (выражаясь словами Э. Бернштейна), он не внес вклад в разработку модели социализма, признавая достижения Прудона, Герцена и Лаврова в этой области. Но его вера в победу «борьбы за индивидуальность», ничуть не меньше, чем вера марксистов в экономическое развитие.

Но борьба за индивидуальность на уровне каждой личности идет с переменным успехом, потому что общество строится на противоположных принципах. Михайловский, в отличие от Маркса, не дает гарантии победы. Бердяев бросает неосторожную фразу: социология Михайловского «практически бесплодна», так как не может дать «радостного прогноза». Это позволяет Михайловскому подвергнуть уничтожающей критике самодовольный оптимизм современных ему русских марксистов. Эта критика относится не только к ревизионистам Бердяеву и Струве, которым Михайловский отвечал в данный момент. Марксистская философия истории основана на «радостном прогнозе», в соответствии с которым победа марксистского социального проекта обеспечена самим экономическим прогрессом. Но, по мнению Михайловского, прогноз должен быть не радостным, а объективным, «соответствовать реальности, радостной или печальной». Во всякой эпохе есть немало вариантов развития, которые могут вызывать совершенно разную оценку. Михайловский никак не может согласиться с однолинейной философией истории, в соответствии с которой, по выражению Энгельса, «без античного рабства не было бы современного социализма». Михайловский возражает: «при чем здесь объективность? На безмерно огромном поле истории совершенно произвольно намечены две точки: античное рабство и современный социализм – и соединены прямой линией». Но прогресс – это улучшение, а не все, что было в истории. Если из античного рабства вышла вся европейская культура (что тоже не очевидно), то не

---

¹ Плеханов. Соч. Т.7. С.103

² Цит. по: Последние сочинения Н.К. Михайловского. СПб., 1905. Т.1. С.446.

только социализм, а еще и колониализм, разгром Парижской коммуны и исключительный закон против социалистов. Не считают же марксисты все эти явления прогрессивными¹.

В соответствии с марксистской философией истории вслед за феодализмом наступает капитализм, а за ним – социализм (коммунизм). Михайловский видит, что вслед за разными вариантами доиндустриального общества приходят разные варианты современности. Они могут породить социализм, а могут – нечто совершенно иное. XX век подтвердил оправданность этого более сложного взгляда на развитие общества, явив миру три классические дороги государственно-монополистического индустриального общества – советскую, фашистскую и западную.

Задача активной личности – не наблюдать автоматическое, неизбежное пришествие идеала, а бороться за тот путь в будущее, который ближе к идеалу. Иначе реализуется совсем иной вариант возможного будущего.

Что же из разных путей в будущее прогрессивно с точки зрения социалиста? Социализм отличается не тем, что он индустриален (это могло быть и так, и не так), а соединением работника и условий его деятельности. Значит, социалист должен способствовать этому соединению и препятствовать отчуждению работника от орудий труда.

При всех успехах капитализма, его преимущества над разрушаемым традиционным обществом очень относительны: «Пока система наибольшего производства только освобождала личность, разбивая узы цехов и монополий, на нее возлагались всяческие надежды, а по мере того, как стал обнаруживаться ее двусмысленный характер, ее стремление заменить одни узы другими – надежды стали ослабевать. Старые узы оказались в некоторых отношениях сноснее новых потому, что они все-таки гарантировали личность от бурь и непогод. Явилась мысль применить их старые принципы к требованиям нового времени...»² Речь идет об общине и цеховой организации³ (таким образом народничество предвосхищает родственное ему британское течение гильдейского социализма). На основе этого традиционного опыта можно выстроить новую систему общественной солидарности. С точки зрения народника, нельзя пожертвовать ей в угоду индустриальному прогрессу.

Михайловский, много сделавший для развития социальной науки, для выяснения закономерностей общественного развития, был в то же время категорическим противником фатализма и детерминизма. Он выступал против характерного для нигилистов и некоторых марксистов отождествления нравственного и необходимого: «Нравственное – значит желательное; естественное – значит

---

¹ Последняя сочинения Н.К. Михайловского. Т.1. С.446-450.

² Михайловский Н.К. ПСС. Т.1. Стб.440.

³ Там же. Стб.464.

необходимое, - это две различные категории»¹. Нравственно действие, гуманизирующее исторический поток. Содействие predetermined целям, неизбежной тенденции – вненравственно и во многом бессмысленно. Зачем действовать, когда все само получится в соответствии с железными законами общественного развития?

Михайловский благосклонно отнесся к «Капиталу» Маркса, поддерживая критику Марксом капиталистического разделения труда. Но из «Капитала» Михайловский делает свои выводы. Нужно сделать все «для предотвращения неправильности европейской цивилизации». Не нужно ждать «развития батрачества, чтобы сказать, что свобода умирать с голоду не есть свобода»².

Михайловский, позволивший себе усомниться в универсальности марксовской схемы, подвергся жесткой критике, а иногда и просто ругани со стороны Г. Плеханова, П. Струве и В. Ульянова. Позднее П. Струве вынужден будет перейти на позиции Михайловского по большинству позиций, где народник нашел уязвимые стороны марксовской теории. Но это можно объяснить «ревизионизмом», отходом Струве от марксистского учения. Но со временем и для Ленина Михайловский станет непризнанным учителем, фактически наметив программу эволюции левого крыла марксизма³. Поэтому не случайно, что Ленин поставил его имя на обелиске в Александровском саду.

По мнению Михайловского национальный, психологический, семейный, властный факторы играют не меньшую роль, чем экономические тенденции. Откликаясь на критику – в том числе и народническую – марксистские авторы первоначально отвечали жестко и часто грубо. Но затем, спустя годы и даже десятилетия, марксизм откликнулся на вызов все более внимательным отношением и к психологическим, и к этно-национальным, и к семейным, и к иным факторам социального развития.

Маркс оказался мудрее своих учеников, и согласился с Михайловском в том, что нельзя превращать предложенный в «Капитале» «исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются, - для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека»⁴.

При этом Маркс отрицал, что первоначально высказывал претензию на универсальность своей схемы. Но, как справедливо пишут В.А. Твардовская и Б.С. Итенберг, несмотря на все усилия, «Михайловский не нашел в марксовом изложении

---

¹ Там же. Стб.390.

² Там же. Т.10. Стб.9-10.

³ Подробнее см. Шубин А.В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007. С.504-509.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С.120.

ни одного места, говорящего хоть о каких-либо исключениях из закона естественно-исторической смены формаций»¹. Маркс не внес поправок в «Капитал», которые разъясняли этот вопрос, не упомянул о нем в предисловии к «Капиталу»². Это так. Но, во-первых, фраза Маркса вовсе не обязательно свидетельствует об отказе от формационной теории как таковой – формации тоже могут быть разными. Во-вторых, в рукописях, не доступных читателям того времени, Маркс все-таки начал рассматривать возможности существования параллельных, а не последовательных способов производства, из чего вытекает теория об «азиатском способе производства», параллельных путях развития цивилизации.

Размышления на тему разных путей прогресса привели Маркса и Энгельса к более широкой концепции взаимодействия революций в развитых капиталистических странах и обществах, только вступивших на путь капиталистической модернизации. Этому способствовал и подъем революционного движения в России. Революция может начаться не на Западе, а, как и предсказывал Бакунин, именно «на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией революции»³. Здесь Маркс соглашается не только с народническим ожиданием революции в России, но и прогнозирует более широкое явление, которое позднее получит от Ленина наименование «Пробуждение Азии». «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁴. Эта формула стала полем компромисса, который устроил бы и Бакунина. Она соответствовала взглядам эсеров и после некоторых колебаний, была принята Лениным. Однако колебания российских последователей Маркса были не случайны. Общинный социализм расходился с марксизмом не столько в отношении к капиталистическому прогрессу (в конце концов оба течения относятся к нему в той или иной степени критически), сколько в конструктивной программе.

Россия не смогла уклониться от пути капитализма и от экспроприации крестьянства. Значит ли это, что в споре Михайловского и марксистской, к которому мы еще будем возвращаться, Михайловский был не прав? Во-первых, Михайловский ставил задачу, и народники начала XX века – эсеры, боролись за ее воплощение в жизнь. Они проиграли. Но ведь и экспроприация крестьянства была проведена не буржуазным режимом. Получается, что дело – не в капитализме, а в индустриализме. Спор велся о том, насколько можно сгладить издержки индустриальной модернизации. Народники выступали за то, чтобы индустриальный сектор не разрушил то в традиционном обществе, что продолжает служить людям, чтобы

---

¹ Твардовская В.А., Итенберг Б.С. русские и Карл Маркс: выбор или судьба. М., 1999. С.189.

² Там же. С.190.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.34. С.230.

⁴ Там же. Т.19. С.305. Эта тема рассматривается и в знаменитом письме К. Маркса к В. Засулич.

преимущества от технологического прогресса получала не узкая каста собственников, а все население.

Путь России в индустриальное будущее оказался совсем не таким, как на западе. Марксисты были правы в том, что нельзя миновать фазу индустриального общества, которую они связывали с капитализмом. Народники оказались правы в том, что можно миновать общество, в котором преобладают капиталистические отношения. Развитое индустриальное общество в нашей стране сложилось в рамках совсем другой модели, синтезировавшей традиции авторитарной культуры и общинного коллективизма, марксистскую идеологию, вобравшую многие народнические идеи, и мессианский вызов, присущий России задолго до споров социалистов.

Каждое общество проходит универсальные фазы развития (впрочем, отличающиеся от указанных Марксом и Энгельсом), но оно движется своим путем, в соответствии со своим этно-национальным «кодом», своей традицией, которую народники учитывали гораздо внимательнее, чем марксисты.

И еще одно важное обстоятельство. Подошел к концу XX век. Пролетариат власти не взял. Индустриальное общество прошло пик своего развития. Человечество ищет новые формы своего существования. А вот предсказанный Михайловским и желательный процесс диверсификации, снижения специализации, происходит все заметнее. С развитием компьютеризации и гибких технологий он уже стал технологически возможным, хотя для окончательного успеха прогресса по Михайловскому необходимо изменение социальных структур, сформировавшихся в соответствии с требованием индустриального сверхспециализированного общества. Дав свое определение прогресса, Михайловский указал на те предпосылки, которые необходимы для возникновения мира, «желательного» человеку. Он указал на фундаментальное экономическое основание пост-индустриального общества – преодоление узкой специализации.

Вызов XXI века

Если современная система глобализма рухнет, путь вперед, к чему-то принципиально новому может предложить только социализм. Остальное – это возвращение к обстановке Великой депрессии, чреватой мировой войной, а то и к большему одичанию. Но и социалистический проект не может быть сегодня «социализмом старого образца», рассчитанным на образцы индустриальной модернизации (что мы видим, например, в Венесуэльском эксперименте). Такой проект в XXI веке обречен на поражение.

В этом значение социалистической мысли для современного мира. В этом – «должок» левых перед обществом, накопившийся за 90 лет.

Без конструктивной альтернативы существующему обществу сбой в функционировании глобального миропорядка может привести к откату общества во времена этнократии, ожесточенной борьбы национал-государственных машин за ресурсы, к трайбализму и контрмодерну. Развитие человечества не может быть

устойчивым, если оно опирается на узкий спектр идей между либеральным глобализмом и этнократическим национализмом. Для того, чтобы общество могло сделать следующий шаг в будущее (а не назад в древность), ему необходима модель пост-капиталистического общества, и здесь никак не обойтись без наследия социалистической мысли.

Индустриальные формы господства подрываются современными культурно-технологическими тенденциями. Индустриальное общество прошло пик своего развития. Предсказанный Михайловским процесс диверсификации, снижения специализации, развития многофункциональности человека проявляется все заметнее.

Идеологическая доктрина правящей в странах Запада элиты утверждает, что произошел качественный сдвиг от индустриального к постиндустриальному обществу. Не происходит, а произошел. Подмена возможности совершившимся фактом нужна именно для того, чтобы обосновать ненужность социальных перемен, достаточность только технологических и культурных сдвигов. Либеральные марксисты вносят свой посильный вклад в доказательство этого тезиса. Но сами доказательства противоречат очевидным фактам: информационные технологии и культурное творчество пока развиваются под контролем старой управленческой элиты — государственных и предпринимательских структур. К тому же, чтобы преувеличить роль постиндустриального сектора, к нему относят службу сервиса, которая в реальности организована преимущественно либо на индустриальных (фаст-фуд, например), либо на доиндустриальных ремесленных принципах.

Рост объемов информационного обмена, количества людей, занятых в работе с информацией — недостаточно, чтобы говорить уже о принципиально новом обществе. Ведь рост числа бюрократов, перебирающих бумаги — не признак роста «информационного сектора». Распространение информационных технологий само по себе не излечивает многочисленных социальных нарывов на теле цивилизации, не означает качественную перемену в развитии общества.

Технологический прогресс тоже не обеспечивает фатального безальтернативного прогресса. Вся история индустриального общества — это постепенное вытеснение ручного труда машинным. Полное вытеснение ручного труда не осуществилось ни в одном, даже самом развитом индустриальном обществе. Полная автоматизация промышленности — некий предел, и если он будет достигнут, то можно будет говорить о качественно отличном от индустриализма постиндустриальном обществе, в котором сам работник уже не является узким специалистом, придатком к машине. В автоматической системе такой придаток уже не нужен, и человек либо ставит креативные задачи перед машиной, либо вообще исключается из сверхиндустриальной системы производства и превращается в пассивного и безвластного потребителя продукта.

Постиндустриальные отношения лишь тогда могут считаться таковыми, если они качественно отличаются от индустриальных и доиндустриальных. Если новое общество — не вариант индустриального, то будут преодолены важнейшие черты

прежней формации: специализация будет вытесняться многофункциональностью, воспроизводство по шаблонам – креативностью, вертикальные формальные отношения управления – сетевыми горизонтальными неформальными связями, прямое подавление и принуждение – манипуляцией с одной стороны и самоуправлением – с другой. Важная и наиболее заметная черта новых отношений – преобладание моделирования реальности над производством типовой продукции. Поэтому содержательно грядущую формацию можно характеризовать как моделирующую. Но в ней, как и в индустриальной формации, будут развиваться различные тенденции – и господство, и свободное социальное творчество, и угнетение, и солидарность. Одна тенденция – манипулятивный авторитаризм (элитаризм), другая – креативный социализм.

Эволюция технологии – необходимое, но недостаточное условие для перехода к принципиально новому обществу. Технический детерминизм недостаточен для объяснения нынешних социальных перемен. Если бы компьютер изобрели в начале XX века, он был бы использован не для создания коммуникационных сетей, а для гигантских плановых центров государства. Нынешнее развитие технологии в свою очередь обусловлено более широким полем культуры, запросом на креативность. Этим запросом продиктованы ослабление диктата управленца, усиление свободы творчества автономного производителя, смена принципов субординации – назначенчество и верховенство собственника будут уступать место критерию знаний и творческих навыков. Это облегчает горизонтальные контакты не только внутри производственной группы, но и вне ее, в корневых гибких связях небольших автономных групп.

Промышленные корпорации стремятся (и не безуспешно) подчинить себе автономные креативные ядра. Но опыт показывает, что производство новой информации требует более гибких форм управления, большей автономии производителя-творца, чем это принято в жестко управляемой индустриальной организации. Информационный продукт производят люди, которые лучше разбираются в своем деле, чем их начальник. Отсюда – необходимость в манипуляции сознанием, когда управляемый не замечает своей зависимости. Работники моделирующего сектора могут развиваться свободно от управленческого диктата, но это – только возможность. Ведь для этого креативный слой должен быть свободен и от самого элитаризма, даже от собственных привилегий, дабы иметь открытый характер, свободно пополняться, «втягивать» в свой состав творческие элементы других слоев, формируя тем самым многообразный социум самостоятельных самоуправляемых социальных организмов, состоящих из работников-владельцев.

Разнонаправленные процессы – укрепление структур глобального информационно-экономического управления (а значит – и глобальной информационно-финансовой элиты) и складывание системы горизонтальных информационно-неформальных (информальных) и гражданско-договорных, основанных на согласовании, связей – ведут к возникновению противостоящих

секторов моделирующей формации (что не исключает формирования также смешанных и синтетических секторов). Возможно, именно социализм станет одним из полюсов общества, преобладающего в истории XXI века.

Социалистический сектор первоначально будет существовать параллельно с другими. Он нуждается в надежной защите от разрушения, от агрессии более примитивных социальных форм – капитализма, государства, мафиозных кланов и др. Поэтому социализм заинтересован в развитии и укреплении различных форм народовластия (самоуправления и федерализма) и правового, организованного общества, а также в защите социальных, экологических, гражданских стандартов и внешнеполитической безопасности.

Таким образом, социализм XXI века – это не устройство государства, а сектор общества. Его формула: творческий характер деятельности работников-совладельцев средств производства + самоуправление + федеративная демократия + договорное право и неукоснительное выполнение взятых на себя обязательств + равноправные, неформальные и гражданские связи.

Картина будущего будет зависеть от того, какая из двух основных тенденций возобладает – информационный манипулятивный тоталитаризм или социалистические креативные неформальные структуры. Как и в XX столетии, где модель индустриально-этократического общества осуществилась в различных формах (советской, фашистской, американской), в XXI веке будут существовать разные варианты новой общественной системы.

В современном мире наблюдается серьезный перекося в скорости вызревания предпосылок новой формации «сверху» и «снизу». Если система нового управления в современном мире почти достроена, то «противовес» в виде новой структуры общества, далекий от завершения. В случае межформационной революции с центром на Западе может возникнуть тоталитарная модель новой формации, где управление подавляет саморегулирование (нечто подобное произошло в ряде стран в XX веке, когда неизбежный переход к индустриальному социальному государству привел к появлению тоталитарных режимов).

Ситуацию усложняет и то обстоятельство, что прорыв к социализму первоначально практически невозможно совершить всему обществу в силу его разнородности, привязанности большинства населения к мещанскому, по сути животному миру. Переходное общество должно обеспечить возможность движения к будущему, к социализму для тех, кто желает, оставив на долю остающихся уровень «зажиточности» (выражаясь языком современных китайских коммунистов) и роль тыловой базы социалистического сектора. Как в XX веке социальная система СССР при всех ее недостатках стала базовой площадкой для научно-технических и культурных достижений Советского Союза, так и прочное социальное государство может стать тылом для развития социалистического сектора. Таким образом, социализм возникнет сначала как сектор, а не система государства.

Виртуальная культура допускает возможность одновременного сосуществования на одной территории субкультур с разными мировоззрениями и

собственными системами управления. Вероятно даже сосуществование на одной территории разных государственно-политических систем, которые вовлекают пользователей различных теле- и интернет-каналов. Некоторые мировые субкультуры могут начать играть роли, сопоставимые с ролью отдельных государств. Социалистический сектор может быть одним из них, преобладая в нескольких странах, но влияя на жизнь гораздо более широкого ареала. Без этого ареала и глобальных связей территориальные очаги социализма вряд ли смогут сохраниться. Социализм может также распасться на несколько самостоятельных конкурирующих субкультур. Найдут ли они возможность для согласования своей деятельности, сближения идей и стратегий?

От этого зависит, насколько успешным будет продолжение истории социализма в XXI веке, насколько гуманным, демократичным, свободным, солидарным и творческим будет будущее человечества, наше будущее.

Русская революция: национальная смута или мировой триумф?

*Дзарасов С.С.,
д.э.н., Институт экономики РАН*

Вызываю огонь на себя!

Нынешний год является юбилейным дважды. Девяносто лет назад произошла в начале года Февральская, а к его концу – Октябрьская революция. Еще через десять лет будет самая круглая дата – их столетие. Обычно принято отмечать юбилейные даты каким-то обязательным ритуалом, а мне кажется, что лучшим способом их выделения из всей цепи событий является другое: с высоты ушедшего времени как можно объективнее рассмотреть происходившее тогда для понимания того, что происходит теперь.

Объективность – вот чего всегда не хватало взгляду на русскую революцию. Хотя считается, что время – лучший помощник тому, чтобы освободиться от субъективизма и встать на почву беспристрастности в оценке исторических событий,

но для русской революции оно таким не стало. Ее освещение в советское время было крайне тенденциозным. Значение одних событий преуменьшалось, а других, наоборот, преувеличивалось сверх того, какое они имели в действительности. Это особенно относится к роли деятелей революции. По советскому изображению революции никак нельзя было понять, кто какую роль из них играл, не говоря о том, что, кроме небольшой кучки людей, впоследствии оказавшихся у власти, все остальные представлялись либо как неисправимые реакционеры, либо как изменники делу рабочего класса, пошедшие на службу иностранным разведкам.

Поэтому ожидалось, что смена советского режима демократическим устранил идеологические и цензурные ограничения правдивого освещения исторических событий, и мы, наконец, получим возможность узнать революцию такой, какой она была в действительности. Однако нас постигло разочарование пуще прежнего. Пришедшие к новой власти политические силы еще больше предшественников подчиняют историческую мысль целям своего политического господства. Толкование исторических событий, в особенности хода и последствий русской революции, к собственной выгоде вошло в моду еще больше, чем это было раньше. Освещение того, какой была наша революция, передано в руки всегда готовых (конечно, за хорошие деньги) исполнять социальный заказ средств массовой информации. И пошла писать губерния.

Какую теперь дикость не прочтешь и не услышишь о том, какой была русская революция! Неоднозначная, как все революции в мире, она толкуется только в одном негативном смысле как величайшее злодеяние в нашей истории. В результате революции Россия достигла выдающихся успехов в экономике, социальной сфере, культуре, науке, образовании и поднялась до роли второй сверхдержавы мира. Нет, говорят нам, ничего этого не было, а был один мрак и ГУЛАГ.

Между тем правда состоит в том, что было и то, и другое. Не было чего-то одного. Как во всех революциях, хорошее и плохое было тесно переплетено между собой. В этом смысле везде было одно и то же. Поэтому приписываемое русской революции ее хулителями особое злодейство полностью предопределяется их идеологической и политической предвзятостью. Подтекстом своего извращенного изображения прошлого они хотят сказать, что капитализм настолько хорош, что альтернативы ему быть не может, а потому предпринятая в этом направлении попытка была не иначе как дьявольским злодеянием. Понятно, что, если наше прошлое было таким, то наше сегодняшнее должно казаться нам раем.

Однако, насколько мы понимаем, подавляющая часть российского населения никак не согласится с тем, что, перейдя от социализма к капитализму, мы попали из ада в рай. Для большинства нашего населения революция не была злодеянием, и в ней надо разобраться более беспристрастно. Насколько это возможно сделать в рамках одной статьи, мы попытаемся сделать здесь.

При этом свой подход к проблеме хотел бы прояснить с самого начала.

Что бы ни говорили хулители русской революции, мы ее считаем главным событием XX века, предопределившим ход не только нашей, но и всей мировой

истории в течение целого столетия. Такое судьбоносное событие не могло упасть с неба, а созрело на нашей собственной почве и явилось плодом физических и интеллектуальных усилий миллионов российских граждан в течение многих десятилетий. Февральская и Октябрьская революции имели глубокие исторические и социально-экономические корни в укладе жизни нашего народа и были вызваны этим укладом в условиях мирового капитализма. На наш взгляд, правда о нашей революции связана именно с этим. Что касается ныне широко распространяемых версий об иностранных деньгах и кровожадных путчидах, с помощью которых якобы были «организованы» наши революции, то их мы рассматриваем как результат либо невежества и умственной лени в изучении своей истории, либо сознательной фальсификации политически ангажированных злопыхателей.

Итак, что говорит 90-летняя высота нашего развития о тех двух революциях, которые произошли в одном и том же, не стираемом из нашей истории, знаменательном 1917 году?

У нас было то, что и у других

Стреляют в коммунизм, а попадают в Россию.

Разговор о русской революции хотелось бы начать с того, чем она была и не была. Если это был просто путч или бунт местного значения, тем не менее, правда, почему-то положивший начало национальной смуте гигантской страны в течение нескольких десятилетий, то тогда, может, и говорить не о чем. Но в том-то и дело, что подобное утверждение, от кого бы оно ни исходило, не имеет под собой никаких оснований. Понятия «революции» и «заговорщического переворота» достаточно определенно разработаны в мировой общественной мысли, и ими следует пользоваться в общепринятом смысле, а не по своему мало кому понятному разумению. Это значит, что толковать, а тем более менять их в явочном порядке («а я вот вам скажу!») человек может, но всерьез это принимать не следует.

К сожалению, в последние годы нередко сталкиваемся с таким подходом к оценке русской революции. Голословно утверждается, что в России не было ничего другого, кроме заговорщического переворота. И все. Как тогда понимать другие революции, или их тоже не было?

4 июля 1776 г. в городе Филадельфии Континентальный конгресс принял Декларацию независимости американских штатов от Великобритании, и это признается датой американской революции. Делегатов было всего несколько десятков, но от имени своих штатов они выражали волю народа страны. Принятием подобной Декларации страна переводилась из одного качественного состояния (английской колонии) в другое качественное состояние (в положение независимой страны). Это и было революцией.

Другой пример. 14 июля 1789 г. народ Парижа штурмом взял Бастилию, и это считается датой французской революции. Хотя в «бунте», как бы это назвали некоторые российские авторы, участвовал только народ Парижа, но было также много

других проявлений того, что королевская власть потеряла доверие и авторитет, а потому большинство французского народа поддерживает не защитников крепости, а восставший народ. Падение Бастилии символизировало отказ от королевской власти и ее переход в руки восставшего народа, хотя король еще более трех лет после этого с ограниченными правами оставался на троне. Тем не менее, общество перешло из одного качественного состояния в другое, и это определяется как революция.

Второго марта 1917 г. русский царь отрекся от престола и тем положил конец трехсотлетней династии Романовых, что отмечено в истории как начало Февральской революции. Причем царь сделал это под принуждением вышедших на улицы масс, которые требовали смены политического режима. В тот же день, еще до получения известия об отречении, лидер кадетов П. Н. Милюков, выступая перед переполненными энтузиазмом людьми в Екатерининском зале Таврического дворца, заявил: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен». (П. Н. Милюков. История второй русской революции. М., 2001, с. 50). Николай II понял это до того, как об этом сказал Милюков. Требование об отречении было у всех на устах.

Имел ли царь право на отречение? Праздный вопрос. Когда народ выходит на улицу, то право перестает существовать. В отличие от множества своих монархических критиков тогда и потом, Николай II по опыту английской и французской революций знал, что власть в такой ситуации чревато опасностью гибели королевской семьи. Карл I и Людовик XVI цеплялись за свой трон, и дело кончилось низложением и казнью. Мудрее всех поступило Учредительное собрание Австрийской республики, которое вначале принудило императора к отречению, а затем приняло решение о конфискации имущества Габсбургов и изгнании их из страны. Это спасло им жизнь. Когда началась германская революция 1919 г., Вильгельм II незамедлительно бежал из страны в Голландию. Годы спустя он умер там своей смертью. Когда началась иранская революция 1979 г., то шах понял, что любой ценой надо выбраться из страны. С большими трудностями он так и сделал. Бежал в США, а затем умер своей смертью в Египте. Не надо доводить страну до революционного пожара, а если это случилось, то единственным шансом царствующей особы остаться в живых является незамедлительное бегство из страны.

Особенность политических уступок такова, утверждал Стефан Цвейг, что они всегда опаздывают. Когда нужно – их не делают, когда их делают, то к тому времени бывает поздно, и только подливают масло в огонь. Так было и с отречением царя. К тому времени джинн вышел из бутылки. В ожидании новых перемен народ высыпал на улицы, а солдаты вместо того, чтобы воевать, воткнули штыки в землю. Спасая ситуацию, Государственная Дума образовала Временное правительство, куда вошли представители нового имущего класса – буржуазии. Не доверяющие имущим классам и власти народные низы возродили репрессированный во время революции 1905 г. Совет рабочих депутатов, расширенный теперь за счет депутатов крестьянских и солдатских. Взаимоотношения двух параллельных органов власти, определившие дальнейший ход революции, – тема особого разговора, а пока ограничимся

констатацией фактического перехода российского общества в новое качественное состояние.

Подобного рода перемены, означающие смену одной системы власти другой, давно обобщены специалистами разных стран и времен, и в мировой науке обозначены понятием **революция**. Если кому-то по своей причуде хочется называть это иначе, – путч, заговор, бунт или еще как-то, – то это дело вкусов и пристрастий. Но объективным пониманием вещей такие представления признаны быть не могут. Для реального понимания исторических событий приходится оперировать только общепринятыми, многократно проверенными определениями, ибо анализировать и оценивать их без этого невозможно.

Согласно этим определениям русские революции – 1905 года, Февраля и Октября 1917 года были таковыми, поскольку отмечены качественными изменениями в жизни общества. После каждой из них российское общество становилось другим, нежели оно было до этого.

Чего мы стоим в свете своей революции?

Весь вопрос в том, каким становилось общество в итоге революции. Конечно, если перемены положили начало национальной смуте и бандитскому произволу, и общество становилось все хуже и хуже, как нас теперь многие уверяют, то у хулителей революций есть основания настаивать на негативной оценке происшедших у нас перемен, как бы их не называть. Но если так, то возникает вопрос о качестве этого народа, который в течение всего XX века ни на что другое, кроме как на дурные дела, не оказался способным. Если все другие народы совершили революции для того, чтобы свое дурное прошлое превратить в более разумное будущее, а мы делали наоборот – свое замечательное прошлое поменяли на Гулаг, то что мы за народ и чего заслуживаем?

Только глубоко порочный народ мог в течение целого столетия, да еще по наущению каких-то темных сил, действовать против собственных интересов. «У нас было два трагических «февраля», – пишет А. Ципко, – «первый, календарный, в 1917-м, второй – в декабре 1991 года был таким же «безумием элиты». Образование, данное советским строем русскому человеку, не прибавило ему ума». («Российская газета» от 10.03.07, № 49).

Если революция – одно лишь зло, то никаким иным не может быть и совершивший ее народ. Порочность революции не может быть ничем другим, кроме как драматическим проявлением порочности народа. Иной логики нет. Сколько было у нас неприятностей за эти сто лет, – говорят те, кто сам лопается от чрезмерного ума, – нашему народу это не помогло. Хоть кол на голове ему теши – он все равно будет делать свое неумное дело. Если и февраль, и октябрь 1917 года были злосчастными катастрофами, проявлением «безумия» нашего народа, а все последующие годы мы шли этой роковой дорогой, то какие есть основания полагать, что теперь мы найдем дорогу к лучшему будущему? Ведь ума-то не прибавилось,

несмотря на полученное образование. Но если такими были наши предки, а мы тоже не лучше них, то какое будущее ожидает наших детей?

Тогда мы правильно сделали, что перестали отмечать дату нашей революции и больше не обременяем глав государств и друзей в разных странах и континентах обязанностями ежегодно 7 ноября почтительно кланяться нам, как это они делали в советское время. Мы-то будем поздравлять других с днями их революций, так как они того достойны, а мы нет.

При всем неприятии подобного самоотрицания и самооплевывания – они о чем-то говорят. Не о том, конечно, что мы глупее других, а о том, что мы как более эмоциональный народ больше подвержены крайностям. Другие народы не впадают в такую крайность, чтобы поливать свою историю и деятелей революции такими помоями, как это делаем мы. Французские историки и писатели, конечно, критикуют, но не поносят деятелей своей революции. Прочтите Виктора Гюго, Анатоля Франса, Ромэна Роллана и многих других. А ведь жестокостей там было не меньше, чем у нас. Разумеется, их никто не оправдывает. Но, во-первых, пытаются их понять и объяснить; во-вторых, на их основании никто не делает вывода о несостоятельности французского народа.

Чего нам действительно не хватает, так это, я думаю, умеренности в оценке того, кем мы были вчера и являемся сегодня. Вчера мы до небес превозносили свою страну как флагмана мирового прогресса и не замечали ее пороки, а сегодня униженно стыдимся ее и пытаемся вычеркнуть советское прошлое как позорную страницу, забыв все, чего достигли тогда. Вчера утверждали, что ленинизм есть высшее достижение русской и мировой культуры, а теперь то же самое объявляется величайшим злодеянием XX века. Похоже, что кому-то доставляет садистское удовольствие раздевать свою страну и показывать ее срамные места так, будто это не наша, а чужая страна, а в других странах такого срама нет.

Только чрезмерной эмоциональностью можно объяснить то, как мы поносим сегодня вождей и участников нашей революции. Разумеется, безгрешными они не были, и в их деятельности немало того, за что они заслуживают критики и осуждения, и об этом мы еще скажем. Но были они все-таки благонамеренными, какими признаются персонажи революций других стран, или в этом тоже мы хуже других, и в отличие от них, наши были изначально злонамеренны?

Подпевая антироссийскому хору, хулителю бросают тень на нашу революцию, изображая ее вождей иностранными шпионами. Подобная ложь давно является дежурной для всех случаев дискредитации политических противников. Многие жертвы французской революции вззошли на эшафот с надуманным ярлыком агента тогдашнего жупела, английского премьера Питта. У нас было то же самое. Ленин давно зачислен в немецкие шпионы. Троцкий, Зиновьев, Каменев были объявлены агентами гестапо. Недавно второй телеканал, грубо извращая факты, переквалифицировал Троцкого из немецкого – теперь в американского агента. Русский народ изображается безвольной игрушкой в руках чуждых сил, в то время как

в действительности последнее слово о том, чему быть и не быть, всегда принадлежало ему, и никому другому.

Что касается вождей революции, то не следует как обожествлять их, так и демонизировать. Никто из них не был Богом, но и возводимые на них злобные наветы не имеют под собой никаких оснований. Никому, кроме своей веры, они не служили. Никакие земные соблазны, вроде денег и прочих атрибутов мещанского благополучия, не имели для них значения. Кто знает, тот знает, что свою жизнь они мерили самой высокой меркой беззаветного служения счастью угнетенных и обездоленных, как его понимало большинство тогдашних россиян.

С учетом времени и национальной специфики деятели нашей революции были такими же, какими были их двойники, например, в английской революции XVII в. и французской – XVIII в. Так же как сами революции были такими, какими были англичане и французы. Никто не может быть ни хуже, ни лучше своей истории.

Осуждать прошлое (как и вообще других) куда легче, чем его понять. Для науки не подходит известное положение «не судите, и не судимы будете». Без критического отношения к прошлому нельзя понять настоящее. Но критика и самооплевывание не одно и то же. Если встать на нелепую позицию осуждения всего, что по каким-то причинам нам теперь не нравится, то прошлое надо вычеркнуть, потому как в нем полно такого. Так, демонстрации 30-х годов с требованиями казни для «врагов народа» сегодня выглядят как дикость. Завтра не меньшей, а большей дикостью будет смотреться то, как мы добровольно отдали свою собственность прохиндеям типа Березовского, Гусинского и множеству других, которые потом сбежали за рубеж и оттуда на нас плюют. Но спросите себя: почему вы это сделали?

Экстравагантная трактовка русской революции как некоего невиданного и постыдного зла не является столь безобидной, как кажется кому-то с высоты своей слишком счастливой теперь или несчастной в прошлом судьбы. Конечно тем, кто разбогател на приватизации народного добра и теперь в безумии спускает миллионы в зарубежных курортах, революция глубоко ненавистна. Она встала поперек горла тем, кому чужды эта страна и народ, но кого капризная фортуна подняла из грязи в князи и теперь только и озабочен удовлетворением своих низких страстей и вожделений.

Но их ли интересами ее надо оценивать?

Экстравагантная трактовка русской революции сегодня является самым отравленным снарядом, направленным в самое сердце нашего народа. Она льет воду на мельницу набирающей силу антироссийской трактовки истории, согласно которой своей загадочностью и непредсказуемостью Россия таит в себе неизменную угрозу миру. Осуждение Европарламентом в Страсбурге советского коммунизма целилось не в коммунизм, которого больше нет, а в Россию, чтобы вызвать недоверие к ней. От России, утверждают известные круги, следует ждать одни неприятности, а потому ее надо держать в ежовых рукавицах, установив контроль над ее энергетическими ресурсами и вооруженными силами.

В свое время неподкупный диссидент Владимир Максимов признался: в своей критике революции «мы целились в коммунизм, а попали в Россию», которая в итоге низведена до незавидного положения. Хочется спросить, от чего же так у вас вышло? От того, хочется ответить, что вы не такие хорошие стрелки, какими себя представляли. У вас двоилось в глазах и вам казалось, что коммунизм это одно, а Россия это другое, а оказалось, что революция давно слила их в одно целое и, стреляя в одно, непременно попадаешь и в другое. Европарламентарии хорошо это усвоили и продолжают вести огонь как бы по коммунизму, зная, что стрелы-то попадут в Россию. И попадают, и ослабляют ее настолько, насколько возможно.

Мне кажется, вопрос о характере и последствиях русской революции – была ли она национальной смутой или мировым торжеством социалистической альтернативы капитализму – является более сложным и противоречивым, чем он воспринимается безоглядными критикам коммунизма, как в прошлом, так и в настоящем. Да, советский коммунизм представлял собой тоталитарную диктатуру бюрократии с самодержавным правителем во главе. Он отмечен массовыми преступлениями в виде репрессий против значительной части населения, в особенности интеллигенции и крестьянства. Их осуждение, как и признание вины народа перед жертвами того режима, является составной частью нашей посткоммунистической культуры.

Но какими бы ни были пороки и преступления революции и коммунизма, они являются составной частью нашей истории и культуры, и мы никак не можем сказать, что не имеем к ним отношения. Все, что сделано в те годы, и хорошего, и плохого, сделано не какими-то марсианами, а умом и руками нашего народа, прямыми дедушками и бабушками каждого из нас, и мы так же, как это делали и делают другие народы, обязаны разобраться в том, что все это значило, отделить зерна от плевел. Если верно, что о дереве судят по всем его плодам, а не только по имеющейся на нем гнилой отраве, то надо с большим толком и знанием рассортировать доставшийся нам урожай.

Тогда мы увидим, что одни плоды революции были гнилы и ядовиты, а другие ценны и полезны. Время революции было столь тяжелым для всех, что ее вождей и участников, как и дела их, нельзя обозначить одним знаком. Об этом лучше всех на опыте французской революции писал Чарльз Диккенс: «Это было самое прекрасное время, это было самое злосчастное время, – век мудрости, век безумия, дни веры, дни безверия, пора света, пора тьмы, весна надежд, стужа отчаяния, у нас все было впереди, у нас впереди ничего не было, мы то витали в небесах, то вдруг обрушивались в преисподнюю....» (Собр. соч., т. 22, с. 9. М. 1960).

Взвешенная позиция английского писателя подводит нас к истине, в то время как крайности русского менталитета уводят нас в сторону от нее. Надо принимать в расчет не только негативное в революции, на что сейчас делается исключительный акцент, но и позитивное, которое игнорируется полностью. На мой взгляд, только таким образом составленный баланс может подвести нас к наиболее верному выводу.

Чем была и стала Россия?

По существовавшим до революции меркам Россия была страной с отсталой экономикой и многомиллионным нищенствующим населением. Против подобной оценки обычно выдвигают тот аргумент, что в тот период промышленность России бурно развивалась. Это верно, но выгоды от этого роста доставались не рабочему и крестьянскому населению, а имущему классу. Примерно то же самое мы наблюдаем сейчас: рост экономики есть, но от этого увеличивается только число миллиардеров, а основная масса населения нищает все больше и больше. Что касается дореволюционной российской ситуации, то для ее понимания надо учесть то, что всегда отмечали все серьезные историки: необычайно высокий уровень концентрации производства в российской промышленности означал также концентрацию масс рабочего населения, со временем составившего основную социальную базу будущей революции.

К этому добавлялось бедственное положение многомиллионного крестьянства, страдавшего от безземелья и произвола сохранившего свою силу помещичьего класса. Крестьяне покидали свои деревни и массами шли в города в целях продажи своей рабочей силы, и никого не занимало, как они устроятся, в какую среду попадут, какие идеи от кого примут и когда на какие действия пойдут. В своих «Размышлениях над Февральской революцией», имея в виду время начала мировой войны, А. Солженицын пишет: «Если бы крестьянство к этой войне было общественно-равноправно, экономически устроено и не таило бы сословных унижений и обид, петроградский бунт (так он называет революцию – автор) мог бы ограничиться столичными эпизодами, но не дал бы губительного раската революции с марта по осень». Совершенно верно. Если бы крестьянство было устроено «как надо», то революции не было бы вообще.

Но в том-то и дело, что много чего в России не было устроено так, как надо. Бедственное положение рабочих и крестьян, их резкое недовольство существующим режимом и его столпами – от находившегося далеко от людей царя до непосредственного приказчика – и было основной причиной революции.

Вместо обилия красноречивых, но скучных для непрофессионала цифр о богатстве и роскоши одних, нищете и страданиях других в тогдашней России взглянем на четыре очень интересных фотографии, сделанных неизвестным фотографом в непосредственно предшествующие революции 1910-1914 годы.

Какие колоритные лица выбрал художник-фотограф во всех случаях! Как о многом говорит простое чаепитие! Лица одних выражают крайнее самодовольство. И как тому не быть – им-то и достаются плоды экономического роста. Но зато какая сила в тех, кто сидит на земле и пьет чай, видно, вприкуску – судя по тому, как один из них держит кусок сахара в руках.

О столь же многом говорит и другая пара фотографий. Одна из них показывает бал в Шуваловском дворце (на Фонтанке в Петербурге) в самый канун первой мировой войны, а другая – рабочую столовую на Васильевском острове

приблизительно тогда же. Вот как жили одни и как жили другие. И тогда было, и сейчас имеется множество людей, разумеется, из персон первой фотографии, которые находят такое положение вещей вполне нормальным. Кому что досталась, тот, мол, того и заслуживает. Но вот персонажи из вторых фотографий так не думают, и их лица успокаивающего миролюбия не выражают.

Что они будут делать, когда ударит набат, трубач позовет их на сборы, и они сомкнутыми рядами выйдут на улицы? Статистикой экономического роста их не остановишь. Когда грянет гром и от молнии вспыхнет пожар, то миллионы подобных тем, кого мы видим на фотографиях, будут его не гасить, а раздувать в надежде, что на месте старого будет построен новый дом, в котором найдется лучшее место для них. Накопленное в них десятилетиями недовольство выйдет наружу и превратится в энергию и злобу. Они станут громить торговые лавки, где ничего не могут купить, организовывать другие массовые беспорядки и парализуют государственную власть. Своими действиями они сделают отречение царя неизбежным, и их не будет интересовать, имел он права на это или нет, должен был передать трон сыну или брату.

Отчего возникает пожар?

Задним числом многие сегодня возлагают вину на тех, кто активнее других, и, конечно, по-своему откликнулся на возникший тогда в России пожар. Но исходным в теории революции считается вопрос не о том, кто как действовал во время пожара, – это вопрос тоже важный, но второй, – а то, *от чего возник пожар?* От слов агитаторов и подстрекателей или от действий тех, кто держал в руках богатства страны и бразды правления?

Конечно, всегда есть те, кого можно называть агитаторами. Все люди реагируют на свое положение и всегда чего-нибудь по этому поводу говорят, и странно ожидать, что это может быть иначе. Весь вопрос в том, какие есть основания для такой «агитации». На вторых фотографиях мы видим одних только мужчин, но, надо думать, у них есть жены и дети. А как они питаются и чем вообще живут? Едва ли лучше своих мужей и отцов. Но тогда о чем они говорят в семье и с друзьями, как относятся к власти, к своим хозяевам? Если смотреть в их лица, то об этом нетрудно догадаться. То, что они говорят о своем бедственном положении, формирует их сознание и политическую позицию больше, чем тысячи агитаторов.

В тех же «Размышлениях» А. Солженицын сетует на то, что монархия не умела и не хотела напрямую разговаривать с народом, чтобы донести до него «монаршую правду» и таким путем завоевать на свою сторону. Но в чем она состояла? Никакой монаршей правды (как президентской сегодня) не было, кроме положения, в котором находились страна и народ, а об этом со всей определенностью писал Лев Толстой в письме к царю в 1902 году. Если то же самое сказать нашими словами, то правда заключалась в том, что народ (рабочие и крестьяне) безжалостно эксплуатируются капиталистами и помещиками, которые тем самым толкают его на революцию.

Такая правда требует ответа на вопрос: кто является основным творцом революции? Те, кто говорит, пишет, принимают в ней участие и даже становятся во главе, когда она возникает, или же те, кто ее вызывает, кто своей безудержной жадой обогащения угнетает народ и держит в нужде, обрекает на страдания и тем провоцирует на насильственные действия? Ответ на этот вопрос содержится не в монаршей правде, а в революционной теории.

К революции прибегают в особых условиях, когда ослепленные жадой собственного обогащения господствующие классы пренебрегают благополучием народа. Тогда у неимущих классов не остается другого выхода, кроме как брать в свои руки и оружие, и свою судьбу. От этого не было и сегодня нет другой гарантии, кроме одной: **чтобы имущие классы думали не только о себе, но и об удовлетворении нужд своего народа, а не провоцировали его на революцию.** Ничем подобным дореволюционный российский правящий класс не был озабочен, а потому именно он, а не революционные партии и их агитация сделали революцию неизбежной. В благополучной стране ни эти партии, ни их агитация не имела бы никакого успеха.

О лжереволюции и народной революции

Прежде чем конкретно говорить о ходе и последствиях революции, отметим глубокое отличие стихийно развивавшихся массовых движений, какими были, например, французская, русская, китайская и ряд других революций, от рукотворных цветных лжереволюций нашего времени, которые представляют собой хорошо срежиссированные спектакли для обмана публики. Ряд принципиальных отличий указывает на разделяющую их пропасть.

Развитие народной революции определяется логикой событий и классовой борьбы, которая ведет к смене общественно-экономической системы и класса собственников. Отсюда многочисленные акты насилия не только организованных сил революции, но и стихийных выступлений разбушевавшейся толпы, вплоть до диких самосудов и прочих неконтролируемых действий в отношении тех, кто в глазах разъяренной толпы олицетворяет старый режим. Варварских и бессмысленных жестокостей во всех народных революциях всегда было полным-полно.

В цветных лжереволюциях, именно потому, что они рукотворны, к счастью, ничего подобного не бывает. Их цель не смена режима, а лишь чиновников на тех или иных постах. Потому-то они представляют собой всего-навсего мирную демонстрацию в качестве рычага осуществления задуманной политической комбинации. Но даже они не возникают на пустом месте, а лишь на почве реально существующего недовольства населения. Если бы народ Украины был доволен режимом Кучмы, то никакие американские деньги не смогли бы собрать столько народа и со всех областей пригнать его на Майдан.

Отсюда разные возможности внешнего воздействия на ход и исход происходящих процессов. В постановочных лжереволюциях широко используется подкуп. Народные революции, в которых участвуют разнообразные массы населения

с разнообразными целями, настолько неуправляемы, что в них подкуп почти невозможен, хотя к нему и прибегают. Так, на известном этапе французской революции двор подкупил Мирабо, но к тому времени он потерял свое влияние и нужных двору услуг не оказал. Двор потратил колоссальные по тому времени полтора миллиона франков на то, чтобы предотвратить вначале свержение короля, а затем его казнь. Но успеха это не принесло. К тому времени, когда подкупленные должны были подать голос, накал народного озлобления достигал таких градусов, что никто из них и пикнуть уже не смел в защиту короля.

В революции решающую роль играют не должностные лица, а народные кумиры, которые взвиваются столь же неожиданно, как неожиданно падают навзничь. Барометр народной революции, приливы и отливы участвующих в ней настолько изменчивы, что заранее никогда неизвестно, кого, за что подкупать. Если даже большевики получили кайзеровские деньги, то все равно они не имели значения: находившаяся у власти российская буржуазия, извините, имела в миллионы раз больше денег, но остановить развитие событий не смогла. Деньги во всяком деле имеют значение. Но революцию они не делают.

Очевидно, понимание этой истины дается нелегко, что мы еще раз видели буквально на днях. Пребывающий в Англии российский авантюрист Борис Березовский явно в целях саморекламы заявил о своем намерении устроить ни мало, ни много, как «революцию в России». Эта пустая фраза болезненно-амбициозного невежды настолько всполошила столь же невежественный российский политический бомонд, что один за другим из эфира и со страниц печати посыпались обеспокоенные призывы принять предупредительные меры против возможных козней беглого олигарха.

Хотелось бы успокоить тех, кто так обеспокоился этим заявлением по причине своей неосведомленности относительно того, когда возможна и невозможна революция. Сегодня в России нет условий не только для народной, но и для постановочной «цветной» революции. Даже для последней требуется достаточно большое количество готовых на действия недовольных, не говоря уже о широкой народной революции, при которой стихийно накопленное недовольство достигает взрывной кондиции. Ни того, ни другого сегодня у нас нет. Нет и когорты героев, которые обычно выдвигает революция в качестве бесстрашных и популярных заступников народных низов, пользующихся их доверием и идущих за ними. Признаком надвигающейся революции всегда бывает также полная потеря авторитета первого лица государства, а у нас пока дело обстоит как раз наоборот.

В нашей сегодняшней ситуации никакие березовские никакой революции ни с какими деньгами совершить не могут. Более того, даже кажущиеся всесильными ЦРУ и Госдепартамент США не в состоянии это сделать. Они могут финансировать те или иные политические группировки и подкупать их лидеров, толкать их на те или иные подрывные действия. Но это будут выброшенные деньги. Теперь мы уже знаем подноготную американской «помощи», и на мякине нас уже не проведешь. Если раньше американская поддержка придавала кредит, то теперь она изобличает ее

получателя как чужого агента. Поэтому касьяновы и каспаровы могут как угодно надувать щеки и витийствовать в своих сектах, но шансов прийти к власти у них нет. Их время прошло. Подобные могли выдвигаться и выдвигались на прокапиталистической волне начала 90-х. Теперь ветер перемен дует в другом направлении. У широких масс населения растут антикапиталистические настроения, и надо ожидать, что время будет выдвигать людей совершенно другого типа.

Итак, сегодня ни в каком виде угрозы революции в России нет. Но это не значит, что она не может возникнуть завтра. Поэтому лучше всего не питаться нелепыми измышлениями о революции, а изучать ее теорию и историю и разбираться в том, почему и когда она возникает.

Революция – это не козни врагов, а социальное землетрясение

Революция возникает не от хорошей жизни. Октябрьская революция разразилась не потому, что ее «устроили» большевистские вожди, да еще на немецкие деньги, как обычно представляют те, кто не может объяснить ее иначе как кознями врагов и агентов. На самом деле революция представляет собой социальное землетрясение, цунами, ураган, который никто никакими действиями «устроить» не может, если на то нет соответствующих предпосылок. Она возникает в силу внутренней логики развития событий, когда множество источников народного недовольства сливаются в единый, всеокушающий поток.

Поэтому и управлять революцией так же невозможно, как никто не управляет землетрясением или ураганом. Революционные теоретики изучают ее опыт в разных странах и создают теоретические приборы определения подземного гула надвигающихся событий. Отличая этот гул от текущего исторического шума, они оказываются более подготовленными в нужное время к нужным действиям. Но это не значит, что именно их выступления вызвали сами события. В неблагоприятной для революции ситуации их призывы обычно остаются голосами вопиющих в пустыне.

Кстати сказать, немалое число антиреволюционных представителей господствующего режима порою показывают не менее тонкий слух в улавливании гула приближающейся революции и предлагают меры ее предотвращения. Такими в России были Витте и Столыпин, которые при всей нелюбви друг к другу были едины во мнении, что война будет губительной для России. Но особую проницательность проявил бывший министр внутренних дел Дурново, который еще в начале 1914 года в письме к Николаю II предупреждал его о высокой вероятности поражения армии в случае вступления в войну и роковых последствий, которое это будет иметь.

«Побежденная армия», – писал он, – «лишившаяся к тому же за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большой части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет свергнута в

беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению». (Цитировано по книге Г. Иоффе «Революция и судьба Романовых». М. 1992, с.10).

Самое поразительное, что Дурново предсказал не только Февраль, но и то, что затем «оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдерживать расхोлившиеся народные волны», что по существу и означало перерастание Февраля в Октябрь. Правда, Троцкий о такой возможности писал еще в 1905 г., а Ленин заговорил об этом сразу после февраля. Но если кто-то, хотя бы один человек, обладал таким умом и проницательностью, что до развития событий уловил и понял ту логику, по которой они будут развиваться, то это разносит в пух и прах версию о кайзеровских деньгах как источнике революции.

Революция делается алчностью имущего класса

Почему царь и его окружение не прислушались к предупреждениям, которые исходили не от революционеров, а из их собственной среды и мотивировались интересами сохранения существующего строя? Потому что имущий класс, в особенности в России, раньше и теперь по своей алчной природе одержим одной лишь жадой обогащения, а ко всему остальному слеп и глух. Жажда власти и денег куда более сильно действующий наркотик, чем все остальные известные под этим названием. Поэтому у богатящего человека более сильной страсти нет. Так было до 1917 года, так обстоит и сейчас. Сколько наших богачей сегодня не предупреждай, что образ их действий рано или поздно кончится керосином – пользы не будет. Раньше удара по голове они опасности не чувствуют. На своевременные реформы и уступки они не идут, а потому, согласно революционной теории, насилие является единственным языком разговора с ними.

В последующих статьях, мы подробнее покажем, как политическая слепота имущего класса связана со стихийностью и неподконтрольностью развития событий, а пока рассмотрим, какую роль в ее возникновении сыграла первая мировая война, в ходе которой и возникла наша революция.

Решающее значение имело то обстоятельство, что в финансово-экономическом отношении Россия была зависимой от англо-французского капитала и должна была таскать им каштаны из огня. Зададим такой вопрос: для чего Россия, обремененная миллионами собственных забот, так необдуманно бросилась в авантюру мировой войны? Видите ли, потому, что какой-то серб в Сараево бросил бомбу в австрийского наследника престола и убил его. В ответ Австрия потребовала свободы в расследовании этого преступления. Ничего экстраординарного в этом нет. Но Россия, видите ли, такая заступница за каждого славянина, что не может дать в обиду даже отдельного террориста. А как же теперь, когда мы, по существу, предали весь сербский народ? Куда же девались наша славянская гордость и заступничество, если в этом было дело?

В действительности сараевское убийство было только внешним поводом вступления в войну, а причина была другая. Она состояла в том, что Россия была зависима от Англии и Франции, и они потребовали ее участия в войне против

Германии, которая к тому времени стала их опасным конкурентом на мировой арене. Неизвестно, верил ли правящий класс России тому, что ему сулили, – а сулили ему Константинополь и Черноморские проливы, – но давать их России никто не собирався. Крымская война показала, что на это они никогда не пойдут. Тем не менее, русские солдаты должны были проливать кровь за чуждые им интересы, – простите за старый марксистский термин, – англо-французских империалистов.

К тому времени, когда Россия подошла к революционному порогу, война порядком всем осточертела. Люди гибнут, а для чего – непонятно. Правда, большевики с самого начала объявили войну братоубийственным бедствием для трудящихся всех стран и на этом основании снискали репутацию «антипатриотов». Но после двух лет бессмысленных потерь большевистские агитаторы приобрели исключительный вес в глазах солдатской массы.

Но вместо них возьмем в свидетели заслуживающего большего доверия генерала Деникина, которого революция застала в Румынии на посту командующего корпусом. Он описывает ситуацию на фронте следующим образом: «Лошади дохли от бескормицы, люди мерзли без сапог и теплого белья и заболели тысячами; из нетопленных румынских вагонов, не приспособленных под больных и раненых, вынимали окоченелые трупы и складывали, как дрова на станционных платформах» (Деникин А. И. Очерки русской смуты. М. «Наука», 1991, с. 129.).

Для большей наглядности проиллюстрируем и это высказывание соответствующей фотографией из тогдашней фронтовой жизни. То, что описал Деникин и снял фотограф, солдаты на фронте видели ежедневно. Пока они умирали, имущий класс обогащался на военных поставках и рассчитывал получить еще больший куш от дележа наследства разбитого врага. Слепленные собственной алчностью и равнодушные к народным и солдатским нуждам толстосумы не хотели видеть, что сидят на пороховой бочке, взрыв которой разнесет их в клочья. Они строили свое счастье на несчастьях своего народа, и их ждала суровая Божья кара.

А тем временем чаша весом постепенно склонялась в пользу все большего доверия к большевистским агитаторам. В них солдаты увидели своих заступников, а в офицерах и генералах, гнавших его в бессмысленную войну, своих врагов. В итоге они повернули оружие против режима, обрекающего их на гибель. Как тут не вспомнить пророчество Дурново?

Ужасно быть зависимой страной. Советский Союз страдал многими пороками и совершил много ошибок. Но зависимым он ни от кого не был и за все ответственен сам. С царской Россией было иначе. Она вступила в войну не по своей воле, так же как не по своей воле сегодня американские сателлиты воюют в Ираке или Афганистане. Вильгельмовская Германия на нас не нападала и ничем особым не угрожала, и мы вступили в войну с ней по требованию наших союзников, которые в противном случае имели возможность перекрыть нам кислород.

Развитие капитализма в России сопровождалось не ее «вестернизацией», как надеялись не только либералы, но и марксисты, а усилением ее зависимости от западного капитала. Революция и коммунизм освободили Россию от этой

зависимости и подняли ее на высоту такой сверхдержавы, что никто больше не мог диктовать ей свои условия. Мы сделали свою страну такой, чтобы могли ее защищать в любой ситуации. В свете нашего сегодняшнего положения это плод исключительной ценности. Теперь мы снова попали в зависимое положение и покорно миримся с продвижением агрессора к воротам нашего дома.

Тем временем мы тщетно пытаемся умиротворять агрессора поставками своих энергоресурсов, забыв исторический урок, что от этого он еще больше нагнет. США уже пригласили Грузию и Украину в НАТО и тем намерены окончательно приставить пистолет к нашему виску. О таком обращении со страной Октября никакие ее враги не могли бы и мечтать.

Так каков же баланс постсоветских перемен, в пользу или во вред нам?

Советская антиимперия – плод Октября

Помимо нашего социально-экономического скачка и завоевания независимости страны, которые были отмечены выше, у Октября был еще другой чрезвычайно ценный плод: создание не имеющей себе аналога, и, наверное, ни на какой другой идейной основе невозможной антиимперии, под которой мы имеем в виду союз советских народов.

Царская империя, как известно, после Февраля почти полностью распалась, как СССР в наше время. Никакая другая политическая сила, кроме большевиков, не могла ее восстановить, ибо это было возможно только на основе имевшейся в их арсенале наднациональной идеи международного братства трудящихся всех стран, освобождения ранее угнетенных народов от власти капиталистов и помещиков и их равенства в новом Союзе народов. В этом тоже не все было однозначно. Во время второй мировой войны некоторые народы были депортированы, а позднее возник антисемитизм. Тем не менее, это был подлинный союз множества равноправных народов с небывалым ростом их экономики и расцветом культуры, чему примеров в истории больше нет.

Коммунизм унаследовал от революции страну с населением в 150 миллион человек, а в течение 70 лет его существования оно достигло 280 миллион человек. Население выросло главным образом благодаря росту благосостояния и резкому снижению смертности населения с 30 с лишним до революции примерно до 8–10 на тысячу человек населения в советский период. Тогда население страны ежегодно увеличивалось на 1–1,5 миллиона человек. Теперь смертность вновь поднялась до 16 с лишним, а население страны ежегодно сокращается примерно на миллион человек. По имеющимся прогнозам к середине века население России снизится до уровня 70–60 млн. человек, что, конечно, сделает ее менее дееспособной.

Если народ России вымирает, а нас со всех сторон окружает НАТО, чтобы в подходящий момент прихлопнуть нас своей гигантской ладонью, то на что нам все псевдодемократические перемены, проведенные ценой фактического отказа от своей национальной независимости и вымирания нашего населения?

Еще одним большим плодом русской революции было ее международное значение. Вопрос о том, был ли Октябрь заговорщическим переворотом или чем-то другим, мы оставим для самостоятельного рассмотрения. Здесь мы скажем о его международном резонансе, который едва ли кто может отрицать. В глазах множества угнетенных народов в различных частях мира Советский Союз был образцом того, чего они могут достичь, встав на указанный им путь развития.

Против капитализма до и после Октября 1917 года было много выступлений в различных частях мира. Но нигде они не приняли такой масштабный характер, как у нас, поскольку нигде язвы капитализма не вызвали такую острую боль и реакцию. Это сделало Россию эпицентром мирового развития, где решался исход основной болезни капитализма – противоречия труда и капитала. Только у русских рабочих, крестьян и интеллигенции хватило воли и решимости, физических и интеллектуальных сил найти способ решения этого противоречия – не только свергнуть капитализм, но и предложить вместо него ***историческую альтернативу путем создания противоположной ему социально-экономической системы***, какой вначале был Советский Союз, а затем весь мировой социализм.

Если мы были глупее других, то почему они следовали нашему примеру?

Конечно, созданный нами строй был глубоко противоречивым. Провозглашенные права и свободы не были обеспечены. Народовластие первых лет вскоре переродилось в тоталитарное господство бюрократии, приведшее к тяжким преступлениям и преследованиям всякого инакомыслия. В результате имели место не оправданные массовые репрессии в отношении ни в чем не повинных людей. Сковывание творческой инициативы людей ограничило возможности роста экономики, и нам не удалось поднять народное благосостояние до уровня развитых стран. Созданная Октябрем система страдала многими другими пороками, приведшими к ее краху.

Кстати сказать, крах коммунизма наступил по тем же законам и правилам, что и царизма. Правившая в нем бюрократия переродилась в антинародную силу, озабоченную собственными интересами. О благе народа только говорилось, подлинной заботой бюрократии было обеспечение безопасности со стороны внешнего врага, а тем временем ее могильщиком стало недовольное своим положением население собственной страны.

Но вытекает ли отсюда, что капитализм беспорочен и альтернативы у него быть не может? Если так, то мы должны смириться со своим нынешним положением и плестись в периферийном обозе стран золотого миллиарда в роли источника энергии для него. Если не так, и каждый народ имеет право искать путь к благополучию в соответствии со своей спецификой, то стремление СССР к выбору собственной модели развития, при всех ее недостатках, надо признать законным правом нашего народа на выбор альтернативного капитализму пути развития.

Такую попытку представлял Октябрь 1917 г. Если этот исторический выбор был всего-навсего путчем, в результате которого мы оказались выброшенными из

магистралами мирового развития на его обочину, то, как понять многие явления, последовавшие за ним?

Если было так, что где-то в далекой России, в находящемся среди непроходимых болот и озер заснеженном городе, произошел какой-то путч, то кому какое до этого дело? Но нет, мир почему-то всполошился, и началось массовое паломничество в нашу страну. Москва стала Меккой всех мыслителей, деятелей науки, культуры, политики от Рабиндраната Тагора до Бернарда Шоу, от Теодора Драйзера до Ромэна Роллана, от Джона Кейнса до Жюлио-Кюри, от Герберта Уэллса до супруг Веббов. Отчего им не сиделось дома? Все хотели прикоснуться к святому камню советского опыта и из первых уст услышать, что этот опыт означает.

Результатом многочисленных поездок и широкого изучения опыта СССР стала развернувшаяся тогда по инициативе супругов Вебб в английской печати дискуссия на тему: «Является ли советский социализм новой формой цивилизации, идущей на смену западной?». Хотя в итоге ответ был дан отрицательный, но факт говорит не только об интересе к делу Октября, но и надеждах, которые он породил. Джону Кейнсу стоило немалых усилий доказать, что Меккой западной цивилизации все-таки является не Москва, а Вашингтон. Тем не менее, лучшие студенты Кембриджа и других университетов, потомки старых аристократических фамилий вплоть до троюродного брата короля добровольно пошли на службу советской системе и в течение десятков лет снабжали ее разведку ценнейшей информацией.

Служить Советской стране тогда очень многие считали требованием времени. Разве не стоит задуматься над тем, почему было так? В фашистской Германии образовалась и долгое время с большим риском для жизни успешно действовала созданная из добровольцев и служившая Советскому Союзу большая разведгруппа с численностью до 300 человек, названная гестапо «Красной капеллой» за то, что она в одно и то же время включала свои передаточные аппараты и передавала информацию в Москву. Мало кто из них остался жив. Почему они пошли служить не демократическим Соединенным Штатам, а тоталитарному Советскому Союзу?

Потому что Советский Союз был не тем, чем его изображают теперь услужливые адвокаты капитала. Для миллионов людей во всех частях мира он был светом в окне, надеждой на то, что поднятое им знамя альтернативы капитализму не только указывает путь к избавлению от власти капитала, но и объединяет силы противостояния наступлению фашизма, который уже тогда принимался как угроза мировой цивилизации. Это теперь делаются попытки тянуть фашизм на то, чтобы отождествлять его с коммунизмом, а в то время все видели и знали, кто, как и почему взрастил фашизм, и его оценивали как наиболее яркое проявление мерзостей капитализма. Когда началась окончательная схватка, то надежды на Советский Союз полностью оправдались. Он явился главной силой, нанесшей смертельный удар по фашизму, и сыграл решающую роль в освобождении народов Европы от этой чумы XX века. Но и нам не следует забывать то, что в разных странах очень многие оказали нам бесценные услуги, за что мы вечно должны быть им благодарны.

Альтернативность рожденного Октябрем социализма импонировала очень многим в мире, в особенности тем, кто после второй мировой войны позаимствовал нашу модель развития. Как говорилось выше, эта модель была причудливым сочетанием достоинств и пороков и содержала в себе семена своего краха. Тем не менее, треть человечества, по крайней мере, часть своего пути прошла по проложенной нами магистрали, а Китай и Вьетнам идут по нему и дальше, показывая миру чудо экономического роста. Октябрь положил начало международному рабочему и коммунистическому движению, охватившему все страны и континенты. Никогда ранее на мировой арене не выступала столь влиятельная политическая сила, какой было это рожденное Октябрем движение. Под решающим воздействием социализма развалилась колониальная система империализма, и это изменило лицо всего мира.

Если же всего этого не было, и в течение XX века наш народ находился под властью сумасбродных идей, уродливых бунтарей и путчиков, шпионов всех стран, какими рисуют Ленина и Троцкого и им подобных, то не остается ничего другого, как отказаться от такой истории. Но тогда надо перечеркнуть и бесценные услуги, которые в рамках советской системы мы оказали множеству стран, народов и людей, равно как и от той любви и благодарности, которую испытывают они по отношению к нам за то, что мы для них значили. Но тогда возникает вопрос: были мы или нас не было вовсе?

Если, идя своим путем, мы только бездумно разворошили мировой муравейник народов, совратили одних и держали в страхе других, то мы действительно неразумный народ, и нас надо всячески опасаться. Чего тогда медлить? Надо отдавать, как от нас требуют, наши ресурсы в распоряжение «надежных» народов. Так будет лучше не только для них, но, якобы, для нас самих.

К счастью, это не так. Русская революция показала не слабоумие русского народа, а необыкновенную силу и величие его духа, первым в мире предложившего альтернативный капитализму путь развития. По этому пути он смог подняться до вершин культуры и социального прогресса, а свою страну сделать несокрушимой державой, какой был Советский Союз. А теперь, потеряв собственный путь, мы стали вымирающей нацией...

Что касается предложенной русским народом альтернативы капитализму, то еще не вечер, и спешить с выводами не следует. История не кончается, пока есть люди. Идя по пути нашего выбора, Китай и Вьетнам показывают с другими странами не сравнимые темпы экономического роста. Свою альтернативу капитализму ищут страны Латинской Америки. Не за горами время, когда Китай станет второй сверхдержавой мира, и он заговорит другим языком. Тогда мир сильно изменится, и предложенная нами альтернатива капитализму приобретет другую ценность, в том числе в наших собственных глазах.

У нас не больше оснований стыдиться своего прошлого, чем у других. Ничья история не является бесспорной. Жестокости британских колониальных войн и американская работорговля и рабовладение едва ли были лучше нашего Гулага. Это, однако, не исключило достижений этих стран. То же самое у нас. Путем Октября мы

вытащили свою страну из отсталости к прогрессу и превратили ее в научно-техническую, экономическую, военную и энергетическую державу. По пути Октября мы обеспечили **всем** гражданам невиданные до того социальные гарантии.

Октябрь был нашей судьбой, и мы не можем отказаться от него как от части своей истории. Жестокостей хватало всегда и везде. Головы королям сносили и в Англии, и Франции. Религию преследовали и там. Впоследствии все это было осуждено, но без шараханья в другую крайность. Даты революции не были отменены, а оплевывать свое прошлое нигде не стало нормой. Мы тоже не должны этого позволять и никогда не забывать, что принадлежим к этой истории, к этой стране и народу, какими бы они ни были, и других у нас не было, нет, и не будет.

Ленин и российская революция. Можно ли выбросить „ленинский нарратив”?¹

*Краус Т.,
доктор истории,
Будапештский университет
(Венгрия)*

Историки постмодерна успешно „деконструировали” историю российской революции и в том числе интеллектуальное наследие Ленина. Ныне задача состоит в замене этой „деконструкции” „реконструкцией”, что как в сфере методологии, так и в сфере „исследовательской техники” должно начинаться с восстановления принципа историчности.

В „официальном”, mainstream историческом дискурсе наших дней наследие Ленина и Октября по существу, в конечном итоге относится к нарративу „терроризма и

---

¹ Данная статья является отредактированным вариантом моего доклада, сделанного 24 сентября на конференции историков, посвященной 90-й годовщине российской революции.

диктатуры".¹ В научном обороте имеется много разных интерпретаций, от бердяевской до концепций современных западных и российских авторов. Однако в наши дни представители двух важнейших направлений, националистического и либерального, уже единодушны по отношению к указанному выше решающему вопросу, все они не выходят за рамки *„террористического нарратива“*.² В наши дни, как и в советские времена, большая группа историков с помощью тошнотворных идеологий создает в сфере революционной тематики новый апофеоз, только на этот раз вокруг жертв революции, от царской семьи до российской буржуазии, более того, в некоторых работах прославляются даже белогвардейцы. В то же время параллельно с этим явлением началось и историографическое отрезвление.

Задача данного реферата в том, чтобы конспективно показать локальную и всемирно-историческую укорененность российской революции в свете историографических концепций и „ленинского нарратива“, по возможности обходя в то же время накопившиеся в течение многих десятилетий наносные явления и обобщения легитимационного характера, которые сложились еще при жизни Владимира Ильича в ходе борьбы за его наследство.³

Два основных тезиса „ленинского нарратива“

Историческая литература почти девяти десятилетий катит перед собой проблему „ленинского нарратива“ и, как говорят венгры, не может ее „ни выплюнуть, ни проглотить“. В рамках поставленного нами вопроса этот нарратив может быть обобщен практически в нескольких предложениях, если мы понимаем или хотим понять взаимосвязь ленинских мыслей. С конца XIX века исходной точкой для Ленина

---

¹ Монументальной попыткой такой интеллектуальной „деструкции“ стала трехтомная книга R. Service-а, первый том которой, был написан в 80-е годы еще в сознании „величия“ Ленина, а два последних тома в 90-е годы рассказывают о по существу „несвязности“ ленинского мышления и „сводятся“ к апологии нарратива террора и диктатуры. (См. прежде всего. Robert Service: Lenin: a Political life. Vol. III. Macmillan Press LTD, London, 1995.). Поскольку биография Ленина и история российской революции неразрывно связаны друг с другом, ленинская тематика, естественно, включает в себя тематику революции и, наоборот, тематика революции включает в себя „соответствующий“ образ Ленина.

² Этот историографический сегмент, начиная с работ Волкогонова в начале 90-х годов, настолько обширен, что даже не стоит углубляться в его подробное описание.

³ По вопросу о научной реконструкции дискуссий вокруг ленинского наследия см.: Krausz T.-Mesterházi M.: *Mű és történelem. Viték Lukács György műveiről a húszas években.* Gondolat, 1985. особенно IV главу *О ленинском наследии*, зю 101-129. Между прочим, понятно, что „обязательные“ ныне сомнения в связи с марксизмом Ленина имеются даже в марксистских кругах, поскольку как раз после падения СССР стало ясно видно, что конкретно-исторический марксизм, который даже в радикально редуцированной форме больше не служит задаче государственной легитимации, всеми силами, в теоретическом, политическом и методологическом отношении, сопротивляется либеральным и националистическим, религиозным и спекулятивным „дополнениям“.

был анализ развития капитализма, прежде всего аграрных отношений в России. В качестве конечного вывода из этого анализа Ленин сформулировал важнейшую специфику¹ развития России: решающим моментом было то, что при господстве все более явно „доминировавшей“ капиталистической формы наблюдалось «нагромождение» различных социальных форм, находившихся в принципиальном и структурном конфликте друг с другом. В России сложилась такая многоукладная, пользуясь современным термином, полупериферийная форма капитализма, которая является своего рода *переходом* между капитализмом европейско-американского центра és „досовременным“ колониальным миром. В этом смысле она одновременно и зависит от *центра*, и в то же время и сама является особым колониалистом по смыслу понятия «*внутренней колонизации*». В соответствии с этим „полупериферийная“ интеграция, вхождение России в мировую экономику происходит при сохранении островков докапиталистических форм, что усиливает подчинение России интересам западного капитала. Иначе говоря, капиталистическая форма повсеместно превратила докапиталистические формы в свои собственные функции почти так же, как социалистическое рабочее движение „интегрировало“ в 1917 году „досовременные“ крестьянские движения; политические и идеологические предпосылки этого можно обнаружить в работах Ленина.

Другое важнейшее прозрение „ленинского нарратива“ связано с началом и опытом I мировой войны. Ленин построил теорию *иерархичного строения мировой капиталистической системы*; обнаружил так называемый закон *неравномерного развития* капитализма в эпоху монополистического капитализма. Из совокупности этих положений проистекал основной и общеизвестный политический вывод Ленина о России как „слабом звене империалистической системы“. Ленин считал, что „неудачники“, пострадавшие от международной капиталистической конкуренции и накопления капитала, прежде всего те слои рабочего класса стран центра, которые находились ниже „рабочей аристократии“, а также пролетариат полупериферии как основа антикапиталистического „пролетарского сопротивления“, вступят в союз с так называемыми „демократическими движениями за независимость“, ведущими борьбу против колониализма. Этот союз, явно противоречивый по своим целям и средствам, должен был под знаменем *национального развития* включиться в антисистемную борьбу, ведущуюся в „центре“ и на „полупериферии“ (прежде всего в России). Хотя Ленин, повторяю, и сознавал, что антиколониалистские и национальные движения могут быть крайне многообразны с исторической, социальной и классовой точки зрения, но он искал возможности глобального сопротивления власти капитала, глобализовавшегося под знаменем *империализма*. Этот тезис оправдался в истории *российской революции и только в ней*.

---

¹ Как известно, началом этого анализа стала работа *Развитие капитализма в России*, а его завешением – *Империализм как высшая стадия капитализма* (1915-16).

Таким образом, порвав с *евроцентристским миропониманием*, характерным для „официального” социал-демократического и вообще западного mainstream-а, Ленин осознал политические следствия, вытекавшие из неравномерного развития. Прежде всего он пересмотрел первоначальное представление Маркса о мировой революции, сделав вывод о существовании исторически конкретной возможности революции в России. В то же время среди важнейших открытий Ленина нужно искать и его крупнейшую „ошибку”, без понимания которой также нельзя понять природу российской революции. Его крупнейшая ошибка состояла в том, что он не разглядел воздействия на революционное движение в *странах центра* тех своеобразных политических и социологических, психологических и организационных последствий, которые вытекали именно из открытой и описанной им *неравномерности развития* глобального капитализма. С другой стороны, с этой же позиции он преувеличил антикапиталистический потенциал антиколониалистских движений.

Природа революции и догоняющее развитие

В данном тезисе речь идет о том, что переплетение *досовременного консерватизма* и вполне „современной” революции является именно доказательством *органичности* российской истории и российской революции. Что же имеется в виду?

Как было указано выше, своеобразные черты российского исторического развития отразились в истории российского революционного рабочего и крестьянского движения и в истории самой российской революции. Очевидным и уже сто лет назад осознанным проявлением этого своеобразия была политическая инертность российской буржуазии, ее лакейство перед монархией, а также *крестьянский и пролетарский характер* уже так называемой буржуазной революции 1905 года. Все это еще более однозначно проявилось в октябре 1917 года, в ходе революции, считавшей себя социалистической (коллективистской!).

На основе упомянутых выше теоретических выводов ленинский нарратив подготовил встречу трех достаточно отличающихся друг от друга революционно-бунтарских элементов. Из сосуществования самых современных и самых архаичных отношений вырос, прежде всего в Москве и Петербурге, современный промышленный пролетариат. В то же время и в этом пролетариате, в его происхождении, условиях жизни и мышлении сохранились традиции коллективистского, общинного прошлого, что выразилось и в развитии спонтанно возникших советов.¹ Вторым социальным слоем „революционного лагеря” было принадлежавшее прошлому, консервативное, но в настоящем требовавшее и отбিরавшее землю общинное крестьянство, коллективистское и антикапиталистическое по своим приоритетам и привычкам.

---

¹ Интересные наблюдения об этом сделал с точки зрения *революции* Д. Чураков: A munkásönkormányzatok közösségi aspektusai az 1917-es orosz forradalomban. In: 1917 és ami utána következett. Bp., Magyar Ruzsisztikai Intézet 1998. (Szerk.: Krausz T.) p. 53-67.

Цементирующей силой городской „авангардистской” и крестьянской консервативной революционности стал третий важнейший „слой” революции, в основном крестьянская по своему происхождению, но „повидавшая свет”, как мы сказали бы ныне, „глобализованная”, многомиллионная вооруженная солдатская масса, интересы которой с наибольшей силой и эффективностью сформулировали и представляли тот же Ленин и те же большевики, когда намеревались без всяких условий выйти из войны.¹ В этом крестьянском смысле революция была своего рода возвращением к коллективистской традиции, не случайно, что революцию смогли принять представители самых различных направлений От Исаака Бабеля вплоть до Сергея Есенина. Отнюдь не историческая случайность, контрреволюция также имела многослойный социально-политический фундамент, и белые и красные вели борьбу за привлечение на свою сторону „переменчивой” крестьянской базы.

Ленин и на теоретическом уровне полностью понимал эти противоречия, и это выразилось в том, что, изучая характер революции, он часто подчеркивал, что в России речь идет не о „чисто” пролетарской революции, поскольку пролетариат в стране составляет всего лишь меньшинство населения, и нередко прямо говорил о рабоче-крестьянской революции, в которой крестьяне-собственники принадлежали к *категории мелкой буржуазии*. В то же время, учитывая эти противоречия, он и сам не мог представить себе, что будучи предоставленной собственной судьбе, российская революция сохранит свои *первоначальные социалистические* цели. Такой характер революции быстро изменил цели, сформулированные в *Государстве и революции*, апрельских тезисах и позднейших ленинских работах 1917 года. В рамках нашего третьего тезиса мы рассмотрим содержание этого поворота.

---

¹ В исторической литературе давно уже считается очевидным, что резко антикапиталистический менталитет значительных масс крестьянской популяции выявился со всей ясностью только в ходе революции, хотя с самой этой проблемой российские социал-демократы, как меньшевики, так и большевики боролись на протяжении около полутора десятилетий, первые хотели связать свою судьбу с буржуазией, а вторые с бедными, требовавшими земли слоями крестьянства. Находившееся под влиянием своей романтической, „консервативно-феодальной культуры” российское крестьянство уже в 1905 г., а потом летом-осенью 1917 г. в ходе антикапиталистических и антифеодальных бунтов, сопровождавшихся поджогом помещичьих усадеб и насильственной экспроприацией земель („пугачевщина”), добивались у бывшего господствующего класса, а позже у новой демократической государственной власти удовлетворения своих давних требований. Наконец, советы дали ему землю, но взамен в сталинские времена включили его в „комбайновое” современное общество, то есть „консервативный антикапитализм” крестьянства способствовал большевистской революции, однако революция, ограничив собственнический аппетит крестьян, породила такое крестьянское сопротивление, с которым государственная власть, по старой привычке, смогла справиться только путем насилия. Об этом противоречии см.: Vlagymir Buharejev: 1917 – Az „obscsina-forradalom” piruszi gyözelme. (1917 – Pirrova pobjeda „obscsinnoj revoljucii”). In: 1917 – és ami utána következett. Op. cit., p. 37-52.

Огосударствление революции и „модернизационное догоняющее развитие”

Отражая указанные выше противоречия, в исторической науке последних двух десятилетий определяющим стал вопрос, была ли российская, конкретнее октябрьская революция *антимодернизационной* революцией (больше того, путчем!), которая задержала развитие России и отбросила ее назад? (В этом вопросе понятие *развития* означает или (в националистическом нарративе) то, что в послереволюционной России (и сегодня!) необходим континуитет с „эволюцией России до первой мировой войны”, или (в либеральном нарративе) то, что эталоном для „копирования” являются западные страны центра).¹

В противовес этому другие авторы прямо утверждают, что российская революция как раз и была *догоняющей, модернизующей буржуазной революцией*, которая в конечном итоге выполняла в Советском Союзе функцию либерализма XIX века. Из этой интерпретирующей революцию дихотомии модернизации-антимодернизации, выпадает реальная *история* революции, неотъемлемой частью которой был, конечно, и ленинский нарратив.

Иначе говоря, вопрос не в том, была ли социалистическая революция социалистической или нет, а в том, способствовала она или препятствовала так называемой модернизации России, то есть ее сближению с западной капиталистической цивилизацией. Новое легитимационное объяснение, поставленное на место прежней *государственно-социалистической* легитимации (марксизма-ленинизма), исходит уже из того, российская революция и, вообще, российская история могли развиваться в рамках структурных форм идеального буржуазного общества (и имплицитно предполагается, что ныне именно это было бы желательно и возможно для России). В этом пункте данный спор почти совпадает с проходившей столетие назад дискуссией между меньшевиками и большевиками. Тогда меньшевики (а отчасти и либералы) предполагали, что капитализм в России идет по западному пути, то есть по пути капитализма стран центра. (Иронически можно сказать, что Столыпин представляется либеральным диктатором, похожим, скажем на Пиночета!). Большевики, напротив, считали, особая траектория и своеобразие развития России, а также законы изменения мировой системы капитализма приведут к интеграции капиталистической России в качестве составной части *полупериферии*. Как будто и не прошло ста лет. „Ленинский нарратив”, который около 20-и лет назад был выброшен в дверь, возвратился через окно.

Решение этой проблемы скрыто в самой истории революции. Необходимо ясно понимать, что все предварительные замыслы, планы и концепции Ленина и большевиков остались на бумаге, поскольку европейская революция, несмотря на все

---

¹ Мы имеем дело с поздним, „оглуленным” вариантом противоречий между славянофилами и западниками без всякой связной общественной критики, его целью является простое служение интересам определенным властным группировкам в интересах сохранения существующего режима.

революционные вспышки, осталась на уровне концепции. На российской почве нужно было осуществить такие прозаические задачи, как раздел земли, выход из войны, борьба с голодом и т. д. Государство не только не отмерло, но день ото дня становилось все сильнее, больше того, произошло *огосударствление революции*, что было осознано и самим Лениным. Если революция подверглась *огосударствлению* на определенных стадиях своего развития, начиная с периода военного коммунизма, затем – половинчато – в период НЭП-а, а тотально в сталинский период, то надо поставить и вопрос, „что в революции было *огосударствлено*“?

По военным и экономическим соображениям вынужденно, временно и поначалу частично были взяты под государственный контроль типично народные организации, возникшие в процессе революции в противовес государству и капиталу (заводские и фабричные комитеты, советы, профсоюзы, комунны, кооперативы и другие общественные самооборонные организации). Их *огосударствление* стало полным в сталинское время. Если *органичность* истории состоит не в коллективизме крестьянского прошлого, не требование обобществления государства и собственности, а, напротив, носителем органичности в российской истории и революции является государственно-бюрократическое бытие, то реализацией органического развития будет именно ликвидация-огосударствление этих революционных организаций.¹ Таким образом, концепция истории революции, основанная на понятии *модернизации*, неизбежно будет оставаться концепцией мистификации государства, апологии *огосударствления*, из критики которого она собственно исходила. С другой стороны, модернизационный подход к „органическому“ развитию является апологией *догоняющей индустриализации*, развития с целью догнать Запад. Однако стоящие на этой точке зрения историки забывают даже и то, – видимо, последовательны только быки – что это *догоняющее развитие* не могло быть осуществлено с помощью буржуазных средств и форм, а было осуществимо только с помощью сталинистского арсенала средств. Таким образом *догоняющее развитие* – это есть сам советско-российский *модерн*, который, однако, не тождественен сущности революции, культуре масс и декларированным целям революции.

С этой точки зрения „антимодернизационные (понимай – антикапиталистические) структуры“ были двойную направленность: они были представлены спонтанно сложившимися массовыми организациями, которые двигались по траектории, радикально отклоняющейся от современного капиталистического развития в сторону социализма, то есть по траектории самоуправления; с другой стороны, в противовес городскому авангардистскому развитию или наряду с ним, существовала и упомянутая выше, имевшая глубокие

---

¹ Только для очень наивных людей хочу подчеркнуть, что и *белая альтернатива* большевистскому *огосударствлению* опиралась не на собственническую структуру демократического капитализма, а на идею всеислия российского государства и миф о „единой и неделимой России“.

корни тенденция сельско-консервативного развития. Конечно, задним числом, после того, как государство, как кажется, подавило эти структуры, все это представляется "утопическими" тенденциями в свете „антикапитализма“ НЭП-а (Ленин) и государственного социализма сталинского поворота, а тем более в свете сегодняшнего рекапитализирующего развития России.

Все революционеры, а большевики в особенности, некоторое время колебались между *народным самоуправлением*, с одной стороны, и ориентирующимся на развитие техницизмом *догоняющего развития* как экономической стратегии, фордизмом, с другой. При Ленине в образе НЭП-а еще существовало определенное равновесие между, образно говоря, народным самоуправлением и бюрократическим техницизмом, в конце 20-х годов это равновесие было положено историей *ad acta*. В конечном итоге именно тогда государство и победило революцию.

Конечно, разрушение и быстрая этатизация стихийно сложившихся революционных организаций и традиционных российских коллективистских структур произошли не по желанию той или иной партии, а по принудительному воздействию местных и всемирно-исторических условий. Именно этому вопросу посвящен наш последний, четвертый тезис.

Практика революции против ее теории

Российская революция оказалось под *ограничительным воздействием всемирно-исторических условий*, в результате чего Ленин пришел к выводу, что историческим призванием „полупериферийной“ российской революции ни в коем случае не может быть „введение“ или какое-либо непосредственное осуществление социализма. Он обрисовал возможность создания в России *культурно-цивилизационных и экономическо-психологических предпосылок социализма*, пока всемирно-историческое развитие не вырвет российскую историю из оков „тысячелетних“ привычек и не интегрирует Россию в новую европейскую, *социалистическую* цивилизацию.

Основная проблема революции с самого начала концентрировалась вокруг отношений между *государством и обществом*. Как мы уже указывали, ленинская концепция „альтернативного общественного мнения“, „альтернативной власти“ (социал-демократическая пресса и дискуссионные клубы, кружки самообразования, пролетарская партия и т. д.), его концепция *сети самостоятельных общественных организаций* (советы, профсоюзы и другие общественные структуры защиты интересов) были быстро подавлены однопартийной системой, возникновению которой способствовал и он сам. В принципе основной целью революции должна была стать очистка пути для социального режима, целиком основанного на самоорганизации, при котором должна была возникнуть построенная снизу вверх система самоуправления, в которой уже не может утвердиться система бюрократических институтов, отделенная

от общества.¹ Насколько история оправдала ленинский марксизм относительно российской революции, настолько не оправдала его первоначальные представления и надежды, связанные с *послереволюционным развитием*. До 1917 года одним из кардинальных пунктов политической концепции Ленина была проблематика демократии, в связи с которой намечались переходные периоды на пути к революции, превращение буржуазной демократии в плебейскую, а потом в *рабочую демократию* („полугосударство“), что составило бы органическую часть преобразования структур власти в рамках общей смены социально-экономической системы.

Рабочая демократия (которая в принципе и на практике является диктатурой по отношению к защитникам старого режима, то есть „диктатурой пролетариата“) очень быстро – за отсутствием социальных подъемных сил – превратилась в „партийную диктатуру“ (Ленин). Теоретические и политические аспекты преодоления „партийной диктатуры“ поблекли, а потом утонули в смутном море нужд самосохранения власти. Ленин отчасти и сам подготовил *догоняющее развитие*, когда заметил, что „Петр Великий вымел варварские отношения варварскими средствами“.) В то же время прежняя теория и практика общественной самозащиты не просто поблекли, но позже были окончательно сметены сталинским поворотом, что, по всей видимости, способствовало и позднему провалу государственного социализма, из советского развития были вытравлены последние элементы революционного потенциала.

Важнейшим прозрением Ленина в *послереволюционный период* состояло именно в том, что в России, „поскольку мы неграмотны“ необходимо одновременно усвоить важнейшие достижения западной техники и культуры и создать смешанную экономику, в которой шла бы конкуренция между различными секторами, но при этом советское государство призвано поддерживать общественный, коллективный, кооперативный секторы. „Модернизация“ должна была оплодотворить государственный и общественно-коллективный секторы, но вместо этого они стали жертвами „модернизации“. Объективные исторические предпосылки породили в наследии Ленина непримиримое противоречие между практической „философией сохранения власти“, с одной стороны, и теорией коммунизма, с другой.

Рассмотренная здесь конкретная историческая форма революционного выбора из-за исторических обстоятельств потерпела неудачу с точки зрения конечной цели, социального равенства, то есть ликвидации общественных классов и обеспечения свободы, но устойчивая „методология“ *коллективистского* преобразования мира пережила провал практического эксперимента.

---

¹ Общеизвестно, что в наиболее чистом виде эта концепция является нам в *Государстве и революции*. В своих теоретических построениях Ленин мобилизовал почти забытые взгляды Маркса: социализм рассматривается как результат долгого исторического развития, как первая стадия коммунизма, возможное явление всемирной истории, как „коллектив объединенных производителей“, всеобщая свобода цивилизованного человечества.

Конечный вывод состоит в том, что, прежде чем выбросить на свалку „ленинский нарратив“ об истории революции, следовало бы по крайней мере суметь его опровергнуть. *Hic Rodus hic salta*.

Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к ее осмыслению

*Могильницкий Б. Г.,
д.и.н., ТГУ*

Чем значительней историческое событие, тем дольше и извилистее путь к его общепризнанной оценке в науке и обществе. Стала хрестоматийной приписываемая Чжоу Энь-Лаю сентенция о невозможности определить историческое значение Великой Французской революции, так как прошло всего 200 лет с ее начала. А нашей революции исполнилось всего 90 лет. Типологически близкая к ней по своим масштабам, характеру, яростным вспышкам кровавого насилия, утопическим проектам всеобщего счастья и благоденствия и горьким разочарованиям в них и вместе с тем - по своему всемирно-историческому значению, Русская революция, как и ее предшественница, обречена на разномыслие в подходах к ее осмыслению.

Даже во Франции, где за два с лишним века казалось бы должны утихнуть страсти, ее великая революция продолжает оставаться в эпицентре жарких научных и общественных дебатов, обострившихся как раз в связи с празднованием ее 200-летия. В его преддверии во французской историографии сложилось так называемое ревизионистское направление, инициированное Ф. Фурье. Критики революции обвиняют ее в разрушении экономики, массовом терроре и создании в стране тоталитарного режима, в геноциде против собственного народа, ставшего образцом для всех будущих геноцидов, в особенности сталинского и гитлеровского. Как констатирует видный представитель противостоящего ревизионистскому «якобинского» направления М. Аюлон, «поношение французской революции по всякому поводу и без всякого повода становится интеллектуальной модой и

проявляются в наиболее распространенной ежедневной прессе», а также на телевидении¹.

Что же тогда говорить о России! Преобразивший мир Великий Октябрь. Великая Октябрьская социалистическая революция. Кровавый большевистский переворот, надолго оторвавший Россию от мировой цивилизации. Разрушивший страну военный переворот. Красная смута. Жидо-массонский заговор. «Ошибка истории». 1917 год, окончившийся 37-м... Нет числа определениям Русской революции, претендующим на однозначное выражение ее смысла и исторического значения. Столь же диаметрально противоположны такие же однозначные оценки ее деятелей, также преимущественно смахивающие на приговор.

Не умножая подобного рода оценок революции, вспомним сформулированную М. Блоком заповедь для историка не судить, а понимать прошлое и его деятелей. Обратимся к ходу его мыслей на этот счет, тем более, что они имеют непосредственное отношение к нашей теме, навевая поразительные аллюзии. М. Блок указывает на опасность использования исторической наукой оценочных суждений, так как, выступая в роли некоего судьи подземного царства, обязанного восхвалять или клеймить позором почивших героев, и легко изменяя свой приговор, подверженный всем колебаниям коллективного сознания и личных пристрастий, историк неминуемо дискредитирует свою науку. Не удивительно поэтому, продолжает он, что «история слишком часто отдавая предпочтение наградному списку перед лабораторной тетрадью, приобрела облик самой неточной из всех наук – бездоказательные обвинения мгновенно сменяются бессмысленными реабилитациями». Столь же актуален для нас и следующий за этими словами призыв: «Господа робеспьеристы, антиробеспьеристы, мы просим пощады: скажите нам, Бога ради, попросту, каким был Робеспьер?!»²

Обратим особое внимание на предостережение М. Блока относительно того, что привычка судить, когда «отблеск страстей прошлого смешивается с пристрастиями настоящего», превращая реальную человеческую жизнь в черно-белый негатив, в конечном счете отбивает привычку понимать³. Оговоримся, что блоковская заповедь не судить отнюдь не равнозначна призыву к беспристрастному повествованию о событиях и деятелях революции. Обращаясь к своему революционному прошлому, историк не может уподобляться летописцу, равнодушно внимающего добру и злу, что неизбежно ведет к несовместимому с его социальной ответственностью аморализму. Другое дело, что его оценочные суждения должны основываться на всестороннем объективном анализе революционных процессов, а не быть сродни безапелляционному судебному вердикту, носящему выраженный конъюнктурный характер.

---

¹ О дискуссиях в современной французской историографии о Великой французской революции см.: Историография нового и новейшего времени стран Европы и Америки. М., 2000. С. 271-275.

² Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. 2-е изд., дополн., М., 1986. С. 80.

³ См.: Там же.

Признаем также, что понимание такого события всемирно-исторического масштаба, каким является Русская революция, всегда будет основываться на знаниях, являющихся по своей природе относительными, вероятностными, не только вследствие поступательного процесса их накопления, но и, не в меньшей мере, в силу тех его долговременных последствий, которые сказываются на всех сторонах жизни общества, получая на разных этапах его трансформации различную трактовку. Согласимся, например, что в 1945 или 1961 гг., с одной стороны, и в конце 1980-х-1990-е гг., с другой, видение Октября в российском обществе было весьма различным. Согласимся также, что это различие не может быть отнесено только на счет конъюнктурных шараханий вчерашних «верных ленинцев». В его основе лежали радикальные перемены во внутреннем и международном положении страны, что закономерно вело к переоценке исторического значения революции и роли ее вождей. Столь же закономерно, что набирающие силу в российском обществе начала 2000-х гг. стабилизационные процессы способствуют росту его более взвешенного отношения к своему революционному прошлому, восстанавливающему утраченную в массовом сознании предшествующего десятилетия связь времён.

Отсюда следует, что в разные исторические периоды на передний план в отношении к революции выступают разные ее грани. Но это означает, что ее понимание как целостного феномена возможно лишь при системном подходе к изучению революционного процесса в длительной исторической перспективе. В этой связи представляется уместным обращение к предлагаемой Ф. Броделем оригинальной трактовке революции в русле его известной теории о разных скоростях социально-исторического времени. Вопреки общепринятому толкованию этого понятия, используемого для обозначения событий насильственных и быстрых, французский ученый замечает, что в социальных явлениях «быстрое и медленное неразделимы». Поэтому «революционные взрывы суть вулканические проявления, краткие и жестокие, этого латентного и большой продолжительности конфликта». Вследствие этого, заключает он, при изучении революционного процесса «проблемой всегда будет сблизить длительный и краткие сроки, признать их родство и их нерасторжимую зависимость (друг от друга)»¹.

С этих позиций Ф. Бродель подходит к изучению промышленной революции, которая в его интерпретации «была одновременно серией ярких событий и процессом, вполне очевидно, очень медленным. Игра шла разом в двух регистрах»². В изображении ученого, будучи революцией в общепринятом смысле, она также являлась процессом весьма длительной протяженности, незаметным, медленно нарастающим в течение многих столетий. Следуя, по собственному выражению, «вверх по течению», он добирается до «первой промышленной революции в Европе» - использованию лошадей как тягловой силы и т. п.

---

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992. С. 554.

² Там же.

Трудно переоценить методологическое значение такой трактовки революции, которая с известными коррективами может быть распространена и на революцию социальную. Использование диалектики долгого и короткого времени должно составить надежный заслон идеологизированным, да и просто поверхностно-оценочным, сиюминутным суждениям о таких судьбоносных событиях, какими в истории человечества являются великие социальные революции.

Обращаясь к Русской революции мы, разумеется так далеко «вверх по течению», как это делал Ф. Бродель, спускаться не будем. Но не будем ограничиваться и коротким, предреволюционным временем, как это нередко делается в объяснении ее причин, когда на авансцену выдвигается роль I мировой войны. До сих пор можно встретить безапелляционные утверждения, будто «война породила революцию»¹. В действительности предпосылки революции назревали на протяжении всего XIX в., выражаясь не только в прогрессирующем обострении в стране социально-экономических противоречий и политической борьбы, но и, что не менее существенно, хотя гораздо труднее поддается верификации, в духовной трансформации российского общества.

Именно на ней будет сосредоточено наше преимущественное внимание, ибо речь идет о российской ментальности, являющейся одним из ключевых факторов революционного процесса. До настоящего времени сохраняет свое значение бердяевское положение о стремлении не знающего «золотой середины» русского мышления к «пределу»². Оно было обоснованно на материале произведений русской классической литературы XIX в., сумевшей предугадать некоторые существенные черты грядущего революционного взрыва в стране.

Действительно, русская литература, начиная с А. С. Пушкина, полна предчувствиями такого взрыва. В особенности поражает лермонтовское «Предсказание» (1830), в котором шестнадцатилетний юноша почти один к одному описал то, что произошло почти столетие спустя в стране. Напомню только первую строфу этого замечательного стихотворения: «Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет, / Забудет чернь к ним прежнюю любовь, / И пища многих будет смерть и кровь».

Что стояло за этим гениальным прозрением? Какие глубочайшие пласты народной ментальности скрывались за ним? Насколько возможна их рационализация в целях системного объяснения природы латентного периода Русской революции, а следовательно и ее самой? Иными словами, речь идет о том, насколько возможно с помощью современной научной методологии исторического исследования обнаружить и объяснить происходившую в этот период трансформацию народной, прежде всего крестьянской ментальности.

---

¹ См. напр.: Уткин А. Бессмысленные задания // Литературная газета. 2007. № 21. С. 4.

² См.: Бердяев Н. А. Духи русской революции. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 64-65.

В этом отношении представляется весьма перспективной разработанная И. Ю. Николаевой технология полидисциплинарного анализа, фокусированная на изучении бессознательного. Являющаяся удачным опытом системного объяснения взаимодействия объективного и субъективного начал в историческом процессе, она позволяет обнаружить некоторые важные реперные точки латентного периода Русской революции. Тем более, что сама Ирина Юрьевна убедительно показывает эвристические возможности своей технологии, в частности, на российском материале. Сошлюсь на вызвавший оживленную дискуссию на одной из всероссийских научных конференций ее анализ полуанекдотического происшествия, случившегося в 1860-е гг. в Воронежской губернии и зафиксированного в исторической литературе. В одном из сел крестьяне общими усилиями пытались поднять на церковную колокольню новый колокол, но безрезультатно. Тогда после многочисленных неудачных попыток местный дьяк, сочтя, что колокол не поднимается из-за большого числа грешников среди прихожан, потребовал, чтобы из толпы вышли снохачи. Неожиданно в сторону отошла почти половина собравшихся, после чего колокол был успешно поднят.

Под пером И. Ю. Николаевой казус со снохачами становится предметом разностороннего исследования ментальных установок русского крестьянства, выводящего на понимание трансформации крестьянской ментальности как одного из факторов назревания в стране революционной бури. «Казалось бы, - пишет она, - глубоко укорененные в глубинных пластах сознания политические мифологемы русского крестьянства («царь-батюшка» - «самодержец») на поверку, как показала действительность революций начала XX в., оказались чрезвычайно хрупкими», ибо за ним скрывался «феномен психологической слабости авторитарной личности»¹. Так раскрывается социокультурная изоморфность установок ментальных (гендерных) и политических. Это, в свою очередь, позволяет говорить о ментальности как системе, которая структурируется модусами умонастроений разных социальных групп и страт, имеющих свою культурно-историческую специфику и алгоритмы исторической динамики.²

Изучение трансформации ментальности под этим углом зрения в режиме долгого времени открывает новые перспективы для постижения природы Русской революции. Сошлюсь на авторитет И. Д. Ковальченко. Крупнейший историк русского дореволюционного крестьянства в своей последней программной статье подчеркивал, что в российской истории «социально-психологическое, ментальное оказывало огромное воздействие на позиции и деятельность всех слоев общества, и без его учета невозможно понять и правильно объяснить явления и процессы». Обосновывая это положение на примере крестьянской ментальности, он заключал: «Короче говоря, ментальность, социально-психологическое восприятие действительности и обусловленные этими мотивами деятельность и поведение – важнейшие компоненты

---

¹ Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного. Томск., 2005. С. 255.

² См.: Там же. С. 256.

и движущая сила исторического развития, которые требуют самого пристального внимания историков. Можно даже сказать, что в настоящее время это едва ли не самая актуальная задача»¹. В особенности, добавим, при изучении таких масштабных событий, как Русская революция, где именно на этом поле возможны сейчас существенные прорывы в ее понимании.

Создается, однако, впечатление, что в отечественной историографии революции тема ментальности пока не стала приоритетной, хотя само это понятие используется весьма широко². Скажу больше – активно прокламируемый с конца 1980-х гг. цивилизационный подход по-прежнему явно недостаточно привлекается для целостного осмысления революционного процесса в России.

Одно из немногих исключений демонстрирует И. Н. Ионов, внимательно прослеживающий его ментальные основы. Подчеркивая, что «победа Октябрьской революции не была случайностью», он указывает, что «большевики опирались в своей деятельности на могучие тенденции общественного развития и не менее мощные пласты общественного сознания». По убеждению автора, большевиков «вынесла на историческую арену волна форсированной модернизации России во второй половине XIX – начале XX вв.», которая спровоцировала социокультурную инверсию. Речь идет, поясняет он, об архаической, уравнилительной, общинной реакции крестьянства, затронувшей также настроения значительной части городского населения. «Ощущение несправедливости условий жизни, – пишет Игорь Николаевич, – нарастало, как взрыв. Его еще более усилила война, когда эти настроения распространились на армию. В результате Октябрьская революция, начавшаяся как вялотекущий процесс вытеснения Временного правительства из сферы власти, легко, в течение нескольких месяцев смела весь жизненный уклад дореволюционной России»³.

Связь между I мировой войной и революцией И. Н. Ионов объясняет с помощью понятия «революция ожиданий», как характеристики всякой социальной

---

¹ Ковальченко И. Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований. Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 17.

² Это при том, что она привлекает серьезное внимание историков, изучающих 1930-е гг. Отметим, в частности, ее систематическое обсуждение на страницах ежегодника «Социальная история». И только редко встречаются интересные исследования о повседневной жизни в годы революции. Таково, например, гендерное исследование, реконструирующее восприятие символов и образов революции 1917 г. детьми – ее современниками (см.: Сальникова А. А. Немного о «красном революционном козле», или Девочки – современницы о символах и образах революции 1917 года // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. Вып. 19).

³ Ионов И. Н. Российская цивилизация, IX – конец XX века: Учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 278. По своему жанру эта книга далеко выходит за рамки обычного школьного учебника, являя собою органический сплав учебного пособия и научного исследования. Именно в своем последнем качестве она нас и интересует.

революции, порождаемой достаточно длительным ростом благосостояния людей, становящемся привычным фактором общественной жизни. Такова, пишет он, была тенденция предвоенного развития России. Начало войны в массовом сознании рассматривалось как путь к новым успехам и процветанию. Это были, подчеркивает Игорь Николаевич, «эсхатологические ожидания, вследствие чего военные поражения и продовольственные затруднения воспринимались как катастрофа. Но не желая расставаться с ними, «люди стали надеяться не на царя и армию, а на большевиков и коммунизм». Ибо ментальность большевиков была изоморфна народной ментальности: неразвитым элементам буржуазной культуры (либеральным ценностям) противостояли архаические, уравнилельные ценности культуры народной, которые воспринимались как демократические, т. е. заведомо предпочтительные. «В идеологии большевиков, лозунге «Вся власть Советам!», - заключает автор, - соединялись народные представления о сильной Власти и Воле, т. е. самоуправлении и социальной справедливости. Их воплощение в жизнь казалось достаточным условием для счастья людей и процветания страны... Тенденция все доводить до предела, нетерпимость к неизбежным противоречиям общественной жизни, эсхатологические ожидания населения способствовали массовой поддержке коммунистического проекта»¹.

Такой подход позволяет достичь взвешенное освещение революционных преобразований, свободное как от их бывшей апологетики, так и от огульного обличения политики большевиков. В стремлении к пределу и с связанной с ним нетерпимостью И. Н. Ионов усматривает истоки установления в стране авторитарного, а затем и тоталитарного режима. В то же время он подчеркивает, что «большевистская революция воплощала мечту русской разночинной интеллигенции о реализации высоко нравственного жизнеустройства, основанного на равенстве и братстве между людьми»². Наряду с этим, пишет автор, «большевизм был родственен и народной православной культуре с ее идеалом существования безгрешных людей – праведников в закрытой для зла стране». С этим было сопряжено свойственное большевикам эсхатологическое ощущение, что наступают «последние времена», а самих себя – силой осуществляющей Страшный суд над эксплуататорами. Это чувство позволяло им уничтожать, «сознавая свою моральную силу, целые социальные группы, разрушать церкви и мечети». Коммунистический цивилизационный проект, заключает И. Н. Ионов, «был откровенно утопическим. Его согласование с реальностью заняло много времени и стоило неимоверных жертв»³.

Приведенный ход рассуждений принципиально отличается от распространенных обвинений в социальной демагогии большевистского руководства, якобы использовавшего в целях захвата власти и ее укрепления традиционалистские пласты народной культуры. В действительности дело обстояло гораздо сложнее.

---

¹ Там же. С. 280.

² Там же. С. 284.

³ Там же. С. 284-285.

Большевики не манипулировали народной ментальностью, а являлись ее носителями. С этим генетически связаны крупнейшие достижения революции и ее оглушительные провалы, ее величие и ее трагизм.

Наработанный в современной литературе опыт историко-ментальных исследований не только обогащает новыми красками палитру методологических подходов к изучению Русской революции, но и предлагает более строгие ориентиры для ответа на извечный вопрос, чем же все-таки должен заниматься историк: судить или понимать. Конечно понимать, но руководствоваться при этом твердыми нравственными принципами, открывающими возможность непредвзятой оценки исполненной внутренней противоречивости Русской революции, необычайно богатой своими столь же противоречивыми последствиями, близкими и отдаленными.

Особо выделим связь революции и модернизационных процессов в стране. Об этом хорошо известном факте едва ли стоило упоминать, если бы не стойкое бытование в отечественной и зарубежной историографии односторонне-упрощенного толкования модернизации как преимущественно социально-экономического по своей природе феномена. Даже такой авторитетный исследователь, как И.Валлерстайн, полагая, что революция 1917 г. являлась прежде всего политической победой интеллигенции, писал, что она была порождена бюрократической модернизацией. Ее суть он усматривает в «программе Витте – Сталина», направленной на осуществление политики догоняющей индустриализации, стратегической целью которой являлось создание военно-индустриальной империи, в чем Сталин и преуспел¹.

Ограниченность такого подхода к модернизации заключается в том, что, акцентируя действительно важную сторону модернизационных процессов (догоняющую индустриализацию), он отказывается по существу от ее осмысления как целостной системы обновления общества. Напротив, историко-ментальный подход ориентирует на выявление всей совокупности составляющих это обновление процессов, а сама модернизация трактуется как цивилизационная категория, обозначающая исторически длительное движение от традиционалистского общества к современному, протекающее в определенной социокультурной среде, обуславливающей в каждом конкретном случае его особенности, его взлеты и срывы. Именно эти последние особенно характерны для российской модернизации, без учета чего не может быть до конца понята Русская революция.

«Начиная с раннего Нового времени и заканчивая постперестроечным периодом, - заключает И. Ю. Николаева, - процесс модернизации на российской национально-исторической почве обнаруживает некие инвариантные черты. В частности, фактически все этапы российской модернизации в той или иной степени сопровождались если не историческими срывами, откатами назад, то пробуксовкой

---

¹ См.: Валлерстайн И. Россия и капиталистический мир-экономика, 1500-2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С.33-37.

процессов реформирования»¹. Развивая это положение в другой своей работе и формулируя общетипологические черты российских процессов модернизации, Ирина Юрьевна подчеркивает, что все отмеченное выше «делало неизбежными для сопровождающих кризисные эпохи периоды архаизации сознания и поведения людей»².

В этом контексте большевистская модернизация российского общества предстает как «форма цивилизационного кризиса»³. Оговоримся при этом, что обращение к изучению модернизации в цивилизационном ракурсе отнюдь не требует весьма распространенного в новейшей историографии отказа от формационного подхода, так как в исследовательской практике оба эти подхода необходимо дополняют друг друга. Тому немало примеров и в зарубежной, и в отечественной науке. Что же касается такого грандиозного и противоречивого явления как большевистская модернизация, то она может быть адекватно осмыслена только на стыке обоих подходов. И, конечно, сама Русская революция.

Так поступает И. Н. Ионов, обращаясь в поисках ее причин, как уже отмечалось, не только к мощным пластам народного сознания, но и к «могучим тенденциям общественного развития». Освещая их, он тщательно прослеживает происходившие в российском обществе формационные сдвиги, радикально отразившиеся на его структуре. При этом автор органически увязывает их с тенденциями развития мирового капитализма, в особенности проявившимися в годы I мировой войны. Благодаря этому обогащается и становится более убедительным сам цивилизационный подход. Повторюсь, чем более значительней является историческое явление, тем настоятельнее является привлечение обоих подходов, их своеобразная «стыковка» в его изучении.

Между тем такая «стыковка» далеко не всегда присутствует в новейшей литературе о Русской революции, вследствие чего даже наиболее значимые оценки революционного процесса страдают известной односторонностью. Таков ход рассуждений именитого исследователя революции Ю. А. Полякова, рассматривающего ее как часть своеобразного российского исторического процесса. Научная плодотворность такой постановки вопроса несомненна, но подход к его решению не представляется бесспорным. По существу дело сводится к борьбе нового со старым, задушившем «революцию в своих материнских объятиях». Не говоря о том, что это скорее просто метафора, никак не обосновываемая содержанием статьи, из всей логики дальнейших рассуждений ее автора следует, что своеобразие российского исторического процесса он ограничивает сферой социально-экономических отношений, рассматриваемых в русле формационного подхода. Не

---

¹ Николаева И. Ю. Проблема методологического синтеза. С. 266.

² Николаева И. Ю. Специфика российских процессов модернизации и менталитета в формате большого времени // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 28. Томск, 2007. С. 53.

³ Ионов И. Н. Указ. соч. С. 285.

случайно Юрий Александрович далее пишет о возникшем в результате победы революции соревновании двух систем. «Капитализм, - продолжает он, - выиграл это соревнование, оказался более гибким и эффективным. Он сумел успешно использовать достижения научно-технической революции, пошел на социальные компромиссы, провел политические и социально-экономические реформы»¹. Не будем полемизировать с этим утверждением, но все же признаем, что лежащий в его основании подход не исчерпывает существа поднятой автором проблемы. Ибо осмысление особенностей исторического пути России и самой революции необходимо предполагает привлечение цивилизационных ценностей, характеризующих российскую локальную цивилизацию и обогащающих понимание революции.

Показательным примером могут служить умозаключения исследовательницы политической истории революционных событий в России В. Д. Зиминой. Их неоспоримым достоинством является обращение к современным методам цивилизационного исследования. Формулируя свою методологическую позицию, она подчеркивает, что «историк должен владеть всей суммой данных культурной антропологии и интерпретировать установки и привычки сознания, способы артикуляции и усвоения картины мира». Ибо первоочередной исследовательской проблемой является изучение «суммы ментальностей, в которые погружены различные исторические феномены, погруженные, в свою очередь, в свой специфический эфир (ментальность эпохи)»².

Так в изучение революции вводится перспективное историко-антропологическое измерение, существенно расширяющее ее исследовательское поле. В частности, оно позволяет более глубоко понять причины провала капиталистической модернизации России, завершившейся грандиозным революционным взрывом. В этом ключе В. Д. Зимина рассматривает трансформацию взаимоотношений государственной власти и различных социальных и национальных групп российского предреволюционного общества в процессе его политической модернизации, особо выделяя значение многонационального характера Российской империи. В полиэтническом обществе, пишет она, проблема модернизации «усугубляется тем, что разные этносы в силу собственных социокультурных воззрений по-разному видят содержание и технологию модернизационного процесса. Кроме того, предлагая свои «национальные» рецепты модернизации, они во главу угла ставят сохранение своей этнической идентичности, «самости», при утрате которой модернизация утрачивает смысл»³. В этом автор усматривает важнейший фактор срыва модернизационного процесса в России, поскольку его особая

---

¹ Поляков Ю. А. Октябрь 1917 года: дискуссии продолжаются // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 290.

² Зимина В. Д. Предисловие // История России. 1894-1917: Лекции и учебно-методические материалы. М., 2005. С.4.

³ Там же. С.5.

болезненность и конфликтность в полиэтнических странах чревата революционными катаклизмами.

Таким образом в число предпосылок Русской революции, требующих специального изучения, включается этно-политический фактор. Анализ политики государственной власти в свете ее неспособности эффективно осуществлять капиталистическую модернизацию в ситуации разнонаправленных, порождающих острые конфликты интересов многочисленных этносов, населявших предреволюционную Россию, может пролить дополнительный свет на проблематику революции. Да и сама модернизация предстает перед нами в гораздо более сложном и противоречивом облике, чем когда в ее интерпретации проводится прямая линия от Витте до Сталина.

Итак в исследовании занимающей нас проблематики цивилизационный подход в настоящее время представляется наиболее перспективным. Как свидетельствует историографическая практика, он обладает значительным эвристическим потенциалом, позволяющим обозначить историческое место революции в системе координат, характеризующих своеобразие исторического пути России как особой локальной цивилизации. В этом ракурсе оказывается возможным раскрыть органическое единство общего и особенного в российской истории, породившее в конечном итоге Русскую революцию во всей противоречивости составляющих ее содержание явлений. Она возвещала начало реализации грандиозного цивилизационного проекта, требующего для своей объективной оценки постоянного обогащения и совершенствования методологического инструментария исследователей в общем направлении «стыковки» цивилизационного и формационного подходов.

Пренебрежение последним или тем более его заведомое отвержение ограничивает исследовательские горизонты даже в тех сферах, где цивилизационный подход демонстрирует свою научную плодотворность. Как например, в освещении причин неудачи политической модернизации России в конце XIX – начале XX вв., обстоятельно рассмотренных В. Д. Зиминой. Однако при несомненной важности поднятой ею проблемы Русская революция может быть понята лишь в более широкой перспективе, охватывающей все грани исторической жизни страны, начиная с формировавшихся веками особенностей ее социально-экономического развития, требующих для своей реконструкции элементов формационного подхода. Иначе повисает в воздухе сама этно-политическая составляющая революции. Поэтому примечательно, что даже приверженцы строгого цивилизационного подхода в своей историографической практике в той или иной степени выходят за его рамки, обращаясь с целью объяснения трансформации российских политических институтов в канун и в начале революции к освещению социально-экономической проблематики.

Так, в частности, поступают авторы коллективного издания, методологическое кредо которого означено в цитировавшемся выше предисловии В. Д. Зиминой. В этой книге рассматриваются трансформации политической системы в стране, зигзаги внутриполитического курса правительства, становление российского

парламентаризма, деятельность политических партий и другие факторы политической модернизации, приведшие в конечном счете к ее срыву. Но, достаточно неожиданно для общей концепции издания, характеристику политической модернизации предваряет открывающая книгу содержательная лекция «Модернизация экономики», помогающая понять неудачу правительственных «полуреформ».

Констатируя, что крушение монархии поставило российскую политическую систему перед выбором – диктатура или демократия, авторы книги убедительно показывают, что торжество той или другой альтернативы обуславливалось не столько расстановкой основных политических сил, сколько исторической почвой, на которой протекала их деятельность. В «Общем выводе к разделу V» подчеркивается, что в сложившейся политической ситуации становилась неизбежной победа большевистской (социалистической) альтернативы. Поставленный в заголовке 23-й лекции этого раздела вопрос «Октябрь в Петрограде: революция или переворот» получает здесь недвусмысленный ответ. Большевики, пишут авторы, оказались единственной политической силой, способной взять власть в свои руки, так как они обладали «политической программой, учитывавшей особенности российского менталитета (общинность, соборность, отсутствие иммунитета частной собственности и правовой культуры)»¹.

Признавая, что «с этой точки зрения приход большевиков к власти был закономерен», авторы заключают, что тем самым изначально была ликвидирована возможность развития российской государственности по пути ее демократизации. Этот вывод вытекает из целевой установки книги, но отнюдь не исчерпывает сути дела. Обозначенная ими дилемма трансформации российской государственности в сторону ее демократизации или «завинчивания гаек» не может претендовать на статус основного вопроса Русской революции, решение которого определяло ее историческое значение. Масштабы изменивших мир революционных преобразований предостерегают от узко политического подхода к ее оценке, во-первых, а, во-вторых, от игнорирования присущего ей конструктивного творческого начала.

Признание его ни в коей мере не означает возвращения, хотя бы частичного, к былой идеализации революции. Она запятнала себя кровавыми насилиями, ввергла страну в кошмар братоубийственной гражданской войны. Провозглашенный большевиками цивилизационный проект обернулся ликвидацией целых социальных классов, преследованием религиозных конфессий и их служителей, насаждением единомыслия, массовыми политическими репрессиями, складыванием воевавшего с собственным народом тоталитарного режима. Но памятуя об этом, мы не вправе забывать и о присущем революции созидательном начале.

Между тем многие приверженцы цивилизационного подхода оставляют в тени или прямо отвергают его, акцентируя разрушительный характер Русской

---

¹ История России, 1894-1917. С.429.

революции, таящий в себе угрозу всей мировой цивилизации¹. В новейшей литературе эту линию продолжает В. Д. Зимина, что выражается в ее периодизации революционного процесса. «Если, - пишет она, - российскую революцию 1917 г. воспринимать как выражение имперского кризиса страны, вызванного напряжением модернизации и переходом от традиционного общества к современному, а также как насильственную ломку и реконструкцию всей политической системы и общественных отношений, то Гражданская война выступает в качестве признака перехода от одной фазы революционного разрушения к другой, более радикальной»². Гражданская война в этой периодизации получает одностороннюю психологизированную и даже биологизированную интерпретацию. Вслед за В. П. Булдаковым автор пишет о том, что революционная смута XX в. вылилась в войну, так как «социальный психоз российского общества на почве крушения целостного представления о мире и первенства исключительно физиологических потребностей, мог проявиться только в братоубийственной войне»³.

В. Д. Зимина, как и ее предшественники, приводит убедительные свидетельства разрушительного характера революции. Однако они несоизмеримы с социально преобразующими масштабами Русской революции, вдохновленными идеалами Октября. В это связи нуждается определенном уточнении справедливое в своей основе положение о генетической связи революции и открытого ею советского периода российской истории. Прислушаемся к высказанному на этот счет соображениям Ю. А. Полякова. Признавая, что «Октябрь неотделим от последующей истории», он вместе с тем полагает неправомерным отождествление его со всем тем, что последовало потом. «Многие правильные идеи и начинания Октября, - аргументировано пишет Юрий Александрович, - были в дальнейшем искажены, забыты, трансформированы, отброшены. В практику последующих лет были привнесены постулаты, никакого отношения к Октябрю не имеющие и даже противоречащие ему. Жизнь отбрасывала революционный романтизм, вносила коррективы, идущие от прагматизма»⁴.

Речь, таким образом, идет о диалектике преемственности и разрывов в истории. Являющаяся общесоциологической закономерностью, она присутствовала также в развитии революционного процесса в России, что необходимо принимать во внимание в его общей оценке. В равной мере это относится и к диалектике красного и белого террора и взаимного brutalного насилия в годы гражданской войны, а также к такому фактору его ожесточения как антибольшевистская интервенция.

---

¹ См. в особенности: Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. I-II. Новосибирск, 1997-1998; Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

² Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны. М., 2006. С.14.

³ Там же. С. 38.

⁴ Поляков Ю. А. Указ. соч. С.289.

Логика революционного процесса, включающая наряду с этим возобладание в политике прагматических установок, подчас весьма далеких от первоначальных программных целей, вела к искажению идеалов Октября, но не могла радикально перечеркнуть заключавшийся в Русской революции огромный социокультурный потенциал, который до конца раскрывается лишь в перспективе долгого времени, что позволяет именовать ее Великой революцией как в силу величия идей, под знаменем которых она вершилась, так и вследствие их долговременного, продолжающегося и поныне воздействия поистине планетарного масштаба.

Особо подчеркну присущее им гуманистическое начало, корреспондирующееся с народной духовностью и свойственным ей коллективистским духом. Как это на первый взгляд не парадоксально, оно смогло выжить, несмотря на трагические события гражданской войны и массовые репрессии. Это начало воплощалось в светлом, оптимистическом мировидении, пронизанном общечеловеческими ценностями с их воспеванием конечного торжества Добра над Злом. Можно возразить, что эти ценности были окрашены коммунистической идеологией и служили укреплению советского строя. Трудно с этим не согласиться. Их социальная заданность очевидна. Но разве когда-либо существовали абстрактные, внесоциальные ценностные системы и разве нам известны великие идеалы, выработанные в определенной системе духовных ценностей, которые бы в процессе исторической практики не искажались, порой до неузнаваемости, сохраняя при этом свое значение высшей этической нормы?

Сопоставим в этом плане с коммунистическим учением христианские ценности, к которым мы так привычно апеллируем. Разве не несут они на себе печать социальной заданности и разве по мере исторической трансформации христианства эта заданность неоднократно и весьма радикально не изменялась? Разве «божьи заповеди» в свое время не насаждались столь же яростно, с таким же свирепым нетерпением, помноженным на тотальное неприятие всякого инакомыслия, как и коммунистические идеи? Напомню о нескольких общеизвестных фактах из истории Средних веков и Раннего Нового времени, указывающих на определенную типологическую близость западного христианства и коммунизма, начиная с учения Отцов Церкви, санкционировавшего Божьей волей феодальный порядок вещей с его сословной организацией средневекового общества и кончая протестантской этикой Кальвина и других религиозных реформаторов XVI в., освящавшей первоначальное накопление капитала. А с другой стороны – крестовые походы и религиозные войны, жестокие преследования иноверцев и еретиков, пылающие костры инквизиции, не щадившей в своем рвении ни простолюдинов, ни клириков, ни великих ученых и мыслителей. Тем не менее христианство и поныне остается великой религией, формулирующей высшие нравственные ценности, имеющие вневременной характер. Какие бы подчас не устраивались на него гонения, как бы оно законодательно не запрещалось, его ценности обладают нормативным значением для современного человека, независимо от его социального статуса, идейных убеждений и т. п.

Нечто подобное относится и к провозглашенным Октябрем идеалам Русской революции, которые, подчеркнем, не являясь простой декларацией о намерениях, активно воплощались в разных сферах жизни советского общества. При всем их последующем искажении мы не можем не констатировать поразительную жизнестойкость заложенных в их основание духовно-нравственных начал, с наибольшей силой заявивших о себе в годы Великой отечественной войны советского народа. Несмотря на все преступления сталинизма Советский Союз являлся в своей основе нравственно здоровым обществом, что особенно рельефно выступает при сравнении его с современными российскими реалиями.

Ностальгия по СССР, нашедшая свое эмоциональное выражение в известной песне О. Газманова, высвечивает важную тенденцию в российской жизни, как впрочем и в жизни почти всего постперестроечного пространства, которая питается разными причинами, начиная с утраты былого геополитического положения страны. Но едва ли возможно ошибиться, указав на ее доминанту, проистекающую из жизни в расколотом обществе, где узкая каста сверхбогатых людей навязывает всему обществу свой образ жизни и поведения, свою мораль. Показательный штрих. Убеденный антикоммунист Вяч. Костиков, с тревогой отмечая нравственное неблагополучие в обществе, где согласно социологическим опросам молодые люди мечтают стать чиновниками с прицелом на «откаты», а среди выпускниц школ растет процент тех, кто готовы стать проститутками, «чтобы жить как Ксюша Собчак», в сердцах восклицает: «Где ты, Анка – пулеметчица? Где будущие Паши Ангелины и Валентины Терешковы?»¹

Совершающиеся в постперестроечной России парадигмальные социально-экономические и политические сдвиги, приводящие ее к органической интеграции в капиталистический мир-экономику, обернулись для страны тяжкими последствиями. Один только перечень их с лихвой заполнил бы всю отведенную для этой статьи площадь.

Остановлюсь на главном из них – нравственном растлении нации. Воистину бесчисленны формы, в которых оно происходит, и способы, которые при этом используются. Печальное первенство здесь принадлежит электронным СМИ, в особенности телевидению. «Порой складывается впечатление, - пишет известный правозащитник А. Приставкин, - что нашим телевидением руководит группа или идиотов, или террористов»². И дело не только в заполонивших все телевизионные сети программах шоу-бизнеса. Как точно подметил Илья Олейников, «даже новости у нас какие-то припудренные и без всякой человечности. Безразличный трагизм легко сменяется на безразличную радость. А глаза у ведущих пустые-пустые»³.

Агрессивное наступление масс-культуры по контрасту проливает дополнительный свет на природу провозглашенных Октябрем духовных ценностей.

---

¹ Костиков Вяч. Ши из олигарха // Аргументы и факты. 2007. № 27. С.8.

² Там же. 2007. № 38. С.11.

³ См.: Откуда нам черпать оптимизм? // Там же. 2007. № 27. С.3.

Поэтому в совершенно иной исторической ситуации оказывается востребованной советская символика, а особенно – проникнутые идеалами революции произведения советской литературы и искусства. Это были, конечно, классовые идеалы. Однако в лучших произведениях советской классики более или менее явственно звучала также гуманистическая нота, благодаря чему они обретаю сегодня новую жизнь. Лучшие советские фильмы, литературные произведения, песни выступают в качестве столь необходимых своеобразных антидепрессантов. В особенности знаменателен пробуждающийся интерес к ним у части молодежи. Так выстраивается цепочка: идеалы Русской революции – духовные ценности советского периода – преодоление бездуховности современного российского общества.

Не следует только предаваться иллюзиям. Указанная цепочка обозначает некоторую тенденцию, отнюдь не доминирующую на современном российском духовном ландшафте. В статистических выражениях она явно уступает тенденциям противоположного порядка. В своих многочисленных формах бездуховность разъедает российское общество угрожая самому его существованию как определенной культурно-исторической идентичности. Шокирующие цифры на этот счет приводятся на страницах «Комсомольской правды». По точным данным, полученным солидными социологами, лишь треть нынешних школьников, считают себя россиянами, гражданами России. Остальные отождествляют себя с людьми своей национальности или с теми, кто проживает рядом – на территории области, республики, края. При этом 47% в той или иной степени разделяют мнение «Россия – для русских». «Такого «развала» в сознании молодежи, - с понятной тревогой пишет автор публикации А. Милкус, - еще никогда не было за всю историю России! А от разрухи в умах недалеко и до реального развала страны»¹. Это, может быть, самый опасный признак того, что серьезно поврежден культурный код, на коем основывается национальная идентичность.

Причина тому – два взаимосвязанных фактора. Первый из них – торжество «бандитского», а затем «чиновничьего» капитализма, разрушившего традиционную систему ценностных ориентиров, табуировавшую асоциальные формы поведения. Оказалась перевернутой сама шкала ценностей, обозначавшая, «что такое хорошо и что такое плохо». На каждом шагу и на всех уровнях демонстрируется актуализм такой перевернутой шкалы, разъедающей духовное здоровье народа в эпоху первоначального накопления капитала. Отчасти этому способствует специфическая российская ментальность с ее стремлением к пределу, в особенности присущая новоявленным «хозяевам жизни».

С другой стороны, далеко не изжитая бинарная структура российской ментальности способствовала лавинообразному утверждению в посткоммунистической России западных социокультурных ценностей как

---

¹ Милкус А. Школьникам объяснят, за что надо любить Родину // Комсомольская правда. 2007. 28 декабря. С.3.

необходимого условия вхождения страны в мировую цивилизацию, отождествлявшуюся с западной. Следствием стала стремительная смена жизненных приоритетов, повлекшая за собою новый виток кризиса национальной идентичности. Не будем ввязываться в бессмысленную дискуссию, какие ценности «лучше». Но согласимся, что речь идет о цивилизационных ценностях, принадлежащих разным локальным цивилизациям и по ряду параметров просто не сопоставимых, поскольку они формировались в различных социоисторических и естественно-географических условиях. Поэтому нашествие западных ценностей расшатывало духовные основы российской цивилизации.

Вместе с тем, ревностно насаждая западные ценности, реформаторы «первого призыва» не смогли или не пожелали разглядеть за их внешней привлекательностью признаки нарастающего кризиса общества массового потребления, выражающегося в утрате своей исторической перспективы. Поскольку же западные ценности все более агрессивно навязываются всему миру, мы имеем дело с глобальной проблемой, напрямую затрагивающей основы будущего миропорядка и не поддающейся удовлетворительному решению в рамках западного культурного кода. Не случаен поэтому устойчивый интерес западных интеллектуалов к ценностям иного порядка.

В их числе наряду с богатейшим культурным наследием народов Востока заметное место занимают социалистические ценности, во многом конгениальные ценностям российской традиционной культуры. Подчеркну их неустранимость из современного мира вследствие объективных условий его существования, имманентно порождающих колоссальное социальное расслоение и, собственно, широкие протестные настроения, питающие многочисленные варианты социалистической идеологии.

Один из них получил наиболее фундаментальное обоснование в социально-исторической теории К. Маркса, с которой связаны идеология и практика Русской революции. Поэтому закономерна ее демонизация в посткоммунистической России. Знаменем времени стала имевшая шумный успех книга Вс. Вильчека «Прощание с Марксом», возвестившая об изначальной научной несостоятельности основных положений марксизма¹. Однако похороны его оказались явно преждевременными благодаря возрастающей востребованности в современных реалиях обоснованных в учении К. Маркса социальных идеалов. Сошлюсь на фундаментальное международное издание, посвященное обзору крупнейших социальных теорий современности. Отнеся к таковым марксизм, его редакторы признают, что он «все еще представляет важную генеральную теорию общества, которая соединяет экономику, политику и социологию с моральным анализом общества». А «поскольку, - заключают они, - становится ясным, что рынок не является решением всех проблем

---

¹ См. Вильчек Вс. Прощание с Марксом (Алгоритмы истории). М., 1993.

XXI в., можно быть глубоко уверенным, что произойдет общее возрождение интереса к марксистской теории и ее дальнейшее развитие»¹.

Но именно Русская революция впервые перевела марксизм из сферы теоретической мысли в область социальной практики, раскрыв его потенциал как теории социального действия, способной преобразовать мир. Поэтому представляется перспективным изучение ее исторического опыта под углом зрения конвергенции двух систем. Ибо пренебрежение этим опытом обрекает на неминуемый провал любые попытки подобного рода, с какими бы благовидными целями они не предпринимались.

Поучителен в этом отношении опыт перестройки. Формулируя ее цели, М. С. Горбачев в одном из недавних интервью утверждал: «Наша программа была синтезом всего лучшего, что было в социализме и капитализме»². В действительности же все сводилось к последовательному отказу от социалистических ценностей в пользу либеральных (западных), которые тот же Горбачев провозглашал общечеловеческими. Проблема российско-советской духовности в этой программе вообще не рассматривалась. Ее подлинные ориентиры убедительно раскрывает один из ближайших сотрудников «Отца перестройки» и поныне сохраняющий ему верность, К. Н. Брутенц³. Чем все это закончилось, еще свежо в нашей памяти. Была дискредитирована сама идея конвергенции. В исполнении Горбачева и его команды синтез всего лучшего из обеих систем превратился в нечто, зеркально ему противоположное. Эта, с позволения сказать, эстафета с особым, ельцинским, размахом была продолжена реформами 1990-х гг., вызвавшими стойкое отторжение большинства населения от многих либеральных ценностей, во имя которых они проводились. Радикально не изменила положение и породившая новые противоречия в российском обществе относительная стабилизация начала 2000-х гг. Общее улучшение экономической ситуации и повышение жизненного уровня, сопровождается, как свидетельствуют данные многочисленных социологических опросов, сохранением чувства неуверенности в завтрашнем дне и непреходящей ностальгией по СССР.

Отметим в этой связи такое парадоксальное явление. В стране, необратимо вступившей на путь рыночной экономики, сохраняется в широком восприятии негативный образ капитализма, что побудило руководство Союза правых сил к созданию сети региональных комитетов в защиту...капитализма. Едва ли, однако, они преуспеют в своей цели, если их деятельность будет протекать на фоне откровений отечественных эпигонов либеральных воззрений столетней и большей давности. Таков, например, ход рассуждений лидера праволиберальной партии «Гражданская сила» М. Барщевского. Утверждая, что «демократия сегодня в России невозможна

---

¹ Profiles in Contemporary Social Theory. Edited by A. Elliot and B. S. Turner. London: Thousand Oaks; New Delhi, 2000. P. 6-7.

² См.: Московские новости. 2006. № 31.

³ Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005.

потому, что мы не привыкли мыслить индивидуально», он настаивает: «Для демократии необходима совокупность интересов индивидуалистов, которые сами принимают решение, как поступить». Я цитирую интервью Барщевского, опубликованное в еженедельнике «Аргументы и факты» под явно эпатирующим названием «Мы не обещаем бабушкам поднять пенсию». Но за ним скрывается достаточно циничный подход классического либерализма к социальному вопросу. Декларируя опору своей партии на средний класс и интеллигенцию, т. е., поясняет автор, на людей, привыкших «свой хлеб зарабатывать головой», и замечая, что в современной России невозможно поднять пенсии до европейского уровня, он, заключая интервью, от имени своей партии обещает, что «для детей и внуков этих бабушек мы создадим условия, в которых они смогут работать и зарабатывать»¹. Если, конечно, добавим от себя, они доживут до той прекрасной поры.

Едва ли это интервью заслуживало бы такого внимания, если бы декларированная в ней праволиберальная идеология не являлась зеркальной контрверзой фундаментальных принципов российской православной духовности с ее обостренным вниманием к «униженным и оскорбленным» и совестью как особой нравственной категорией, несовместимой с самим духом капитализма.

Обращает на себя внимание распространенная в русской религиозной философии однозначная оценка России как страны антибуржуазной. «Для России характерно и очень отличает ее от Запада, писал Н. А. Бердяев, - что у нас не было и не будет значительной и влиятельной буржуазной идеологии»². Эта мысль получила обстоятельное развитие в одной из его последних работ. «Действительное различие между Россией и Западом, - подчеркивалось здесь, - определяется совсем не марксистскими абстракциями...Россия никогда не была буржуазной страной в духовном смысле этого слова и есть опасность, чтобы она не стала буржуазной в коммунистическом строе. В России никогда не было выраженного буржуазного сознания. С этим антибуржуазным и антикапиталистическим характером России, не коммунистической только, но вообще России, связана миссия русского народа», осуществление которой должно вести «к единству человечества, к федерации и братству народов»³.

С иных идейных позиций антибуржуазность русского народа подчеркивал Г. П. Федотов. Одна из его излюбленных идей заключалась в исторически сформировавшейся антилиберальной подоплеке русского человека. Правда, в отличие от Н. А. Бердяева, он видит в этом недостаток «русскости», подавляющей в русском человеке личностное начало в пользу коллективистского. «Осознание значимости личности, ее собственного пути, ее призвания и прав, - пишет ученый, -

---

¹ Михаил Барщевский: «Мы не обещаем бабушкам поднять пенсии» // Аргументы и факты. 2007. № 36. С.9.

² Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX вв. // О России и русской философской культуре. М., 1990. С.62.

³ Бердяев Н. А. Третий исход // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. № 32. С.275.

развивалось на русской земле медленно и запоздало как в языческие, так и в христианские времена. В этом феномене таятся глубочайшие религиозные корни русского коллективизма»¹. Поэтому, заключает он в другой своей работе, после революции «в России не раздался ни один голос в защиту частной собственности. Конфискация всей промышленности была воспринята не одними большевиками, как акт почти нормальный, и, во всяком случае, справедливый. Социализм, который никак не укладывается в американскую голову, без труда был принят в России, а не только вколотен насильем»².

Как бы мы не относились к этим суждениям, их необходимо учитывать в изучении исторического опыта Русской революции в диалектическом единстве его позитивных и негативных уроков. В современных интерпретациях эти уроки зачастую сводятся к банальностям типа, что еще одну революцию Россия не выдержит и поэтому для ее предотвращения необходимо укрепление стабилизационных процессов в обществе и преодоление кричащих социально-экономических контрастов, разъедающих его устои. Трудно с этим спорить. Однако действительная проблема, рассматриваемая в режиме долгого времени, еще ожидает своего исследователя.

Я затрону лишь один ее аспект, имеющий важное эпистемологическое измерение, указывающее на диалектику субъективно желаемого и объективно достижимого в революционном процессе. Один из положительных уроков Октября и всего открываемого революцией советского периода состоит в том, что была обозначена теоретико-методологическая и практически-политическая необходимость строгого учета всей совокупности факторов, определяющих динамику революционного процесса. Совершая революцию, большевики опирались на предпринятый в ленинском плане перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую анализ соотношения партийно-классовых сил в стране и общую оценку положения дел в России и мире («перерастание капитализма в его высшую и последнюю стадию»).

Их победа как будто бы подтверждала точность этого анализа. Однако в среднесрочным времени очень скоро обнаружились просчеты большевистского руководства, вытекавшие из ошибочного истолкования пределов возможного в его действиях, вернее, убежденности в отсутствии таких пределов, что и обусловило крутые повороты в его внутренней и внешней политике. Их начало положило крушение надежд на близкую мировую революцию, породившее вереницу острых политических кризисов в большевистском руководстве, вынужденном под давлением объективных обстоятельств радикально изменять свой политический курс.

---

¹ Федотов Г. П. Русская религиозность. Ч. I. Христианство Киевской Руси. X-XIII вв. // Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 10. С.30.

² Федотов Г. П. Проблемы будущей России (Первая статья) // Федотов Г. П. Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры) : В 2-х тт. СПб, София. 1991. Т. 1. С. 238.

В этом ракурсе, очевидно, следует рассматривать трагизм, которым были окрашены последние годы жизни В. И. Ленина, пришедшего к острому осознанию несбыточности своих явно завышенных первоначальных ожиданий, обернувшихся для России чередой кровавых потрясений. Трансформацию от политики военного коммунизма к НЭПу в целом возможно охарактеризовать как исполненный глубокого драматизма, внутренне противоречивый курс ленинского руководства, направленный на приспособление к внутренним и международным реалиям. В его основе лежало не только тактическое перевооружение коммунистической партии, но и смена ее стратегической цели, состоявшая в выработке нового взгляда на социализм. Остается гадать, к чему такая смена могла привести страну, если бы не тяжелая болезнь и смерть вождя революции.

Иной характер носила политика И. В. Сталина. Конечно она тоже учитывала объективные реалии (по утверждению известного английского историка Русской революции Э. Кара Сталин раньше других большевистских лидеров осознал крах надежд на мировую революцию). Но вектор его политики состоял в стремлении не столько приспособиться к ним, сколько подчинить их своей воле. Признаем, что эта политика не раз демонстрировала свою эффективность, но зададимся вопросом о ее чудовищной цене и в конечном, в долгосрочной перспективе, результате, выразившемся в масштабной дискредитации революции и самой коммунистической идеи. Образно выражаясь, «вождь всех времен и народов» пытался выйти за пределы возможного, доказать, что ему подвластно невозможное. И закономерен был финал дерзкой попытки заместить Бога на земле, поправ грани между возможным и невозможным»¹.

Справедливости ради нужно, однако, признать, и здесь обозначается новая проблема, что сталинская политика питалась ожиданиями широких масс, включая известную часть интеллигенции. Более того, она была бы невозможна без этих ожиданий, удесятиривших ее возможности. «Нам нет преград ни в море, ни на суши!» Эта строка из некогда популярного «Марша энтузиастов» точно выражала господствующее мировосприятие. Но за ней таился и иной, потаенный, смысл, выражавшийся в убеждении в возможности достижения любой цели. Ибо, как пелось в другой, еще более популярной песне: «Мы все добудем, поймем и откроем: / Холодный полюс и свод голубой! / Когда страна быть прикажет героем, / У нас героем становится любой». И страна, точнее режим приказывал, умело направляя в нужное русло общественные ожидания, прежде всего, молодежный энтузиазм.

Общественные ожидания суть общесоциологический феномен, присутствующий в различные исторические эпохи. Достаточно вспомнить

---

¹ По-своему был закономерен и финал жизни вождя. Известный исследователь последних лет жизни Сталина Н. Добруха собрал обширный, преимущественно секретный материал, позволяющий с достаточной уверенностью утверждать, что он был отравлен своими соратниками. См.: Добруха Н. Как убивали Сталина // Комсомольская правда. 2007. 21 декабря. С. 8-9; Он же. Сталина отравил Берия? // Там же. 25 декабря. С. 8-9.

напряженные ожидания в Средние века тысячелетнего Царства Божьего. В разной форме они имеют место также в Новой и Новейшей истории. Чем они сильнее и чем точнее улавливаются и рефлексированы определенными политическими силами, тем значительнее совершающиеся в обществе перемены. Но тем актуальнее проблема осознания победителями пределов возможного в их преобразовательной деятельности. Русская революция демонстрирует тяжелые последствия того случая, когда исторические деятели пытаются выйти за эти пределы.

Предлагаемые в статье соображения, разумеется, не могут претендовать на непогрешимость. Они носят сугубо постановочный характер, преследуя цель расширения дискуссионного поля в изучении Русской революции. Тем более, что прошедшее 90-летие революции, вызвав новый всплеск исследовательского и общественного интереса к ней, не приблизило к единомыслию в ее оценке. По-прежнему сохраняются коренные различия в понимании ее природы и исторического значения, вытекающие в конечном счете из раскола российского общества. Замечательным тому подтверждением является организованная летом 2007 года редакцией «Литературной газеты» дискуссия о роли революции в истории России, ее истоках и движущих силах, победах и провалах, героях и жертвах, преподанных ею стране и всему миру уроках. Цель заключалась в стремлении увидеть главное событие XX в. незашоренным взглядом, отличным как от классических советских догм, так и от пришедших им на смену идеологическим клише. Подводя итоги дискуссии и отмечая, что в ее ходе взгляд на события 1917 г. стал более стереоскопическим, менее плакатным и однобоко радикальным, редакция газеты, однако признает: «И все же захлебывающиеся эмоции, безапелляционность, убежденность единственно в собственной правоте тоже никуда не пропали»¹.

Действительно, это так. Тон дискуссии задали большие статьи А. И. Солженицына (ЛГ. 2007. № 29) и В. Т. Логинова (ЛГ. 2007. № 30), написанные с диаметрально противоположных идейных позиций. В ее дальнейшем ходе между этими крайними полюсами был представлен широчайший спектр едва ли ни всех мыслимых оценок исторического значения революции, как правило, сопряженных с анализом современного состояния России. Дискуссия, в которой наряду с историками приняли участие известные общественные деятели, творческие работники, политологи и т. д., с большой силой продемонстрировала немеркнущую актуальность революции в нашей исторической памяти. Не ставшая до сих пор прошлым в полном смысле этого слова, она тесно связана с жгучими политическими, социальными и духовными проблемами сегодняшней жизни. И, можно полагать, что если будет сохраняться и даже, как в настоящее время, усугубляться раскол российского общества, будет сохраняться и разномыслие в ее оценках.

Не упуская это обстоятельство из виду, не будем, однако, его абсолютизировать, так как существуют научно-объективные причины

---

¹ См.: Уроки Октября: взгляд из XXI века // ЛГ. 2007. № 45. С.3.

продолжающихся дискуссий, которые должны привлекать наше первостепенное внимание. Послужим за ходом мыслей на этот счет Ю. А. Полякова. «Негативное и позитивное воздействие Октябрьской революции, - пишет он, - удивительно широко и многообразно. Вопрос о роли и месте Октября в контексте истории России и мировой истории включает множество сложных, требующих анализа и обобщений проблем. Они с наличием противоположных взглядов, с дискуссиями будут изучаться многими поколениями ученых, причем не только в России». И заключает: «Дискуссии не закончатся никогда»¹.

Но, следует обязательно добавить, это не бесконечное движение по замкнутому кругу, когда исследователи, придерживающиеся разных взглядов, не прислушиваются к аргументам своих оппонентов. В ходе дискуссий происходит поступательное наращивание научного знания как по отдельным конкретным проблемам революции, так и по занимающему нас центральному вопросу о ее месте в российской и мировой истории. Но это означает, что несмотря на все обозначенные выше трудности, мы все же приближаемся к общезначимому ответу на поставленный в начале статьи вопрос. Правда, как демонстрирует новейшая историография Великой французской революции, это будет сочетаться с постановкой новых вопросов и спорами новых дискуссий. Наконец, последнее. Общая оценка Октября как действительно великой революции и в дальнейшем будет варьироваться в зависимости от доминирующих тенденций социально-исторического развития России и всего мирового сообщества². В этой связи с известной осторожностью можно предполагать в долгосрочной перспективе растущую востребованность критически осмысленного опыта Русской революции.

---

¹ Поляков Ю. А. Указ. соч. С.295.

² Вопреки исходящим из праволиберальных кругов прорицаниям о грядущей новой «русской смуте» есть достаточно оснований предполагать дальнейшее укрепление совершающихся ныне стабилизационных процессов, ведущих к обретению Россией былого геополитического значения.

Была ли Октябрьская революция социалистической?

*Воронин Д.В.,
к.и.н., ректор, Прокопьевский филиал ТГУ*

События Октября 1917г. до сих пор вызывают дискуссии и неоднозначную оценку их результатов, что свидетельствует о том, что они действительно, оказали огромное влияние на ход развития мировой истории. Сейчас как-то не принято говорить о всемирно-историческом значении Октябрьской социалистической революции, но от этого ее роль не принизилась.

Предметом острых обсуждений стало определение характера революции. Одни говорят о ее буржуазно-демократическом характере, ссылаясь на К.Маркса, который предполагал, что социалистическая революция должна произойти в развитых капиталистических странах. Россия же таковой в 1917г. не являлась. Другие утверждают, что даже если бы социалистическая революция произошла в развитых странах Европы, то она не была бы победоносной.

В XX веке теория научного социализма получила творческое развитие в трудах В.И. Ленина. Правда, далеко не все последователи К.Маркса разделяли идеи Ленина. Однако это не умаляет творческого характера ленинизма. Исходя из реальной действительности, опираясь на практику и отказываясь от устаревших воззрений, он писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни».[1]

Таким образом, он исходил из того, что нельзя прежние положения и выводы, отвергнутые последующим развитием как общественной жизни, так и ее теоретическим отражением, противопоставлять новым выводам, подтверждаемым самой практикой. Главным же критерием творческого отношения к теории являлась опора на практику, проверка теоретических выводов практикой. Не случайно, В.И. Ленин постоянно подчеркивал, что марксизм не догма, а руководство к действию. Кстати, об этом говорили всегда и сами К.Маркс и Энгельс. В своей теоретической и политической деятельности В.И. Ленин постоянно следовал этому пониманию марксизма, смело отказываясь от устаревших теоретических положений.

Свидетельством этого является вклад в теорию научного социализма, который внес В.И. Ленин. Он развил учение о перерастании демократической революции в социалистическую, показал возможность ее победы первоначально в одной или нескольких странах. Точка зрения В.И. Ленина часто вызывала возражение со стороны не только своих оппонентов-меньшевиков, но и его ближайших соратников.

Подобная ситуация сложилась вокруг «Апрельских тезисов» Ленина. В них он высказал «крамольные» для марксизма идеи. Суть ленинских тезисов состояла в том,

что путь к социализму в России пролегал не через полное развитие, исчерпание возможностей капитализма, а с учетом исторической обстановки того времени – с опорой не на буржуазную демократию, а на новый тип государства – Советы. Именно в Советах в апреле 1917г. В.И. Ленин увидел основание новой государственности. Это, по его мнению, «новое, неофициальное, неразвитое, еще сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения». И далее он продолжает свою мысль: «Советы Р.Д. есть единственно возможная форма революционного правительства».[2] Несмотря на то, что в «Апрельских тезисах» он постоянно ссылается и упоминает марксизм, фактически это было попыткой переосмысления и преодоления марксизма. Все это не могло не вызвать отпора и критики со стороны оппонентов. Г.В. Плеханов сразу назвал «Апрельские тезисы» бредом. В работе «О задачах пролетариата в данной революции» В.И. Ленин в ответ на критику Г.В. Плеханова писал: «Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брёда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, как рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875гг. об опыте Парижской Коммуне и о том, какое государство пролетариату нужно.

Бывший марксист Г.В. Плеханов не желает, вероятно, вспомнить о марксизме».[3]

Между тем, и на собрании руководства большевиков Ленин фактически оказался в полной изоляции. На заседании Петроградского комитета большевиков тезисы были отклонены: против проголосовало 13 человек, за – 2 человека, воздержался – 1 человек.

И то, что во время выступления Ленина в Таврическом дворце перед всеми социал-демократами, членами Совета Богданов прервал его, крикнув: «Ведь это бред, бред сумасшедшего!», на наш взгляд говорит о том, что многие социал-демократы исходили из догматического подхода к марксизму.

Однако, уже вскоре, на Апрельской партконференции тезисы были поддержаны. Это свидетельствовало о том, что рядовые большевики лучше поняли смысл ленинских тезисов, чем верхушка партии.

Обратимся к сделанному В.И. Лениным глубокому научному анализу современной ему эпохи, в котором он определил империализм как высшую стадию капитализма со всеми его чертами. Открытый им закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран позволил ему сделать вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих странах или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Данный вывод, сформулированный Лениным в 1915г. в статье «О лозунге Соединенных штатов Европы», был конкретизирован в 1916г. в статье «Военная программа пролетарской

революции». В ней он высказался еще более категорично: «...социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными».[4] Это положение сыграло большое историческое значение для правильной ориентации всех революционных сил и прежде всего российского пролетариата.

Октябрьская революция в России подтвердила правоту ленинского вывода. Русская революция произошла в слаборазвитой капиталистической стране со многими остатками крепостнического строя. Она произошла не без влияния Первой мировой войны, вызвавшей резкое ухудшение значительной части населения страны. Следуя же логике марксизма, необходимо было ждать когда капиталистические отношения станут господствующими в России и будут созданы условия для будущей всемирной пролетарской революции.

На наш взгляд, рассматривая вопрос о причинах, движущих силах и характере Великой Октябрьской революции, мы зачастую игнорируем соблюдение принципа историзма, а догматический подход довлеет над нами и не позволяет разобраться в происходящих в рассматриваемый период процессах. Октябрьская революция произошла в особое для России время. Из большинства политических лидеров России только Ленин сумел не только оценить своеобразие момента, но и осуществить практическую работу по подготовке и проведению социалистической революции. Историческая практика подтвердила правоту ленинских идей, несмотря на временное поражение социализма в России и ряде других стран.

Необходимо рассмотреть вопрос – почему в развитых странах Запада, где с точки зрения марксистской теории имеются все условия для революции, капитализм достиг высшей точки развития, где в свое время был наиболее крупный отряд пролетариата, не произошли социалистические революции? Несомненно, буржуазия сделала выводы после Октябрьской революции в России. Изменилась и социально-классовая структура населения стран Запада. Не без влияния русской революции 1917г. правящая элита Запада изменила свою социальную политику. Она, в определенной степени, следовала той ситуации, которую описал В.Г. Белинский, анализируя роман Эжена Сю «Парижские тайны». Он подчеркивает, что Эжен Сю, сочувствует бедствиям народа: зачем отнимать у него благородную способность сострадания, - тем более, что она обещала ему такие барыши? Но как сочувствует – это другой вопрос. Он желал бы, чтобы народ не бедствовал и, перестав быть голодной, оборванной и частью поневоле преступною чернью, сделался сытою, опрятною и прилично себя ведущею чернью.[5]

Несмотря на то, что развитые страны Запада переживают эпоху постиндустриального развития, многие проблемы оказались далеки от своего разрешения. Позиция буржуазии после Октябрьской революции претерпела изменения. Она вынуждена пойти на некоторые социальные уступки и в борьбе за сохранение своих позиций постоянно мимикрировать. В то же время она постоянно ищет слабые места у своих классовых противников и при изменении экономического

положения стремится взять социальный реванш. Анализируя социальные и психологические аспекты таких проблем, как безработица, общественное неравенство и бедность, можно сделать вывод о том, что общество сегодня занято убеждением самого себя в том, что нарастающая неопределенность – это не столько зло для конкретного человека, сколько естественный способ существования. Поэтому наличие постоянной армии бедняков и широко известная бедственность их положения являются для существующего порядка важнейшим и, возможно, даже определяющим уравнивающим фактором.

Следовательно, можно сделать предположение о том, что в настоящее время проблемы носят в принципе тот же характер, но с учетом сегодняшнего времени. Точка зрения К.Маркса на то, что рабочие не могут освободиться сами, не освободив и всех членов общества, не потеряла своей актуальности. Конечно, в современном западном обществе изменилась социально-классовая структура, но в целом, позиция К.Маркса в плане постановки и реализации задач изменения существующего положения остается актуальной.

Усиливающаяся поляризация богатства, доходов и жизненных возможностей как внутри отдельных стран, так и между отдельными группами (например, между странами Юга и Севера) имеет устойчивую тенденцию. В рамках встреч глав развитых стран Запада периодически выражается озабоченность по поводу нарастающего разрыва между развитыми странами и странами «третьего мира». Принимаются решения по списанию задолженности этим странам, но все эти меры не носят кардинального характера. Поэтому можно говорить о том, что глобализирующаяся экономика исключает все более широкие круги населения и без того живущего в бедности, страданиях и обездолженности, превращая в людей лишних с экономической и социальной точек зрения. В какой-то степени катастрофическое сокращение населения России можно рассматривать как процесс сокращения именно «лишних» людей.

Анализируя современное общество, британский социолог З.Бауман делает вывод о развитии в нем процессов усложнения экономических процессов и в то же время возрастание в связи с этим неопределенности и прогрессирующей незащищенности личности. В силу этого в современном обществе усиливается антигуманизм, а современный человек становится все более ограниченным и беспомощным.

Он отмечает, что в эпоху триумфа капитализма, «Все человечество не может освободиться от атмосферы страха и бессилия, если беднейшая его часть не освободится от нужды и бедности», - и далее делает он вывод: «Один только вид бедных держит обеспеченных в состоянии страха и покорности».[6] Отсюда можно предположить, что в современном западном обществе отсутствуют многие качества, присущие русским рабочим и крестьянам в 1917г., которые позволили им совершить социалистическую революцию.

В рамках научных дискуссий можно обсуждать вопросы социалистичности русской революции. Очевидным же является то, что русские рабочие и крестьяне не

захотели стать «опрятной и прилично ведущей себя чернью». Поэтому в городах, вчерашние крестьяне, а в деревнях – это чаще всего середняки, которые не хотели опуститься на дно, преодолев чувство страха, приняли активное участие в Октябрьской революции. К тому же многие из них имели опыт участия в первой русской революции, а другие были очевидцами жестоких расправ над их родителями после поражения революции. Бесспорным, на наш взгляд, является и то, что многие элементы социализма в странах Запада получили развитие благодаря влиянию Великой Октябрьской социалистической революции.

Примечания

- 1 В.И. Ленин. Наша программа. ПСС. Т.4., с.184.
- 2 В.И. Ленин. О задачах пролетариата в данной революции. ПСС. Т.34. С.117.
- 3 Там же. С. 117-118.
- 4 В.И. Ленин. Военная программа пролетарской революции. ПСС. Т.30. С.130.
- 5 В.Г. Белинский. Парижские тайны. Избранные философские сочинения. М., 1948. Т.2. С.113.

Часть II

Уроки истории

«Синяя тетрадь» (Отрывок из второй книги готовившейся к изданию биографии В. И. Ленина «Путь к власти»)

Логинов В.Т.,
д.и.н., Российский университет образования

Вот текст записки Каменеву 7 июля 1917 года, (...): «Entre nous [между нами]: если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать... Условие: все сие абсолютно entre nous!»¹

Тетрадь доставили в Разлив. А когда Ленин перебирался в Финляндию, то перед тем, как лезть в паровозную будку к Гуго Ялаве, передал «синюю тетрадь» Шотману, повторив несколько раз, чтобы берег он ее «пуще глаза своего» и, в случае ареста Владимира Ильича на границе, сразу отдал в ЦК. А уж после границы, в Териоках, первым делом спросил: цела ли тетрадка? И когда Александр Васильевич вернулся, – «поспешно сунул ее за пазуху»².

Почему? Чего ради в минуту реальной опасности он печется о какой-то тетрадке с цитатами из Маркса и Энгельса? Для начетчиков, для тех, кого Энгельс называл «попами марксистского прихода», ответ очевиден: он искал у классиков указаний для решения проблем, поставленных русской революцией.

Но читатель, возможно, уже убедился, что подобные решения Ленин искал не в книжках, а в самой жизни. А жизнь ставила все тот же «проклятый вопрос», который вставал сотни и тысячи лет назад, еще во времена первых восстаний рабов: *что дальше?*

Ну, хорошо, предположим, что революция в России победит. А дальше? Кто и как будет управлять этой гигантской страной? Ленин много думал, писал об этом и

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 444.

² Яковлев Б. В. Ленин. Страницы автобиографии. М., «Молодая гвардия», 1967, с. 605. Верстка книги, запрещенная цензурой, хранится в РГАСПИ (ф. 71, оп. 51, д. 94).

раньше. Но по мере того, как революционный кризис в Европе обострялся, вопрос вставал все более остро.

Опыт прежних европейских революций XIX века проанализировали Маркс и Энгельс. Рекомендаций для русской революции XX столетия они, естественно, дать не могли. Но важен был их угол зрения, метод анализа, их выводы и прогнозы. И еще в Цюрихе Владимир Ильич приступает к сбору материалов для работы «Марксизм о государстве». Итогом как раз и стала «синяя тетрадь» в 48 страниц, исписанная мелким, убористым ленинским почерком.

Этот подготовительный материал и был использован Лениным для написания в июле – сентябре 1917 года книги **«Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции»**.

В предисловии Владимир Ильич пишет, что «вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практическом отношениях». В теоретическом – потому, что толкование данной проблемы нынешними оппортунистическими лидерами «отличается подлым лакейским приспособлением «вождей социализма» к интересам... «своего» государства». А в практическом отношении – потому, что «вопрос о разъяснении массам того, что они должны будут сделать... в ближайшем будущем» уже приобрел «самое злободневное значение...»¹

Будь на месте Ленина кто-либо из породы «премудрых пескарей», он, видимо, усомнился бы в том, стоит ли человеку, сидящему в подполье и мечтающему о возвращении на открытую политическую арену, человеку, официально обвиненному в измене *государству*, человеку, которого все «истинные патриоты» считают предателем своего *отечества*, – стоит ли ему выходить на публику с подобными сюжетами.

Не лучше ли оставаться в кругу понятных массе, насущных вопросов, а не залезать в теоретические дебри. Тем более что он неизбежно затронет достаточно болезненные проблемы. Ибо именно в массовом сознании веками укоренялось представление, что отечество и государство – одно и то же. И законная, естественная любовь к своей родине должна распространяться и на «свое» государство, а затем и на «свое» правительство, каким бы оно ни было. Иначе ты – не патриот.

Но подобных «премудрых» советов Владимир Ильич все равно бы не услышал. В своей работе он как раз и берется за уяснение того – для всех ли подданных данное государство является «своим»?

Классовую борьбу, пишет Ленин, разрушающую иллюзию «единства нации», придумали не марксисты. Ее жестокою реальность выявили и проанализировали буржуазные ученые задолго до Маркса. По ходу истории эта борьба временами настолько обострялась, что грозила обществу «пожиранием друг друга». Дабы не

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 3, 4.

случилось такого, для обеспечения «порядка», уже на заре человеческой истории и появляется государство.

Но было бы заблуждением полагать, что государство гармонизирует противоречивые интересы граждан. Что оно блюдет «порядок» во имя неких общих и более высоких «государственных» целей. Нет, считает Ленин, – это не благотворительная организация всеобщего примирения.

Реальная власть в обществе принадлежит наиболее сильному в экономическом отношении классу. Государство делает его сильным и *политически*. И там, где есть богатые и бедные, оно проводит политику, определяемую – и прямо, а чаще – *косвенно* – интересами меньшинства «состоятельных граждан». Именно они являются «элитой» и «власть имущими», ибо государство обеспечивает, как выразился Ленин, – «всевластие богатства»¹.

Даже тогда, когда государство пытается удовлетворить насущные потребности «низов», оно делает это отнюдь не по соображениям гуманности, а тем более – справедливости. Оно понимает, что это – необходимое условие сохранения, стабилизации данного порядка. Ибо напор со стороны «низов» способен разрушить существующий режим как таковой.

«Право есть ничто, – пишет Ленин, – без аппарата, способного *принуждать* к исполнению норм права». Государство как раз и является той особой формой «организации насилия», которая позволяет «власть имущим» удерживать данную общественную систему хоть в каком-то – пусть и не очень устойчивом – равновесии, напоминающем состояние плохо прикрытой «гражданской войны».

И напоминая о всей предшествующей многовековой истории, Владимир Ильич отмечает: «Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества»².

Но, может быть, все это осталось в прошлом? О каких «морях крови» можно говорить применительно, скажем, к столь демократичному и либеральному Временному правительству Александра Федоровича Керенского?

Оставим в стороне июльские репрессии, о которых пресса писала как о вынужденном обстоятельством «эпизоде». Но разве не сделало Временное правительство саму войну инструментом *внутренней* политики? Когда за неповиновение, за участие в протестном движении рабочих и солдат отправляли на фронт, на передовую. А это, как подтвердил 16 июля генерал Клембовский, было, по мнению солдат, куда хуже сибирской каторги. И разве не были за полгода правления Временного правительства убиты и искалечены на фронте *сотни тысяч* граждан

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 6, 12, 13, 34, 51.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 13, 23, 24, 90, 99.

«Свободной России». Так что для упоминания о «морях крови» у Ленина были основания.

Классовая суть государства всегда тщательно маскировалась рассуждениями о государственных интересах – более высоких, нежели интересы отдельных классов, социальных групп, корпораций и кланов. В России 1917 года, когда старое государство разваливалось буквально на глазах, этот флер государственности эксплуатировался вовсю...

И землю нельзя отдать крестьянам, ибо это противоречит интересам государства. И рабочим надо подтянуть пояса, а не требовать повышения зарплаты – во имя государственных соображений. А главное – нельзя кончить войну, ибо есть союзнические обязательства и высшая государственная целесообразность.

Даже само понятие «порядок» толковалось в таком государстве по-разному. Если, к примеру, солдат безропотно подчиняется тем, кто гонит его на кровавую бойню, – это, с точки зрения «власть имущих», – полный порядок. Но если тот же солдат начинает «умничать», рассуждать о войне – это беспорядок и бунт. Когда хозяин завода объявляет локаут и выбрасывает на улицу тысячи рабочих – это его святое право. Но если эти рабочие, как рассказывал Ленину Сергей Малышев, берут предприятие под контроль, сами налаживают производство, то это уже – полная «анархия».

Так что не для всех государство является одинаково «своим». Как говорится, для кого оно – мать, а кому – мачеха.

Ленин не собирался писать сугубо научный трактат, предназначенный для ученых мужей. При всей сложности поднимаемых им проблем, Владимиру Ильичу хотелось, чтобы смысл его труда был понятен и не столь искушенному читателю.

Анализируя «Государство и революцию», иногда забывают о том, что одновременно, в те же недели и месяцы, Ленин пишет такие работы, как «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть?», «Русская революция и гражданская война» и др.

И если в «Государстве и революции» он, как правило, остается на поле теории, то в указанных работах полученные выводы используются для решения сугубо практических задач, поставленных 1917 годом. В этом смысле многие страницы данных работ являются прямым продолжением тех идей, которые развивались в «Государстве и революции».

Мало того, Владимир Ильич тут же «апробирует» эти идеи не только на Зиновьеве, но и на Николае Александровиче Емельянове и его старших сыновьях. «В.И., вообще говоря, не любил читать своих рукописей вслух», – вспоминал Зиновьев... – «Но здесь была исключительная обстановка, здесь было «особое» настроение. И мы не раз читали вслух важнейшие места «Государства и революции». Особенно внимательно прислушивался Владимир Ильич к суждениям

Николая Александровича, которого считал человеком «выдающегося ума, замечательного хладнокровия и настоящей большевистской закалки»¹.

С тем, что прежнее государство необходимо разрушить, все соглашались. Но когда речь пошла о том, что после победы революции необходимо будет строить новое государство, нашелся и оппонент: 16-летний Кондратий Емельянов, учившийся в коммерческом училище и считавший себя «идейным анархистом».

В своей работе Ленин проанализировал – в чем сходятся и где расходятся марксисты и анархисты в вопросе о государстве. Он старался не обидеть, не сравнивал – подобно Плеханову – анархистов с бандитами, а разъяснял, что отмирание государства – процесс долгий, что его нельзя отменить просто так – «с сегодня на завтра». Но ответом были лишь старые анархистские прописи: всякое государство есть насилие и при любом государстве не будет свободы.

Пришлось начинать с азов и обращаться к Энгельсу, который, высмеивая анархистский «антиавторитаризм», отрицавший «всякое подчинение, всякую власть», приводил в пример завод, фабрику, наконец, – судно в открытом море. «...Разве не ясно, что без известного подчинения, следовательно, без известного авторитета или власти невозможно функционирование ни одного из этих сложных технических заведений, основанных на применении машин и планомерном сотрудничестве многих лиц?»

На корабле в открытом море Кондратий еще не бывал. Но свой сестрорецкий завод и своих приятелей по поселку знал хорошо. Их надежность в товариществе, солидарность в работе и общей беде. Но он не раз видел и их пьяные драки. Знал, что некоторые из них таскают с казенного завода инструменты и детали. Значит, и после революции нужны будут «надсмотрщики». Но не из хозяйских стукачей, а из числа сознательных рабочих, таких, как его отец, из классных профессионалов – мастеров, инженеров. Стало быть, надо сохранить и подчинение им и власть.

Да, со временем государство начнет отмирать, разъяснял Ленин, но это сможет произойти лишь при ином уровне культуры и материального производства, ибо «предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего обывателя*, способного «зря» – вроде как бурлаки и Помяловского – портить склады общественного богатства и требовать невозможного».

Когда и как скоро это произойдет, никто сказать не может. Ясно лишь одно: процесс отмирания государства может начаться лишь тогда, когда «люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством».

---

¹ «Пролетарская революция», 1927, № 8–9, с. 67, 69.

И Ленин продолжал: «Мы не «мечтаем» о том, как бы сразу обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархические мечты... служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь...» И когда на этом основании Владимир Ильич стал объяснять, что «анархическое представление об отмирании государства путано и *нереволюционно*», и еще добавил, что Александр Ге – «один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов», справедливо назвал таких «звезд» анархизма, как Петр Кропоткин, француз Жан Грав, голландец Христиан Корнилиссен – за их пропаганду войны до победного конца – «анархотраншейниками», тут уж Кондратий, считавший отца и большевиков слишком оппортунистичными, умолк, и от обиды, как пишет Николай Александрович, на глазах его появились слезы.

Впрочем, когда окончательно выяснили, что без крепкого государства диктатуры пролетариата, опирающейся на вооруженный народ, нельзя ни сокрушить буржуазию, ни закрепить победу, ни построить новую жизнь, тут уж возражений по существу не последовало¹.

Но зачем «сокрушать»? И почему «диктатура»? Там, в Разливе оппонентов не нашлось. Но в России их было множество. Разве парламентская демократия западного типа не выражает волю большинства народа и не позволяет вести все государственные дела в его интересах? После сотен лет самодержавного правления российскому обывателю казалось, что стоит лишь перенести на родную почву эту систему, как общество обретет истинную свободу, гармонию и конституционный порядок. Совсем как в Европе...

Эти представления всячески поддерживались и российской либеральной прессой. Но Ленин, как впрочем и сами европейцы, подобными иллюзиями не страдал.

На парламентские выборы, будучи в эмиграции, Владимир Ильич посмотрелся и в Англии, и во Франции, и в Германии, и в Швейцарии. Ходил он и на предвыборные собрания, где выступали кандидаты в депутаты. Их заигрывание с массой избирателей, неприкрытая демагогия иной раз просто поражали своей наглостью и цинизмом. И сами европейцы все это прекрасно понимали...

В Париже Ленин познакомился с популярным французским шансонье Гастоном Монтегюсом. «Рабочие встречали его бешеными аплодисментами», – вспоминала Крупская, – «а он, в рабочей куртке, повязав шею платком, как это делали французские рабочие, пел им песни на злобу дня, высмеивал буржуазию, пел о тяжелой рабочей доле и рабочей солидарности».

На одной из русских вечеринок Ленин и Монтегюс встретились. И долго, до глубокой ночи, проговорили вдвоем о революции – сын парижского коммунара и

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 49, 59, 60, 61, 63, 89, 97, 98, 103; Сборник «История пролетариата в СССР», 1933, № 4(16), с. 146–170.

русский большевик. «Так бывает иногда», – пишет Крупская, – встретятся случайно в вагоне малознакомые люди и под стук колес разговаривают о самом заветном, о том, чего бы не сказали никогда в другое время. Потом разойдутся и никогда больше в жизни не встретятся. Так и тут было. К тому же разговор шел на французском языке – на чужом языке мечтать вслух легче...»

Крупская рассказывает, что они с Ильичем стали часто ходить на концерты Монтегюса в маленьких театрах парижских предместий. Для Ленина была интересна и сама публика, «больно уж непосредственно реагировали на все наполнявшие театр рабочие»: солёные шутки, выкрики с мест перемежались топотом ног либо бурей аплодисментов. «Ильичу нравилось», – подметила Надежда Константиновна, – «растворяться в этой рабочей массе».

Репертуар Монтегюса Ленин знал наизусть и частенько напевал его. Но особенно запомнилась песенка о том, как «депутат ездит собирать голоса в деревню, выпивает вместе с крестьянами, разводит им всякие турусы на колесах, и подвыпившие крестьяне выбирают его и подпевают: «Правильно, парень, говоришь!»» А затем, получив нужные ему голоса и 15 тысяч франков депутатского жалования, этот же «народный избранник» преспокойно предаёт в парламенте интересы избравшего его народа. Поэтому, возвращаясь с предвыборных собраний, Владимир Ильич частенько иронически «мурлыкал монтегюсовскую песенку: «Верно, парень, говоришь!»»¹

Вспомнил он ее, вероятно, и когда писал в «Государстве и революции» о парламентских «говорильнях» и о том, как на свободных выборах трудящимся «раз в несколько лет позволяют решать», кто именно «будет в парламенте представлять и подавлять их!»

У Ленина не было никаких иллюзий и относительно того, «будто всеобщее избирательное право «в *теперешнем* государстве» способно действительно выявить волю большинства трудящихся и закрепить проведение ее в жизнь». Конечно, тогда еще не было современных пиар-технологий и политехнологов, способных творить на выборах «чудеса демократизма». Монтегюсовскому персонажу вместо этого вполне хватало и дюжины бутылок. Но уже была зависимая ежедневная пресса, широко использовавшаяся для воздействия на умонстроения электората. Были бесчисленные юридические, технические, практические ограничения демократизма при выдвижении кандидатов и организации голосования. Но даже это не являлось решающим фактором.

Там, где общество расколото на бедных и богатых, угнетателей и угнетенных, у «власть имущих» всегда найдутся тысячи способов воздействия на волеизъявление зависимых от них людей. Совсем не обязательно спаивать их или бросать в тюрьмы. Они, пишет Ленин, – «остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики»...» Вот почему «при обычном,

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине в пяти томах, т. 2, М., 1969, с. 342, 590, 591, 601.

мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено».

«Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных», – продолжает Владимир Ильич, – «кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таково девять десятых, если не девяносто девять сотых буржуазных публицистов и политиков) – но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии». И вот почему такая демократия «всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых», а стало быть, является «насквозь лицемерной и лживой...»

Упрекать Ленина в том, что он недооценивал возможности буржуазной демократии, нет оснований. Он лишь констатировал тот факт, что и эта политическая форма предполагает подчинение, а стало быть, и насилие, одной части населения (меньшинства) над другой (большинством) и позволяет буржуазии осуществлять свое фактическое всевластие, т.е. диктатуру¹.

Решению данной задачи соответствует и само устройство государства. Характерной чертой парламентской демократии является так называемое *разделение властей*. Функции представительного учреждения сводятся к законотворчеству. Функции правительства – к исполнительной власти. Судьи обеспечивают соблюдение законности. Пресса и прочие СМИ – обличают пороки власти и общества.

Такая структура, *теоретически*, должна создавать взаимоконтроль всех ветвей власти, систему сдержек и противовесов, гарантирующих конституционный порядок. Но нетрудно заметить, что никакого участия самого народа в управлении жизнью страны при этом не предполагается.

А на практике вся *реальная* власть над людьми сосредотачивается в руках государственного аппарата, пронизывающего общество сверху донизу, т.е. в руках чиновников. Без их контроля были невозможны любые проявления жизни подданных – от рождения до смерти. Только они могли казнить или миловать, разрешить или запретить, дать или не дать, способствовать или препятствовать любой деятельности. И взятка, лихоимство, казнокрадство являлись не случайным казусом, объяснявшимся непорядочностью данного чиновника, а закономерным элементом функционирования такой системы.

Сам факт того, что государственный аппарат является орудием власти и выражает волю господствующих классов и социальных групп, – бесспорен. Но это нисколько не исключает того, что, будучи системой бюрократической он обладал и известной «автономностью». Действуя по предписаниям, исходящим свыше, каждый чиновник не только волен толковать по-своему любые законы и инструкции, но и блюсти корпоративно-бюрократические и сугубо личные интересы.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 14, 83, 87, 88.

Эта «автономия» и порождала, кстати говоря, иллюзию «независимости» аппарата власти, его «нейтральности», того, что бюрократия стоит как бы «над обществом».

Подобному предрассудку способствовало и то, что сам аппарат формировался не только из представителей имущих классов. В него попадали и те, кто «вышел из народа» благодаря образованию, личным способностям. Кто сумел сделать служебную карьеру и «выбиться в люди». Но данное обстоятельство нисколько не меняет сути аппарата. Он лишь, как пишет Ленин, «расширяет число пособников правительственной власти». И эти, вышедшие из низов «слуги общества» тоже превращаются в его господ, стоящих «над народом»¹.

Для большинства населения, для «простонародья», бюрократия как раз и олицетворяла волю самого государства. И когда обыватель приходил по самому элементарному делу в какую-либо канцелярию, управу, департамент или министерство и видел сонмы чиновников, важно восседающих в кабинетах, снующих по коридорам с «государственными» бумагами и выражением особой значительности на лицах, его охватывал священный трепет. Ибо видел он воочию, как совершается *таинство власти*. И приходил к убеждению, что если – не дай бог! – сломается этот налаженный механизм, то не только рухнет Россия, но и остановится сама жизнь.

Так думали не только обыватели. И не только в России. Государственная машина, с ее бюрократической и военной организацией управления, отлаженным аппаратом насилия как раз и являлась целью и главной *добычей* политических партий, боровшихся за власть. Так было во времена прежних революций на Западе. Так случилось и в России.

«Возьмите то», – пишет Ленин, – «что произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.: чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров. Ни о каких серьезных реформах, в сущности, не думали, стараясь оттягивать их «до Учредительного собрания» – а Учредительное собрание оттягивать помаленьку до конца войны! С дележом же добычи, с занятием местечек министров, товарищей министра, генерал-губернаторов и прочее и прочее не медлили и никакого Учредительного собрания не ждали! Игра в комбинации насчет состава правительства была, в сущности, лишь выражением этого раздела и передела «добычи», идущего и вверху и внизу, во всей стране, во всем центральном и местном управлении. Итог, объективный итог... несомненен: реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и «ошибки» раздела исправлены несколькими переделами... В правительстве идет перманентный кадрили, с одной стороны, чтобы по очереди сажать «к пирогу» доходных и почетных местечек побольше эсеров и меньшевиков, с другой стороны, чтобы «занять внимание» народа»².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 28, 30, 44, 77; см. также т. 21, с. 32, 58.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 28, 30, 31, 47.

Так что же, свергнув буржуазное правительство, народ будет использовать *этот* государственный аппарат в своих целях? Безусловно, нет! Сами министры-социалисты, — замечает Ленин, ссылаясь на эсеровскую прессу, — «настолько потеряли стыд, что не стесняются публично, как о пустяке, рассказывать, не краснея, что «у них» в министерствах все по-старому!! Революционно-демократическая фраза — для одурачения деревенских Иванушек, а чиновничья канцелярская волокита для «ублагодотворения» капиталистов — вот вам *суть* «честной» коалиции».

Так что вопрос о том — кто кого использует? — становился более чем проблематичным. И Владимир Ильич приводит слова Маркса о том, что «рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен... устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения...»¹

Но если старая «машина» разрушается, то кто же станет осуществлять управление сложнейшим государственным механизмом? Опыт Парижской коммуны 1871 года, когда сами горожане, ликвидировав прежний чиновничий аппарат, проделали все это на практике и взяли власть в свои руки, был досконально проанализирован Марксом. Но осуществимо ли нечто подобное в России? Оппонентов у Ленина по данному вопросу было предостаточно. «Западноевропейский и русский филистер», — замечает Владимир Ильич, — «склонен отвечать парой фраз, заимствованных у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций... Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя...»²

То, что различные социальные и политические идеи по-своему и по-разному отражают реальные процессы, происходящие в обществе и в сознании масс, — это несомненно. Читатель, видимо, уже заметил, что в 1917 году все «доктрины» и «концепции» фактически уперлись в одну проблему. Если отложить в сторону сугубо теоретические суждения о капитализме и социализме, западничестве и самобытности, которыми пестрели все речи и статьи, то эта *первооснова* станет очевидной. *Народ и власть* — вот что разделило всех надвое. На тех, кого ужасала перспектива вхождения во власть самого народа. И тех, кто боролся за переход власти в руки народа.

В первой книжке биографии Ленина «Выбор пути»³ уже говорилось о давно забытых аксиомах марксизма. Добавим еще одну: из признания народных масс главной движущей силой истории для марксиста вытекает и то, что не только «наука», не только умудренные профессорскими званиями и академическими регалиями ученые мужи, но и сам народ способен выражать назревшие потребности общественного развития.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 47, 77.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 10.

³ Логинов В. Т. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., «Республика», 2005.

Даже тогда, когда скрытые признаки новой исторической *перемены* еще не «схвачены» наукой, необходимость такой перемены улавливает *нравственное* сознание масс. «Что неверно в формально-экономическом смысле», – писал Энгельс, – «может быть верно во всемирно-историческом смысле. Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым, как в свое время рабство или барщину, то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя, что появились другие экономические факты, в силу которых он стал невыносимым и несохранимым»¹.

Но, может быть, подобные исторические прозрения – это все там, у них, на Западе, где и берега кисельные и реки текут молочные... Ведь писал же умнейший либерал, профессор В. М. Соболевский, что от русского народа, «от миллионов полурабов, нищих, голодных, пьяных, невежественных» – менее всего можно ожидать поддержки обновлению России.

Ан, нет! Неправ оказался Василий Михайлович.

Одной из самых «проклятых» проблем русской жизни был, безусловно, вопрос о земле. Это понимали все. Десятки, если не сотни умнейших профессоров и чиновников, общественных и правительственных комиссий на протяжении ста лет искали пути решения данной проблемы. При этом все они, естественно, желали «облагодетельствовать» крестьян.

Ничего из этого не вышло. И не в интеллектуальной ущербности авторов проектов – блистательных умов России! – крылась причина. Они были слишком связаны с существующим режимом. И именно это закрывало пути радикального решения проблемы.

А в деревне шли свои разговоры. Владимир Ильич хорошо помнил свои беседы с самарскими крестьянами в конце 80-х годов. И когда вечный смутьян Амос из Старого Буяна или Кисликов из села Гвардейцы наизусть читали «слово божье» по третьей книге Моисея из Библии: «Землю не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня», – каждый «невежественный» мужик понимал, что коли земля божья, то нет на нее у помещика никакого права частной собственности.

А когда в 1905–1907 годах клич «Земля божья» полыхнул по всей России пожарами помещичьих имений, стало очевидно, что такое представление о желаемом решении аграрного вопроса – это и есть «общественное мнение» крестьянства, окончательно признавшего, как выразился Энгельс, – «прежний экономический факт несправедливым».

Вот и теперь, 19 августа 1917 года, как раз в дни работы Ленина над «Государством и революцией», газета «Известия Всероссийского совета крестьянских депутатов» публикует «Крестьянский наказ». Накануне I крестьянского съезда эти, по мнению либералов, «невежественные полурабы» обсуждали на сельских и волостных

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2, т. 21, с. 184.

сходах свои самые насущные требования. В столице их сдали в редакцию «Известий...». Опытные сотрудники выбрали из них наиболее характерные и повторяющиеся, свели требования воедино и получился «Примерный наказ, составленный на основании 242 наказов, доставленных депутатами на I-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов в 1917 году».

Оказалось, что мужики прекрасно знают, как решать аграрный вопрос. Как и в 1905 году, они вновь требовали отмены собственности на все помещичьи, государственные, удельные, монастырские, церковные, общественные, а также свои крестьянские земли и передачи всей земли в общенародное достояние. В пользование государства переходили все недра земли, ее ископаемые, руда, нефть, уголь, соль, леса и реки, имеющие общегосударственное значение.

Впервые в истории России равное право на пользование землей получали все граждане без различия пола, сословий и званий, желающие обрабатывать ее своим трудом без применения наемной силы. Подробно расписывались права стариков и инвалидов, ограничивались права «порочных» граждан и дезертиров.

Фиксировалась необходимость сохранности высококультурных хозяйств, садов, плантаций, конных заводов, племенных животноводческих и птице ферм, порядке использования инвентаря, скота, конфискованных у помещиков, и т. п. И весь этот свод требований сами крестьяне охарактеризовали как «самое справедливое разрешение земельного вопроса».

Вот тебе и «невежественные полурабы»...

Ленин внимательно вчитывается в строки этого документа. «...Мы, марксисты», – пишет он, – «всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики». Но в том-то и дело, что «Наказ», составленный в глухих «медвежьих углах» России, полностью выдерживает научную критику.

Мало того, в трех главных своих пунктах: безвозмездная отмена частной собственности на земли всех видов; передача всей земли в распоряжение крестьянских организаций; не разорение, а сохранение и использование высококультурных помещичьих хозяйств государством или общинами, – во всех этих пунктах «Наказ» совпадал с большевистской аграрной программой.

Расхождение в четвертом пункте – «уравнительном землепользовании»: крестьяне хотят не только оставить у себя мелкое хозяйство, но и – как прежде – периодически вновь делить и уравнивать наделы. Ну и что? Им кажется, что так будет лучше? Справедливей? «Пусть», – отвечает Ленин. – «Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой... А жизнь покажет, с какими видоизменениями это осуществится. Это дело девятое. Мы не доктринеры»¹.

Все великие и менее великие революции прошлых столетий были борьбой угнетенных против своих угнетателей. Бедных против богатых. В разные эпохи эта

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 109, 114–116.

борьба шла под разными знаменами и облекалась в различные идейные одежды. Но во все века она была вполне осознанной борьбой за *справедливость*. И не потому, как это пишут сегодня, что богатым завидовали. А потому, что считали их богатство несправедливым. Нажитым за счет чужого труда. И они были правы. Политическая экономика доказала, что это представление является научным фактом.

За приверженность этой идее Ленину досталось еще на II съезде РСДРП в 1903 году, когда он отстаивал необходимость передачи земли крестьянам. Тогда оппоненты обвиняли его в том, что он сошел с позиций экономического материализма, занялся «исправлением какой-то исторической несправедливости» и вообще встал на «этическую» точку зрения¹.

И вот опять, в 1917 году, «попы марксистского прихода» вновь обвинили его в том, что при анализе российской общественно-политической реальности, где следует оперировать лишь сугубо рациональными научными категориями, он пользуется такими «пустыми» и «бессодержательными» понятиями, как «справедливость».

Ленин ответил достаточно резко: «Справедливость – пустое слово, говорят интеллигенты и те прохвосты, которые склонны объявлять себя марксистами на том возвышенном основании, что они «созерцали заднюю» экономического материализма». Но для народных масс, «разоренных, истерзанных, измученных войной, это не фраза, а самый острый, самый жгучий, самый большой вопрос о голодной смерти, о куске хлеба». И вот почему это якобы «пустое слово», эта жажда справедливости испокон веков является той идеей, «которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами»².

Ленин и прежде писал, что марксизм как раз и отличается от прочих социалистических теорий «замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей... с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс...» 1917 год еще более укрепил его в этой мысли: нельзя искать решений насущных проблем революции в старых учебниках, ибо «ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»³.

А посему и ответ на вопрос – кто же после победы революции будет управлять новым государством, был для Владимира Ильича очевиден изначально: сам народ. Новая власть, отмечал он еще в 1905 году, должна будет не только выступать «от имени народа». Не только отстаивать его интересы и обеспечивать «волю народа». Этого недостаточно. Главное – новая власть должна осуществляться «посредством народа», его руками. Новое «революционное правительство

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 334; т. 7, с. 280-282.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 332.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 23; т. 35, с. 281.

апеллирует к народу. *Самостоятельность* рабочих и крестьян. Полная свобода. Народ сам устраивает свой быт»¹.

Когда-то Белинский написал Гоголю о русском народе: «Приглядитесь попристальней и вы увидите, что это по натуре глубоко-атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... У него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем». Так думали в ту пору многие интеллигенты.

Однако после первой русской революции авторы печально знаменитых «Вех» осудили «народолюбие» интеллигенции и ее «народопоклонство». Они были правы лишь отчасти: у многих эта любовь носила сугубо книжный, умозрительный характер. Ибо любить народ, как и все человечество, куда легче и менее хлопотно, чем вполне конкретного работягу или мужика. А уж тем более, когда сталкиваешься со всеми прелестями их быта, привычек, пропитанных, как написал в «Вехах» Сергей Булгаков, – «грубостью нравов» и «вековой татарщиной». И сознательное «опрощенчество» и «упрощенчество», связанное с известным «хождением в народ», было, по мнению другого автора «Вех» Семена Людвиговича Франка, абсолютно противоестественно человеческой натуре, т. к. лишь оправдывало и укрепляло «варварство»².

Так думали не все интеллигенты. Да и помимо сознательного «опрощенчества», столь презируемого указанными авторами, бывают ведь и жизненные обстоятельства...

После июльских событий Юлий Мартов писал из Питера в Швейцарию своему самому близкому другу пианистке Надежде Кристи о том, как соскучился он по хорошей музыке: «Я, увы, за все время ни одного музыкального звука не слышал и стосковался. Вообще, «упрощение» всей жизни после 3 лет войны, выражающееся и в малом, и в большом, как-то болезненно действует. Внешняя, материальная культура так же поддалась назад лет на 50, как и духовная. – Все это и все огорчения не мешают, конечно, тому, что я рад, что живу здесь»³.

Степень «упрощения» жизни в эти летние дни 1917 года у Владимира Ильича была, конечно, совсем иной. И о хорошей музыке, которую он тоже любил, ему не приходилось даже и помышлять. Изменился не только быт. Другим стал весь образ его жизни. Но и у него были свои причины не жалеть об этом.

Все эти месяцы «подполья» круг его общения был крайне ограничен. И так уж сложилось, что входили в этот круг исключительно рабочие. Сначала Василий Каюров, Николай Полетаев, Сергей Аллилуев, семья Емельяновых, Александр

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 339, 359.

² «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции». М., 1990, с. 66, 68, 69, 176, 177.

³ «1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова». М., 2005, с. 227.

Шотман, Александра Токарева, Эйно Рахья. Потом Гуго Ялава, семья Парвияйнен, Густав Ровио, семьи Артура Усениуса и Артура Блумквиста...

Он и прежде часто встречался и подолгу беседовал с рабочими. С многими из них у него на долгие годы завязались товарищеские доверительные отношения. Они были рядом на всем его жизненном пути, начиная с 1894 года, с первых питерских рабочих кружков. Но кончались занятия, беседы и он возвращался домой к своему привычному быту и работе.

Теперь было иное. Он жил с ними бок о бок, одной повседневной жизнью. И эта перемена прошла для него абсолютно естественно, органично и безболезненно. Судя по всему, лежа на свежескошенной траве у шалаша или сидя на корточках в своей «зеленой беседке» с тетрадкой в синей обложке, он чувствовал себя не менее комфортно, чем в читальных залах цюрихских библиотек.

А когда не писалось, любил разговаривать с 13-летним сыном Емельянова – Николаем. Они вместе ходили по грибы, по ночам ловили бреднем рыбу и, поскольку парнишка был мал, на глубину – по грудь уходил Владимир Ильич. Вместе они варили уху, каши. Спорили, сколько надо сыпать муки, соли, перца или чая в котелок. И чаще всего прав был Колька.

Ленин думал взять реванш на охотничьих делах: «А как ты тетерку убьешь или зайца?» Но не тут-то было. Колька «с жаром объяснял ему, как он караулит, как подкрадывается и оба сильно увлекались. Я замечал», – рассказывает Емельянов-отец, – «что Владимир Ильич вообще с ребятами любил бывать... Помогал им в работе, охотно с ними шутил»¹.

Вспоминал Николай Александрович и о том, как выглядел Ленин: «Владимир Ильич на сенокосе был похож на настоящего рабочего. На нем были серенькие брюки, жилетка, выпущенная рубашка, кепка. Словом, ходил он, как обычно ходят батраки на сенокосе...» Но этот наряд так и остался бы вынужденным маскарадным костюмом, если бы не нечто гораздо более важное и главное... А главным было то, что он не только знал, он глубоко уважал и ценил ум, природную сметку, опыт людей труда, «людей, – как он говорил, – практической жизни».

Жизненный опыт самого Ленина научил его тому, что такие понятия, как умный и глупый, хороший или плохой человек, порядочный или прохвост, менее всего связаны с уровнем образования или социальным положением. Просто «сила ума» – если не считать гениев и особо талантливых и одаренных – распределяется у всех по-разному. И если бы существовали какие-то единицы измерения интеллекта, то, вероятно, легко было бы убедиться в примерно равном их количестве у совершенно разных людей. Просто у кого-то из интеллигентов – они все ушли «на Гегеля», а у какого-то рабочего или крестьянина – на житейскую мудрость или поразительные успехи в каком-либо ремесле и работе. И Владимир Ильич хорошо понимал, что хотя

---

¹ Сб. «История пролетариата в СССР», 1933, № 4 (16), с. 146–170.

он больше их читал, больше знает, существует огромное количество вопросов, причем самых насущных, в которых разбираются они куда лучше него.

Впрочем, как раз в сентябрьские дни 1917 года сам Ленин написал об этом более точно...

Он вспоминал свой недавний приход к Василию Николаевичу Каюрову: «После июльских дней мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли, было, и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб».

Меня поразила», – размышляет Владимир Ильич, – «эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению. О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы. К основе всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем.

А представитель угнетенного класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямоотой, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплуататоры... «Мы» «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще – сбросим совсем» – так думает и чувствует рабочий»¹.

Старый революционер, газетчик, литературовед Михаил Степанович Ольминский писал: «Этот рассказ В. И. Ленина вводит нас в сокровенную лабораторию его мысли. Голова ищет «интеллигентским» путем, путем сложного теоретического анализа «простоты и ясности» в определении смысла сложного события, чтобы синтезировать результат анализа в лозунгах... И где другой теоретик – интеллигент легко запутается в неразрешимых противоречиях, там наш вождь выйдет из затруднений при помощи пролетарской классовой точки зрения; она стала второй природой «интеллигента» Ленина благодаря постоянному с его стороны пристальному вниманию к ходу пролетарской жизни...

Конечно, не фразой рабочего о хлебе был решен в данном случае вопрос о выборе лозунгов: они определились общим результатом теоретического анализа. Но эта фраза сыграла свою роль – приблизительно такую же, какую, по преданию,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 322–323.

сыграло падение яблока с дерева в открытии Ньютоном закона всемирного тяготения. И кто сможет счесть все яблоки, которые падали перед глазами Ильича с великолепного и вечно плодоносного дерева пролетарской мысли, чтобы облегчить ему нахождение простого и ясного ответа на сложнейшие политические вопросы?»¹

Вот и в разговорах о том, кто же будет управлять страной после победы революции, он в этой среде особых сомнений не встретил. Ясно, что не прежние начальники. Придется самим. И не надо этого бояться. Хуже не будет.

Да, в другой среде с этим не соглашались. Разговоры в светских салонах о «взбесившейся черни» и «грядущем Хаме» дополнялись в прессе учеными статьями о «рабьем» массовом сознании россиян, цветными карикатурами, где интеллигентные служащие совали под нос придурковатым рабочим огромные гроссбухи с бухгалтерской отчетностью, в которой и сам черт сломал бы ноги.

И всем становилось ясно, что «этот» народ, в «этой» стране неспособен выразить не только потребности общественного развития, но и свои собственные интересы. Что это «быдло» может лишь разрушить и великую страну и великую культуру. О том, что сами «власть имущие» уже не в силах были остановить распад государства и экономическую катастрофу, – об этом, естественно, умалчивалось.

Лукавство подобного остроумия состояло в том, что в одну кучу валилось все, что относилось к сфере государственного управления. Между тем, в ней сосуществовали совершенно различные функции. Были функции действительно сложные, требовавшие сугубо специальных знаний и опыта. Но гигантская часть государственной машины и основная масса чиновников – как раз те, кто ближе всего соприкасался с гражданами – занимались теми простейшими функциями управления, которые вполне можно было передать самому обществу.

«Капиталистическая культура», – пишет Ленин, – «создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а на этой базе громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что... можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного»». Утратив «политический» характер, данные общественные функции стали бы сугубо административными. И это был бы уже «небюрократический аппарат» власти².

На самом Сестрорецком заводе и в поселке чиновников было множество. С тем же значительным видом, что и их министерские коллеги, они что-то записывали, регистрировали, распределяли, а главное – указывали и распоряжались. И выходило у них все ужасно бестолково и, как говорится, без души. Всегда они опаздывали, что-то путали и любое простое дело – подписать бумагу, поставить печать –

---

¹ Воспоминания о В. И. Ленине, т. 2, М., 1969, с. 224.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 44, 62, 63; т. 34, с. 309.

превращалось для людей, которые были для них лишь «просителями», в тягостное «казенное дело».

Так неужели нельзя по-другому?

Владимир Ильич внимательно присматривался к той же Надежде Кондратьевне Емельяновой, вывозившей на своих плечах весь дом и обширное семейство. Для любого барина она была просто «кухаркой». А Ленин поражался ее практической сметке, умению вести столь сложное хозяйство при достаточно скудных средствах.

Так неужели такие, как она, «кухарки», обремененные доверием населения, не смогут у себя в квартале или поселке составить списки солдатских вдов на пособие, кормящих матерей на молоко, справедливо распределить привезенную в лавку муку, добиться того, чтобы вовремя вывозили нечистоты, а мусор убирали не только у себя во дворе, но и на улице?

Смогут, считал Ленин. Смогут, если их – «доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь» – привлекут к работе их поселкового совета и они на практике убедятся, что это их власть, что и их «с полным доверием зовут к непосредственному повседневному участию в деле управления государством»¹.

Отвечая своим оппонентам на их доводы о «некомпетентности» масс, о необходимости *сначала* научить народ демократизму, Ленин писал: «Мы знаем, что кадеты тоже согласны учить народ демократизму. Кадетские дамы согласны читать, по лучшим английским и французским источникам, лекции для прислуги о женском равноправии... И благодарный народ будет обучаться таким образом наглядно тому, каково республиканское равенство, свобода и братство... Да, мы согласны, что кадеты... по-своему, преданы демократизму и пропагандируют его в народе. Но что же делать, если у нас несколько иное представление о демократизме?»²

Нельзя лезть в воду, не умея плавать, – дальше этой, еще одной «премудрости вяленой воблы» либералы не шли. Их вполне устраивал парламент, на худой конец – Государственная дума, где с 1906 года они упивались законотворчеством «об устройстве оранжереи и прачечной при Юрьевском университете». При всех вариантах, писал Ленин, – «им нужна республика «парламентская», то есть чтобы демократизм ограничился демократическими *выборами*...» Чтобы раз в несколько лет *электорат* голосовал за старое или новое начальство, а в реальной жизни народа ничего – или мало что – менялось.

«Иное представление о демократизме», о котором упомянул Владимир Ильич, состояло в твердом убеждении, что *нельзя научиться плавать, не залезая в воду*. «...Необходимо не только представительство по типу демократии, но и постройка всего управления государством снизу, самими массами, их действенное

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 329.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 315.

участие в каждом шаге жизни, их активная роль в управлении... Вот единственный путь... дающий возможность идти планомерно, твердо и решительно к социализму, не «вводя» его сверху, а поднимая громадные массы пролетариев и полупролетариев к искусству государственного управления, к распоряжению всей государственной властью»¹.

Итак, речь шла о возможности привлечения массы трудящихся к решению их насущных проблем, об *«их действенном участии в каждом шаге жизни»*, а совсем не о том, что с победой революции управлять государством сразу же станут «кухарки».

Вопрос о «кухарке» был поднят в последние годы нашими «ленинцами» поистине на государственный уровень. В остроумии по этому поводу не упражнялся разве что самый ленивый. Остряки не желали портить свои природные дарования – чтением книг. А зря...

«Мы не утописты», – написано у Ленина. – «Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами... Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, что будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту»².

Конечно, решение простых, знакомых проблем повседневной жизни квартала, поселка, городка можно сразу передать рабочим организациям. И если та же Надежда Кондратьевна и ее товарки не знают, что есть бумаги «входящие» и «исходящие», не ведают общепринятых форм учета и отчетности, то пусть их научат этому. Кто? Те же опытные чиновники...

В этой связи необходимо отметить, что когда Ленин пишет о сломе старого государственного аппарата, о перераспределении управленческих функций между государством и обществом, между центром и регионами, он имеет в виду разрушение прежней бюрократической системы, власти, а не ликвидацию чиновничества вообще. «Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца», – подчеркивает Владимир Ильич, – «не может быть и речи. Это – утопия...»

Новая власть «от имени общества» будет нанимать необходимых ей «государственных» служащих. И в первую очередь речь пойдет об управленческом «научно-образованном персонале». Новому государству будут необходимы «в большем и большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода... Мы всем таким работникам дадим

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 287-288.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 315.

посильный и привычный им труд,... оставляя на время перехода более высокую оплату... А организационную форму работы мы не выдумываем, а берем готовой у капитализма... Нам придется лишь заимствовать наилучшие образцы из опыта передовых стран»¹.

Будут привлечены к работе и другие категории чиновников. Ибо «кроме преимущественно «угнетательского» аппарата... есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной, если позволительно так выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо». Надо лишь подобно тому, как это было сделано во время войны в Англии с работниками транспорта, превратить их всех в государственных служащих. Такое «огосударствление» массы чиновников, полагал Ленин, вполне осуществимо и технически и политически. Тем более что в большинстве своем они «сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении».

Так что же получается? – «И вернулось все на круги своя»? Сначала шел разговор о сломе, разрушении старого бюрократического аппарата. Но аппарат-то этот воплощался в конкретных людях. А теперь выясняется, что все они останутся на своих местах. И какая разница для того же «просителя», как их будут называть – старыми бюрократами или новыми государственными служащими?

Отвечая на этот вопрос, Ленин поясняет разницу между бюрократом и служащим. Классические бюрократы – это слой привилегированных должностных лиц, связанных самыми тесными узами с имущими классами и не только «оторванных от масс», но и «стоящих над массами». Между тем, в новом государстве все должностные лица и особенно те, кто имеет отношение к распорядительным, «начальственным» функциям теряют все прежние привилегии и станут выборными и сменяемыми.

«В новых организационно-государственных рамках» их деятельность полностью контролируется Советами. И это блокирует любые притязания управляющих встать «над массами». Мало того, вовлечение в аппарат власти сознательных рабочих и работниц, которых не придется учить ни порядочности, ни чувству справедливости, позволит отсечь «худшие стороны зла» и сделать государственную машину гораздо «более демократичной» и «более всенародной». Именно так, полагал Ленин, «должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками»...»²

Именно Советы, считал Ленин, в силу их теснейшей связи с вооруженными рабочими, солдатами и крестьянами, могли бы на деле осуществить диктатуру пролетариата. Ибо это столь пугающее слово, означает лишь тот факт, что присущие любому государству функции подчинения и насилия перейдут из рук меньшинства к

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 48, 49, 101; т. 34, с. 312.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 80, 100, 115; т. 34, с. 307, 308, 311.

большинству. И обернутся они против тех, кто попытается оказать активное сопротивление новому устройству жизни.

Речь идет не о гильотине. «Гильотина *только* запугивает...» Не об экспроприации собственности. Ибо «не в конфискации имущества капиталистов будет даже «гвоздь» дела...», хотя «особенно упорных и неповинующихся капиталистов придется, разумеется, наказывать конфискацией всего имущества и тюрьмой».

Главная задача диктатуры в другом: всех капиталистов и управленцев высшего ранга «нам надо *заставить работать* в новых организационно-государственных рамках... Поставить их на *новую государственную службу*». Поэтому «гвоздь» дела – «во всенародном, всеобъемлющем рабочем контроле», который блокирует любые формы саботажа, сокрытия доходов, уклонений от налогов и обхода законов. В таком случае это позволит не «ломать сопротивление», не пугать тюрьмой или гильотиной, а просто сделает «сопротивление *невозможным*, ибо от всенародного контроля «нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться»».

Казалось бы, «там где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии». Но в том-то и дело, что «иное представление о демократизме», о котором говорил Ленин, предполагает не только свободу парламентских выборов, дебатов или свободу слова для журналистов. Оно означает прежде всего то, что и составляет смысл самого слова «демократия»: *народовластие*. И уровень демократизма измеряется при таком понимании демократии – степенью вовлечения самого народа в управление делами общества и государства.

«Вместе с громадным расширением демократизма», – пишет Владимир Ильич, – «*впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких», гигантски расширяется и сама арена политического действия. Теперь это будет уже не только борьба между партийными лидерами и партиями, избирательными блоками и парламентскими фракциями. Общественный контроль за производством и распределением, участие в управлении всеми делами, касающимися народной жизни, втягивает в сферу принятия политических решений «подавляющее большинство населения», ранее стоявшего вне всякой «политики» и за рамками любого «демократизма»¹.

Все эти прогностические размышления вполне можно было бы отнести к жанру фантастики, если бы не основывались они на вполне реальной, уже существующей базе. «Если бы народное творчество революционных классов», – написал Владимир Ильич, – «не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя»².

Именно Советы, столь прочно вросшие в 1917 году в российскую жизнь, проникшие буквально во все ее мельчайшие поры, – и это всего лишь за полгода

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 89, 90, 101; т. 34, с. 308 – 312.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 305.

после Февраля, – могли сразу создать костяк новой власти, пользующейся авторитетом и поддержкой у большинства народа. Именно они могли создать принципиально иной тип государства, более совершенного, нежели парламентская республика.

В любой парламентской стране, вновь и вновь поясняет Ленин, – «настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы», а в самих парламентах «только болтают со специальной целью надувать «простонародье»». Но выход из такого «парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорильни в «рабочающие» учреждения».

Советы как раз и дали «возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*». При такой системе «парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями». Если добавить к этому полный отказ от «привилегированного положения депутатов» и реальную возможность их отзыва избирателями, то преимущества такой системы станут еще более очевидны. «По сравнению с буржуазным парламентаризмом», – заключает Ленин, – «это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение»¹.

Опыту русских революций 1905 и 1917 годов, а стало быть, и конкретному анализу истории возникновения и деятельности Советов, Ленин собирался посвятить седьмую главу «Государства и революции». Но работу пришлось прервать. «...Кроме заглавия», – заметил Владимир Ильич, – «я не успел написать из этой главы ни строчки: «помешал» политический кризис... Такой «помехе» можно только радоваться... Приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать»².

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 46, 48; т. 34, с. 304, 305.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 120.

Революция и социально-экономическое положение рабочих (конец 1917 — 1918 гг.)

Чураков Д.О.,
д.и.н., МПГУ

В девяностые годы прошлого века, которые с полным на то основанием могут считаться рекордсменами по части исторического мифотворчества, в научной, учебной и публицистической литературе широко распространилось мнение, согласно которому политика большевиков привела к серьёзным трудностям в экономике и резкому падению жизненного уровня различных слоёв населения, в том числе рабочих. Эти утверждения основывались на некоторых фактах, которые, впрочем, никогда не скрывались и в советской историографии. Однако факты эти препариовались, подтасовывались, предвзято интерпретировались. Результатом хитрых этих манипуляций стало серьёзное искажение исторической правды. Чтобы понять подлинный смысл развернувшихся в 1917—1918 гг. событий, необходимо учитывать в каких условиях молодому советскому государству приходилось делать свои первые шаги. Только так и возможно понять природу, направленность и масштабы мероприятий большевиков по спасению отечественной экономики от того коллапса, в который она попала по вине втянувшего Россию в I мировую войну царизма, а так же проводившего бездарную политику либеральных реформ Временного правительства. Основным господствовавшим в период революции тенденциям развития национальной экономики и посвящено данное исследование.

Факт произошедшей в октябре 1917 г. смены власти сказался на положении рабочих России самым непосредственным образом. Особенно ощутимо выиграли они в плане повышения своего социального статуса. Большевики провозгласили рабочих «классом-гегемоном», господствующим классом со всеми вытекающими из этого последствиями в политической, экономической и социальной сферах. Из «эксплуатируемой массы» рабочие «превратились» в «хозяев страны», «социальную базу» и «опору» нового режима — так в тот момент полагали даже многие оппозиционеры. Советы, в прошлом «классовые организации рабочих», сделались теперь органами государственной власти. Профсоюзы, фабзавкомы, контрольные комиссии и другие рабочие организации на какое-то время получили административные права у себя на предприятиях. С победой революции перед рабочими открылись невиданные прежде перспективы социального роста, приобщения к высочайшим культурным и духовным ценностям, забрезжила надежда на достойную и благополучную жизнь. Однако от начертанных на знамёнах политических партий лозунгов до реальных свершений, от самых заманчивых возможностей до их практической реализации, как правило, лежит дистанция огромного размера, и послереволюционная действительность далеко не всегда

соответствовала тем завышенным ожиданиям, которые возлагали на неё рабочие — рядовые участники и просто современники переломных событий тех месяцев.

Победа большевиков стала своеобразным увенчанием острейшего кризиса, охватившего летом—осенью 1917 г. все стороны жизни российского общества. Не в последнюю очередь негативные явления проявлялись в экономической сфере. Мировая война, совершенно не отвечавшая национальным и геополитическим интересам России, уже в 1915 г. привела к перенапряжению всего народного хозяйства страны. Но если при императорской власти худо-бедно удавалось сохранять экономику на плаву, невзирая на рост оппозиционного движения и поражения на фронте, то Временному правительству эта задача оказалась не по плечу. При всех его составах системный кризис, несмотря на робкие попытки властей остановить лавинообразный процесс разрушения экономики при помощи безудержного славословия в адрес абстрактной демократии, развивался с ускорением, общество погружалось в состояние хаоса¹. Как отмечает современный исследователь Р.А. Белоусов, если Временное правительство получило от царского режима деформированную, но в целом ещё жизнеспособную экономику, то новой большевистской власти после нескольких месяцев господства либералов досталось совсем иное наследство: их предшественники умудрились в сжатые сроки расстроить важнейшие звенья хозяйственного механизма страны. Тем самым “стартовые экономические условия” второго этапа революции были ощутимо хуже, нежели в феврале².

Сокращение производства и массовое закрытие предприятий обозначились сразу же после февраля. Даже частный капитал не очень-то доверял новому правительству, казалось бы с “классовой” точки зрения абсолютно “своему”. Это фатальное неверие нашло своё яркое отражение в массовом закрытии частных предприятий. Приводимый ниже график рисует общую динамику этого процесса³:

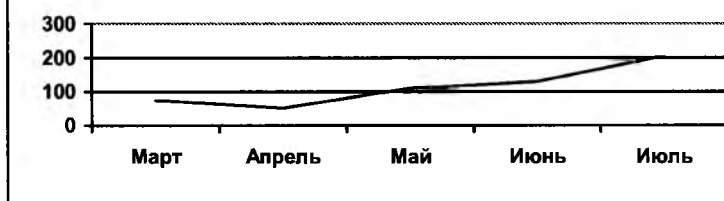
---

¹ Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху модерна. М.: КомКнига/ URSS, 2007. С. 173 и др.

² Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. М., 1999. С. 81—82.

³ Подробные комментарии по затронутому вопросу см.: Галин В.В. Интервенция и гражданская война (Серия: Тенденции). М., 2004. С. 228—229, 248, 255.

**Диаграмма 1. Количество закрытых до июля 1917 г.
предприятий**

В октябре 1917 г. хозяйственная жизнь страны окончательно оказалась в упадке. В промышленности сокращение производства по сравнению с уровнем предшествующего года составляло около 40%. Особенно ощутимые потери понесли важнейшие отрасли промышленности (прежде всего связанные с обороной) в которых было сосредоточено наибольшее число рабочих. Выпуск железа и стали за рекордно короткое время упал с 246,5 млн. пудов до 155,5 млн. пудов., выплавка чугуна — с 282,9 млн. до 190,5 млн., производственная мощность доменных печей в 1917 г. использовалась лишь на 54%. Стремясь сохранить прибыль, владельцы предприятий шли на их закрытие и массовые локауты, что вело к увеличению безработицы. В Петрограде к октябрю закрылось 50 заводов¹. По сводкам "Торгово-промышленной газеты", во Владимирской губернии были закрыты или остановили работу 10 крупных предприятий и финансовых групп. В Костромской губернии за воротами предприятий оказалось 10 000 рабочих². В промышленном поясе вокруг Москвы остановились фабрика Тимашева, Вознесенская и Покровская мануфактуры, другие предприятия. В результате закрытия одной только Богородско-Глуховской фабрики безработными сделались сразу 11 400 человек³. В самой Москве по причине отсутствия заказов было рассчитано около тысячи рабочих и служащих завода Износкова⁴, получили извещение об увольнении рабочие Цинделевской мануфактуры, многих других предприятий.

К осени 1917 г. повсеместно нарастали неизбежные спутники хозяйственной разрухи — инфляция, дороговизна, голод, особенно больно бившие по рабочим⁵. По подсчетам П.В. Волобуева в марте инфляция составила 6,4%, в апреле 13,4%, в мае — 18,4%, а в июне уже 28%⁶. Цены на промышленную продукцию первой

¹ Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 году. М., 1970. С. 450.

² Торгово-промышленная газета. 1917. 3 сентября.

³ Новая жизнь. 1917. 19 августа.

⁴ ЦГАМО. Ф. 186. Оп. 1. Д.32. Л. 80.

⁵ Спартак. 1917. №3. С. 1 — 6.

⁶ Волобуев В.П. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 г. М. 1964. С. 219.

необходимости (материя, обувь, дрова, мыло, керосин и пр.) увеличились на 1109%¹. Быстро дорожало и продовольствие, особенно хлеб. В Москве цены на него повысились в июле на 21%, а в августе на 17% и еще на 14% — в сентябре². По данным журнала "Продовольствие и снабжение" за несколько месяцев с момента февральской революции фунт чёрного хлеба подорожал с 3 ½ коп. до 14, селёдка с 3—6 коп. поднялась в цене до 50 коп., мясо с 19, в крайнем случае 22 коп. — почти до рубля³. В целом в цифровом выражении, по данным комиссии из представителей Московской торговой палаты, пищевые продукты за годы войны вздорожали на 556%, что на 51% больше роста за тот же период оплаты труда⁴. Согласно подсчетам П.В. Волобуева и Б.М. Фрейдлина, в московской промышленности фактический заработок составлял в среднем 50 — 60% довоенного⁵. В пользу таких выводов говорят данные и по отдельным предприятиям. На металлообрабатывающем заводе Гужона зарплата рабочих составляла всего 53% довоенной⁶. Рабочие московских фабрик Губнера, Цинделя, Прохорова в середине сентября 1917 г. откровенно жаловались, что низкие заработки лишают их возможности приобретать необходимые продукты⁷. У текстильщиков Шуи с начала войны по октябрь 1917 г. оплата труда возросла с 17 до 58 рублей в месяц или на 350%, тогда как цены на сало, масло, яйца, мясо подскочили на 900—1221%. Как отмечали в своих документах городские органы рабочего контроля, дороговизна оставалась главным противоречием между рабочими и капиталистами, поскольку зарплата временами была столь низкой, что во многих случаях доходила до "голодного уровня", "в лучшем случае едва-едва покрывая самые минимальные потребности нашего скромного в своём домашнем обиходе рабочего"⁸, а журнал "Продовольствие и снабжение" писал: "Рабочие добились повышения заработка, и в столицах получают теперь по 250—300 рублей, но при таких ценах и на 1000 рублей семейному рабочему не свести концов с концами"⁹.

По сообщению газеты "Голос народа", изнемогая от голода, рабочие при выходе с фабрик буквально падали с ног "и их под руки уводили домой"¹⁰. Драматизм ситуации чётко отразила в своей сводке Александровская продовольственная управа:

---

¹ Бухарин Н. На подступах к Октябрю. М.—Л., 1926.

² Цены на продукты и заработная плата московских рабочих // Статистика труда. 1918. № 1.

³ Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л. 1987. С. 373.

⁴ Новая жизнь. 1917. 26 октября.

⁵ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. С. 91; Фрейдлин Б.М. Очерки истории рабочего движения в России в 1917 году. М. 1967. С. 205. История советского рабочего класса. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917 — 1920 гг. Т. 1. М., 1984. С. 86 и др.

⁶ Гильберт. К вопросу об экономическом положении рабочих завода "Серп и молот" // История пролетариата СССР. 1931. Сб. 7. С. 209 — 210.

⁷ История Советского рабочего класса. Т.1. С. 85.

⁸ ГАИО. Ф. Р-730. оп. 1. Д. 2. Л.12.

⁹ Продовольствие и снабжение. 1917. № 2. С. 13.

¹⁰ Голос народа. 1917. 14 октября.

“В скором будущем, — сообщала она, — толпы городских, фабричных и безземельных деревенских жителей, не получая хлеба из продовольственного комитета, пойдут по деревням и сёлам, как это происходит уже в Иваново-Вознесенском районе”¹. Интересные сведения на этот счёт имеются так же в работах Н. Орлова и современного историка С. Павлюченкова². Как указывает последний, летние выпуски органа Министерства продовольствия “Продовольствие и снабжение” содержали большое количество сообщений о голоде, эпидемиях, спекуляции, избиениях и убийствах работников продовольственных органов. “Голод в Калужской губернии разрастается, говорилось в одном из них, — в пищу употреблено всё, что можно было есть. От недостатка пищи падают коровы и лошади, если их не успели употребить в пищу. Дети умирают массами, умирают и взрослые. Голодные люди ринулись за хлебом в соседние губернии. Мужчины оставляют голодающие семьи в поисках хлеба, женщины бросают под присмотр посторонних лиц своих детей, чтобы идти за хлебом”³. В целом, как итог этой ситуации, имеются данные, что смертность рабочих в 1917 г. возросла по сравнению с 1915 г. на 30 процентов⁴.

В свете сказанного, трудно не согласиться с Р.А. Белоусовым, отмечавшим, что Октябрьская революция стала, в первую очередь, проявлением поражения бездарной политики самого Временного правительства, и уже на этом фоне — победой большевиков⁵. Вполне естественно, что большевики не могли моментально превратить доставшуюся им разорённой, с разрушенной социально-экономической структурой Россию в процветающую, стабильную индустриальную державу. Не решалась в одночасье и проблема взаимоотношений власти и общества⁶. Отчётливо проявившаяся уже в последние месяцы существования царизма и прогрессирующая весь период существования Временного правительства инерция разрушения сохранилась и даже усилилась, что неудивительно. Новому советскому руководству многое предстояло начинать сначала. Во-первых, если государственный аппарат, чиновничество встретили февральскую революцию как свою собственную, активно поддержали её, то по отношению к большевистскому Октябрю их позиция

---

¹ См.: *Шаханов Н.* 1917-й год во Владимирской губернии: хроника событий. Владимир. 1927. С. 91. Впрочем, осенью 1917 г. ситуация в “Русском Манчестере” начала принимать существенно более угрожающие проявления: на Иваново-Вознесенской ткацкой фабрике осенью обострилась угроза голодных бунтов. Фабзавком этой фабрики на своем заседании 21 сентября принял решение всеми силами “сдерживать массу на местах” и разъяснять ей верные решения продовольственного вопроса (ГАИО. Ф. 730 Оп. 1. Д. 314.Л 7).

² *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М. 1996; *Орлов Н.* Девять месяцев продовольственной работы Советской власти. М. 1918. С. 11.

³ Цит по: *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М.1996. С. 8—9.

⁴ Статистика труда. 1919. № 8—10. С. 34—37.

⁵ *Белоусов Р.* Экономическая история России: XX век. М., 1999. С. 82.

⁶ *Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917—1918 годы. М., 2004. С. 351.

была кардинально иной. Во-вторых, к Октябрю общество подошло уже расколотым, прежнего национального единения первых недель после свержения самодержавия не наблюдалось и в помине. Подобно государственным служащим враждебную к Октябрю позицию заняли и многие общественные силы. Не приходилось рассчитывать, к примеру, большевикам на поддержку аппарата кооперации, а так же продовольственных органов, где сильны были позиции умеренных социалистов. Ещё меньше большевики могли надеяться на понимание и поддержку такой влиятельной силы, как частный капитал¹. Интересный факт, много поясняющий в позиции торгово-промышленного класса по отношению к Октябрю, приводит в книге “О времени и о себе” Б. Пророков: владелец одного из предприятий Иваново-Вознесенска, бежавший в Париж, прислал оттуда в фабричный комитет своего предприятия телеграмму. В ней он писал: “Всё забирайте, всё грабьте, всё разоряйте, оставьте только конюшни, чтобы было где вас пороть, когда мы вернёмся”...²

После того, как эйфория, вызванная обещаниями и заверениями победивших в октябре 1917 г. большевиков начала рассеиваться, стала открываться неприглядная картина дальнейшего падения производства и ухудшения снабжения городов хлебом. “Промышленность умирала, — описывает ситуацию в Петрограде рабочий Трубочного завода, видный профсоюзный деятель, правый меньшевик, в последствие оказавшийся в эмиграции Г.Б. Струмилло, — Закрывался не только наш завод. Шёл расчёт и в ряде других заводов”³. Похожая картина упадка наблюдалась и во всех остальных промышленных центрах страны. Разговор о последствиях экономического кризиса состоялся, например, на проходившей в июне 1918 г. Уфимской городской конференции фабзавкомов, контрольно-распределительных комиссий, профсоюзов и советов рабочего контроля. На ней делегаты с тревогой отмечали — всё больше заводов, мастерских и прочих промышленных заведений края было вынуждено сворачивать свою деятельность или вовсе прекращать её⁴. По данным фабзавкомов Москвы здесь так же наблюдались кризисные явления. На многих предприятиях, изготовлявших важную для страны продукцию, выпуск продукции пошёл на спад, причём сокращение производства было значительным: от 20 до 51 процента. Немалая часть заводов и фабрик оказалась закрыта, другие готовились к закрытию⁵.

Остановилось большое количество предприятий и в других городах страны, что очень чётко зафиксировала проводившаяся во второй половине 1918 г. промышленная и профессиональная перепись. Её сведения не всегда полны и

---

¹ Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. М., 1999. С. 81.

² Цит. по: История Советского рабочего класса. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите её завоеваний. 1917 — 1920. Т. 1. М. Наука. 1984. С. 193.

³ Урал и Прикамье (Ноябрь 1917 — январь 1919). Документы и материалы. Париж, 1982. С. 27 и др.).

⁴ См.: Вперёд! 1918. 6 июня.

⁵ Рабочий контроль. 1918. № 2. С. 15.

достоверны вследствие трудностей учёта, возникших из-за начавшейся гражданской войны, но картина в целом ими отображена достаточно объективно¹:

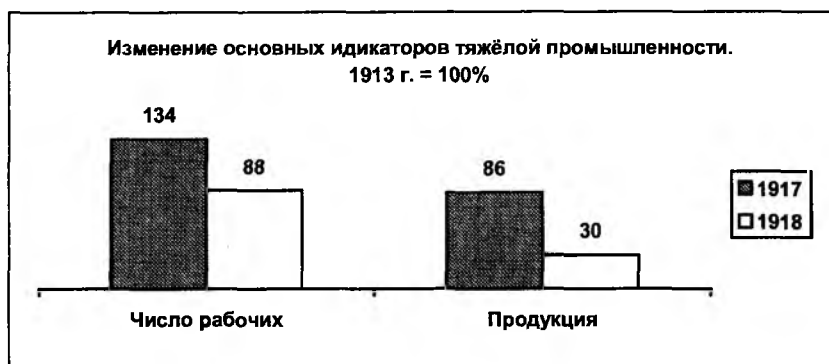
Таблица 1.
Данные о действующих и закрытых предприятиях на 31 августа 1918 г. по
главным отраслям промышленности

Отрасли промышленности	Число про-мышлен-ных заведений	В том числе действующих	Число рабочих на них	Число заведений бездействующих
По всем группам производства	9 774	6 088	1175 549	3 686
В том числе:				
Каменноугольная	43	29	8 369	14
Нефтяная	9	8	982	1
Железорудная и железоделательная	53	31	20 453	22
Машиностроительная	574	476	198 201	98
Химическая	396	276	46 366	120
Хлопчатобумажная	463	335	456 603	128

Результат происходившего был на лицо. По подсчётам советских статистических органов, весьма неполным и приблизительным, как признавали сами работники ЦСУ, по отношению к 1917 г. основные показатели народного хозяйства страны в 1918 г. составили: продукция цензовой промышленности — 48%; транспортные перевозки — 33%; объём внешней торговли — 20%; посевные площади — 96%; заготовки хлеба — 14%. В наибольшей мере падение производства сказывалось на тяжёлой промышленности, что видно из следующей диаграммы²:

¹ Таблица приводится по: *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т. III. Социализм. М., 1956. С. 38.

² По материалам: *Белоусов Р.* Экономическая история России. С. 127.

Трудности в тяжёлой промышленности возникли преимущественно из-за необходимости перевода её на мирные рельсы после выхода России из империалистической войны. Временный подъём во второй половине 1918 г. переживают только те предприятия, которые производили оружие, что было мотивировано начавшейся гражданской войной. Что же касается такого важного показателя, как производство чёрных металлов, то по сравнению с дооктябрьским периодом происходит его дальнейшее сокращение, которое может быть отражено в следующей таблице¹:

Таблица 2.
Производство чёрных металлов в 1917—1918 гг., тыс. т.

	1917	1918
Чугун, всего	3022,6	515,5
в том числе Центр	147,9	52,9
Сталь, всего	3079,6	402,1
в том числе Центр	464,1	130,6
Прокат, всего	2443,6	357,3
в том числе Центр	340,7	118,5

Неблагополучие металлургии не в последнюю очередь вытекало из того упадка, которое переживали добывающие отрасли. В частности, происходит чувствительное сокращение добычи топлива, в том числе угля, см. таблицу:

¹ Приводится по: Белоусов Р. Экономическая история России. С. 139.

Таблица 3.
Добыча каменного угля в 1917—1918 гг., тыс. т.

	1917	1918
Донбасс	24 735	8 862
Урал	1 596	799
Подмосковный бас.	706	383
Всего по стране	31 229	12 9292

Продолжала ухудшаться экономическая конъюнктура и в лёгкой промышленности, но здесь ситуация складывалась менее драматично, её удельный вес в общем объёме промышленного производства в 1918 г. по сравнению с 1917 г. даже несколько повысился: по числу занятых с 41% до 49%, а по выпускаемой продукции с 47 до 62 процентов¹. Но отмеченный рост относительных показателей не должен вводить в заблуждение, т.к. он стал возможен только на удручающем фоне катастрофы в металлургии.

В целом, по данным ЦС ФЗК, общая динамика угасания промышленности в те месяцы выглядела таким образом²:

---

¹ Белоусов Р. Экономическая история России. С. 128.

² Таблица приводится по: Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов / под ред. Е. Цудзи. Ч. III. Токио. 2001. С. 78—79.

Таблица 4.

Основные показатели развития промышленности в 1917—1918 гг.

	1917	1918	1918 г., в % к 1917 г.
Число рабочих в тыс.	2 596,4	2 011,1	77,5
Валовая продукция в млн. довоен. руб.	3 848,2	1 844,8	49,7
Валовая продукция на 1 раб. в год в довоен. руб.	1 482,1	917,3	61,9
<i>Валовая продукция:</i>			
Каменного угля и антрацита в млн. тонн	31,2	13,0	41,6
Нефти в млн. тонн	8,7	3,8	43,7
Железной руды в млн. тонн	4,9	0,8	16,3
Чугуна в млн. тонн	3,0	0,5	16,7
Плугов в тыс. штук	9,9	12,8	25,7
Молотилок тыс. штук	15,2	0,1	0,7
Пиломатериалов в млн. кубометров	5,6	2,7	48,2
Спичек в млн. ящиков	2,3	1,0	43,5

Сахарный песок в тыс. тонн	685,3	333,2	48,6
Махорки в тыс. тонн	118,5	28,5	21,1
Кожаной обуви в млн. пар	7,2	4,5	62,5
Пряжи хлопчатобумажной в тыс. тонн	210,7	117,6	55,8
Пряжи шерстяной в тыс. тонн	32,4	24,9	76,9
Пряжи льняной в тыс. тонн	52,0	27,9	53,7
Бумаги в тыс. тонн	154,6	100,6	65,1

Тесно связан с проблемой спада производства был вопрос негативных изменений в области производительности труда. Один из руководителей экономической политики большевиков А. Ломов признавал, что ноябрь—декабрь 1917 г., а так же начало 1918 г. были отмечены "значительным падением производительности труда"¹. Так, ощутимо по сравнению с дореволюционным временем упало производство винтовок на Ижевском заводе, в то время как на Сестрорецком заводе оно и вовсе прекратилось². В отдельные периоды 1918 г. снижалась производительность труда в главных железнодорожных мастерских Николаевской железной дороги³. Пережив краткий период подъёма, к марту 1918 г. производительность труда снизилась на Охтинских пороховых заводах⁴. С горечью отмечали падение производительности труда на своём предприятии рабочие

¹ Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 87.

² См. данные, приводимые в кн.: Урал и Прикамье. С. 359; Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. С. 8 и др.

³ Петроградская правда. 1919. 31 января.

⁴ Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда. 1918. № 1—2. С. 4.

Семянниковского завода¹. Определённое падение производительности труда наблюдалось в летние месяцы 1918 г. на заводе Новый Лесснер, в июне—августе того же года уменьшается производство продукции в связи с падением производительности труда на Сампсониевской мануфактуре. Отмечались тенденции снижения производительности труда на Ликинской мануфактуре. Приходится признать, что подобного рода явления носили не эпизодичный, а всеобщий характер. В целом по стране падение производительности труда началось ещё после февральской революции, как и другие негативные моменты развития промышленности, усилившиеся после Октября. Так, в 1917 г. производительность труда в промышленности составляла 67% от уровня 1913 г., а в 1918 г — 34%. Валовая продукция на одного рабочего в год в 1917 г. равнялась 1 482,1 довоенных рублей, а в 1918 г. — уже 917,3, что составляло 61,9% от уровня 1917 г. По отдельным отраслям производства к 1918 г. картина падения индивидуальной производительности рабочих может быть показана следующим образом²:

Таблица 5.
Выработка на одного рабочего в день (в рублях 1913 г.) за 1913—1918 гг.

	1916	1917	1918
Горная и горнозаводская промышленность	5,06	2,88	2,24
Машиностроение	8,69	5,88	3,57
Обработка хлопка	7,05	5,16	4,20

Поддержав в Октябре большевиков, рабочие ждали от них эффективных мер, способных закрыть все волновавшие простых людей вопросы, по возможности — немедленно. И, действительно, первое время после установления советской власти происходит некоторое улучшение жизненного уровня рабочих, прежде всего за

¹ Протоколы пленарного заседания Чрезвычайного Собрания Уполномоченных фабрик и заводов Петрограда / Сост. *Е. Цудзи*. Токио, 2002. С. 71.

² Приводится по кн.: *Баевский Д.А.* Рабочий класс в первые годы Советской власти. 284.

счёт экстренных мероприятий победившего революционного режима. Важным фактором, обеспечивавшим рост благосостояния рабочих в эти месяцы, выступали изменения в области оплаты труда. Так, по сообщению прессы, к весне 1918 г. средний заработок рабочих на некоторых предприятиях Урала достигал 300 рублей¹, тогда как прожиточный минимум составлял здесь 200 рублей². Поднимались заработки, а так же социальные выплаты рабочим и в других промышленных центрах страны, что стало одним из направлений политики новых властей³. Рост оплаты труда рабочих мог происходить и опосредованно, например, за счёт отмены отчисления с заработков на содержание местных Советов, как это произошло в случае Белорецкого Совета рабочих депутатов после перехода его под контроль большевиков: все расходы на его содержание были переложены на буржуазию, которая обкладывалась специальной контрибуцией⁴. Отчисляли предприниматели средства и на содержание других пролетарских организаций, в том числе органов рабочего контроля, как это осуществлялось, например, на Инзерских заводах⁵.

И всё же, сохранявшаяся динамика упадка не могла позволить государству, пусть даже самому «революционному» и «пролетарскому», предотвратить негативное воздействие кризиса на материальное положение наёмных работников, благополучие которых полностью зиждилось на состоянии отечественной промышленности и транспорта. Кризис нарастал и по мере его углубления вопрос о жизненном уровне рабочих из экономической передвигался в политическую плоскость. В первую очередь сокращение производства, закрытие предприятий так же, как это наблюдалось при Временном правительстве, вели к росту безработицы. Советские власти прилагали немало усилий по её предотвращению или хотя бы смягчению возможных негативных последствий. Так, на Урале уже в январе 1918 г. при рабочей секции Уфимского совета была образована комиссия по борьбе с безработицей. Кроме этого создавался специальный фонд для помощи безработным, формировавшийся преимущественно за счёт обложения торговцев и домовладельцев, а так же добровольных отчислений рабочих и служащих. В целях обеспечения большей занятости при снижении рабочего

---

¹ Правда. 1918. 19 марта.

² Исхаков С.М. Динамика жизненного уровня и перестройка сознания промышленных рабочих Башкирии в годы гражданской войны (лето 1918 — 1920 гг.) // Реформы второй половины XVII—XX в.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989. С. 130.

³ Илюхов А.А. Политика Советской власти в сфере труда (1917—1922 гг.). Смоленск, 1998. С. 74, 75 и др.

⁴ Козлов П. Октябрь в Белорецке // Пройденный путь: К истории борьбы за диктатуру пролетариата в Приуралье. Вып. 1. Уфа, 1927. С. 56.

⁵ Исхаков С.М. Об экономическом положении рабочих Башкирии в первые месяцы Советской власти (октябрь 1917 — июнь 1918 гг.) // Из истории экономического развития Советской Башки. Уфа, 1988. С.38.

дня вводилась трёхсменка¹. Аналогичные меры принимались в Смоленске, Нижнем Новгороде, Москве. Много делалось для помощи безработным в Петрограде. Так, 12 апреля СНК ассигновал дополнительные 100 млн. рублей для преодоления безработицы в прежней советской столице. Ещё 6 млн. рублей изыскал Петросовет. Для оптимизации учёта безработных и помощи им в поисках работы увеличивалось количество бирж труда. Если при Временном правительстве летом 1917 г. в России действовало всего 2 Биржи труда, то в ноябре — 32, в декабре — 45, в январе 1918 г. — 67, в марте — 89, а в мае — уже 110².

Сложная задача борьбы с безработицей ложилась не только на государственные органы, но и непосредственно на рабочие организации. В отдельных случаях рабочим организациям не только удавалось предотвратить её рост, но и наметить планы по созданию дополнительных рабочих мест. Показателен в этом отношении пример рабочего комитета фабрики Акционерного общества воздухоплавания "В. А. Лебедева". В феврале 1918 г. рабочий комитет фабрики направил письмо в отдел хозяйственной политики ВСНХ. Сообщалось, что ресурсы фабрики вполне позволяют обеспечить работой какое-то количество новых рабочих и довести их количество до 700 человек, тем самым частично решить проблемы борьбы с безработицей³. Здесь следует отметить ещё одну особенность политики советской власти и рабочих организаций, направленной на борьбу с безработицей. Как правило, предпринимаемые меры были сопряжены с решением задачи сохранить "пролетарский костяк", т.н. "кадровых рабочих". Поэтому в первую очередь увольнению с предприятий подлежали военнопленные, представители мелкой городской буржуазии и, в особенности, крестьянства. Не в последнюю очередь крестьяне оказывались первыми в списках на увольнение по той причине, что у них оставалось хозяйство в деревне и они могли прокормить себя помимо завода. Кроме того, часть рабочих относилась к крестьянам с подозрением, как к классово чуждым элементам. Так, на августовском делегатском собрании иваново-вознесенских фабзавкомов было принято решение "провести разгрузку фабрик от пришлых элементов и зажиточного крестьянства"⁴. Очистить предприятие от деревенских элементов, которые и так могут прокормиться на земле, было решено на Тульском патронном заводе. Под руководством союза металлистов вёл работу по «разгрузке» завком Тульского оружейного завода. В декабре 1917 г. эти меры были закреплены в решениях Тульского совета ФЗК, предпринимавшего все возможные меры, чтобы не допустить чрезмерной безработицы и голода. В его рекомендациях предприятиям

---

¹ Ваганова Л.А. Ликвидация безработицы как одно из социальных завоеваний Великого Октября (на материалах Башкирской АССР) // Из истории экономического развития Советской Башки. Уфа, 1988.

² Ильяхов А.А. Политика Советской власти в сфере труда. С. 102—103, 104 и др.

³ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 2. Д. 95. Л. 4—4 об.

⁴ Протоколы делегатского собрания. Вязнечих. 1918. С. 3, 9—10.

города было так и записано: "уволить крестьян, которые могут жить за счет земли", а заодно и "торговцев, поступивших на завод во время войны"¹.

Однако масштабы разрушения промышленности были столь велики, а рост безработицы в связи с этим столь стремителен, что предпринимаемых государством и самими рабочими организациями мер было явно недостаточно. Точных данных на этот счёт не существует. Разные органы, занимавшиеся учётом безработных и борьбой с безработицей, называли разные цифры. Так, московские профсоюзы исчисляли количество потерявших работу в 20 тыс. человек, Районный экономический комитет — в 30 тыс., а Московский Комиссариат труда называл цифру в 40 тыс. Оппозиционная пресса в те дни писала: "Ясно одно, безработица грозит принять невиданные ещё размеры, превратиться в народное бедствие. Демобилизованная армия и возврат военно-пленных вернули и вернут ещё стране миллионы свободных рук. А на встречу этой волне поднимается другая: десятки и сотни тысяч рабочих, выбрасываемых с фабрик и заводов, прекращающих производство. Под двойным ударом брестского мира и социалистических опытов большевистской власти промышленность наша умирает, а вместе с тем рабочий класс обречён на тяжёлую безысходную участь безработного"².

Несмотря на противоречивость имеющихся в распоряжении историков данных, можно представить общую картину возникшей перед страной проблемы. Наркомат Труда, обобщив информацию, полученную от 73 бирж труда, определял количество безработных в первые несколько месяцев 1918 г. в 305 614 человек³. По данным оппозиции, весной 1918 г. насчитывалось примерно 310 000—324 000 безработных⁴. Понятно, что уровень безработицы зависел от множества различных причин и разнился по регионам. Вот как выглядело распределение безработных по различным регионам согласно данным меньшевистских изданий⁵:

---

¹ ГАТО. Ф. 1012. Оп. 1. Д. 5. Л. 129 - 130; там же. Д. 39. Л. 147, 147 Об., 148; ГА РФ. Ф. 6860. Оп. 1. Д. 313. Л. 6 и др.

² Новая Заря. 1918. 22 апреля. С. 21.

³ Бюллетень Народного Комиссариата Труда. 1919. № 1—2. С. 54.

⁴ Редкий случай, когда официальная большевистская печать называла гораздо более существенные масштабы обозначившейся проблемы — 600 тыс. безработных (Правда. 1918. 24 мая)

⁵ Приводится по: Новая Заря. 1918. 10 июня. С. 31.

Таблица 6.
Количество безработных по регионам России в апреле 1918 г.

Регион	Количество безработных
Московский	100 000
Петроградский	50 000
Дано-Кавказский	50 000
Поволжский	50 000
Урал	18 000
Западная Сибирь	10 000
Восточная Сибирь	6 000
Туркестан	7 000
Дальний Восток	3 600
Закавказья	15 000
Итого	309 600

Уровень безработицы различался не только по отдельным районам, но и по отраслям производства, меняясь с течением времени в зависимости от состояния рынка труда, как это отражено в исследовании А.А. Ильюхова. Он показал, что наиболее остро стоял вопрос с поиском нового места работы вплоть до середины лета 1918 г., иными словами, до принятия декрета от 28 июня о развёрнутой национализации крупной промышленности. Потом начинается медленный процесс нормализации рынка труда¹. Но состояние экономики в эти и последующие месяцы было столь плачевным, что даже сохранение работы не гарантировало рабочим минимального достатка. По свидетельствам, которые обобщил Д.Ю. Далин, заработная плата к середине 1918 г. «стояла довольно низко»². Для ЦПР ситуация усложнялась другим обстоятельством — расценки здесь разнились не только в зависимости от отрасли, но и города, в котором находилось конкретное предприятие, что в ряде случаев вызывало конкуренцию между самими рабочими. Выше всего расценки были, понятно, в Москве — более 15 рублей в день, а уже в Московской области средняя дневная оплата составляла всего 11 рублей 73 копейки. Наиболее плохо труд оплачивался в Калужской и Владимирской губерниях — соответственно 9

¹ Ильюхов А.А. Политика Советской власти в сфере труда. С. 227.

² ГА РФ. Ф. 6864. Оп.1. Д. 126. Л. 3.

руб. 76 коп. и 9 руб. 59 коп в день¹. Как отмечалось в циркулярном письме союза металлистов Тулы, "ввиду непрекращающегося обесценивания денег и продолжающегося возрастания цен на предметы первой необходимости реальная заработная плата отстаёт от с каждым днем возрастающих цен"². Аналогичная ситуация в середине 1918 г. складывалась в колыбели революции Петрограде и других городах³.

К весне 1918 г. становится всё более и более осязаемой угроза голода. Особенно болезненная ситуация складывалась в Питере. Дезорганизация транспорта и саботаж продовольственного аппарата привели к частым перебоям в снабжении города продовольствием. Например, 31 октября в Петроград было доставлено только три вагона с продовольствием и фуражом, 1 ноября — шесть, тогда как для удовлетворения потребностей города ежедневно требовалось 28 вагонов. Вспоминая события тех дней, С.Г. Струмилин писал: "Картофельная шелуха, кофейная гуща и тому подобные «деликатесы» переделываются в лепёшки и идут в пищу; рыба, например, селёдки, вобла и т.п., перемалываются с головой и костями и вся целиком идёт в дело. Вообще ни гнилая картошка, ни порченное мясо, ни протухшая колбаса не выбрасываются. Всё идёт в пищу". По его подсчётам, при дневной норме для работника физического труда в 3600 калорий, а при минимальной в 2700 калорий, к началу лета по продовольственным карточкам давали продуктов, содержание калорий в который еле дотягивало до 740, т.е. 26—27% от нормы⁴.

Но неблагополучно с продовольствием дела обстояли и в других регионах страны. Хронически не получала хлеба Москва. Наряды на заготовку и доставку хлеба в город выполнялись с большим напряжением усилий и на очень низком уровне. Вот цифры, которыми в середине 1918 г. оппозиция могла пользоваться как настоящим информационным оружием против бессильного снабдить продовольствием в достаточном объёме даже столицу большевистского режима:

---

¹ ГА РФ. Ф. 6864. Оп.1. Д. 126. Л. 3—4.; Печатник. 1918. № 1.

² ГАТО. Ф. 7. Оп.1. Д. 3. Л. 89.

³ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918—1924 гг.). М., 2006. С. 25.

⁴ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб. 2000. С. 66—67.

Таблица 7.
Погрузка хлебов для Московской области в %% к наряду

1917	
Сентябрь	60,3
Октябрь	50,5
Ноябрь	28,7
Декабрь	8,8
1918	
Январь	10,2
Февраль (14—28)	21,6
Март	22,0

Как видно из приведённой таблицы, наиболее плохо выполнялись наряды по снабжению Москвы хлебом в декабре 1917 г., а так же январе 1918 г. В дальнейшем обстановка несколько нормализовалась, но оставалась критической, и это несмотря на то, что с прекращением войны общий план заготовок по стране сократился с 60—65 млн. пуд в месяц до 30—35 млн. пуд и, следовательно, можно было бы ждать, что степень его выполнения возрастет. Но этого так и не произошло¹.

Особенно обострилась продовольственная ситуация весной 1918 г., когда продовольственные ресурсы центральных губерний иссякли, а богатые хлебом восточные и южные районы оказались под властью интервентов и контрреволюции. В докладе Наркомпрода 9 мая 1918 г. констатировалось, что большая часть запасов товарного хлеба урожая 1917 г. находилась за пределами Советской Республики, в центральных земледельческих районах находилось лишь 52 млн. пудов, или 6% товарного хлеба. Немногом лучше обстояло дело с урожаем 1918 г.: в пяти производящих губерниях Советской России хлебных излишков насчитывалось около 113 млн. пудов, чего не могло хватить даже для полуголодного существования. Положение с продовольствием немедленно сказалось на жизни рабочих. В октябре и ноябре 1917 г. в Иваново-Вознесенском и Кинешемском районах выдавалось по 10 фунтов хлеба на едока, а в декабре — по четыре. В весенние месяцы отсюда по линии Наркомпрода сообщали, что выдача пайка производится из расчета два, максимум три фунта хлеба на едока в месяц, но даже при такой норме хлеб неделями

---

¹ Новая зоря. 1918. 10 июня. С. 26.

не выдавался. Из текстильного края в Центр летели телеграммы, содержание которых было подобно приговору: "Хлеба нет. Население голодает"¹.

В среднем в марте—апреле 1918 г. в ЦПР потребление калорий в пище на одного взрослого члена рабочей семьи в дневном рационе была ниже на 1571 калорию, чем у рабочих производящих губерний², но даже на благополучном Урале поступь революции в продовольственном вопросе становится всё более и более тяжёлой. Уже в конце 1917 г. Уфимский губпродкомитет сигнализировал, что в губернии ощущается недостаток хлеба и неравномерность его распределения³. Нехватка хлеба и других продуктов питания вызвала лавинообразный рост цен. Так, в Вятке после известия о падении Временного правительства фунт хлеба в вольной продаже ежедневно дорожал на 3—5 коп., достигнув цены 65—70 коп. Молоко подорожало на полтора рубля за четверть и стало недоступным для многих рабочих. Цена масла поднялась до 5,5 руб., десяток яиц стал стоить 2,2 руб., кочан капусты — около рубля. Весной 1918 г. фунт хлеба продавался уже по рублю, а то и по полтора, десяток яиц стоили 4,5 руб. Хлебный паёк снизился теперь до 0,5 фунта в день на человека, но для того, чтобы быть уверенным в его получении, приходилось вставать в очередь, знаменитые "хлебные хвосты" тех лет затемно, за несколько часов до открытия лавок. Примерно так же развивалась ситуация и в других городах Урала. Так, в Перми цены на ржаную муку летом 1917 г. составляли 9 руб. за пуд, а в декабре равнялись уже 17,5—19 руб., в Екатеринбурге в то же время пуд пшеничной муки стоил 21 руб. Государство уже не справлялось с регулированием и насыщением хлебного рынка, было бессильно снабдить население нужным количеством продуктов. Например, в Ирбите уже в декабре 1917 г. продовольственная управа выдавала вместо положенных 25 фунтов хлеба лишь 8 фунтов⁴. Кризис снабжения продовольствием был одной из центральных тем на 2-м Областном съезде по управлению национализированными предприятиями Урала 14 — 22 мая 1918 г. Выступая на нём делегат от Богословского горнозаводского округа следующим образом обрисовал сложившуюся у них ситуацию: "Мяса, крупы и картофеля в округе совершенно нет, ...острота продовольственного кризиса дошла до того, что пришлось перемалывать на муку овес, обрекая таким образом на голодную смерть лошадей округа, и этим овсяным хлебом, похожим более на навоз, чем на хлеб, так как за неимением на местной мельнице специальных обдирочных машин мука получается перемешанной с остью и шелухой — население питалось в продолжение двух последних месяцев"⁵. На некоторых заводах запасов хлеба к этому

---

¹ Баевский Д.А. Рабочий класс в первые годы Советской власти. (1917 - 1921 гг.) М.1974. С. 103.

² ГАРФ. Ф. 6864. Оп. 1. Д. 126. Л. 3 - 4.; Печатник. 1918. №1; ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 89.

³ Вперёд! 1918. 29 декабря.

⁴ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 206—210.

⁵ Колчаковщина на Урале (1918—1919 гг.). Документы и материалы. Свердловск, 1929. С.11 и др.

времени оставалось ровно столько, чтобы прокормить рабочих в течении двух недель¹. Заведующий отделом продовольствия городского и горнозаводского населения отдела снабжения при Уфимском губсовете в марте 1918 г. признавался: "Мы не сможем дать хлеба пролетарскому населению в достаточном количестве", и добавлял, что с "предстоящей распутицей необеспеченному населению угрожает голод"².

Разрушение промышленности, безработица, голод — всё это способствовало появлению и других бедственных явлений, таких как бегство рабочих из городов, падение производительности труда, разложение трудовой этики, декларирование и др.росло количество массовых грабежей продовольственных грузов, чем занимались не только обыватели и рабочие, но даже местные власти некоторых населённых пунктов, руководство которых отчаялось получить помощь правительства³. Вслед за этим росла и политическая напряжённость в крупных промышленных центрах. *Только учёт всех этих процессов позволяет понять глубину и масштабы проводимых после Октября 1917 г. реформ в области регулирования трудовых отношений, в конце концов позволивших большевикам не только на каком-то минимальном уровне стабилизировать политико-экономическую ситуацию в стране, но и победить в гражданской войне.* Сами мероприятия советской власти в области экономического развития требуют отдельного исследования и о них речь будет отдельно. Но уже сейчас следует признать, что все попытки объяснить эти очевидные успехи советского режима его репрессивностью несостоятельны. Опыт разрозненных "демократических" и "белых" правительств, а так же более ранняя практика Временного правительства свидетельствовали о невозможности добиться умиротворения в рабочей среде исключительно силовыми методами, без решения рабочего вопроса **по существу**. Методы снятия социальной напряжённости, которые применялись большевиками в чрезвычайных условиях послереволюционной России, и сегодня могут служить наглядным примером эффективного решения сложнейших управленческих задач в условиях всеобщего дефицита человеческих, материальных, временных и других ресурсов.

---

¹ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. С. 211.

² Исхаков С.М. Об экономическом положении рабочих Башкирии в первые месяцы Советской власти. С. 40.

³ Ильяхов А.А. Жизнь в эпоху перемен: материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны. М., 2007. С. 27.

Политические оппоненты большевизма о причинах своего поражения в революции 1917 года

Гусев А.В.,
к.и.н., МГУ

Одним из главных вопросов, стоящих перед исследователями Российской революции 1917 года, является вопрос о причинах, обусловивших победу в ней большевиков и поражение всех других политических сил. Будучи связан с более общей проблемой характера самой революции и ее движущих сил, он активно дебатруется в историографии и в обществе, особенно в связи с 90-летием революционных событий. В поисках ответа на этот вопрос представляется полезным обратиться к тому, как ставился и решался он непосредственными участниками и свидетелями революции, анализировавшими впоследствии произошедшее в России. Обзор их размышлений и дискуссий тем более интересен, что многие современные интерпретации революции представляют собой, в сущности, не что иное, как воспроизведение суждений, высказанных еще в первые послереволюционные годы.

Осмысление причин поражения небольшевистских сил в революции и гражданской войне с самого начала занимало важное место в публицистике и историографии российской политической эмиграции: на эту тему было немало написано представителями практически всех партий и течений – от монархистов до анархистов. Но если попытаться обобщить их основные подходы к проблеме, то в массе предложенных концепций можно выделить несколько центральных интерпретационных моделей, в целом соответствующих секторам политического спектра небольшевистской России.

В *крайне правой* части этого спектра, консервативно-монархических кругах, большой популярностью пользовалась *конспирологическая* интерпретация революции. События 1917 года – как Февраль, так и Октябрь – объявлялись в ней результатом изощренного заговора темных сил – настолько мощного и всепроникающего, что противостояние ему оказалось обречено на провал. Наиболее активно развивал эту концепцию бывший лидер черносотенного Союза русского народа, возглавивший в эмиграции Высший монархический совет Н.Е. Марков 2-й. В своих работах 20-30-х с характерными названиями «Войны темных сил», «История еврейского штурма России» и т.п. он рисует картину глобального масонского заговора во главе с евреями, стремящимися к мировому господству. Именно происками «иудо-масонов» Марков объясняет большую часть событий мировой истории – от Реформации в Европе XVI в. до образования Лиги Наций в 1919 г. В России, доказывает он, «иудо-масоны» проникли во «все клетки государственного организма» и добились сначала падения монархии (когда к власти пришел «скрытый еврей» Керенский), а затем привели к власти «иудо-большевиков». Причины отсутствия

монархического сопротивления свержению самодержавия Марков видит в том, что сам царь в 1917 г. не решился начать междоусобную войну и не призвал своих сторонников к активным действиям. Роковую роль в судьбе русских крайне правых сыграл, по мнению лидера черносотенцев, также и тот факт, что хотя монарх и «весьма благоволил» черносотенцам, но поддался влиянию предателей-приближенных и «не настоял на своевременной и надлежащей государственной поддержке и развитии» их организаций. В результате масонские агенты в правительстве Российской империи стали «теснить, принижать и вести Союз русского народа к разложению»¹. Таким образом, изображая монархистов-черносотенцев мощным народным движением, Марков одновременно признает зависимость его от царского правительства и фактическую неспособность к существованию без поддержки сверху.

Более серьезную попытку проанализировать причины неудач монархистов предпринял философ и общественный деятель И.А. Ильин, ведущий интеллектуал правоконсервативного лагеря. В работе «Почему сокрушился в России монархический строй?» (1952 г.) он прежде всего констатирует фактический паралич монархических сил в 1917 г. и обнаружившийся при падении самодержавия «бутафорский» характер черносотенных организаций. Все это Ильин объясняет не столько кознями темной «закулисы», сколько отсутствием в русском народе «монархического правосознания», т.е. осмысленной преданности престолу как залогом благоденствия России. В широких народных массах, пишет Ильин, соседствовали стихийный монархизм и столь же спонтанный анархизм, а интеллигенция была отчуждена от монархии и пропитана «республиканскими иллюзиями». Когда под давлением интеллигенции царь отрекся от престола, простонародье почувствовало себя освобожденным от присяги самодержцу и выплеснуло наружу свои разрушительные, бунтарско-анархические инстинкты. Народ «впал в состояние черни», и это открыло дорогу к власти большевикам, ибо «чернь всегда обуздывается деспотами и тиранами»².

Однако Ильин не в состоянии объяснить, почему же российская монархия, эта «священная основа национального бытия», не смогла ни воспитать в народе «монархическое правосознание», ни создать сколько-нибудь значимые кадры своих сторонников; почему она рассыпалась как картонный домик буквально в течение нескольких дней; наконец, как и куда моментально испарился «стихийный народный монархизм». Основная слабость концепции Ильина, как и монархической интерпретации российской революции вообще, состоит в том, что монархисты не могли признать факт органического отторжения самодержавия всем российским обществом – и потому либо изобретали фантастические объяснения крушения царизма («всепроникающий заговор»), либо, подобно Ильину, вращались в кругу неразрешимых логических противоречий.

---

¹ Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921-1937. М., 2002, с. 147-148, 182, 371-372.

² Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй?// Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. Париж, 1956, с. 419-430.

В оценке всех революционных событий 1917 года как «национальной катастрофы» и «государственного самоубийства» России с правыми консерваторами сходились представители *консервативно-либерального* лагеря. Так, видные в прошлом деятели кадетской партии В.А. Маклаков и П.Б. Струве полагали, что уже Февральская революция означала поражение либерализма, поскольку она разрушила сбалансированную политическую систему, которая основывалась на разделении власти между царем и Государственной Думой и создавала оптимальные условия для проведения по-настоящему либеральных реформ, типа столыпинской. Свержение монархии, уничтожив одну из основ порядка, подорвало саму государственность, начался «всероссийский распад», и его неизбежным итогом стало утверждение демагогической диктатуры наиболее безответственной политической силы – большевиков. Следовательно, Февраль 1917-го автоматически породил Октябрь. И в этом, подчеркивает Маклаков, есть существенная доля вины самих либералов, так как они отказывались сотрудничать с царем и его правительством, открывая тем самым дверь революции – явлению антилиберальному по самой своей сути¹.

Рассуждая таким образом, либеральные консерваторы не придавали существенного значения ни породившим революцию объективным процессам, ни самостоятельной роли в ней народных масс. Характерный для них подход был сформулирован философом С.Л. Франком, писавшим, что «народ в смысле низших классов или вообще толщи населения... не является инициатором и творцом политической жизни. Народ есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства».² Политическая жизнь вообще и революция в частности представлялись, с этой точки зрения, результатом верхушечного взаимодействия и борьбы политических элит. Но вытекающее отсюда сведение проблемы к «разрушительной работе» радикально-демократического интеллигентского меньшинства, уничтожившего стабильную государственность, не позволяло должным образом оценить глубину социально-политического кризиса, который охватил Россию к 1917 году. Действительно, если бы раздиравшие российское общество противоречия могли быть разрешены эволюционным путем в рамках третьеиюньской политической системы, защитниками которой выступали в эмиграции Маклаков, Струве и их единомышленники, то революция стала бы излишней. Однако эта система показала на практике полную неэффективность и фактически распалась; царское правительство не желало сотрудничать с либералами даже в ограниченных пределах, показателем чего явилось, в частности, разложение партии и парламентской фракции октябристов, строивших свою политику именно в расчете на

---

¹ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954, с. 375-378; Он же. Власть и общественность на закате старой России. Т. 1. Париж, 1936, с. 243-244; Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи// Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967.

² Франк С.Л. De Profundis// Из глубины, с. 314.

компромисс с царизмом. Поэтому объяснение поражения либералов их чрезмерным радикализмом и неприятием дореволюционных порядков не могло не вызвать возражений со стороны других эмигрантских авторов.

По мнению кадетского лидера П.Н. Милюкова, представлявшего *собственно либеральное* течение в российском политическом спектре, падение самодержавного режима открывало возможность для утверждения принципов либерализма в общественной жизни страны. Февраль 1917-го принес общенациональную, освободительную революцию, отвечавшую коренным потребностям развития России. Временное правительство, главенствующие позиции в котором первоначально заняли кадеты, было способно, с точки зрения Милюкова, осуществить назревшие либеральные преобразования и успешно руководить ведением войны. Однако этому помешало тяжелейшее экономическое положение, хозяйственная разруха, унаследованная от прежнего режима. К тому же возникшая после февраля конструкция власти оказалась непрочной в силу своей разнородности: наряду с правительством, выражавшим общенародные интересы, она включила Советы, которые отражали узкоклассовые и партийные интересы социалистических партий. Конфликт между этими двумя противостоящими друг другу элементами обрек политическую систему на нестабильность, приведя в конечном итоге к ее разрушению и захвату власти большевиками. Причем здесь, как отмечает Милюков, проявилось, кроме всего прочего, действие общего «социологического закона» революций, в соответствии с которым все они не могут вовремя остановиться и доходят в своем развитии до крайностей¹.

Говоря о «социологическом законе» нарастания радикализма в революционном процессе, Милюков имел в виду прежде всего опыт Великой Французской революции XVIII в.² Но господство крайних радикалов было в ней лишь временным явлением, после чего последовал переход власти в руки более умеренных политических сил. Почему же этого не произошло в России, и большевистская диктатура – которую идеолог кадетизма характеризовал как насквозь утопическую и реакционную – не пала? Рассматривая этот вопрос в книге «Россия на переломе: Большевистский период русской революции» (Париж, 1927 г.), Милюков указывает на создание большевиками безжалостной и эффективной машины насилия и принуждения, однако главную причину сохранения их господства он видит не столько в силе большевиков, сколько в слабости их противников – антибольшевистского движения периода Гражданской войны. Последнее, с его точки зрения, могло победить, если бы носило демократический характер и сохраняло

---

¹ Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2002.; Он же. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Париж, 1927, с. 40-43.

² Интересно отметить сходство оценок Милюкова с высказываниями некоторых современных историков из школы «Анналов», которые считают якобинскую диктатуру с ее террором проявлением того, что Французскую революцию «занесло» (Furet F., Richet D. La révolution française. P., 1965, vol.1, p. 165).

верность принципам Февральской революции. Но оно постепенно превратилось в белое движение, попав под контроль право-реакционных и авторитарных сил. Ярко выраженный классовый и великодержавный характер белогвардейщины оттолкнул от нее народные массы и нерусские народности, что привело к ее краху. Роковая ошибка либералов-кадетов, подчеркивает Милюков, заключалась в том, что они связали себя с этим белым движением – и потому разделили его историческое поражение¹.

Анализ причин поражения либералов, данный профессиональным историком Милюковым, был, несомненно, более глубоким, чем альтернативные интерпретации, исходившие из либерально-консервативного лагеря. И все же ряд вопросов оставался без ответа и в милюковской концепции: почему либералы неуклонно теряли общественную поддержку в период между февралем и октябрём 1917 г.? Почему они столь неудачно выступили на выборах в Учредительное Собрание? Случайно ли они оказались союзниками право-реакционных сил в рамках белого движения?

Найти ответы на эти вопросы едва ли было возможно без признания тесной связи российского либерализма с имущими классами – крупными землевладельцами и буржуазией. Будучи заинтересованы лишь в ограниченных реформах, эти общественные группы сопротивлялись глубоким преобразованиям как в социально-экономической сфере (радикальное перераспределение земли, расширение прав рабочих), так и в области государственного устройства (предоставление нациям возможности самоопределения, федерализация России). Отсюда вытекало стремление либералов затормозить развитие демократической революции, что неизбежно вело к резкому сужению их общественной поддержки.

На эту консервативную, по сути, роль либерализма в революции 1917 г. указывали в своих работах представители *социалистического* сектора российской политической эмиграции: меньшевики Ф.И. Дан², В.С. Войтинский³, П.А. Гарви⁴, И.Г. Церетели⁵, эсеры В.М. Чернов⁶, В.В. Сухомлин⁷, Е. Сталинский⁸ и др. По их мнению, позиция, занятая либералами, фактически помогла большевикам захватить власть в стране: если бы кадеты и другие либералы во Временном правительстве не саботировали всеми способами скорейший созыв Учредительного Собрания, передачу помещичьей земли в руки земельных комитетов и начало переговоров о

---

¹ Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 2, с. 1-5, 243.

² Дан Ф. К истории русской революции// Социалистический вестник, 1931, № 10, 11.

³ Войтинский В.С. 1917-й: год побед и поражений. М., 1999.

⁴ Гарви П. Закат большевизма. Десять лет диктатуры. Рига, 1928.

⁵ Церетели И. Вопрос об Учредительном собрании в первом коалиционном правительстве// Социалистический вестник, 1962, № 7-8.

⁶ Чернов В.М. Перед бурей. Минск, 2004.

⁷ Сухомлин В.В. Политические заметки// Воля России, 1929, №12.

⁸ Сталинский Е. Что дальше?// Воля России, 1927, №11-12.

заключении мира, то большевикам не удалось бы привлечь на свою сторону широкие народные массы. Характеризуя поведение буржуазных организаций в 1917 г. как «политический саботаж», социал-демократ П. Гарви писал: «Русская буржуазия, бескрылая и бесхребетная, своекорыстная и близорукая, оказалась неспособной даже в лице своей интеллигенции руководить собственной буржуазной революцией. Страх перед пролетариатом заранее ее обессиливал, толкал в объятия помещичьей контрреволюции»¹. Таким образом, социалисты возвращали упрек в «классовом эгоизме» либералам.

Но почему же сами социалисты, также входившие во Временное правительство и доминировавшие после февраля в Советах, не настояли на проведении всех вышеперечисленных мероприятий, которые могли выбить почву из-под большевистской агитации? Отвечая на этот вопрос, авторы социалистического направления связывали недостаток своей настойчивости со стремлением сохранять коалицию с буржуазными партиями и, тем самым, единство общедемократического фронта. Однако поскольку либералы и социалисты занимали противоположные позиции по всем основным политическим вопросам, их правительственный альянс являлся на практике совершенно непродуктивным. «Сохранение их коалиции в правительстве вело лишь к их взаимной нейтрализации, то есть к параличу творческой деятельности правительства, — отмечал в своих воспоминаниях лидер эсеров Чернов. — Невозможность же никак не откликнуться на неотложные вопросы жизни вела к постоянным конфликтам внутри правительства, к министерским кризисам, перестройкам в его личном составе, после чего опять начиналась все та же «сказка про белого бычка», создавая впечатление неустойчивости, неавторитетности власти и никчемности ее существования»². Выходом из положения, с точки зрения Чернова, мог стать переход от буржуазно-социалистической коалиции к формированию однородного социалистического правительства, способного проводить необходимые преобразования, которых требовали массы, — создание власти «с твердой крестьянско-рабочей, федералистической и пацифистской программой»³. Но к такому выводу большинство эсеров и меньшевиков пришло слишком поздно: когда они начали предпринимать реальные шаги в этом направлении, большевики уже успели захватить инициативу в свои руки и, по выражению Дана, «стояли у ворот»⁴. Не сумев, таким образом, распорядиться широкой общественной поддержкой, которой она пользовалась на первом этапе революции, небольшевистская «революционная демократия» оказалась зажата между двумя авторитарными силами, «красными» и «белыми», и в конечном итоге раздавлена ими.

---

¹ Гарви П. Указ. соч., с. 7.

² Чернов В.М. Указ. соч., с. 336.

³ Там же.

⁴ Дан Ф. К истории русской революции, с. 8.

Хотя эсеровские и меньшевистские авторы признавали одной из причин своего поражения допущенные ими политические ошибки, более значимым им все же представлялся другой фактор: слабость тех общественных сил, на которые мог опереться в России демократический социализм. Такими силами неонародники считали «трудящиеся классы» (рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию), а социал-демократы связывали свои надежды преимущественно с пролетариатом. Трагический исход российской революции, по мнению социалистов, был связан в первую очередь с тем, что эти общественные классы не успели в полной мере сформироваться и достигнуть необходимой степени зрелости.

В статье «Охлос и демос», опубликованной в 1919 г., В. Чернов писал о присутствии в российском народе и общественном движении двух противоположных начал – демократического и охлократического. Носителем первого является демос – трудящиеся, которым свойственна сознательность, организованность и самодисциплина; носитель второго – охлос, народ-толпа, аморфная масса, подчиняющаяся слепым инстинктам. Превращение распыленной людской массы в демос представляет собой сложный и длительный процесс, связанный с формированием организаций трудящихся, выработкой их классового сознания, накоплением социального и политического опыта. Утверждение «хищнического» варианта капитализма в условиях всеобщего бесправия и самодержавного гнета разрушало архаичные устои российской общественной жизни, но в то же время затрудняло «кристаллизацию демоса». Отсюда то существенное место, которое занимали в российском обществе более или менее «деклассированные» элементы, питательная субстанция «охлоса». Война и сопутствовавшая ей экономическая разруха, отмечает Чернов, резко расширили эту социальную группу: «В моменты острого кризиса, постигающего народное хозяйство, количество «деклассированных» элементов возрастает внезапно с необыкновенной быстротой и в колоссальных размерах»¹. Деклассированию подвергся, во-первых, промышленный пролетариат, опытные кадры которого были мобилизованы в армию. На тот же факт указывает и Гарви: «Благодаря войне молодой русский пролетариат, и без того еще не порвавший пуповины, связывавший его с деревней, был еще больше «разводнен» притоком деревенщины и городского мещанства. Узкая прослойка марксистской рабочей интеллигенции была в значительной части смыта военной волной»². К тому же промышленные предприятия работали с большими перебоями, что превращало занятых на них рабочих в массу временно бездействующих лиц, получающих неполное жалованье.

Во-вторых, деклассировались вчерашние рабочие и крестьяне, призванные на длительный срок в армию. Оторванные от дома и производительного труда, согнанные в казармы, они проникались специфической солдатской психологией,

---

¹ Чернов В.М. Охлос и демос// Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999, с. 121.

² Гарви П.А. Указ. соч., с. 8.

глубоко отличной от классовой или гражданской.¹ Важную роль «солдатчины» в событиях 1917 года подчеркивали многие авторы-социалисты, стремившиеся найти разгадку судьбы российской революции. Так, социал-демократ А.А. Богданов писал о том, что армия воспитывала в людях склонность к авторитарным методам, уравнительному потреблению и, самое главное, к насилию как способу достижения любых целей: «Логика казармы, в противоположность логике фабрики, характеризуется тем, что она понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организационного опыта и труда». И эта своеобразная казарменная «культура» накладывала свой явственный отпечаток на политическое поведение солдатских масс.² Особенно быстро, добавляет Чернов, развивался процесс деклассирования и деморализации в тыловых гарнизонах, где солдаты были обречены на безделье.

«Неработающие рабочие, сухопутные матросы и невоюющие солдаты» – эти три элемента, по мнению эсеровского теоретика, составили тот «охлос», который в какой-то момент «сломав все тормоза, опрокинул все рогатки, сбросил все организационные недоузки – и «демос» беспомощно расплылся и потонул в «охлосе»...». Охлократия же, неспособная к демократическому самоуправлению и сознательному социальному творчеству, неизбежно порождает из себя демагогически окрашенный деспотизм. Именно в этом видел Чернов главную причину победы большевиков над демократическими социалистами.³

Сходную аргументацию развивали в своих работах меньшевики, отмечавшие выявившееся в 1917 г. несоответствие между разрушительным и созидательным потенциалом народного движения в России. Сумев уничтожить «старый порядок», широкие массы российских трудящихся не дозрели в то же время до роли «сознательного большинства» в марксовом понимании, т.е. до уровня социального субъекта, самостоятельно переустраивающего свою жизнь на новых основах. В этом противоречии коренилось явление, которое Ф. Дан назвал «вождизмом»: подчинение массового движения авторитарному политическому руководству. Большевистский «вождизм», писал Дан, поднялся на гребне волны народной стихии, пробуждавшейся от вековой политической спячки. Та же волна смысла «сравнительно тонкий слой классово-сознательного пролетариата», на который опирался меньшевизм.⁴ Этот социал-демократический авангард оказался слишком малочисленным, чтобы сохранить влияние на «взбудораженные революцией, политически не искушенные и не вышколенные» массы.⁵

Сочетанием собственных ошибок и объективных факторов объясняли свое поражение в революции и представители российского *анархистского* движения. В

---

¹ Чернов В.М. Охлос и демос, с. 124-125.

² Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990, с. 335-336, 353.

³ Чернов В.М. Охлос и демос, с. 125-131.

⁴ Дан Ф. Тридцать лет// Социалистический вестник, 1933, № 10-11, с. 10-11.

⁵ Гарви П. Указ, соч., с. 8.

коллективной работе «Большевицкая диктатура в свете анархизма», изданной в 1928 г. в Париже группой русских анархистов-коммунистов «Дело труда», констатировалось, что влияние анархизма в революционный период было весьма существенным: «Популярность анархистов среди рабочих Москвы, Петрограда, Украины была поистине огромна. Можно без всякого сомнения сказать, что в 1917 и 18 г. не было ни одного мало-мальски крупного завода не только в районе столиц, но и далее, где бы не было анархической организации, где не велось бы энергичной агитации в анархическом смысле». Более того, народные массы спонтанно проникались анархическими идеями и, захватывая в свои руки землю и фабрики, использовали тем самым свойственные анархизму методы «прямого действия». Таким образом, тезис о проявившихся в революции «анархических инстинктах» масс, который присутствовал в работах монархистов, либералов и социалистов, получал подтверждение из уст самих анархистов. Однако в конечном итоге анархизму не удалось добиться успеха, и он снова «сошел на положение гонимой секты».¹

Размышляя над причинами произошедшего, анархисты усматривали важную причину своего поражения в неорганизованности, распыленности собственного движения. Действительно, в 1917-1918 гг. это движение представляло собой, в сущности конгломерат не связанных или слабо связанных между собой групп и региональных федераций, какая-либо организационная структура общенационального масштаба у анархистов отсутствовала. По мнению анархо-коммунистов из «Дела труда», это было связано с максималистским пониманием принципа свободы личности, который, будучи доведен до абсолюта, блокировал возможность коллективных действий. Раздробленность анархистского движения порождала и неопределенность его идейно-теоретических позиций, изобилие самых разнообразных и подчас противоречивших друг другу программ и интерпретаций идеи создания безвластного общества. В результате «у анархистов не оказалось общепризнанных организационных начал, общепризнанной теоретической платформы, общепризнанного продуманного плана и т.д.»². По выражению одного из крупнейших деятелей российского анархизма П.А. Аршинова, в такой ситуации «мысль и действие анархистов распыляются до абсурда». Анализируя неудачи либертарных сил в революции, Аршинов добавлял к самокритике анархизма также тезис о своеобразном интеллектуальном снобизме многих анархистских теоретиков, которые свысока относились к низовым народным инициативам антиэтатистского и самоуправленческого характера, полагая, что «истинное» анархическое движение должно развиваться исключительно по их теоретическим схемам и под их руководством. Этим Аршинов объясняет, в частности, то, что большинство

---

¹ Большевицкая диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти (Коллективное исследование). Париж, 1928, с. 8-10, 12.

² Там же, с. 15.

анархистов осталось вне наиболее мощного антигосударственнического движения периода революции и гражданской войны – махновщины.¹

Не менее важным фактором, помешавшим успеху анархистов, являлась, по их мнению, неопытность народных масс, «веками воспитанных в рабстве», незрелость сознания народа, которая позволила большевикам одурманить его своей демагогией и подчинить новому деспотизму.² Видный идеолог российского анархизма В.М. Волин в специальной статье под названием «О причинах «поражения анархизма» в русской революции» определил главную слабость трудящихся классов России как отсутствие у них развитых структур самоорганизации. Для восприятия и проведения в жизнь анархических идей нужна была институциональная база – «широкая сеть прочных, имеющих историческое прошлое, прошедший известный путь идейного развития, опыта и борьбы классово-трудовых организаций». Такого рода профсоюзные, кооперативные, производственные, культурные объединения рабочих и крестьян активно создавались во время революции, но «было поздно ковать оружие, когда борьба была уже в разгаре». Эти наспех образованные, часто непрочные структуры не смогли составить каркас народной самоорганизации, и потому идеи анархизма, по образному выражению Волина, «бросались в воздух и рассеивались, нигде не встречая «принимающих станций».³

Таким образом, почти все политические оппоненты большевиков, за исключением крайне правых сторонников конспирологических теорий, сходились между собой в признании *объективных* предпосылок своего поражения в революции 1917 года. Главным объективным фактором, способствовавшим победе большевизма, они считали относительно низкий уровень сознания и организованности народных масс. Однако выводы, которые делали из этого представители различных политических течений, были далеко не одинаковыми. Для идеолога монархизма Ильина, равно как и для либеральных консерваторов типа Маклакова и Струве, опыт 1917 года являлся подтверждением пагубности революций как таковых и необходимости сосредоточения власти в руках политических элит, единственно способных обеспечить поступательное развитие общества. Принципиально иной урок вынесли из революции представители небольшевистского левого лагеря: завоевать свободу и народное самоуправление может лишь сам народ, но для этого он нуждается в опыте самостоятельного политического и социального действия – опыте, накопление которого невозможно без серьезных испытаний и борьбы. Исход же общественной борьбы во многом зависит от *субъективных* факторов, сознательной деятельности политических сил, которые должны учиться на своих ошибках и стараться не повторять их.

---

¹ Аршинов П.А. История махновского движения (1918-1921). Запорожье, 1995, с. 222-223.

² Большевистская диктатура в свете анархизма, с. 16.

³ Волин. О причинах «поражения анархизма» в русской революции// Анархический вестник, 1923, № 5-6, с.11.

Год 1917: социально-психологические аспекты крестьянского протеста в Западной Сибири

Дорофеев М.В.

Сохранение после отмены крепостного права помещичьего сословия с его привилегиями и землями означало сохранение бесправного крестьянского сословия с его обычным правом, волостным судом, «властью мира» и т.д. Из поколения в поколение в крестьянском сознании господствовала одна ведущая идея - земля принадлежит народу. В крестьянской психологии в России во все времена идея принадлежности земли Богу, а стало быть, обществу в целом, - как отмечал Л.В.Милов, - была ведущей основной идеей и составляла одну из главнейших особенностей русского народа.¹ Это четко прослеживается в русских пословицах, где почти не затрагивается аспект собственности на землю. Пословица «Не тот хозяин земли, кто по ней бродит, а кто по ней за сохой ходит» обуславливает право обладания землей трудом на ней. Подобную трактовку можно дать и пословице «Без хозяина земля - круглая сирота»: слово «хозяин» подразумевает не только право распоряжения объектом, но и приложение творческих усилий. Отметим, что в условиях слабости институционального оформления отношений крестьянина и земли получала распространение апелляция к внеправовым, прежде всего, моральным и религиозным обоснованиям права владения своим участком, который фактически являлся жизненным пространством.²

В условиях многоземелья ценилась (что нашло отражение в случаях покупки земли) не сама земля, а вложенный в нее труд. Крестьянин не скажет: «купить землю», а всегда более определенно: купить «пашню», «купить лес» (взращенный). Точно так же и в случае аренды земли крестьяне считали, что сдается не земля, а «пахоть», «работа», т. е. затраченный на распашку целины труд. Продажа необработанной земли никогда не имела места.³ При решении спорных вопросов труд рассматривается как основной источник права на землю. В глазах сибирского крестьянина безусловного права собственности на землю быть не могло, так как она не являлась продуктом труда человека. Право, по его мнению, возникало тогда, когда в землю вкладывался труд, и исчезало оно в случае, если прекращалось

---

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С.571.

² Реутов Е.В. Земля как ценность в русских пословицах // Социологические исследования. М., 2002. № 9. С. 117.

³ Платонов О.А. Русский труд. М., 1991. С. 96 – 98.

использование земли. При этом в ход пускался такой аргумент: «для первоначального ее приготовления под хлебопашество он должен был употребить немалые труды».¹

Февральская революция 1917 года породила надежду на решение аграрного вопроса. В Сибири партия эсеров, претендовавшая на право выразительницы интересов крестьянства, выступала в русле существовавшего в крестьянской среде мировоззрения на право владения землей. Так, еженедельная газета Новониколаевского комитета Сибирского союза социалистов-революционеров писала: «Мы желаем, чтобы землю отнять у помещиков, бывшего царя и его семьи, от монастырей и церквей и сделать эту землю «ничьей», так чтобы никто ею не владел, а чтобы заведовали ею сами трудящиеся. Тогда каждый желающий обрабатывать ее трудом своим и своей семьей, без найма рабочих, мог бы получить каждый раз столько, сколько мог бы обработать, или сколько ему нужно для безбедного существования»².

Как известно в Сибири не было помещичьего землевладения. Все сибирские земли принадлежали государству (казне), правящему монарху (кабинетские земли) и сибирскому казачьему войску³. Сибирские крестьяне были лишь пользователями своих земель, на которые они приобрели юридическую основу владения согласно землеустроительного закона от 23 мая 1896 года⁴. Аналогичный закон был принят 31 мая 1899 года и для крестьян Алтайского округа. Согласно данным законам на каждую душу мужского пола отводился земельный надел в размере 15 десятин удобной земли и лесной надел до 3 десятин. Если фактическое землепользование превышало 15-десятинную норму, то сельское общество обязано было допринять в свой состав новых членов, в противном случае земля отрезалась у крестьян в пользу казны или кабинета с последующей сдачей ее в аренду или передачу под переселенческие участки.

С лета 1906 г. правительство возглавил П.А. Столыпин, перед которым стояли следующие задачи: при сохранении в неприкосновенности помещичьего землевладения необходимо было освободить крестьян от общинной зависимости и предоставить желающим землю бесплатно в личную собственность. Главной задачей реформы в экономическом плане было повышение благосостояния крестьянства путем развития сельского хозяйства, а в социально-политическом отношении – создание мощного слоя зажиточных крестьян как опоры власти. Массовые крестьянские волнения осенью 1905 г. поставили вторую задачу на первое место.

---

¹ Костров Н.И. Юридические обычаи крестьян-старожилы Томской губернии. Томск, 1876. С. 41.

² Земля и Воля. Новониколаевск, 1917. 10 марта.

³ Статистика Российской империи. Т.XXXII. Вып. 12. Томская губерния. СПб., 1894. С.2.

⁴ Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся на землях губернии Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. ПСЗРИ. Собр. 3. Т.XVI. №12998.

Первая русская революция со всей очевидностью показала взрывоопасность аграрного вопроса. По мнению правящих кругов, роль предохранительного клапана в этом случае должно было сыграть аграрное переселение на восточные окраины¹. Переселенцы хлынули в Сибирь настоящим потоком, с 1 января по 1 ноября 1907 г. за Урал проследовало до 530 тыс. человек, из которых почти половина направилась в Томскую губернию.

19 сентября 1906 г. вышел указ «О предоставлении под переселение свободных земель в Алтайском округе», согласно которому кабинетские земли Западной Сибири, наравне с государственными (казенными), призваны были помочь решению аграрного вопроса. Исключительность, обособленность кабинетских земель ликвидировалась.

С 1907 по 1915 гг. в Алтайском округе проводилась крупная земельная реформа, имевшая задачей отграничение земель Кабинета и крестьян и ставшая одним из самых острых вопросов жизни алтайской деревни. В переселенческие участки обращались: а) свободные земли; б) оброчные статьи (по мере прекращения на них договоров); в) земельные излишки (остававшиеся за Кабинетом по результатам предыдущего поземельного устройства)². При проведении землеустройства власти стремились смягчить аграрный кризис в стране, устроив часть переселенцев за счет старожилов. Кабинет рассчитывал отрезать у крестьян часть земель, чтобы расширить арендный фонд для развития собственного земельного хозяйства. Следуя циркулярному письму начальника управления от 23 декабря 1906 г., в 1908 – 1910 гг. у старожилов отобрали наибольшее количество земель. В ходе землеустройства 1909 г. у старожилов были изъяты как лишние 316 тыс. десятин земель, лугов и пастбищ. Из фонда отрезков для переселения было выделено 123 тыс. десятин, а 193 тыс. десятин осталось в распоряжении Кабинета³.

За 1907 – 1915 гг. только на Алтае Переселенческому управлению было передано более 3,4 млн. дес. земли, в т.ч. 1,6 млн. из свободных земель, 1,1 млн. – из оброчных статей, более 656 тыс. дес. из отрезков землеустройства⁴. Столыпин признавал, что старожилы теряли иногда до четверти своих земель. Руководствуясь законом, у алтайских крестьян за пять лет отобрали около 500 тыс. дес. лучшей земли, в том числе «и постоянные угодья, которые население имело право оставить

---

¹ Колесников А.Д. Состав переселенцев в Сибирь // Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII – начале XIX вв. Томск, 1978. С. 15.

² Переселение в Алтайский округ. Барнаул, 1912. С. 2.

³ Тюткин В.И. Влияние революции 1905 – 1907 гг. на столыпинскую переселенческую политику на Алтае // Вопросы истории Сибири. Томск, 1979. Вып. 10. С. 141.

⁴ Отрезки землеустройства составили около 8% от всей площади крестьянских наделов. См. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747 – 1917 гг.)... С. 194, 200.

за собой»¹. Неслучайно, что именно в это время в Сибири родилось определение землеустройства как «землерасстройства»².

Отбирая у крестьян лучшие земли, Кабинет расширял собственные арендные статьи, окружал крестьянское землепользование своими владениями так, как это делали помещики европейской части России после реформы 1861 г. Старожилы не могли выпускать на пастбище скот, чтобы не произвести потравы на кабинетских землях; не могли проехать на свои раздробленные наделы и провозить из леса дрова, чтобы не пересекать кабинетские земли и не платить за это высокие штрафы.

Политика Кабинета, выразившаяся в наступлении на крестьянские земли, рост числа переселенцев выявили существенную нехватку земель, особенно ощущавшуюся в Бийском, Барнаульском и Змеиногорском уездах. Многие селения получили земельные наделы, совершенно недостаточные для хозяйствования, значительно меньше 15-десятиной нормы, установленной законом в качестве предельной.

Землеустройство ущемляло права и хозяйственные интересы не только старожильского крестьянства, но и переселенцев. И без того невысокие требования к удобству и качеству заготавливаемых переселенческих участков по ходу землеустроительных работ снижались все ниже и ниже. Под переселенческие участки замежевывались земли в местах, трудно доступных для освоения (в силу лесистости или бездорожья). В районах же наиболее активного движения переселенцев под участки все чаще отводились неудобные и малопригодные к обработке земли, нередко лишенные необходимых угодий – сенокосов, выгонов, воды³. В Сибирь переселялись крестьяне в надежде получить в достаточном количестве доброкачественные земли, однако многих ждало разочарование.

С особыми трудностями столкнулись крестьяне в отношении пользования лесом. Закон о землеустройстве предусматривал отвод крестьянам 3-десятинного лесного надела. Однако он не был обязательным и, по возможности, отводился в уменьшенном размере или не отводился совсем⁴.

В среднем по Сибири лесные наделы равнялись 1,6 дес. на наделяемую душу, то есть почти в два раза меньше верхней нормы, предусмотренной законом (3 дес.). Особенно ничтожной она была на кабинетских землях Томской губернии (0,7

---

¹ История Алтая. Барнаул, 1983. Ч. I. С. 265.

² Седых Г.В., Сергиенко В.А. Тивяков С.Д. Земля Кузнецкая – история Сибири. Кемерово, 1997. С. 81.

³ Сухотина Л.Г. Землеустроительная политика правительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Томской губернии) // Вопросы истории Сибири. Вып. 2. Томск, 1965. С. 68.

⁴ ГАКО. Ф. Д.-62. Оп. 1. Д. 8. Л. 73об.

дес.), а в Тобольской губернии (0,9 дес.). Поэтому «лесные беспорядки» составляли содержание подавляющей части крестьянских выступлений.

Такое положение дел обусловило специфику крестьянского землепользования в Сибири и социально-психологический аспект крестьянского протеста выражался в первую очередь в захвате казенных и кабинетских земель, а также в массовых порубках леса, которые продолжались и в годы гражданской войны¹.

В период с марта по декабрь 1917 г. в Западной Сибири состоялось 70 съездов. Программы губернских и региональных крестьянских съездов включали вопросы политического и экономического характеров. Важным вопросом, который часто и активно обсуждался на этих съездах был земельный вопрос, который занимал третье место в общем перечне тем, его рассматривали 19 раз². На съездах крестьянские представители пытались решить вопрос о переходе казенных и кабинетских земель в руки крестьян, то есть просматривается попытка как-то узаконить владение захваченных земель. Например, Продовольственный съезд Томской губернии (Томск 12-17 марта 1917 г.) в резолюции «О кабинетских землях» было записано: «Кабинетские пахотные угодия и покосы должны перейти во временное владение уездных комитетов, сохраняя владение старых арендаторов...»³. Первый крестьянский съезд Томского и Кузнецкого уездов (Томск 25-28 марта 1917 г.) принимает следующую резолюцию по вопросу о земле: «8. Кабинетские и удельные земли передаются в общенародное достояние без выкупа»⁴.

Крестьяне не желали ждать, когда им будут переданы земли и продолжили захват, поэтому уже в июне 1917 г. Второй Каинский съезд крестьянских депутатов требует: «1. В виду аграрных беспорядков прекратить самовольный захват земель и ждать разрешение этого вопроса в учредительном собрании»⁵. Такие решения принимались под давлением партии эсеров, которая считала главной задачей передачу земли не в конкретные руки, а сельской общине, так как именно в ней они видели зародыш социализма. Но перенос решения земельного вопроса на будущее, когда его решит Учредительное собрание никак не устраивало сельское население. Поэтому социально-психологическим аспектом протеста сибирских крестьян можно считать захват кабинетских и казенных земель. Такой захват был обусловлен уверенностью в моральном праве владеть землею тому, кто ее обрабатывает.

---

¹ ГАНО. Ф.Д-122. Оп.1. Д.54 Л.4. (переписка по земельным и лесным вопросам за 1919 год).

² Буянова Л.Л., Черняк Э.И. Съезды крестьян Западной Сибири в марте – декабре 1917 года об организации власти //Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в.: Материалы Всероссийской научной конференции. Томск, 2007. С.271.

³ Сибирская жизнь. Томск, 1917. 24-25 марта.

⁴ Сибирская жизнь. Томск, 1917. 30 марта.

⁵ Голос свободы. Томск, 1917. 24 июня.

Октябрь, В.И. Ленин и рождение советской академической и отраслевой науки

*Андреев В.П.,
д.и.н., ТГУ*

История высшей школы, научных учреждений является составной частью отечественной истории, имеет сложившиеся исследовательские традиции, включает широкий круг проблем. Однако в последнее десятилетие исследования данной проблематики стали малозаметными на фоне исключительного всплеска числа публикаций, посвященных историческим судьбам российской интеллигенции, главным образом дискриминации интеллигенции в советское время. Буквально в последние годы усилился научный интерес к истории отдельных вузов и крупных научно-образовательных центров, в Сибири это прежде всего Томск.. Однако вопрос о роли Октябрьской революции в развитии отечественной науки остаётся в тени. Будем надеяться что 90-летие Октября, с некоторых пор, опальной революции, изменит историографическую ситуацию, даст импульс новому этапу разработки этой исключительно интересной проблемы.

Ученый, если он живет «не в замке из слоновой кости», в достаточной мере осознает, что возможность плодотворно заниматься любимым делом, творить, в исключительной мере зависит от взаимоотношений с властью, или с бизнесом, с крупным капиталом. И тут не может быть иллюзий. Исследовательская работа, интерес к той или иной научной проблеме, является смыслом жизни настоящего ученого.

Развитие науки в дореволюционное время сильно тормозилось отжившей системой её организации. По имеющимся статистическим данным в Российской империи в 1913 г. насчитывалось около 300 научных учреждений – Академия наук, вузы, музеи, научные общества, и пр. До 80% этих учреждений концентрировалось на территории непосредственно России. Все научные учреждения работали без всякого согласования, разобщенно, что вело к распылению научных сил, препятствовало развертыванию наиболее перспективных научных направлений. Не создавались новые исследовательские центры. На громадных пространствах за Уралом был лишь один вузовский центр – Томск(университет и технологический институт). В годы первой мировой войны были эвакуированы в глубь страны Варшавский, Вильнюсский и Дерптский университеты, в результате чего университеты появились в Воронеже, Ростове на Дону и в Перми.

Несмотря на достаточно высокий уровень русской инженерно-технической мысли, отраслевой сектор науки находился в зачаточном состоянии. Очень немногие казенные и частнокапиталистические предприятия имели исследовательские и конструкторские лаборатории. Среди них были гиганты оборонки – Обуховский и

Путиловский заводы. Частный бизнес не торопился вкладывать деньги в развитие науки, исключением выглядит инициатива меценатов братьев Рябушинских, создавших лабораторию для известного исследователя воздухоплавания проф. Жуковского. В 1910-1913 гг. появились Петрографический институт братьев Аршиновых, институт «Поверхность и недра» инженера и предпринимателя П. Пальчинского, физико-химическая лаборатория А.Е. Феоктистова, но все это были небольшие ячейки, со слабой, примитивной экспериментальной и научно-исследовательской базой, нищенским финансированием. Исследовательские структуры непосредственно на производстве были вообще единичными. В имеющейся литературе выделяется лишь лаборатория на заводе «Карболит» в Орехово-Зуево.

Мировая война выявила существенное отставание прикладных исследований, отраслевого сектора науки. Ещё накануне войны руководство Академии наук неоднократно выдвигало проекты создания крупных отраслевых институтов физического, химического, биологического профиля как формы ведения научно-исследовательских работ, но не нашло понимания и поддержки, хотя потребности их создания были исключительными. В 1915-1916 гг. были предложены проекты создания институтов физико-химического анализа, прикладной химии, платины и благородных металлов. В разгар мировой войны, в декабре 1916 г. Академия наук поставила вопрос о необходимости создания государственной сети научно-исследовательских институтов. Попыткой решения острых и неотложных проблем стала инициатива академиков В. И Вернадского, П.П. Лазарева Ферсмана по созданию Комиссии по изучению естественных производительных сил при АН России в 1916 г. своей целью комиссия поставила не только изучение природных ресурсов страны, но и объединение усилий, концентрацию сил на важнейших направлениях. Требования незамедлительных преобразований, усиления связи науки с производством. Власть не хотела и не могла реализовать. Не изменилась ситуация и в 1917 г. У Временного правительства не доходили руки до науки, нужд Академии наук.

Октябрьские события 1917 г. по-разному были встречены весьма неоднородной по идейно-политическим взглядам российской интеллигенцией. В массе своей она не поддержала идею и методы большевиков, призыв большевистской власти к ученым отдать свои знания и силы делу построения нового общества нашёл отклик среди небольшой части образованного сообщества. Между тем, образование и наука буквально с первых месяцев советской власти стали приоритетными. Одним из первых её шагов явилось создание специализированных органов руководства наукой и высшим образованием, финансирование и организация помощи ученым в развертывании научных исследований, консолидация научных сил.

Ситуация парадоксальная, в стране разворачивается гражданская война, идут крупномасштабные боевые действия, в морских портах высаживаются войска Антанты, остаётся угроза со стороны кайзеровской Германии, большевистские вожди не уверены, что удержат власть. Тем не менее, открываются научно

исследовательские институты, вузы. Достаточно сказать, что если в 1914 г. насчитывалось 91 высшее учебное заведение, то сразу после гражданской войны – 244! Если в 1914 г. в вузах России обучалось 112 тыс. человек, то в к 1920 г. число студентов превысило 216 тыс. Расширение сети вузов произошло не только в уже сложившихся академических центрах, но и в крупных индустриальных городах (Иваново-Вознесенск, Екатеринбург и др.), а также на национальных окраинах – в Закавказье, Средней Азии, Белоруссии, там где не было высшей школы до революции. Были приняты реальные шаги по обеспечению доступа молодежи из рабочих и крестьян в вузы. В 1919 г. началось создание рабочих факультетов с тем, чтобы малообразованные представители из социальных низов могли подготовиться для поступления в вузы. Рабфаки и создаваемые в те годы курсы по подготовке в вузы привели к изменению социального состава студенчества, существенному увеличению удельного веса молодежи из рабочих, крестьян, солдат. Тем самым создавались основы для подготовки новых специалистов для народного хозяйства, новых научных кадров.

Именно большевистская власть пошла на решение такой неотложной задачи как создание сети государственных научно-исследовательских институтов, той задачи которая оказалась не по силам старой власти. Ученые Академии наук приняли в этом деятельное участие, реализуя проекты, которые были отклонены царским правительством. В 1918-1920 гг. в ходе гражданской войны были открыты институты – Оптический, Рентгенологический и Радиологический, Гидрологический, Физико-химического анализа и др. Сразу после гражданской войны – Астрофизический, Географический, Биологический им. К.А. Тимирязева, а также хорошо ныне известный физико-технический в Ленинграде во главе с А.Ф. Иоффе. Академии наук было возвращено здание Фундаментальной библиотеки, занятое под госпиталь в годы первой мировой войны. Её фонды существенно пополнились за счет книг из дворцовых библиотек, а также богатых особняков.

Создавалась сеть НИИ по линии Научно-технического отделения ВСНХ, которые должны были работать на нужды промышленности, производства. Их число к концу гражданской войны составило 14, а уже к 1926 г. - 33. СНК поддержал инициативу Н.Е. Жуковского и С.А. Чаплыгина о создании специальной аэродинамической лаборатории, вскоре реорганизованной в Центральный аэрогидродинамический институт, который стал главным центром развития советской авиации и гидродинамики. Был создан институт удобрений, прикладной химии. Институты этого профиля решали не только прикладные задачи, но и фундаментальные научные проблемы. По инициативе Л.Я. Карпова началось развертывание сети комплексных научно-технических лабораторий НТО ВСНХ в Москве, Петрограда, других вузовских центрах, которые выполняли исследования по заданиям промышленных предприятий. Часть лабораторий была затем преобразована в НИИ, тем самым было положено начала развитию «отраслевой» науки(которая, кстати, почти прекратила свое существование в 1990-е гг.) Яркий пример тому судьба большинства угольных НИИ Кузбасса, где всегда была

потребность в науке. Так называемая «реструктуризация» угольной промышленности, закрытие 42 двух шахт в бассейне обернулась не только массовой безработицей, пауперизацией населения угольного края, но и закрытием немногочисленных научно-исследовательских институтов. Их экспериментальная база оказалась разворованной, разгромленной, а здания превращены в склады, торговые заведения. Над некогда передовыми институтами в советское время красовались надписи: «Слава передовой советской науке». Сегодня висит совсем иное: «Стенли – встроенная мебель»!

Своя сеть научно-исследовательских институтов появилась в наркомате здравоохранения, а также в наркомате земледелия, в системе которого исключительно плодотворно работал Институт опытной агрономии во главе с Н.И. Вавиловым.

Как видим именно советская власть достаточно оперативно решила задачи, выдвинутые практикой жизни, создав новую организационную среду развития науки, то, что оказалось совершенно не по силам прежней власти. Трудности послереволюционных лет, с одной стороны, понимание ценности научных кадров для настоящего и будущего, с другой, осознавались советским руководством. В 1919 г. была создана правительственная Комиссия по улучшению быта ученых –ЦЕКУБУ и секция научных работников. На заседаниях Совнаркома и СТО десятки раз обсуждался вопрос о «спечах», об оплате их труда. В мае 1919 г. СНК создал особую комиссию во главе с В.И. Лениным для определения основ тарифной политики и оплаты труда специалистов. Декрет СНК от 23 декабря 1919 г. «Об улучшении положения научных специалистов» вводил систему мер усиленного обеспечения выдающихся научных специалистов в форме так называемого академического пайка. Соответствующими ведомствами были разработаны нормы натурального обеспечения. Академический паёк был введен в январе 1920 г его калорийность была выше, нежели у других видов пайков, кроме красноармейского.. По общему признанию, академический паек помог в самые трудные годы сохранить наиболее квалифицированные кадры (см. подробнее Иванова Л.В. Формирование советской научной интеллигенции 1917-1927гг. М.1980.177-180. Князев Г.А. Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М-Л., 1964.с. Организация науки в первые годы Советской власти 1917-1925 гг.Л.,1968. С.3-4 6-7)

В1918 г. была создана Социалистическая академия общественных наук(в 1924 г. переименована в Коммунистическую академию), которая наряду с социальными исследованиями должна была вести подготовку ученых специалистов в области гуманитарного знания. В числе создателей академии были М.Н. Покровский, М.С. Ольминский М.А. Рейснер, П.И. Стучка. Однако марксистских кадров по общественным наукам было ничтожно малое число. Наркомпрос использовал старую профессуру, немалая часть которой выражала враждебное отношение к социализму и новой власти

Вузовские кафедры превратились в арену борьбы идеологий. Были открытые выступления против марксизма, но чаще наблюдалось пассивное сопротивление. Так, например, Московский совет научных деятелей, позднее

распущенный, в ответ на декрет СНК от 19 ноября 1920 г. о преподавании общественных наук выступил с заявлением «Грозящая опасность русской науке», в котором решительно возражал против идейного вмешательства компартии в преподавание.

Были приняты реальные шаги по приближению науки к производству, решению жизненно важных проблем хозяйственного возрождения страны и социалистического строительства. Здесь трудно переоценить вклад Комиссии по изучению естественных производительных сил, созданной в 1916 г. Исключительную роль в развертывании работ сыграли академики В.И. Вернадский и А.П. Карпинский. Известный химик Н.С. Курнаков, возглавив созданный в апреле 1918 г. Институт физико-химического анализа, стал организатором изучения крупнейшего в мире Карабогазского месторождения глауберовой соли. В следующем году были начаты работы по изучению железорудных месторождений Курской магнитной аномалии. Работой руководил академик П.П. Лазарев, ряд геологов-профессоров, других крупных специалистов. С 1920 г. под руководством академика А.Е. Ферсмана начались исследования апатито-нефелиновых месторождений Кольского полуострова. По инициативе Ленина в конце 1917 г. начинается строительство Шатурской электростанции, поставлен вопрос о создании Волховской гидроэлектростанции под руководством крупных специалистов, будущих академиков А.В. Винтера Г.О. Графтио

В июле 1918 г. был принят декрет о централизации радиотехнического дела, создан совет по координации разработки проблем радиотехники. Исследования в этой области М.А. Бонч-Бруевича были поддержаны В.И. Лениным, предвидившим огромное будущее радио для всех областей жизни общества, в том числе и для ведения лекционной пропаганды.

С 1919 г. группой инженера, в последствие академика, И.М. Губкина разрабатывается сланцевая проблема. Возвратившийся после многолетнего изгнания бывший народоволец, крупный ученый-химик А.Н. Бах в октябре 1918 г. организует Центральную химическую лабораторию при ВСНХ, с 1922 г. Химический институт им. Л.Я. Карпова, оказавший огромную помощь промышленности и явившейся базой для создания ряда НИИ химического профиля.

Были продолжены геологоразведочные работы на юге Кузбасса, начатые до революции известным геологом Л.И. Лутугиным и его учениками – А.А. Гапеевым, В.И. Яворским, которые велись по заданиям АО КОПИКУЗа. В конце 1917 г. Коликуз прекратил финансирование работ, тогда-то и отправился в Москву А. А. Гапеев. Он добился встречи с В.И. Лениным и сумел убедить его в необходимости финансирования геологоразведочных работ. Председатель Совнаркома дал указания управляющему делами СНК М.Д. Бонч-Бруевичу оказать всемерную помощь в финансировании и оснащении экспедиции всем необходимым. Геологи получили все необходимое для продолжения изыскательских работ, которые продолжались несмотря на гражданскую войну и боевые действия. Были проведены изучение наиболее перспективных месторождений коксующихся углей юга Кузбасса, прежде

всего Прокопьевско-Киселевского района. Результаты изысканий трудно переоценить. Заслуги геологов А.А. Гапеева и В.И. Яворского по достоинству были оценены в советское время (Горная энциклопедия. М., 1964. Т.1. с.525; БСЭ. 2-е изд. Т.49. с.441.).

Ярким примером приближение науки к производству стало, деятельность Государственной комиссии по электрификации России, в работе которой приняли деятельное участие многие выдающиеся ученые и специалисты – Б.Е. Веденев, Г.О. Графтио, Р.Э. Классон, Л.К. Рамзин, М.А. Шателен и др. «Более 200 специалистов, - говорил В.И. Ленин на III конгрессе Коминтерна, - почти все без исключения, противники советской власти ..... Но, с точки зрения технической, они признали, что это единственный правильный путь» (Ленин В.И. ПСС. Т.44. с.51). Подавляющее большинство членов этой комиссии позднее стали сторонниками советской власти. Их увлекли перспективы возрождения и дальнейшего развития страны, растущие возможности приложения своим знаниям и навыкам.

Началась разработка проектов электрификации отдельных регионов страны, в частности, Урала и Западной Сибири. В короткий срок в результате напряженной и плодотворной работы в Москву были представлены ряд обстоятельных докладов и технических записок. Так, в докладе П.П. Евангулова «Перспективы промышленного развития Кузнецкого района Томской губернии и схема его электрификации», содержалась характеристика экономического развития Кузбасса и путей его электрификации, предлагалось строительство 3 заводов металлургического профиля, развертывание сети железных дорог и их электрификация, строительство двух крупных районных электростанций. Жизнь подтвердила правильность принципиальных установок П.П. Евангулова по вопросам энергетического строительства, но внесла серьезные коррективы в его представления об удельном весе промышленного энергопотребления в энергетическом балансе регионов. (Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Ч. 1 Новосибирск. 1973. С.60-61).

Переход к нэпу привёл к некоторому оживлению общественной жизни, но сдвиги в политической сфере, по сравнению с экономической, были крайне незначительными. Большевики, победившие в гражданской войне, оказались перед проблемой удержания власти, расширения социальной базы за счет крестьянства и интеллигенции но на вызов времени они не нашли адекватного ответа. В РКП(б) не созрели силы, выступавшие за радикальные перемены, партийно-советского руководство оказалось пленником военно-коммунистического идеала, возобладаало черно-белое мирозерцание, жесткое доктринерство. Вполне логическим событием стал «философский пароход» – депортация инакомыслящей интеллигенции. Власть решила избавиться от критиков режима. Кстати, некоторые из них даже выразили желание выехать за свой счёт, причем, сами занимались оформлением виз. Напрашивается вывод, что эта акция не только хорошо продумана властями, но может считаться относительно мягкой в сравнении с последующими репрессиями. (См.: подробнее: Соскин В.Л. «Философский пароход» – трагедия российской интеллигенции// НЭП и культура(1921-1923). Новосибирск. 1977. с.62-82).

Высылка интеллигенции, с другой стороны, свидетельство трансформации, которая произошла с большевистской партией в первые годы советской власти, что так ярко раскрывается в недавно изданной книги А. Рабиновича «Большевики у власти» – партия большевиков из относительно открытой и демократичной превратилась в жестко централизованную и авторитарную. Была сведена к минимуму самостоятельность Советов. Автор дает убедительное объяснение стремительности свертывания идеалов, утверждения большевистского авторитаризма. Такая трансформация вполне естественна, первая мировая война, революция, гражданская война не способствовали сохранению принципов толерантного отношения между властью и народом.

Итак, несмотря на усиливающуюся полярность взглядов и оценок революции 1917 г. и последующих событий, можно констатировать, что именно тогда были сформулированы основы советской научно-технической и образовательной политики. Революционная перестройка высшей школы, существенное расширение сети вузов и создание условий получения образования представителями трудящихся создали предпосылки последующего приобщения наиболее талантливых к науке. Новая организация ведения научно-исследовательских работ, создание сети государственных академических и отраслевых НИИ, создание «заводского» сектора науки, позволили осуществить приближение науки к нуждам развития страны, концентрацию сил и средств для ведения исследований по наиболее перспективным и фундаментальным направлениям. Развернулись работы по изучению естественных производительных сил страны. Была начата разработка плана электрификации, который стал первым перспективным планом развития экономики страны.

Часть III

Контексты

Революция и диалектика

Науменко Л.К.,
д.ф.н.

Событие и масштаб

Сказать, что Октябрьская революция поглотила все содержание русской жизни второго десятилетия прошлого века – значит впасть в преувеличение. Как и прежде, люди рождались и умирали, переживали свои большие и малые радости и беды, как и прежде утром вставало, а вечером заходило солнце, зеленела весной и умирала осенью трава... И все, что совершалось, совершалось в привычном и незыблемом порядке вещей: до бога высоко, до царя далеко... Все так. Клеточки огромного социального тела делали с большим или меньшим успехом свою клеточную работу. Но вот в организме в целом что-то необратимо изменилось. Что? А то, что до бога стало не так уж и высоко, а до царя совсем не далеко: рухнули в одночасье и храмы и троны. Мы не о том, хорошо это или плохо. Мы о том, что это *было* и о том, что не осознавать это нельзя. Мы о *масштабе события*.

Даже сегодня, спустя девять десятилетий, каждому, кто не утратил еще способность чувствовать и понимать, ясно, что революция провела черту между тем, что было и тем, что стало. Можно поменять эмблемы и геральдику, можно воскресить и даже сделать привычными давно умершие обряды, но Россия, какой бы она ни была сегодня и какой ни стала бы в будущем, уже никогда не будет прежней, той, дореволюционной.

Верно было сказано, что все великое в истории является дважды – один раз в виде трагедии, другой раз в виде фарса. Фарс разыгрывается тогда, когда тектонические силы опять приходят в равновесие. - Надолго ли? Напуганные землетрясением люди заново переживают трагедию, в щадящем режиме, напаяливая на подземные силы прошлого комические маски, укрощая тем самым свой страх и свои фобии. Страшное становится смешным, когда оно делается маленьким.

Нет, нам не грозит сегодня соблазн впасть в преувеличение. Скорее наоборот: все большее число современников впадает в *преуменьшение* и, убаюканные надеждой на «стабилизацию», как дети, утешают себя тем, что трагедия превращается в миф, миф в сказку, сказка в некое сценическое действие с заговорами и переодеваниями, со злодеями и невинными жертвами – в *комедию ошибок*.

Безликие и чудовищные, стихийно-неукротимые духи истории индивидуализируются и персонифицируются, место стихии занимает умысел и воля. Трагедия если и не превращается окончательно в комедию, то оказывается криминально-детективной басней. Век детектива диктует свои схемы понимания, заставляет и историка мыслить преимущественно криминальными категориями. И если трагедия при этом не вырождается в легкий жанр, то непременно оказывается *преступлением*. Так зачастую и воспринимается революция, что неизбежно порождает еще более смехотворное намерение не просто вынести порицание, но и посадить ее на скамью подсудимых или, как минимум, заставить прошлое каяться.

Сегодня налицо изменение порядка не только положительных, но и отрицательных величин. Какой-нибудь микроскопический «доцент», неутомимый участник тараканьих бегов, строит перед телекамерой «имидж», напрягая скромные возможности своего личика, и тянет, польщенный вниманием: «Ну какая это была революция! – Так, переворот. Кучка заговорщиков захватила власть, объявила себя правительством... Вот Февраль – это была революция!» В самом деле, даже члены императорской фамилии, украсившись красными гвоздичками в петлицах, бежали по Петрограду и где-то сами пускали пузыри либерального красноречия, а где-то кричали вместе с женщинами ура и в воздух чепчики бросали...

Так вот о порядке «величин». Нынешний доцент, просвещая несмышленишей, учит ведь не их: он поучает *историю*, переворачивает вверх ногами старую формулу о том, что *historia est magistra vite*. Масштаб его собственной жизни оказывается масштабом истории. Это не история учит его, а он историю, рассуждает в стиле рубрики в перестроенной «Литературной газете» «Если бы я был директором». Лейтенанты запаса берутся исправлять ошибки маршалов, младшие научные сотрудники снисходительно похлопывают «старика Маркса» по плечу, старшие составляют рецепты волшебного подъема экономики. Этот доцент как раз из тех, кто ничего не забыл, но ничему и не научился. Так что этот сегодняшний Геродот – это даже не Берлиоз, так и не сумевший заглянуть в бездонное око Воланда. Это Никанор Иванович Босой, председатель жилтоварищества с «нехорошей квартирой». Участник тараканьих бегов даже не заслуживает того урока, который преподал Берлиозу Воланд.

И сегодня снова и снова, вопреки всем утешительным уловкам мелкотравчатой мысли, что-то заставляет нас возвращаться назад к тем потрясшим воображение дням, словно там было что-то существенное и важное, что оказалось впоследствии забыто, затерто, подверстано под обыденность, измельчено. Не оставляет нас мысль о том, что все мы, даже те, кто родился десятилетиями позже, словно вкусили нечто такое, чему в обычном порядке вещей нет ни имени, ни аналога. Словно бы что-то приоткрылось, пусть не надолго, небывалое, незнаемое. Ловишь себя на мысли, что говорить об этом суконным ученым языком не хочется. Это примерно то же самое, что говорить о детстве, его радостях и его невнятных страхах, рождающихся из столкновения младенческих грез с откровенно жесткой, а часто и просто жестокой реальностью – говорить об этой эпохе жизни языком ученой

детской психологии и педагогики. Возможно, что дело именно в том, что эта революция и была детством новой эпохи, о которой взрослые ученые дяди, давно уже изжившие радости и страхи детства, сегодня рассказывают сказки, свет и тьма в этих сказках разделены, как в манихействе, и противопоставлены друг другу. Добро и зло, разум и безумие... В финальной сцене булгаковского романа на вопрос Маргариты о том, за что наказан рыцарь в фиолетовом плаще, Воланд коротко бросил: «Он неудачно пошутил». Булгаков не поясняет, в чем состояла неудачная шутка и почему последовало наказание. А дело было в том, что в один из эпизодов альбигойских войн рыцарь в фиолетовом плаще, реальное историческое лицо (Булгаков изучал эту эпоху и ее философию), сказал, глядя на пожар в осажденном городе: «Смотрите, свет смешался с тьмой!» По учению манихейцев свет и тьма не могут смешаться. Сказать такое – значило согрешить. Рыцарь и согрешил, пошутив таким образом. Однако существенно другое: рыцарь совершил «грехопадение мышления» (Гегель), смешав и отождествив противоположности. За эту *диалектику* он и был наказан.

Мы говорим об этом потому, что именно этой диалектикой отождествления противоположного и ознаменовано рождение и детского разума и разума человечества, а именно – способностью видеть в одном другое, ему противоположное, в добром – злое, в злом – доброе. Значит, есть что-то третье, что выше того и другого. В абсолютном свете ничего нельзя видеть, как и в абсолютной тьме. Познание добра и зла и есть вот это самое – обнаружение в одном ему противоположного, а разум – способность выдерживать «напряжение противоречия» и находить «третье».

В своей первой книге («Детство, отрочество, юность») Л.Н.Толстой писал, раскрывая диалектику детства: «Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивался и в целых поколениях, что мысли, служившие основанием различных философских теорий, составляют нераздельные части ума; но что каждый человек более или менее ясно сознавал их прежде, чем знал о существовании философских теорий.

Мысли эти представлялись моему уму с такою ясностью и поразительностью, что я даже старался применить их к жизни, воображая, что я *первый* открываю такие великие и полезные истины».¹

«Нераздельные части ума»... Именно этой цельности и нераздельности и обязано открытие и ребенком и человечеством реального мира. И именно такой нераздельности ума требует и открытие новой эпохи и нового, еще неведомого мира. В такие эпохи в этой нераздельности вновь обретается детство с его живым воображением еще нерасчлененного, не разграфленного, не разложенного по разным полочкам, никем еще не упорядоченного мира, с его уважением к таинственности и неожиданности этого мира, с его непоколебимой верой в рассвет, с его ожиданием

---

¹ Толстой Л.Н. Собр. Соч. в 22 томах, т. 1, М., 1978, с. 166.

просветления темного, с его представлением о будущем как о времени, когда все станет ясно и видно во все стороны насквозь и далеко. Французскую революцию тоже ведь сравнивали с рассветом.

Можно ли упрекать сознание такой эпохи с ее обостренным чувством нового, небывалого в наивности или легкомыслии? В том, что это рождающееся новое оно не огораживает запретами и ограничениями, не требует от него реалистической трезвости и детализации, осуждать его за то, что оно мыслит еще абстрактно и по принципу «все или ничего». – «Весь мир насилья мы разрушим до основания». А затем, а дальше? А дальше – «коммуна во весь горизонт». Важно понять, что дело вовсе не в поэтической гиперболизации события. Поэтическая мысль схватывает живую, еще не препарированную и не засушенную всегда запаздывающим ученым рассудком реальность. Не мысль поэта вторгается в реальность, украшая ее гиперболами, а гипербола истории врывается в стих, сообщая ему *подлинность* исторического свидетельства.

Нам представляется, что *в этом масштабе – «во весь горизонт»* – суть дела, *главное, с чего следует начинать разговор о революции*. Она сама еще не знает, что она такое, не может еще сама себе объяснить, что есть «коммуна», не может и не хочет расписывать, как будет выглядеть жизнь в этой коммуне. Но она точно знает, чем она не должна быть, с чем призвана разделаться раз и навсегда. И она верит в это, иначе она и не была бы революцией. Великая энергия рождается лишь для великой цели. Энергетика великого отрицания оборачивается энергетикой столь же великого утверждения. В нем, в этом утверждении нет еще ни детализации, ни проекта, нет расписания движения и главных остановок. Да и конечная цель видится неопределенно: «из мира жизни, мира прозы мы взброшены в невероятность», «и невозможное возможно», «кто был ничем, тот станет всем»...

Вот это и есть главное, что приоткрылось за покрывалом Изида – возможность невозможного, невероятного, небывалого, огромного, во весь горизонт. А спросим-ка себя, как мы представляем себе сегодня наше собственное будущее? – Как рынок во весь горизонт? Как горизонтальную глобализацию торгашеского идеала?

Поэтому скажем еще раз: революция сулила именно «невиданные перемены, неслыханные мятежи». Все эти поэтические метафоры и гиперболы – вовсе не живописание истории, как она протекала перед глазами. В них схвачен живым словом момент истины. Они – обнажение *изнанки* истории. И это представляется нам решающе важным вообще для *понимания того, что такое история*.

И для «верхов» и для «низов» с первых же шагов Октябрьской революции стало ясно, что привычные мерки, снятые с тех времен, когда, как в летописи, «за веком век бежал, как за минутою минута, неколебимой чередой», уже не годятся. Именно эта нить неколебимости и очередности, следования одного за другим и одного из другого и была оборвана. Стало ясно, что в подкладке истории таятся эти невиданные перемены, неслыханные мятежи. Порядок и хаос – «нераздельные части» единого целого истории. Это стоит того, чтобы сказать о них подробнее.

Два репортажа

Вот две книги-репортажа об одном и том же событии – об Октябрьской революции: «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида и «Окаянные дни» Ивана Бунина. Два взгляда, две картины, две абсолютно несовместимые оценки одного события, живые свидетельства современников. За этими оценками не столкновение истины и заблуждения. Тут две разные истины. За ними – два полюса истории: столетиями господствовавший порядок и изнанка этого порядка – растущее напряжение сопротивления порядку, восстание, бунт.

Десять дней, которые потрясли мир... Что такое десять дней не то что в масштабах истории, но даже и в масштабе революции? И что такого миропотрясающего свершилось за эти десять дней? Да, была свергнута в столицах прежняя власть, да, прозвучали ее первые декреты, да, у руля государства встали «низы» - Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, да, новая власть объявила своей целью научить каждую кухарку управлять государством, да, *переворот*. Так может быть суть дела в том, что сбылась мечта дворовой девки Феклуши: «Сегодня я чешу барыне пятки на ночь, а завтра она будет чесать мне», как сказано об этом у Салтыкова-Щедрина? Нет. Чтобы сказать, что эти первые шаги революции потрясли мир, надо было увидеть в малом нечто столь великое, о чем другими словами, помельче, и сказать невозможно. Какой момент истины открылся американскому журналисту?

В хаосе, ожесточении и огромной разрушительной силе бунта он увидел пунктирный контур нового, справедливого порядка жизни, при котором уже никто не потребует, чтобы ему чесали пятки. Восстание – это, конечно, бунт, это разрушение, это хаос. Но изначальный смысл этого слова иной. Восстать – значит разогнуться, значит подняться с колен, значит ощутить себя не дворовой скотиной, а человеком. Революция – это, конечно, разрушение, но одновременно и трудная, рискованная, умная работа по соединению двух полюсов – разрушения и созидания. В чем смысл этой работы? – В том, что впервые в истории общественное бытие людей как целое стало предметом их коллективной творческой деятельности, а сам человек – субъектом истории. И в теории, и в народном сознании эта простая истина предстала в формуле: «скачек в царство свободы». Именно так, именно в этой еще туманной максималистской абстракции схвачено главное – исходный пункт новой эпохи. В другом масштабе эту исходную «идею» революции не уловить.

Глубинные, подземные силы вырвались наружу, круша и калеча все вокруг. Вырвались потому, что есть предел сжимания той пружины, о которой писал Л.Н.Толстой в «Войне и мире», говоря о нашествии. Чем сильнее давление, чем ниже пригибает оно головы «униженных и оскорбленных», тем большую потенциальную энергию накапливает в себе пружина. Долгое, очень долгое время ничто не меняется и все идет заведенным порядком. «Верхним» кажется, что так было и вечно так будет. «Дед бил-бил, не разбил. Баба била-била, не разбила. Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось». Глупая мышка может вообразить, что в ней-то и

заключена сокрушительная сила. А эта сила – изнанка силы давления. Многие это и по сей день не понимают. Распрямылась пружина и вышвырнула господ вон.

Революции делают не высокоумные теоретики и не безответственные революционеры-заговорщики, которым нужны лишь «великие потрясения», не «верхи», а «низы». И выглядит она «снизу» не так, как «сверху», в частности – из кабинета ученого. Снизу она – праведный гнев, сокрушительный бунт. «Низы» мало задумываются о том, как должно выглядеть будущее, какое общественное устройство возникнет на развалинах старого порядка. Восстания совершаются не во имя того, что будет, а во имя того, чтобы не было того, что было и есть. Масштаб протеста и определяет общие контуры желаемого будущего. Можно сказать и так, что это будущее – позитивный отпечаток с негатива. Бунт во весь горизонт и Коммуна тоже.

А можно ли сказать о том же самом «шершавым» языком науки? Думается, что нельзя. Язык поэта и журналиста ближе к событию, он не только выразительнее языка ученого, но и точнее его, он и есть язык самой революции, ее улиц и площадей. Будь ты хоть семи пядей во лбу, хоть златоустом, поджечь чудовищную гору сырых дров спичкой своей мысли и слова не удастся. Революцию делают как раз «низы», мало что или вообще ничего не знающие о капитализме и социализме, о способе производства и общественно-экономических формациях, о законах истории и даже о самой этой истории. Ближе к представлениям творцов революции опять-таки слова поэта: «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Что *беспощадный* – это верно. Столетиями торговали людьми, как скотиной, пороли батогами, розгами, шпичрутенами тот самый «простой народ», который и дал свое имя стране, в сущности никогда и не бывшей по-настоящему его отечеством. Да и какое может быть отечество там, где хозяева жизни исчисляют свое состояние не в монете, не в ассигнациях, а в «бессмертных душах».

А вот что бунт *бессмысленный*, то это вряд ли верно. Смысл бунта прежде всего в отрицании, а не в утверждении, бунт глядит не вперед, а назад, его энергетика – энергетика отрицания, а масштаб утверждаемого тот же самый, что и масштаб отрицания. Бунтующий человек мыслит не научными, а моральными категориями. Главная – *справедливость*. Не для меня или для тебя, а для нас всех, одна на всех.

Революция предстает перед ее участниками и перед ее исследователями в разных измерениях. Для исследователя она *объект*, для ее низовых творцов она субъект, не «субъективное представление», а способ существования доведенного до отчаяния живого индивида. В революции человек обретает активное, деятельное, не субъективное, воображаемое, а именно *субъектное* существование. Революция – это и есть он сам.

Отними у революции ее другой полюс – ту самую творческую, созидательную работу, превращающую энергию разрушения в энергию созидания, наращивания новой живой ткани человеческих отношений, и останется только бунт, хоть и не бессмысленный, но бесперспективный.

В последние годы живо обсуждается вопрос о том, какая это была революция – социалистическая, буржуазно-демократическая или даже

капиталистическая, но «без капиталистов». Многие в этих исследованиях сказано верного, хотя позиции разных исследователей расходятся в некоторых случаях очень далеко. Это нормально, даже очень хорошо: идет поиск и в нашей стране и за рубежом, накапливается и фактический и «мыслительный материал». О синтезе, по-видимому, говорить еще рано. Но в некоторых работах уже намечено направление и выверены ориентиры, представляющиеся верными. Речь идет о стратегии исследований. Нам же представляется необходимым учесть в этой стратегии следующее. Нынешние оценки революции, за немногими исключениями, *ретроспективны*. О самой революции судят по тем результатам, к которым, как полагают, она необходимо привела – к дискредитации самой идеи социализма, а в более широком, историческом смысле – к катастрофе. Между тем должной ясности в понимании самой природы социализма все еще нет. Более того, за объяснением социализма обращаются к революции, а за оценкой революции – к понятию социализма, к его идеалу. Нам же представляется, что Октябрьская революция и для самих ее участников, и для тех теоретиков, которые применяют адекватное ее собственному масштабу и самосознанию определение, была *гуманистической революцией* в том самом смысле, в каком понимал «реальный гуманизм» и коммунистическую революцию Маркс еще в своих ранних работах, говоря о «человеческой эмансипации». Такая революция устраняет отчуждение человека от человека, от истории, от природы, от самого себя, делает человека *самоцелью* исторического творчества и предвещает превращение всестороннего развития *каждого* в условие всестороннего развития *всех*. Такая революция ознаменует конец предыстории человечества и начало его подлинной истории. Исследователи, которые используют именно такой масштаб оценок, ближе и к исторической правде, и к пониманию перспектив мирового развития. Любой другой масштаб, помельче и детальнее, не позволяет оценить и первое и второе. Это, как нам думается, и есть то самое, что увидел Джон Рид.

Смысл революции мы видим в формуле «порядок из хаоса», в превращении энергии разрушения в энергию созидания. Именно в этом направлении работала революционная марксистская мысль в первые годы революции. Ниже к этому еще придется вернуться.

А теперь о том, какой стороной повернулась революция к другому наблюдателю события, к Ивану Бунину, и о том, что лежит в основе ее оценки как «коянных дней».

Вот зима 16 года в Васильевском, имении Буниных: «Поздний вечер, сижу и читаю в кабинете, в старом спокойном кресле, в тепле и уюте, возле чудесной старой лампы. Входит Марья Петровна, подает измятый конверт из грязно-серой бумаги:

- Прибавить просит. Совсем бесстыжий стал народ.

Как всегда, на конверте ухарски написано лиловыми чернилами рукой измалковского телеграфиста: «Нарочному уплатить 70 копеек». И, как всегда, карандашом и очень грубо цифра семь исправлена на восемь, исправляет мальчишка этого самого «нарочного», то есть измалковской бабы Махоточки, которая возит нам

телеграммы. Встаю и иду через темную гостиную и темную залу в прихожую. В прихожей, распространяя крепкий запах овчинного полушубка, смешанный с запахом избы и мороза, стоит закутанная заиндеветшей шалью, с кнутом в руке, небольшая баба.

-Махоточка, опять приписала за доставку? И еще прибавить просишь?

- Барин, - отвечает Махоточка, деревянным с морозу голосом, - ты глянь, дорога-то какая. Ухаб на ухабе. Всю душу выбило. Опять же стыдь, мороз, коленки с пару зашлись. Ведь двадцать верст туда и назад...

С укоризной качаю головой, потом сую Махоточке рубль. Проходя назад по гостиной, смотрю в окна: ледяная месячная ночь так и сияет на снежном дворе. И тотчас же представляется необозримое светлое поле, блестящая ухабистая дорога, промерзлые розвальни, стучающие по ней, мелко бегущая бокастая лошаденка, вся обросшая изморозью, с крупными, серыми от изморози ресницами. О чем думает Махоточка, сжавшись от холоду и огненного ветра, привалившись боком в угол передка?

В кабинете разрываю телеграмму: «Вместе со всей Стрельной пьем славу и гордость русской литературы!» Вот из-за чего двадцать верст стукалась Махоточка по ухабам».

Так о чем же думала Махоточка на заледенелой дороге в гибельную стужу с барской телеграммой в руке? – Да конечно же о тех окаянных порядках, что заставили ее, рискуя здоровьем своим и ребенка, служить за копейки хмельной и веселой барской придури. Так ли уж далеко ушло это предреволюционное барство от барства «с насильственной лозой», «дикого, без чувства, без закона»? И о чем думал знаменитый писатель, отваливший Махоточке с сыном от барских щедрот аж двадцать копеек сверх просимого, не забыв при этом упрекнуть «измалковскую бабу»? И о чем думал он полтора года спустя, проклиная «окаянные дни»? Как должна была смотреться революция через окна уютных кабинетов? И как выглядели тысячи таких окон с улиц и площадей, где митинговала солдатня, матросня, мастеровщина, местечковые ораторы - голытьба?

Возможно будет не лишним добавить к сказанному свидетельство моей собственной памяти. Мой дед в первую мировую попал в плен, в Австрию, в Галицию. Батрачил там на какого-то помещика. Бежал, вернулся в семнадцатом. А дома шесть дочерей и ни одного сына. До революции земельные надельки давались только на мужицкие души. Что было бы с дедом? А он в 20-30-х (двум в сороковых) всем «дал образование», пятерым – высшее, старшей – среднее специальное. А что в ту пору в деревне значило «высшее образование»? И ведь не из «соображений престижа». Не было этого до революции. Для моего малограмотного «черноземного» деда образование стало ценностью, свидетельством обретаемого человеческого достоинства – потребностью. И вот эта ставшая естественной тяга к знаниям была бесплатным даром революции. И этому дару цены нет. Держалось десятилетиями, до самых рыночных реформ. Так нет же, разбазарили. На что поменяли? Попробуйте восстановить это плодородие. Это к вопросу о революции.

А вот и «к вопросу о диалектике». Дед – это два класса церковно-приходской школы. Разговаривал так: «идуть», «говорять» – как все деревенские. Бегал «в пятом годе» по селу с винтовкой. Вернулся из плена, кое-что повидавав (смеялся, когда слышал о Лысенко: «Я эту яровизацию видел еще в Австрии у помещика»). И вырастил сад. Да какой! Сад – за домом, может и целый гектар. Потом колхоз половину (или больше) «отрезал». Яблони, груши, сливы, вишни, виноград... Десятки сортов. Переписывался с Мичуриным, тот присылал ему черенки, привозили ему что-то из Тимирязевки. Яблоки... Названий этих уже ни на рынке, ни в справочниках не найдешь: «Воргуль», «Черное дерево», «Коляска», десятки ренетов... Разумеется, и «антоновские яблоки» – несколько сортов. И каждое дерево – член семьи. Уже поживши в Алма-Ате, я рассказал деду об «апорте». Он (суровый, молчаливый) хрипло рассмеялся: «Да это наше, воронежское яблоко. Дрянь!» (Апорт вовсе не дрянь, но в Алма-Ате). Ну так вот. А перед домом (оштукатуренный, беленький, с большими окнами и верандой «пятистенок» – не хата!) углом вокруг него – заросль сирени, не какой-нибудь – персидской! (В ней мы, дети, как мыши проточили свои тайные ходы). Тут же, в зеленом гротике – лавочка, «жасмин» (чубушник), два каштана (у нас тогда они – диковинка), по мураве раскидистые здоровенные декоративные (!) яблони («преснушки», почти несъедобные), чтоб цвели, подальше – две березы (у нас они тоже не часты, больше дуб, вяз, сосна) и пирамидальный тополь, высоченной свечой, присланный с Украины. А рядом – «сынок», сам вырос. Приезжая к деду, мы (четверо детей) первым делом бежали к нему: как он? Не знаю, как представляли себе рай древние иудеи, но мы, дети, так его себе и представляли – как дедов сад.

Так вот, откуда все это у него взялось? Это не старый, это новый «лад». Где «причины», где «обстоятельства», где «предпосылки»? Откуда это при всем развале, распаде, разрушении, «энтропии» – вот это, вопреки всему? Да нет, вокруг в селе вовсе не везде было так. И по сей день: «Что за яблоки?» – «Кисло-сладкие». Тысячу лет сидеть на земле, боготворить ее и растить... «кисло-сладкие». Нет, не просто с «ладом». Дед пытался вырваться из «идиотизма деревенской жизни». Отсюда и его «эстетика»: он ведь цену «лада» знал очень хорошо. Не на «тихую» ведь охоту из города наезжал, не на «эстетику». Свою хотел.

Ну а потом как всегда: задушили налогами, вырубili, вытоптали, засадили картошкой. Все вокруг сады свои уже повырубili. На той, колхозной, половине (худая бабушка: «и думать не моги» сорвать что-нибудь) – запустение, деревья одичали, крапива и пырей выше головы... Мерзость! Дед, видел я, иногда ходил туда, что-то там без свидетелей делал, и мрачный, свинцовый возвращался. Держался он до последнего. А в 47 году, страшном, голодном, дочери уломали отца, перевезли его в город, продал дом (надо было доучивать младшую) за 30 тысяч. А раз такое дело, то он решил даже добавить – пустился в коммерцию. В субботу пошел и продал свои валенки. Вернулся довольный: Денежная реформа! – Бабий треп. Накося – выкуси! Принес 300 рублей. А дома встречают: «Пап, тарелка (черный репродуктор) сказала: реформа. Вчера было десять, а сейчас – рупь». Дед так и не выпрямился. Вечерами

уходил в сарай (городок маленький), к корове и курам. Думал. Наверное, о законе и благодати. А благодать-то эту он сам, своими руками творил. В бога не верил, в церковь не ходил, фыркал на бабушку. Видно и правда: «нет божества без убожества». Не хотел он благодать дармовую – хоть небесную, хоть земную. Какая Русь святая? Кроткая бабушкина или упрямая дедова? В бога не верил, а в благодать верил. Изверился ли? – Не знаю. А четырехтомник Мичурина листал в своей комнатке, секретно, разглядывал цветные картинки – свои яблоки...

Несколько лет меня мучает дедова загадка. «Предпосылки» у всех одинаковые, убогие, а результаты разные. Где экономический, культурно-исторический детерминизм? Какая творческая сила еще таится в свободе, в самопричинной, самодеятельной, не нуждающейся во внешнем принуждении, имманентно присущей человеку необходимости – творческой потребности. Многое таится в этой свободе такого, что и не снилось нашим мудрецам. Уроки революции поучительны и для философии, для диалектики.

Для Бунина революция – это крушение привычного и комфортного «порядка», это хаос, это гибель. Для Рида – это рождение в крови и муках, в напряжении всех физических и духовных сил нового порядка, дорога к которому как раз и пролегает через разрушение и хаос. Два полюса общественного бытия – хаос и порядок. Понять революцию и значит увидеть тождественное в этих противоположностях, то самое противоречие, которое и есть глубинная тайна истории, постичь творческую роль хаоса.

Хаос и порядок

Часто говорят, что история не знает сослагательного наклонения. Если при этом имеется в виду банальное «что случилось, то случилось» или «прошлое не воротишь», то эта «мысль» есть просто тавтология, так что и упоминать ее не следовало бы. Чаще, однако, авторы, упомянув эту «философему», начинают размышлять об истории именно в сослагательном наклонении, т.е. рассматривают разные возможности развития событий и упущенные субъектами истории шансы.

Формула «история не знает сослагательного наклонения» не в банальном, а в содержательном смысле означает следующее: то, что произошло, *однозначно* следует из того, что было, из тех причин, обстоятельств и предпосылок, которые предшествуют событию и *предопределяют* его. А это означает, что история и не могла свершиться иначе, чем она свершилась, что она безвариантна. Понятно, что при таком подходе к делу изучение истории не имеет никакого смысла и никаких уроков на будущее из нее не извлечешь. В таком случае мы получаем лапласовский *линейный детерминизм*, который в прагматическом истолковании оказывается *фатализмом*.

Истолкование этой формулы как методологического принципа продиктовано подражанием идеалу «точной и строгой» науки: если радиус окружности равен десяти сантиметрам, то площадь круга будет равна числу «пи», помноженному на радиус в квадрате. И никакие события ни на небе, ни на земле отменить это равенство не

могут. Беда однако в том, что это простое и однозначное соотношение никогда и нигде не выполнялось в реальности: нет таких кругов и таких циркулей, которые могли бы выполнить условие даже на бумаге. Очень сильные идеализаций допускает математика. Шопенгауэр поэтому был прав, говоря, что математика – наука точная, потому что она тощая.

Точно так же когда-то были убеждены, что если бы существовал такой ум, который мог бы подсчитать число частиц в бесконечной Вселенной, зафиксировать координату каждой частицы и ее скорость на данный момент времени, то он мог бы предсказать любое событие на любое число лет вперед. «... В ничтожнейшей из субстанций взор, столь же проникающий, как взор божества, мог бы прочесть всю историю Вселенной, quae sint, quae fuerint, quae mox future trahantur (те, которые есть, которые были и которых принесет будущее – Вергилий, Георгики, кн. 4, с.399).¹ Но ведь событий и истории в этом случае не было бы, вся она помещалась бы в этом исходном, стартовом мгновении и ничего вообще не происходило бы. Однако и сам этот «Ум» и само это исходное, стартовое мгновение – абсурдные допущения, заключающие в себе формальное противоречие «сосчитанной бесконечности» и «остановленного мгновения». Абсурдна поэтому и идея такого предсказания.

Такого рода детерминизм исходит из псевдоаксиомы о том, что нет ничего в следствии, чего ранее не было бы в причине. Познавая причины, обстоятельства и предпосылки, мы автоматически познаем последствия. Выстраивая в один ряд, в линию предпосылки события, например социалистической революции, само событие и его последствия, т.е. «выводя» второе из первого и третье из второго, теоретик и получает тот самый линейно-однозначный детерминизм, имманентную герметическую логику, которые уничтожают историю, делают вообще лишенным смысла понятие события, различие прошлого и будущего. Этот принцип, которым фактически руководствовались в своих работах Галилей и Гюйгенс, явно был сформулирован Лейбницем, назвавшим его «принципом достаточного основания». Утверждается, что в природе «полная» причина любого события эквивалентна его «полному» следствию. В однозначно детерминированном мире отсутствует «стрела времени» и события невозможны. Событий нет там, где нет неопределенности, где нет вероятности, где нет энтропии, где случайность не имеет конструктивного значения. Естествознание уже давно усвоило эту истину, а социально-исторические теории все еще хранят невинность. Как же иначе можно толковать реабилитацию идеи «экономического материализма», т.е. «экономического детерминизма», выведение «деформаций» социализма и его краха из первородного греха Октябрьской революции, т.е. так, словно бы революция и эволюция социализма происходили в пробирке, развертывая свои порочные определения из сбоев в исходной генетической структуре. И, наконец, «крутой» и безапелляционный вывод: «иначе и быть не могло. Социализм в России уже в зародыше был обречен».

---

¹ Лейбниц Г.В. Соч. в 4-х тт. Т.2, с.54. – М., Мысль, 1983.

Линейность и герметизм – близнецы и братья. Но уже Ньютон в полемике с Лейбницем (через посредничество Кларка), говорил, что каждое спонтанное действие человека или какого-нибудь другого существа привносит в наш мир *новое* движение, необъяснимое с позиций принципа эквивалентности причин и следствий.

В Новое время место Бога занял закон *природы*, затем он стал богом и в истории. А ведь закон есть повторяющееся, регулярное, тождественное в явлениях. Как объяснить новое, эволюцию, развитие? «...Требование, которое нам необходимо ввести: *некоторые события должны обладать способностью изменять ход эволюции*. Иначе говоря, эволюция должна быть «нестабильной», т.е. характеризоваться механизмами, способными делать некоторые события исходным пунктом нового развития, нового глобального взаимообусловленного порядка».¹ Так и Октябрьская революция явилась исходным пунктом нового взаимообусловленного глобального порядка.

С этого рубежа мы уже можем обратиться к теории социализма, а затем и к философии.

Нам представляется, что понятие «мутантного социализма», которым широко пользуется А.В.Бузгалин, - хорошее понятие. Хорошее потому, что позволяет уловить связь случайных, самопроизвольных изменений с расширением возможности превращений, с возникновением спектра таких возможностей, «веерность» истории и вообще появление нового. Чем шире спектр возможностей, чем богаче «депо» или «банк» мутаций, тем качественно разнообразнее жизнь и тем она способнее к выживанию в неожиданных внешних обстоятельствах.

Способность мутировать – гарантия выживания. Эта способность «предусмотрительно» заложена природой в фундамент всего живого, это ее эволюционный резерв. Но это же свидетельствует о *фундаментальной* творческой роли случая и хаоса. Никакое созидание, выстраивание порядка невозможно без разрушения, ассимиляция без диссимиляции. Разрушая, жизнь создает и непрерывно воспроизводит предпосылки своего восхождения по ступеням эволюции. Без распада и хаоса не может быть жизни. Хаос и создает тот «рынок случайностей», который использует эволюция, генерируя новую ветвь биосферы. Продуктом распада является простое, а простота содержит в себе более высокую меру вероятности. Сложное и совершенное – менее высокую. Сложность ограничивает выбор и спектр превращений. Хаос питает нестабильную, неравновесную систему, сообщает ей гибкость, обеспечивает наращивание нового, т.е. эволюцию, развитие, прогресс. В живой природе эволюция никогда не катит по одной наезженной колее, она «любит» обходные пути, накапливает потенциал вариантности. В сущности вся история жизни на Земле в широком смысле есть история творческих мутаций. Изменчивость, наследственность, естественный отбор – вот слагаемые эволюции. Среда всегда

---

¹ Пригожин И., Стенгерс И, Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: Прогресс, 1994, с.54; Изд. 7. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»/URSS, 2009.

враждебна жизни и катастрофична. Не будь мутаций, прервалась бы нить жизни. В том-то и дело, что жизнь и природная, и общественная не висит на одной ниточке. Таких нитей у нее много: одни используются, другие в запасе, в «банке», в «депо».

О творческой роли случайности, без которой невозможна и свобода, думали уже древние. Именно для объяснения принципиальной возможности свободы Эпикур и Лукреций ввели понятие «клинамена» - самопроизвольного отклонения атома от прямой траектории падения. Так что если бы бог истории не играл в кости, самой истории просто не было бы. Можно поэтому уверенно утверждать, что чем выше потенциал способности к мутированию, тем выше шансы на выживание, тем разнообразнее мир живого.

Так что мысль применить *понятие* мутаций к истории «реального социализма» хороша. Но этого не скажешь о *термине* «мутантный». Плох этот термин потому, что с ним легко ассоциируется представление о «мутанте», монстре, ублюдке, вроде змеи с двумя головами.

Побочное значение термина «мутант» сбивает теоретическую мысль с пути объективного исследования на скользкую дорожку этических, эстетических и даже вкусовых оценок. А ведь Спиноза призывал: не плакать и не смеяться, но *понимать*.

В целом ряде работ по теории «реального социализма» словосочетание «мутантный социализм» прочитывается совсем не в том смысле, о каком сказано выше. Казарменный, бюрократический, тиранический и т.п. социализм толкуется как «плохой», «извращенный», ублюдочный, кошмарный и т.д. «Деформации социализма» рассматриваются как продукт злой и жестокой воли Сталина и его «орлов». Выходит именно то, о чем писал сразу после XX съезда Пальмиро Тольятти: «культ личности наоборот». Так неизбежно получается, когда на реальность смотрят с позиции идеала: ленинский социалистический проект хорош, сталинский демонтаж «истинного социализма» отвратителен.

Вместо добровольной ассоциации – принудительная коллективность, вместо социального творчества снизу – симуляция социальной активности, вместо самоуправления – жесткая регламентация, вместо человека-творца – исполнитель, вместо человека-субъекта – человек «винтик»... Идеократия, тотальный политический и идеологический контроль над всем населением, закрепощение крестьянства, вождизм, репрессии, гугаги и многое, многое другое. Все верно, все это отвратительно, подло, жестоко, бесчеловечно.

Но попробуем взглянуть на вещи вот с какой стороны. А без этого «завинчивания гаек», без мобилизации всех сил и ресурсов, без армейской дисциплины и единоначалия, без стоглазого контроля за каждым кирпичом, каждым центнером цемента, каждой тонной стали, выстояла бы страна в смертельной схватке с фашизмом? Не была ли эта «деформация» социализма той самой мутацией, которая и обеспечила выживание страны в чрезвычайных обстоятельствах? Разве существовала реальная альтернатива «догоняющей модернизации»? Имела ли страна время для естественного развития «ростков социализма»? Так ведь пока солнце взойдет, роса очи выест. Что есть фактически неверного в формуле: «Либо

мы пройдем этот путь за 15-20 лет, либо нас сомнут». В войне реально противостояла стране, еще вчера мечтавшей об электрификации, всего лишь о «лампочке Ильича» в деревенской хате, а в Средней Азии дивились «шайтан арбе – паровозу, индустриальная мощь, ресурсы и «живая сила» развитой, «цивилизованной» Европы, исключая лишь Великобританию, Швецию и Швейцарию. Разве не шагали по земле Украины, Белоруссии и России «голубые» и всякие прочие дивизии? Так разве исключено, что не будь этой «мутации социализма» «тысячелетний Рейх» раскинулся бы от берегов Атлантики до Аляски?

Взять и рассмотреть социализм в одной, отдельно взятой стране... Так этого-то как раз и нельзя делать! Нельзя рассматривать социализм вне среды. Как взять эту страну «отдельно» от среды, от окружения совсем не на вегетарианской диете сидящих государств, алчущих расширения «жизненного пространства». Необходимо ли иметь хотя бы для одного этого сильное государство, армию, дисциплину, единоначалие? Страна-то по сути дела все годы «демонтажа социалистического проекта» находилась в военном, казарменном положении. Угроза войны и война – фактор, который никак нельзя сбрасывать со счетов.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, какой обнаженный нерв мы затрагиваем. Поэтому еще и еще раз подчеркнем, что речь не идет об оправдании бесчеловечного режима. Речь идет только об одном – о понимании исторической нужды-необходимости. Мы не дети, чтобы на шестом десятке лет после смерти Сталина искать причины мутации социализма в его паранойе, скверном характере и патологической «воле к власти». Диалектика материалистическая, реалистическая – вовсе не стилизованный двойник гегелевской диалектики, презившей о разрешении противоречий посредством их взаимного удовлетворения, умиротворения и последующего «засыпания», погружения «в основу». Бесплатный сыр, говорят, бывает только в мышеловке. А в реальной истории за все надо платить – за индустриализацию, за мобилизацию, за Победу. Цена конечно же могла быть не такой бесчеловечно жестокой. Однако спросим себя: а может ли человечность быть мерой в войне, которая есть организованное, регулярное, массовое убийство? Допустима ли гуманность к еще не поверженному врагу, к дезертиру, к предателю? Революционная диалектика поэтому ближе к «трагической диалектике» экзистенциализма, чем к «диалектике равновесия» Гегеля. Так можно ли списывать все на пресловутую злую волю диктатора?

А была ли у Сталина эта самая свободная воля? Исторический деятель, сколь харизматичным он ни был бы в воображении массы, действует всегда в тисках обстоятельств. Ему по большей части приходится выбирать из двух плохих вариантов хороший, а если вопрос вставал так: быть или не быть, то о цене ответственный лидер уже и не задумывался. Так вставал вопрос перед Лениным при подписании «похабного» Брестского мира.

«Будь моя воля» - это формула резонера, находящегося вне реальных исторических обстоятельств. Он силен сторонним или задним умом. Он мысленно принимает решение, соотнося его исключительно со своей волей. В истории так не

бывает. В коллективизацию пожертвовали крестьянином. Жертва чудовищная и обошлась невероятно высокой ценой. Ну а мы с вами как бы поступили? Ждать, когда естественно вырастет на основе кооперации крупное товарное сельскохозяйственное производство? Деятели той эпохи наверное и подождали бы. Но подождет ли бы Гитлер? Сегодняшний критик волен поступать и так, и эдак, после того, как поезд уже ушел. А были ли тогда эти варианты? В общем-то мы все эти варианты знаем. Не знаем только как их совместить с лимитом времени.

Нет, речь не идет об оправдании и отпущении грехов. Мы хорошо понимаем, что чрезвычайные обстоятельства использовались не только для самооправдания насильников, но и для разжигания патологической страсти к насилию. Горькая правда истории *использовалась* для оправдания этой страсти. Так случается, что пострадавший от насилия воздает насильнику десятикратной мерой, упиваясь возможностью, так сказать, легально удовлетворить собственную страсть к насилию. Именно это и произошло. Ложь стала выдавать себя за правду и оправдываться этой правдой. Похабность Брестского мира – правда. Но и невозможность избежать его – тоже правда. Преступность методов коллективизации – правда. Но и невозможность обойтись без нее – тоже правда. Вопрос в том, какая правда абстрактна, частична, а какая конкретна, отнесена к целому. Диалектика в этом случае исходит из тезиса Спинозы о том, что идей, которые были бы ложны сами по себе, не бывает. Ложная идея – это всего лишь частичная истина, выдаваемая за целое. Своя правда была у красных и у белых, у Махоточки и у Бунина. Только одна правда – наша, а другая – моя, одна особенная, а другая всеобщая. Ну и как тут обойтись без диалектики?

Революция, диалектика и постмодернизм

В последние годы настойчиво проводится мысль не только об ответственности революции за преступления сталинского деспотизма, но и об ответственности марксизма за эти преступления, более того – об ответственности за них диалектики как таковой, оказавшейся, де, идеологическим освящением сталинизма. Тема революции и кризиса социализма как бы естественным образом превращается в тему диалектики и оборачивается проблемой ответственности классической философии в целом от Платона до Ленина за то, что освободительная идея обернулась котлованом, вследствие чего оказался неизбежным мощный ответный удар по диалектике как инструменту деспотизма. Этот удар нанес постмодернизм, разработавший, якобы, мощный антидиалектический инструмент. Диалектика «заканчивает спор диктатом победителя, тем самым она, как и прежде, вмешивается в происходившую борьбу.... на стороне власти и господствующего сознания: она усиливает позицию власти в столкновении верхов и низов.... Получается результат достойный иронии: позитивные диалектики от Платона до Ленина действуют на практике как помехи для того, что они сделали своей темой, - как помехи для ...примирения противоборствующих сторон (в синтезе)».¹ – По

---

¹ Слoderдайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург.2001,с.412.

крайней мере откровенно, и за то спасибо. Если кому-то потребовалось «примирить» палача и жертву, то диалектика тут действительно ни к чему.

Налицо *новая мифология*, в которой необходимо разобраться.

А.Ф.Посев в серии работ о древней мифологии писал, что логика мифа – это универсальное «оборотничество». В мифологическом сознании Зевс, например, это и бог-олимпиец, и гром, и молния, и бык и даже какой-нибудь жучек. Логика современной мифологии – это универсальное *выворотничество*: все норовит вывернуться наизнанку, ложь, выворачиваясь, становится истиной, высокое оказывается низким, а низкое высоким, предательство подвигом, постыдное достойным и т.д. Какое отношение имеет к этому диалектика? – Об этом и надо поговорить.

Рассмотрим главные аргументы, обеспечившие «неотразимость» ответного удара и продиктовавшие необходимость критического дополнения марксизма постмодернизмом.

Первый аргумент состоит в том, что *по слухам* марксистская диалектика – это лишь несколько модернизированное гегелевское наследие, т.е. *идеалистическая* диалектика, переряженная в материалистическую и превращенная тем самым в столь же нелепое сочетание понятий, как и «деревянное железо».

Второй аргумент состоит в том, что, опять-таки *по слухам*, первородный грех *всякой* диалектики – ее вторжение в онтологию и что «онтологическое раздувание диалектики», представляющей собой лишь совокупность «логико-полемиических приемов», есть возрождение метафизики (в ее догегелевском понимании).

Третий аргумент состоит в том, что, тоже *по слухам*, диалектика есть мышление «бинарными оппозициями», вследствие чего она увязает в противостоянии диалектических пар, например, буржуазии и пролетариата и не способна встать выше этого противостояния.

Четвертый аргумент состоит в исторической констатации «смерти субъекта» и «смерти смысла», что неизбежно означает и смерть революционной составляющей истории, ибо в повестку дня встала задача «возвратиться в дураки», в бессмысленное, «бестиарное» бытие: «Жить так, чтобы не было в жизни смысла, – вот что становится теперь смыслом жизни» (Ф.Ницше). Последний аргумент мы рассматривать не будем: кому нравится жить без смысла – пускай живет. Только философией при этом не надо интересоваться.

Самое общее, что можно сказать об этих аргументах, так это то, что сочинившие их «учили диалектику не по Гегелю» конечно, а по «Краткому курсу истории ВКП(б)» или, что вероятнее всего, по комиксам. А входя в существо аргументации, необходимо сказать следующее.

Прежде всего не будем повторять уже проделанную работу и, отвечая на первый аргумент, просто процитируем Э.В.Ильенкова: «Так называемая философия абсолютного тождества есть на самом деле философия *тождества мышления* самому себе...вместо действительного бытия повсюду представляется мыслимое

бытие, т.е. бытие в том виде, в каком оно уже выражено в мышлении. Поэтому под грандиозно глубокомысленной конструкцией гегелевской философии скрывается на самом деле пустая тавтология: «Мы мыслим окружающий мир так и таким, как и каким мы его мыслим». Вследствие этого «бытие», «объект», природа и история «изображаются» как нечто само по себе бесформенное, пассивное, глинообразное».¹

Тайну всякого «умного» идеализма именно как идеализма (и Платона и Гегеля) составляет отождествление тех определений, которые вещи обретают в культуре и в деятельности (и только в культуре и деятельности) с определениями вещей «самих по себе», вне деятельности, вне общества, вне культуры, вне сознания, вне мышления, вследствие чего вещам приписываются качества, которыми они сами по себе не обладают. Скажем, формы бытия природы в культуре принимаются за собственные формы природы. Прочитируем Ильенкова еще раз: «... В понятие «идеального» Гегель включает то, что другой представитель идеализма в философии (правда, себя «идеалистом» вовсе не признававший), А.А.Богданов, столетием позже обозначил как «социально-организованный опыт» с его устойчивыми, исторически откристаллизовавшимися схемами, стандартами, стереотипами, «алгоритмами». Общим и для Гегеля и для Богданова (как для идеалистов) является представление, что этот мир «социально-организованного опыта» и есть для индивида тот единственный «предмет», который этим индивидом «усваивается» и «познается», - тот единственный предмет, с которым индивид вообще имеет дело и за которым уже ничего более глубокого, упрямого нет.

А вот мир, существующий до, вне и независимо от сознания и воли вообще (то есть не только от сознания и воли индивида, но и от общественного сознания и общественно-организованной «воли»), сам по себе этой концепцией принимается в расчет лишь постольку, поскольку он уже нашел свое выражение во всеобщих формах сознания и воли, уже освоен в «опыте», уже представлен в схемах и формах протекания этого «опыта», уже включен в него».² Этим поворотом мысли и характеризуется идеализм вообще – и платоновский, и берклианский, и гегелевский, и карнаповско-попперовский, и хайдеггеровский, и гадамеровский... Продолжая ту же мысль, Ильенков пишет: «...на практике масса людей то и дело путают одно с другим, принимают одно за другое с такой же легкостью, с какой они принимают «желаемое за действительное», а то, что с вещами сделали они сами, - за собственные формы вещей».³ Вот и постмодернист, говоря о диалектике материалистической, принимает «желаемое за действительное» и то, что сделал с нею он сам – за саму эту диалектику.

---

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Изд. второе, дополн., М., Изд. полит. литературы. 1984, с. 140.

² Ильенков Э.В. Диалектика идеального. – Искусство и коммунистический идеал. М., Искусство, 1984, с.44.

³ там же, с. 46.

Повторим сказанное, для верности так, чтобы и...Делезу было понятно. Всякая сформулированная мысль, если она действительно мысль, а не просто сотрясение воздуха, имеет два «полюса»: во-первых, то, о чем мы говорим, а во-вторых – то, что именно мы говорим. Первое есть предмет мысли, второе – сама наша мысль, т.е. наше суждение о предмете, наше понимание его. Для идеализма – это одно и то же. Для материализма и здравого рассудка – совсем не одно и то же. Рассуждать, находясь в здравом уме и твердой памяти, игнорируя эту «бинарную оппозицию», невозможно. Разумеется, если изгнать из мышления «смысл», то можно обойтись и без этой оппозиции, как можно обойтись и без мышления, но зачем тогда размышлять о диалектике и наносить ей «удар»? Пусть ее существует «там», а мы – «здесь». Пусть «там» мыслят, а «здесь» переваривают пищу. Философствование без смысла – это и есть сокрушительный удар постмодернизма. Но не грабли ли это, наступив на которые, получаешь по лбу. Впрочем, откуда лоб, если субъекта уже нет, а остался только желудок?

Теперь о втором «аргументе» - о «вторжении диалектики в онтологию». Такое «вторжение» действительно имело место, но в официальной советской философии, рассматривавшей «диамат» как науку наук, как «идеологию», из которой должна была выводиться, к примеру, «мичуринская биология», но отождествлять этот самый митинско-юдинско-федосеевский «диамат-истмат» с марксистской диалектикой – это хуже, чем путать божий дар с яичницей. Да как же можно не знать того, что для Маркса и для Энгельса идея «супернауки», стоящей над другими науками и поставляющей им «истины в высшей инстанции», была тем же самым, что и догма о непорочном зачатии. Как не знать того, что кантов приговор «метафизике» с ее «вторжениями в онтологию», той самой метафизике, от общения с которой предостерегал физику Ньютон («Физика, бойся метафизики!»), подлинный марксизм всегда рассматривал как окончательный и обжалованию не подлежащий. Наконец, как можно забыть хрестоматийную формулу Ленина о том, что диалектика и есть гносеология и логика марксизма, что «не надо трех слов: это одно и то же», что диалектика – это не «набор логико-полемических приемов», но и не какая-нибудь замшелая «онтология»?

Поскольку эти азбучные истины или уже забыты, или никогда не были известны критикам диалектики, скажем следующее.

В действительности «вторжение в онтологию» происходит так: теоретик постулирует некоторые допущения, исходные идеализации, на основе которых строится теоретическая модель описываемой реальности. Затем эти допущения, т.е. абстракции и принимаются за реальность. Строить теорию, исходя просто из фактов или ограничиваясь их простой регистрацией, ученый не может. Уже Галилей показал, что ученый вопрошает природу, «испытывает» ее, ставит над ней эксперимент. Поэтому он – «естествоиспытатель». Но чтобы задавать вопросы природе, надо эти вопросы иметь, а иметь вопросы можно, только обращаясь к уже накопленному «мыслительному материалу». Факты вопросов в себе не содержат. Этот «материал» дан ученому в культуре. Если в этой культуре есть и вопросы и ответы, то обращение

к природе и ее испытание вообще не требуется. Испытанию подвергается сама культура, в ней же ищут и ответы. Так поступала схоластика.

С вопросами к природе ученый обращается тогда, когда налицо *противоречие* между культурой и реальностью, следовательно, между сознанием и материей, между мышлением и бытием.

Возможны лишь два варианта разрешения противоречия. Первый – это «подогнать» факты под мыслительные схемы, уже данные в культуре. Тогда мы имеем идеалистическую, гегелевскую модель познания. Если реальность не укладывается в схемы, то следует «классический» ответ (Гегеля): «Тем хуже для фактов». Точно так же мыслил и Платон. Это и будет «вторжением в онтологию». Второй – это изменить сами схемы, вследствие чего продвижение знания осуществляется в режиме *критики* старой культуры в свете новых фактов. Но критика предполагает новые допущения, новые идеализации и так далее. Познание поэтому и представляет собой констатацию, разрешение и возрождение противоречия – до бесконечности, т.е. оно и есть развитие противоречия. До бесконечности потому, что бесконечна сама объективная реальность, материя.

В марксизме противоречие *между* схемой и реальностью, всегда очевидное, было осмыслено более глубоко, *переосмыслено*. Противоречие *между* мышлением и бытием было понято как *отражение* противоречия в определениях самого бытия. Был найден «ход» к «оправданию» «логики понятий» «логикой вещей».

Ход этот очень не простой, не банальный. Необходимо было выработать такой способ движения мысли, специфичный для нее, который был бы одновременно специфичным и для объекта. Иными словами, словами Спинозы, необходимо было найти такой способ движения мысли об объекте, порядок и связи которого совпадали бы с порядком и связью вещей, т.е. чтобы это были не два разных, а *один и тот же* порядок.

Возможно ли это? Оппонентов призываем попробовать. Если им это не удастся, то они и получат вторжение в «материал», глина, которой сообщает форму, порядок горшечник. Разум сам создает то, что он познает, строит всяческие «конструкты». Познания поэтому нет. Есть только *самопознание* духа: мысль сама от себя отделяется, сама с собой сочетается, сама через себя кувыркается и получает удовольствие самопознания.

Вот и ответ. Спросим оппонентов: он вас устраивает? Если все же устраивает, то мы предлагаем ответить на другой вопрос: почему мысленно рассчитанная математиком конструкция стоит и не падает не в уме и не на бумаге, а на площади, в Париже; почему «идеальный объект» - интеграл способен «дышать» не только в уме, но и в «стальных машинах»; почему австрийские пушки целили во времена Евгения Савойского со стен Вены в «идеальных», «расчетных» турок, а попадали в реальных? Разве тут «утопия» не превращалась в реальность? Настоятельная просьба к «низвергателям диалектики» ответить на этот вопрос Будьте столь любезны!

Приведем эту проблему к следующему простейшему виду. «Опыт», «действительность», факты конкретны? – Разумеется. А мышление абстрактно? – тоже разумеется. Так как же абстрактное по своей природе мышление может постигать конкретную по своей природе истину? – *Hic Rhodus, hic salta!* Вот тебе Родос, тут и покажи, на что ты способен!

Сознательно-диалектический метод есть такой способ движения мысли, естественный для нее, например, дедукция, при котором это движение совпадает с развитием от простого к сложному. Абстрактное тут оказывается не только выражением специфики мышления, но и специфики самого объекта. Абстрактному в мысли соответствует конкретное состояние развивающегося объекта – его неразвитое состояние, элементарная клетка, «реальная абстракция», «практически истинная абстракция». Сознательно-диалектическая методология поэтому есть «хитрость» диалектического разума, находящего такой подход к объекту, такой его «ракурс», при котором сам объект работает на нас, сам разворачивает свои определения, вследствие чего специфика мышления с его абстрактностью совпадает со «специфической логикой специфического предмета» (Энгельс). Но это вовсе не «просто созерцание». «Хитрость разума» есть трудная работа. Понятие не содержится в созерцании, как и паровоз в той руде, из которой выплавляли металл. Это – *переработка* созерцания в понятия, но по законам самого объекта. При сотворении паровоза не только не нарушается ни один из законов природы, но само это сотворение совершается именно по этим законам. Тождество логики мышления с диалектикой предмета здесь не абстрактно-философская истина в духе «философии тождества», но *задача* применения метода, адекватного логике предмета, т.е. проблема разработки такой методологии, при которой «порядок и связь идей» оказываются теми же, что и «порядок и связь вещей» (Спиноза). Никакого «выведения» конкретных истин биологии, генетики, кибернетики из плоских универсальных «истин» «диамата» (вроде тех, что «все в мире движется», «все развивается», «все взаимосвязано» и все взаимноперепутано) тут не потребуется. Точно так же не потребуется и выведение революции и социализма из «истмата».

Нам не пришлось бы обращаться к букварю диалектики, если бы азбучные истины не были сегодня напрочь забыты.

Добавим к сказанному. «Вторжение в онтологию» происходит тогда, когда не имеющая именно диалектического самосознания, диалектической рефлексии теория оперирует *гипотезированными абстракциями*, и рассматривает их как вещи, как бытие, независимо от мышления, от логики. Так, к примеру, пытались в свое время толковать бесконечно малые как некие объекты или существа столь несуразные, что непонятно было, как можно верить в их существование. Задавались и вопросом о том, что такое нуль: есть он реально или не есть, а если он есть, но только в «уме», то зачем он математике? А уже в советское время примерно так же рассматривали «борьбу противоположностей» – как реальную схватку одного класса с другим. Но пролетариат без буржуазии – фикция и обратно. Поэтому в крайнем случае признавали единство, т.е. связь противоположностей, но никак не их тождество.

Любая картина мира, скажем, физическая является одновременно картиной мышления, ибо опирается на определенные допущения, т.е. абстракции, на «скелетную схему» теоретического разума данной эпохи. Поэтому понять природу невозможно, не зная природы мышления, хотя бы природу абстракции, и не понимая того, как может быть разрешено упоминавшееся фундаментальное противоречие: истина по природе своей конкретна, а мышление по природе своей абстрактно. Если не учитывать специфику мышления, его абстрактность, то от него вообще следует отказаться. Тогда получим эмпиризм. А если эту специфику учитывать, то не уйти от концепции «наложения» «специфики мышления» на «специфику объекта», т.е. от агностицизма. Эта антиномия и разрешается в диалектике абстрактного и конкретного.

Завершая анализ второго «аргумента», подчеркнем, что материалистическая диалектика прямо противоположна «вторжению» гипостазированных абстракций в онтологию. Такое вторжение и есть «практический идеализм» науки, не ведающей о диалектике как логике, о *диалектической логике*. Ее «потолок» - логика формальная, а у постмодернизма даже и отсутствие таковой.

Третий аргумент – диалектика абстрактных противоположностей, «бинарных оппозиций», которую можно определить также как «диалектику крайностей», односторонностей, которые «сходятся», отождествляются, вследствие чего противоречие дает нулевой результат, разрешаясь в ничто, пустоту, бессмыслицу. Такую версию диалектики можно обозначить также и как «диалектику смыслов». Редукция диалектики исключительно к этой *диалектике смыслов*, или, в терминологии официального советского «диамата» - к «субъективной диалектике», к «диалектике понятий», приводит к тому, что диалектика природы и истории начисто отвергается. В «онтологической» схеме – это, например, гегелевский панлогизм: в природе нет развития, диалектики, в ней мы имеем дело лишь с окаменевшими следами диалектического шествия мирового разума. Точно также и история есть лишь история *мыслей* об истории.

В *идеалистической* традиции мысль о «диалектике вещей» третируется как абсурд. Между тем, не трудно показать, что к нулевому результату, к абсурду, к бессмыслице приводит именно такое, идеалистическое понимание тождества противоположностей, противоречия – понимание противоречия лишь как *противоречия* в мысли, в определениях мысли. Это не более чем трюк: уберите из мысли бытие и оставьте в ней лишь «мыслимое бытие», отбросьте принципиальное «неравенство» выражаемого и выражения, отождествите мысль со «смыслом», а «смысл» с языком, и вы получите *бессмыслицу*. Именно это имел в виду Ф.Тютчев: «Мысль *высказанная* есть ложь».

Мысль, лишенная своего другого полюса, того, о чем она, объекта мысли, приводит к тому, о чем остроумно сказал Бертран Рассел. В предисловии к книге Э.Гелнера «Слова и вещи» Рассел пишет об открытии, которое он сделал в детстве:

если у часов удалить маятник, то они пойдут быстрее и веселее, но... время уже не будут показывать.¹ Это и есть «лингвистическая философия» и очень близкая к ней «диалектика смыслов». Лишившись главного своего полюса, неотторжимого от нее, мысль веселее «играет» сама с собой и «пенится», но, как и часы без маятника, исторического времени уже не показывает. Для обнаружения этого обратимся к Ж. Делезу, к его «Логике смысла», где и было отпраздновано «низвержение Платона», а с ним и всей философской классики. Именно с этого начинается Жиль Делез все предприятие «выворачивания наизнанку» этой классики. Но схема-то остается прежней, меняются лишь наименования и оценки полюсов, как и вывернутая правая перчатка остается той же самой, только сегодня надевается на левую руку.

Делез зорко подметил и ярко осветил «ахиллесову пята» философии Платона, а заодно с ним и всей «линии» классического рационализма («связки» «Платон-Гегель») и направил стрелы своей критики именно в эту точку. Эта «ахиллесова пята» - платонова «онтология». (Его «гносеология» исчерпывается «теорией воспоминаний», т.е. психологией). Истинным, подлинным бытием, объективным Платон объявляет определенность, устойчивость, порядок, меру, всеобщность, необходимость, четко очерченный, однозначный и неизменный (вечный) «смысл», «идею». Именно так понятию бытию у него противостоит «неистинное» - неопределенность, текучесть, «бывание», «становление», единичность, бесформенность, многосмысленность - «мнение». Все, что связано с чувственно данной «материей», тонет у него в темной яме «небытия». А на каком основании первым определением (инвариантам) приписывается статус объективности, истинности, а противоположным - субъективности, «мнения»? Не приведены Платоном такие основания. Делез поэтому прав, рассматривая онтологию Платона как порождение «бюрократии чистого разума», втапывающего, утрамбовывающего многоликость подвижной, текучей, никогда не равной самой себе реальности в прокрустово ложе «идей», в которых Делез видит лишь «матрицы», налагаемые на эту реальность, произвольные «паузы» и «остановки».

От Платона пошло деление всего сущего «надвое». Реальность была рассечена на две половинки, одна - оставлена, другая - выброшена. Одни категории были занесены в графу «истинное», другие - в «ложное». Бытие - небытие, покой - движение, всеобщее - единичное, необходимое - случайное, необходимость - свобода, единое - многое, порядок - хаос, смысл - бессмыслица и т.д. На это опиралась и гносеология и логика. У средневековых реалистов, к примеру, всеобщее отождествляется с объективностью, единичное - с субъективностью. Тот же подход и у рационалистов позднейшей эпохи. У эмпиризма XVII-XVIII вв. и много позже - у логического атомизма - все наоборот. Одни категории проходят по ведомству «онтологии», другие - «гносеологии». Но единичное, взятое в отрыве от всеобщего -

---

¹ См. Геллер Э. Слова и вещи. М., 1974, с.15.

такая же гипостазированная абстракция, как и всеобщее, оторванное от единичного, - фантазм, говоря языком Делеза.

Что же предлагает Делез? А вот что: взять за исходное другую «половину» - «становление», «сингулярность», событие (не «бытие»!), неопределенность, бессмыслицу, «нонсенс», хаос. Он и пишет в своей «Логике смысла» о *власти* (!), «воцарении созидającego хаоса». ¹ Перчатка вывернута наизнанку, а с изнанки – то же самое, только «все наоборот». Это и есть то, что Мих.Лифшиц называл «логикой обратных мест». Хаос-то – тоже абстракция, идея, просто другой «центр» и этим центром оказывается сам Делез, его «истина». Позицию эту можно сформулировать так: «Истины нет! – вот истина!» И эта позиция отстаивается напористо, даже агрессивно. Порицая все «привилегированные точки зрения», Делез именно своей выдает все привилегии истины. Чем власть «бюрократии чистого разума» лучше власти «бюрократии антиразума»?

Скажем так: *если отрицание идеи влечет за собой ее же утверждение, то она по одному только формальному критерию уже, по меньшей мере, не ложна. А если утверждение ее влечет за собой ее же отрицание, то она категорически не истинна.*

Идея отрицания объективной истины влечет за собой утверждение объективной истины. Ибо отрицание истины тоже выдается за истину. *Лучшее опровержение Делеза – сам Делез.* Если истина репрессивна, то и репрессивность истинна. За что же тогда упрекать истину? И за что упрекать палача, насильника, диктатора, наконец, - просто хама? Ведь если бог истины умер, а с ним и субъект, то остается только «аппетит», а он не подсуден, не истинен и не ложен, не нуждается в «смысле», ибо он сам и есть этот смысл.

В диалектике «обыкновенной», не вычурной, не кривляющейся нет бесконечного без конечного, относительного без абсолютного, текучего без устойчивого, всеобщего без единичного, истины без заблуждения (и обратно)... Течение есть лишь там, где есть неподвижные берега. Задача мышления и состоит в том, чтобы удержать оба полюса и найти тот «момент истины», когда они тождественны. А это всегда *нечто третье*. Это – объективная реальность. Такие же противоположности «онтология» и «гносеология». «Момент истины» - их тождество. Это и есть диалектика.

Мысль, взятая как некое идеальное бытие, как «мыслимое бытие» или как «бытие мысли» самой по себе, без отношения к тому, что находится вне мысли, т.е. к материальному бытию, есть не мысль, а бессмыслица. Например, если «мыслимое» это порядок (устойчивое, инвариантное, гармоничное, прекрасное), то работа мысли (научной и художественной) состоит в упорядочении хаоса, т.е. того, что вне мысли. Работа творческого художественного мышления в том и состоит, чтобы обнаружить

---

¹ «Это власть, власть утверждать дивергенцию и децентрацию». Делез Ж. Логика Смысла. М., «Раритет»; Екатеринбург, «Деловая книга», 1998, с. 345-346.

меру в безмерном, выразить невыразимое, отразить безобразное в образе, как это сделал древний миф, родивший искусство. Скульптор удаляет в глыбе мрамора все лишнее. Но что было бы со скульптором и скульптурой (как искусством), если бы они вообще обходились без этого «лишнего»? Прекрасное смотрелось бы в прекрасное, порядок любовался бы порядком, а Микеланджело обречен был бы всю жизнь ваять одни и те же «идеалы». Если мысль это порядок (закон, организация, гармония и т.п.), то как же ей обойтись без беспорядка, где взять этот «материал» для работы? Не в самой же себе. Нет «Я» без «не-Я», идеального без материального, бытия в мысли без бытия вне мысли. Без этого мысль превращается в пустое и пресное тождество с самой собой: порядок есть порядок, «Я» = «Я». Поэтому такая «философия тождества» обречена, поднадувшись, выделять из «Я» «не-Я», чтобы было с чем играть и с чем заигрывать. Нет мышления без бытия вне мышления! Те, кто намерены обходиться без него, вынуждены его *выдумывать*, как Фихте. Но зачем же его выдумывать, если оно уже *есть*? «Умный» идеализм есть поэтому поставленный на голову материализм. Ну а глупому закон не писан: он обходится одной своей «экзистенцией». Для него все, что вне этой экзистенции, способно порождать только страх, тошноту, отвращение. Безобразное, т.е. вне мысли сущее, для него всегда безобразное. Остается только любоваться собственным образом (но и тут сталкиваться с чем-то пугающим).

Разум – *двуликий* Янус. Одно лицо его обращено к природе и истории, другое – к культуре. Работа разума и состоит в том, чтобы находить порядок в хаосе, меру в безмерном, определенное в неопределенном, чтобы найти образный эквивалент «кипящей похлебке богов», без которой миф – плоская нравоучительная сказка. Разве античная художественная классика не олицетворяет стихию? «*Нечто*» – устойчивые, упорядоченные, гармоничные формы искусства и науки – *ничто* без этого «своего иного». А вот в концепции «социологии познания», социально-исторической детерминации «парадигм» науки, в идее культурно-исторического «контекста» второе лицо Януса, обращенное к объекту «в себе и для себя», к тому, что вне культуры, старательно подретушируется под первое, обращенное к культуре. А поскольку культуры-то разные, и географически и исторически, то первое лицо само начинает двоиться, троиться и т.д., становится многоликим. Вот вам и «методологический плюрализм». Хаос, стихия, изгнанные через дверь, возвращаются через окно и поражают саму культуру. Именно эту «*болезнь культуры*» и продемонстрировали на себе «клиницисты культуры» – постмодернисты. Если «всегда мятежная» (Делез) реальность есть «лишнее», то она мстит самодовольному научному и художественному разуму, делая его самого лишним – «нонсенсом», бессмыслицей.

В самой диалектической традиции поэтому необходимо различать две разные «линии». Одна – это «диалектика крайностей», диалектика изолированных противоположностей. Изолированные, размещенные в разных измерениях противоположности, обнаруживают скверный характер, норовят вывернуться наизнанку, показав такому «диалектику» фигу: ухватившись за одно, получаем

противоположное. Добро превращается в зло, истина в заблуждение, необходимое без остатка переливается в случайное – «крайности сходятся», смысл рождает бессмыслицу. Так обстоит дело со всеми абстрактными противоположностями. Диалектика здесь превращается в некую игру взаимоисключающих «смыслов», ведь эти абстракции соотнесены только друг с другом, но не с «третьим». Абстрактно противостоящие друг другу противоположности оказываются столь же абстрактно тождественными. Абстрактные противоположности – это и есть «бытие в мысли», бытие, фиксированное как абстракция, которая в свою очередь фиксирована в слове.

Абстрактное противопоставление мышления бытию превращает мысль просто в бытие, но бытие особого рода. Мысль, противостоящая бытию, *есть*, т.е. сама имеет бытие, отличное от бытия как противоположности мысли. Как такая противоположность мысль сама имеет бытие в языке. Но язык – это совокупность материальных «вещей» - знаков, т.е. просто «бытие», знаки имеют значения и смыслы, но эти значения и смыслы рождаются не из соотнесения знаков с объектом, но из взаимоотношений самих знаков как объектов. Смыслы и значения обитают там же – в языке. Вместо мысли мы получаем просто бытие, вместо духа – тело. *И это продемонстрировал постмодернизм.*

Приведем простой пример диалектики абстрактного тождества противоположностей.

«Иван – отец Петра», «Петр – сын Ивана». «Отец» и «сын» - исключительно соотносительные определения. Нет отца без сына и нет сына без отца. Если определенность Ивана берется исключительно в рамках этого отношения, то получается, что Иван как отец *предполагает* Петра как сына, поэтому только с рождением Петра рождается и отец. Мы конечно понимаем, что с рождением Петра Иван не рождается, рождается его соотносительная определенность именно как отца. Если же брать это соотношение «рамочно», то высказывание «Иван отец Петра» легко выворачивается и превращается в «Петр отец Ивана». «Смысл» понятия «отец» находится в Петре, а смысл понятия «сын» - в Иване. Получается *бессмыслица*. В этом «рамочном» отношении противоположные смыслы тождественны: смысл понятия «отец» полагает смысл понятия «сын», а смысл понятия «сын» полагает смысл понятия «отец». Противопоставленные «смыслы» оказываются тождественными, а различие их – бессмысленным. Таковы все абстрактно взятые *псевдодиалектические* противоположности. Если за рамками такого отношения противоположностей нет ничего, то смысл этого отношения равен нулю.

Но если взять то же самое отношение не «рамочно», то высказывание обретает смысл. Если Иван не обязательно есть отец Петра, но и отец Сидора, и если он сам по себе вовсе не отец, то высказывание «Иван отец Петра» обретает содержательный смысл. Оба определения – и «отец» и «сын» - обретают не только соотносительный, релятивный, но и «абсолютный» смысл: «Иван родил Петра». Процесс рождения, в котором «Иван» - активная и независимая переменная, а «сын»

- зависимое, производное и есть то третье, к которому отнесены оба исходных определения.

У Гегеля «чистое бытие» превращается в «чистое ничто», что говорит о неистинности, бессмысленности этих определений. Истинно – *становление*, где бытие и небытие – лишь моменты истинного бытия – становления. Гегель наивно (скажем так) полагал, что мысль о чистом бытии, ускользающем в небытие, рождает новую мысль – о становлении. Но разве движение от ничего («чистое бытие») к ничему («чистое ничто») может породить что-то кроме пустоты мысли?

Возьмем теперь другой пример – посложнее. Делез в «Логике смысла» начинает «низвержение Платона» следующим «дискурсом»: Алиса в «Зазеркалье» находит, что она увеличивается. Она стала больше, чем была. Но разве, рассуждает Делез, это не означает, что она одновременно стала меньше, что «Алиса сжимается»? «Больше» и «меньше» - релятивные определения. Если сегодняшняя Алиса стала больше, чем была, то вчерашняя Алиса стала меньше, чем сегодняшняя (в Петре Иван становится отцом). Но, рассуждает Делез, это ведь одна и та же Алиса. Следовательно, она одновременно и больше и меньше. Более того, если она больше, то именно поэтому она меньше. Это – «рамочное», т.е. чисто релятивное определение.

Но разве нет здесь ничего абсолютного? – Есть, конечно. Алиса растет не только относительно самой себя, но и относительно всех других вещей вокруг. Больше столетнего тополя она не стала, и меньше кошки тоже. Чтобы получить делезову Алису, необходимо, чтобы в том же темпе росла и вся вселенная. Но и относительно самой себя, т.е. и в растущей вселенной, Алиса растет абсолютно: растет число клеток. Весь трюк заключается в *софизме*. Здесь мы имеем дело с *двумя Алисами*, а не с одной. Одно тут только имя, слово. Вчера была «Алиса маленькая», сегодня есть «Алиса большая». Здесь ведь не тождество Алис большой и малой, а тождество процесса роста, одного и того же процесса, из которого мы вырываем две абстракции: «Алиса вчера» и «Алиса сегодня». Две Алисы – это *два конца одного и того же*, а они вовсе не тождественны. Тут то же самое, что и с Иваном и Петром: Иван родил Петра, а это совсем не то же самое, что один смысл «родил» второй и обратно. Смысл как бытие в мысли совсем не то же самое, что бытие вне мысли. Отбросьте бытие вне мысли и вы получите бессмыслицу.

Если все дело в словах и их смыслах, в «логике смыслов», то мышление – это всегда «скольжение по референту», как говорит Делез. То есть, никакого объективного смысла нет. То, что существует объективно, объект, бытие, природа, вещь – это только хаос, лишенный порядка материал, который можно толковать и так и сяк. Вещь сама по себе бессмысленна. Она допускает любое «осмысление», т.е. любое толкование. Она – *чистая возможность* смыслов. Смысл полагается субъектом, мыслью, точкой зрения, «видением». Я вижу так, вы видите иначе. У вас один смысл, у меня другой, да и сам я могу скользить по смыслам сколько угодно.

Постмодернизм – не просто заблуждение, он не есть нечто беспочвенное и пустяковое. Он заслуживает *серьезного* отношения, ибо он одновременно и диагноз

болезни и сама болезнь – болезнь современной культуры. Сами постмодернисты презентуют себя как подлинных «клиницистов культуры». Свой диагноз они рассматривают как единственно *достоверный*, ибо они не наблюдают болезнь извне, как это делает психоаналитик, внимательно выслушивающий страдающего психическим расстройством пациента, не отождествляя себя с ним и не входя в его состояние. Постмодернист *заболевает сам* и поэтому никто лучше его не может понять больного. Это так. Но, демонстрируя диагноз, лечить он уже не может.

Столь длительную командировку в «страну диалектики» и в страну постмодернистских чудес мы предприняли вынужденно. Говорить об Октябрьской революции, сопрягая ее с революцией постмодернистской, абсурдно. Но именно такое сопряжение навязывается сегодня. Диалектика – алгебра революции. Она же и алгебра ее понимания. Но таковой может быть только диалектика марксистская, материалистическая, а не «игровая». *Мы не верим в искренность постмодернизма*. Здесь, как и во всех других случаях, он не играет, он нас *разъедряет*. Его улыбка – это маска. И верить ей нельзя. Ну а если воспринимать его буквально, то диалектика из сказки для детей действительно забавна. Но пусть там она и остается. Октябрьская революция – событие слишком серьезное и говорить о ней надо не детским языком.

Диалектика активности.

Предпосылки революции и ее последствия

В свете всего сказанного можно было бы сделать заявку на обсуждение главной проблемы – проблемы *предпосылок* социалистической революции в России. Нам представляется, что свести проблему строительства социализма в России к вопросу о наличии или отсутствии материальных и культурных предпосылок – значит неверно поставить эту проблему. Во всяком случае этот вопрос заслуживает серьезного обсуждения. Необходимо учесть следующее.

1. Содержание следствий вообще не тождественно содержанию причин – предпосылок. Если бы предпосылки и последствия события вполне совпадали бы, то возникновение нового было бы вообще невозможным. Редукция проблемы социализма к проблеме предпосылок есть, в сущности говоря, *преформистская схема*.

2. Редукция логики истории к линейному детерминизму, т.е. к идее «экономического материализма» несовместима с идеей социального *творчества*. Творчество есть *самодетерминация*, т.е. самопричинное действие. Экономический детерминизм именно это и исключает.

3. Идея самодетерминизма не исключает детерминизм как таковой, но обязывает учитывать *своеобразие диалектики активности*, которая содержит в себе *инверсию* предпосылок и результатов, т.е. является *целесообразной* деятельностью. Самый плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что *прежде чем* построить ячейку из воска, он *уже построил* ее в своей голове. Цель – закон деятельности и человек *прежде всего* соотносится не с «предпосылками», а с целью, потребностью, т.е. с тем, чего еще *нет в наличии*. Схема активной творческой

деятельности *обратна* схеме детерминации, как линейно-однозначной, так и вероятностной. Линейная детерминация вообще исключает творческую активность, а вероятностная только ставит *проблему* использования случайностей, «мутаций».

4. В *фундаменте* целе-сообразности заложено не сообразование результатов исключительно с «ментальными» феноменами – воображаемым, желаемым, мыслимым, т.е. с тем, чего нет в реальности, а с *целым*, отражаемым сознанием, осознаваемым, т.е. с *бытием*. («Сознание есть не что иное, как осознанное бытие»). Поэтому рационально-диалектическое понимание *целе-соответствия* есть ее понимание как *цело-соответствия*. Экономический же детерминизм исходит не из целого, а из *фрагмента* этого целого, т.е. из *локальных* предпосылок и результатов, о которых выше шла речь. Диалектический детерминизм имеет в своей основе первичность не целей, идеального, а *целого*, реального, материального. Подчинение части целому – аксиома диалектики и системного подхода. А в этом подчинении нет ни грана идеализма и мистики.

5. Законом целесообразной творческой деятельности является *предшествование результата процессу*, а не рабское сообразование процесса с наличными, данными условиями – предпосылками. Аксиомой творческой деятельности является *не наличие условий – предпосылок, а отсутствие таковых*. Человек и на заре своей истории, и сегодня действует именно потому, что не находит вне себя готовых условий своего существования, но сам создает их из наличного материала – ресурсов. Но ресурсы – это не предпосылки, не причины, это лишь условия, которые могут быть как благоприятными, так и неблагоприятными, но *детерминировать* деятельность они не могут. Это как раз и упускают в большинстве исследований истории социализма. *Предпосылки*, писали в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс – не догмы, это реальные предпосылки, это живые индивиды и их жизненные *потребности*, предмет которых они создают сами. Продукт сапожника – сапоги и этот продукт–результат не содержится ни в куске кожи, ни в шиле. А нам все время говорят, что наличие кожи и шила и есть безусловная предпосылка деятельности. Предпосылки своей жизнедеятельности человек создает сам, лишь *используя* то, что предоставляет ему природа и история. Кожа и шило не шьют сапоги, а бессубъектная история не сотворяет социализм. Капиталистический способ жизнедеятельности «сотворяется» сам, стихийно, складываясь из суммы отдельных, разрозненных целесообразных действий. Здесь результат, целое, возникает *стихийно*. А переход от «царства необходимости» к «царству свободы» предполагает именно сознательность, *то есть* предшествование результата процессу и *приоритет* целого в отношении к части. Сознание только потому и возникает, что оно есть *функциональный* инструмент, обеспечивающий это предшествование и этот приоритет. В противном случае оно было бы просто неоправданной роскошью, как и психика животного: зачем сознание и психика там, где можно обойтись и без них. Уже у животного психика как раз есть то звено, благодаря которому часть соединяется с целым, организм со средой, - звено, возникающее только там, где *разорван* континуум

«организм-среда». Поэтому животное не просто набрасывается на свой предмет и пожирает его (Гегель), но *ищет* его, ориентируясь в среде, чему и служит психика. (Уже Гегель догадывался о роли труда, предпосылка которого – «заторможенное вождение», ибо набрасываться не на что. Поэтому-то «столбовая дорога» разума в истории проходит не через господское, а через рабское, работающее сознание, сотворяющее то, чего нет, опираясь на познание природы).

6. Предшествование результата процессу и есть тот творческий потенциал революционного чувства и разума, который рождается не из локальных, а из всемирно-исторических «предпосылок», *из этого универсального, а не локального целого*. Линейно же мыслящие теоретики и недоумевают: как же так, идея уже есть, а «предпосылок» «здесь» и «теперь» нет. Так и возникает мысль о «трагедии революции», совсем по Гегелю: трагический герой опережает время, комический («Дон-Кихот») опаздывает. Идея социализма родилась не в России, она – дитя *мирового* процесса, а потому и в России явилась *вовремя*, хотя условия для ее реализации здесь и отсутствовали. Да и в общем виде: зачем идея, если все уже дано? Пусть из «предпосылок» само собой образуется искомое. Так не бывает. Дана проблема, а не ее решение. Конструкторская идея, к примеру, нужна тогда, когда проблема есть, а решения нет. Иначе зачем идея?

7. Диалектика материалистического понимания истории предполагает не безусловное «предшествование» характера и уровня развития производительных сил новому типу общественно экономических отношений, но лишь *соответствие* вторых первым. Поэтому на недоумение доктринеров, мыслящих линейными схемами, Ленин и отвечал: знаем не хуже Вас, что предпосылок нет. Но что мешает нам *сначала* взять власть, а *затем*, используя энергию социального творчества, рожденную революцией, создать эти предпосылки. – Что мешает? – Только догма. Искомое *соответствие* общественных отношений уровню и характеру производительных сил мы тут получим.

8. Фактически–исторически так и получилось. Через 20 лет страна имела и индустрию, и сельское хозяйство, и культуру не только вполне сопоставимые с Европой, но и *превосходящие* их, что и засвидетельствовала Победа. Какие еще нужны доказательства? Стартовав от сохи и почти поголовной безграмотности, страна финишировала с атомной станцией, атомной бомбой, первым спутником и первым космонавтом, поголовной грамотностью и в подлинном смысле авангардной культурой. Может ли подобным похвастаться «более» эффективная базарно-капиталистическая модель? В том то и дело, что «строительство социализма» понималось буквально как сооружение кирпичных, бетонных, стальных и т.п. объектов, но не как выращивание нового ансамбля общественных отношений и человека как персонификации их. Вот и получилось, что «предпосылки» построили, а социализм потеряли. А общественные отношения из предпосылок не сами собой следуют.

Обратный «эксперимент» поставлен совсем недавно. На «предпосылки» начали и стали строить «рыночные» отношения как таковые, полагая, что они сами

собой дадут вожаемые плоды. Совсем не удивительно, что «получилось как всегда»: хотели как лучше, а вышло еще хуже. Какие «предпосылки» создал «пещерный капитализм» хоть в материальной, хоть в духовной сфере? Дворцы и виллы олигархов? Казино, бордели, увеселительные заведения? Хоть что-то есть показать подобное «Магниткам» и «Днепрогэсам»? Ну, хоть один завод сравнимый с ЧТЗ? А может быть, появилась эпопея, подобная «Тихому Дону», или поэт, равновеликий Маяковскому, или сооружен хоть один монумент, сравнимый с мухинским «Рабочий и колхозница» или со Сталинградским памятником Матери-Родине? Везде одно и то же: «Пиф-паф»! Ой-ей-ей! Секс, «бабки», мордобой».

«Рыночные отношения» созданы, а «предпосылки» дожевываются и доворовываются старые. О чем тут говорить?

А о культуре следует сказать особо. На каких таких логических основаниях лакировочные поделки соцреалистической халтуры объявляются детищем социализма, а Булгаков, Андрей Платонов и вся «диссидентская» литература имеют как бы других папу и маму? Так это тоже детище социализма. Парадоксальный его продукт, но его. Но кто же не понимает, что без ГУЛАГа не было бы и Солженицына. Так что, говоря словами Мих.Лифшица, многое рождается не только «благодаря», но и «вопреки». И это тоже «имманентная» диалектика социализма. Умейте видеть оба конца оборванной нити – не запутаетесь. А ничего кроме логики в диалектике и нет. Поэтому тем, кто фыркает на диалектику, можно посоветовать: додумывайте свои собственные мысли и получите диалектику. Или это сделать за вас?

9. Не революция и не социалистическая идея повинны в позорном конце «реального социализма», а принесение их в жертву иным «предпосылкам» и историческим обстоятельствам, которые вызревали отнюдь не в логике развития социализма « в одной, отдельно взятой стране», а в логике всемирно- исторического процесса. Жесткость системы, победившая в чрезвычайных обстоятельствах такую же жесткость, стала причиной гибели первой в истории социалистической модели. Эта жесткость – ее не- способность к превращениям, к «мутациям». И это тоже подтверждение, а не опровержение материалистической диалектики.

Думается, что эти вопросы тоже стоит *серьезно* обсуждать.

Культура и революция: диалектика генезиса

Булавка Л.А.,
д.ф.н., Российский институт культурологии

Октябрь и культура: несколько вводных ремарок

Культура и революция. Революция и культура. Сегодня с позиции господствующей и *должной* в современной России идеологии идея сопряжения (пусть даже самого абстрактного) Октябрьской революции, которой, по выражению Г. Померанца, «Ленинская Россия придала коммунистический характер»¹, и культуры выглядит, по меньшей мере, неправомерной.

Не открывая полемики по поводу культурно-исторического значения Октябрьской социалистической революции (авторская позиция на этот счет в данной работе представлена), сошлемся лишь на то понимание ее объективных предпосылок, которое являет в своей книге английский писатель Г. Уэллс, побывавший в революционной России в 1920 г. Вот что писал он по этому поводу: «Самое потрясающее из впечатлений, испытанных нами в России, – это впечатление величайшего и непоправимого краха. Огромная монархия, господствовавшая здесь в 1914 году, с ее системой управления, общественных институтов, финансов и экономики, пала и разрушилась до основания, не выдержав непрерывной шестилетней войны. История еще не видела столь чудовищной катастрофы. В наших глазах это крушение затмевает даже саму революцию. Под жесткими ударами империалистической агрессии насквозь прогнившая Россия, которая до 1914 года была неотъемлемой частью старого цивилизованного мира, рухнула и исчезла с лица земли... При этих чрезвычайных обстоятельствах, среди всеобщего развала, власть взяло правительство, которое опирается на сплоченную партию – партию коммунистов...»².

И вот еще одно свидетельство объективной поступи Октябрьской революции, данное А. Керенским в его воспоминаниях: «Я отлично помню, как на июньском Первом Всероссийском Съезде Советов на мой прямой вопрос, готовы ли присутствующие в этом собрании представители революционной демократии взять на себя всю власть и всю ответственность, зал ответил гробовым молчанием. Только кто-то из большевиков, сидящий рядом с Лениным при молчаливом одобрении последнего явно сказал – мы возьмем. И я помню, как слышавшие эту фразу

---

¹ Померанц Г. Сны земли. Париж, 1984. С. 312.

² Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970. С. 18–19.

отнесли к ней, как к не особенно острой шутке со стороны безответственной оппозиции»¹

Вопросы культурного развития для большевистского правительства сразу же стали первоочередными, определяя основы разрешения дихотомического отношения: культура – власть. И если для Шпенглера одним из основных критериев «фаустовской» культуры является воля к власти, то для большевиков это отношение выстраивается принципиально иначе: власть (политическая) – лишь предпосылка для становления культурной сущности человека в его творческом бытии в Истории.

Вот как позиция большевиков по этому вопросу, была представлена А. В. Луначарским: «...политическая революция сама по себе не имеет ровно никакого значения, и мы не стали бы о ней говорить, если бы не знали, что власть нужно сперва завоевать, чтобы ее уничтожить, предварительно использовав ее для экономической, социальной реформы. Суть социализма заключается не в переходе власти от одного класса к другому – это только средство, а в полной реформе человеческой жизни и завоевании достойного человеческого существования для всего человечества... Социализм будет достигнут тогда, когда мы скажем: "Мы кончили политическую революцию... можем строить наш человеческий быт, можно придать этому быту законченные формы, т. е. формы радостные, формы глубокие, придать высшее значение, наиболее изящные формы. В ...последнем счете вопрос художественный делается основным вопросом социальной реформы"».²

Без понимания всей диалектики взаимосвязи революции и культуры нельзя понять и крайнюю противоречивость, и кажущуюся, на первый взгляд, необъяснимость всплесков и провалов, расцветов и кризисов самой советской культуры.

Эта диалектика может быть первоначально зафиксирована в виде некоторых парадоксов-вопросов (а ведь парадокс – это начало всякого исследования диалектических противоречий).

Первый. Почему народ в революции то разрушает культуру, то тянется к ней? Может быть, народ-варвар настолько глуп, что не понимает, что ему нужно от этой самой культуры? Или же разрушения проистекают из вандализма, таящегося в самой идее революции?

Второй. Почему в 20-е гг. в молодой Советской республике, когда десятки тысяч людей, – в первую очередь молодежь, – уставших от холода, голода и смерти Гражданской войны³, тем не менее добровольно включаются в процесс художественного

---

¹ Керенский А. Издалека. Сборник статей. Париж. 1921. С. 231.

² Рабочий и театр. 1924. № 14. С. 5–6.

³ Вот что об этих условиях сказал Г. Уэллс: «Вы скажете, что в этих бедствиях и всеобщем упадке повинна власть большевиков! Но я не верю в это». И далее продолжает он: «Не коммунизм сверг эту гигантскую, пошатнувшуюся, обанкротившуюся империю в опустошительную шестилетнюю войну. Это сделал европейский империализм. И не коммунизм подверг истерзанную и, быть может, погибающую Россию непрерывным нападениям платных

самодетельного творчества? Конечно, революция несет в себе и праздничный смысл, но ведь не до такой степени, чтобы люди могли находить в себе не только силы, но и, что удивительно, – желание рисовать, сочинять пьесы и стихи, участвовать в спектаклях.

«Надо удивляться мощному духу пролетария, когда он, утомленный работой, военным обучением, заботой о куске хлеба, аккуратно приходил в студию и скудный остаток (часа 3-4) своего отдыха отдавал искусству», – вспоминал об этом времени бывший актер МХАТ, а в те годы режиссер Центральной студии Пролеткульта В. С. Смышляев.¹

Вовлеченность рабочих, крестьян, солдат в самодеятельное творчество уже за первые годы Советской власти стала настолько широкой, что к началу 20-х гг. потребовались всероссийские съезды для обсуждения опыта, проблем и перспектив развития этого массового художественного творчества.

Например, в ноябре 1919 г. (и это в условиях Гражданской войны!²) был собран Первый Всероссийский съезд рабоче-крестьянских театров, в котором участвовало 243 делегата (от коммунистов, эсеров, меньшевиков и беспартийных) из 27 губерний³. В 1921 г. прошло Первое Всероссийское совещание музыкальных работников, так как в 1920 г. в стране действовали уже 224 музыкальные студии Пролеткульта⁴. Студии изобразительного искусства также открывались немедленно по освобождению территории от белогвардейцев: в 1918–1920 гг. по республике их насчитывалось 186, в одном лишь Петрограде участвующих в 7 студиях было более 4 тысяч человек⁵. В октябре 1920 г. проходил Первый Всероссийский съезд пролетарских писателей.

Третий парадокс. Почему в 30-е гг., во время сталинских репрессий, целая плеяда художников (С. Эйзенштейн, В. Мухина, М. Булгаков, Б. Пастернак, и этот

наемников, интервенции и мятежам, не коммунизм стиснул ее в кольцо жестокой блокады». См.: Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970. С. 31–32.

¹ Грядущее. 1920. № 4. С. 11. Цит. по: Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура 1917–1923. М., 1984. С. 81.

² Вот как этот период характеризовал в своих воспоминаниях Л. Троцкий: «Весна и лето 1918 г. были из ряда вон тяжелым временем... Продовольствия не было. Армии не было. Железные дороги были в полном расстройстве. Государственный аппарат еле складывался. Всюду гноились заговоры... Псков был в немецких руках. Украина стала австро-германской колонией. На Волге – французская и английская агентура подняла в 1918 г. восстание корпуса чехословаков из бывших военнопленных. Мурманск и Архангельск – английская и французская зона. Ярославль – восстание белогвардейцев, организованное Савинковым. Урал – банды Дутова. Дон – восстание Краснова. Кольцо вокруг Москвы... Воевали без запасов. Уже в 1919 г. на центральных складах не осталось ничего... Самая низкая точка революции – падение Казани». См.: Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 123–124, 139, 147.

³ Вестник театра. 1919. № 43. С. 5.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 1230, оп. 1, ед. хр. 1541, л. 28.

⁵ Клейнборт Л. М. Рабочий класс и культура. Т. 2. М., 1925. С. 154–156.

перечень можно продолжить) создают свои лучшие произведения? Может быть, они не понимали, что происходило в это время в стране, или, возможно, для творческого вдохновения интеллигенции необходим ГУЛАГ?

Четвертый. Почему в постсоветский период так и не появились такие явления культуры, которые бы имели тот общественный (а не только для профессионалов и журналистов) резонанс, который рождали, например, такие события, как полет Ю. Гагарина в космос, «Новый мир» А. Твардовского, театр «Современник», песни В. Высоцкого и т.д.

Перечень этих парадоксов можно продолжить и дальше, но важно другое: что стоит за ними, и какая логика выстраивается всей цепью этих парадоксов? Очевидно, что прямых связей здесь нет и без диалектики тут не обойтись. Автор попытается дать свое, хотя и не бесспорное, объяснение.

Социальное творчество, общественный идеал и идеология: диалектика взаимосвязи

Генезис советской культуры оказался непосредственно связан с рождением нового типа общества. В свою очередь, это общество и его культура стали прямым следствием революций 1917 г. и, прежде всего, Октябрьской революции. С анализа последней как феномена социального творчества мы и начнем наше рассмотрение проблемы генезиса советской культуры.

Октябрь 1917 г. (в данном случае не как политическое событие, а как поворотный момент в логике общественного развития) породил главное – у масс появилась возможность не просто адаптироваться к общественным отношениям, а *самим* формировать, создавать, одним словом, – творить *общественные отношения* в экономике, в социальной сфере, в культуре. Это и составляло *сущность социального творчества*¹.

Проблема «активизма» субъекта истории достаточно широко обсуждалась в конце 60-х – начале 70-х гг. в философской литературе². Позднее эта проблема ушла из поля основных исследований и фундаментально разрабатывалась главным образом в работах А. В. Бузгалина и А. И. Колганова³, из которых мы и будем исходить в определении содержания понятия «социальное творчество».

Итак, социальное творчество есть созидание самими индивидами качественно новых общественных отношений, снимающих господство над человеком внешних сил отчуждения (власти рынка, государства и т.п.). Для идеологов большевизма принцип и дух социального творчества был достаточно органичным, вытекающим из природы деятельности и образа их жизни еще в дореволюционный

---

¹ См.: Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1979; Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1979; Межуев В. М. Культура и история. М., 1976.

² См.: Проблема человека в современной философии. М., 1969.

³ См.: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал. М.: URSS, 2004. Ч. 4.; Ренессанс социализма. М.: URSS, 2003.

период. Не случайно идея социального творчества становится центральной в политике и идеологии большевиков: «Не использовать растущую инициативу и творчество масс, значит, совершать прямое преступление в деле выполнения стоящих перед нами задач»¹, – писал В. Куйбышев.

Установка большевиков на социальное творчество распространялась на все сферы, даже те, которые, казалось бы, совсем мало пригодны для этого, – например, экономику².

И даже в военном деле творчество было значительным фактором успеха многих операций. «Без новых и новых импровизаций во всех областях, война была бы для нас невыносимой. Поезд был инициатором таких импровизаций, а вместе с тем и их регулятором»³, – вспоминал Л. Троцкий о своем бронепоезде, выполнявшем и организационно-штабные функции, и боевые, и мобилизационные, и множество других, от устройства бани для красноармейцев вплоть до шефства над детскими домами.

Отмечая пафос социального творчества 20-х гг., в то же время надо понимать, что массы творили новые общественные отношения противоречиво и зачастую примитивно, в меру собственных представлений и сил, одним словом – на основе всего того «культурного богатства», которое ими было приобретено еще до революции. Это прекрасно понимали большевистские идеологи. «Надо помнить», – писал Ф. Э. Дзержинский, – «что у нас рабочие, как и мы сами, еще некультурны, что у них часто групповые интересы преобладают над интересами всего рабочего класса...»⁴ Это подчеркивал и В. И. Ленин: «При нашей некультурности мы не можем решить любовой атакой гибель капитализма»⁵.

Однако большевики, в отличие от большинства интеллигенции, не испугались дать исторический «ход» известному противоречию между еще сохраняющимся низким уровнем культуры и образования революционных масс и исторической необходимостью включения их в качестве главного субъекта в процессы творческого преобразования общественных отношений.

---

¹ Куйбышев В. В. Социалистическое соревнование и самокритика // Избр. произв. М., 1958. С. 129.

² Вот что по этому поводу писал народный комиссар Ф. Э. Дзержинский: «...каждый хозяйственник должен втянуть массы в сознательное участие в производстве, дать им возможность коллективного творчества, дать возможность выявить все недостатки как аппарата, так и самого производства и указать способы их устранения и общими силами найти путь к улучшению, удешевлению и расширению производства». См. Дзержинский Ф. Э. Циркулярное письмо правлениям синдикатов, трестов и красным директорам // Избр. произв. М., 1977. С. 24.

³ Троцкий Л. Указ соч. С. 147.

⁴ Дзержинский Ф. Э. Циркулярное письмо правлениям синдикатов, трестов и красным директорам // Избр. произв. М., 1977. С. 25.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 168–169; Подобные оценки можно найти и в других его работах. См.: Т. 9. С. 155–156; Т. 11. С. 180–181; Т. 38. С. 165–166.

Сущность этого противоречия понимали и крупные художники. В этой связи для нас особенно важны слова А. Блока, который своим высочайшим поэтическим личностным напряжением, стоившим ему жизни, соединил две эпохи, две страны – распадающуюся и революционную: «Не дело художника – смотреть за тем, как исполняется задуманное, печась о том, исполнится оно или нет... Дело художника, обязанность художника – видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит «разорванный ветром воздух».

Что же задумано?

Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым, чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда такие замыслы, искони таящиеся в человеческой душе, в душе народной, разрывают сковывавшие их путы и бросаются бурным потоком, доламывая плотину, обсыпая лишние куски берегов, – это называется революцией...

Горе тем, кто думает найти в революции исполнение только своих мечтаний, как бы высоки и благородны они ни были. Революция, как грозовой вихрь, как снежный буран, всегда несет новое и неожиданное; она жестоко обманывает многих, она легко калечит в своем водовороте достойного, она часто выносит на сушу невредимыми недостойных; но – это ее частности, это не меняет ни общего направления потока, ни того грозного и оглушительного гула, который издает поток. Гул этот все равно всегда – о великом...»¹

Большевики прекрасно понимали, что, во-первых, непроявленность и неразрешенность общественных противоречий гораздо опаснее тех социальных «издержек», которые неизбежно появляются при их разрешении, а во-вторых, – только реальное включение масс в социальное преобразование является предпосылкой формирования у них объективной потребности в культуре, чрезвычайно важной для решения актуальнейшей проблемы – самореализации личности индивида.

Вот что по поводу актуальности этой проблемы в период 20-х гг. писал Д. Выгодский: «И мучит вопрос: как же создать, как же распространить для всех умение творить, и в первую очередь грамотность начальную? ...Нужно знание, могущее перевоспитать теперешнюю обстановку, теперешнюю жизнь, могущее отлить жизнь в такие формы, чтобы все люди могли свободно, полноценно творить. Никто не должен замалчивать в себе... мучительный вопрос: зачем жить?»²

Социальное творчество несло в себе не только логику разрешения общественных противоречий, но и являлось формой развития субъектности индивида – той формой, которая востребовала личность индивида во всем богатстве его конкретных проявлений и потенциальных возможностей.

---

¹ Блок А. Интеллигенция и революция // Я лучшей доли не искал. М., 1988. С. 481.

² Выгодский Д. Пролетарское искусство // Жизнь – творчество. 1919. № 3. С. 12.

«Самое же главное было в том», – писал об этом времени С. Эйзенштейн, – «что здесь каждый укреплялся в осознании того, что делу революции нужен всякий. И, прежде всего именно в своем неповторимом, угловатом, индивидуальном виде»¹. Это обстоятельство и определяло гуманистический характер социального творчества; вот почему, несмотря на свою подчиненность решению, прежде всего, социальных проблем жизнедеятельности индивида, оно имеет в первую очередь огромное культурное значение.

Диалектика взаимосвязи интересов индивида и общества, с одной стороны, задавала конкретный адрес социальному творчеству, а с другой – обуславливала развитие индивида как личности. «В революционной деятельности», – отмечал В. И. Ленин, – «изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств»².

Английский писатель Г. Уэллс, не разделявший идей коммунизма и называвший себя «эволюционным коллективистом», в своей книге о большевиках, породившей бурю негодования за границей, в том числе со стороны самого Черчилля, по этому поводу писал следующее: «Но Ленин, от чьей откровенности, вероятно, захватывает дух у его последователей, окончательно отверг всякое лицемерие и заявил, что революция в России – это не что иное, как наступление эпохи беспредельных поисков»³. И далее он продолжает: «Перед лицом чудовищных трудностей они прилагают все усилия к тому, чтобы из развалины поднялась новая Россия. Мы можем отвергать их принципы и методы, можем называть их планы утопическими или какими угодно, можно смотреть на их действия с ужасом или насмешкой, но мы вынуждены признать, что в России сейчас совершается созидательная работа»⁴.

Итак, социальное творчество стало той формой общественной практики, которая, с одной стороны, выявляя всю меру культурной недостаточности масс, одновременно становилась формой ее преодоления, ибо по мере утверждения их в качестве субъекта истории, у них формировалась потребность в культуре и, более того, потребность в осуществлении себя в роли ее субъекта.

Другой вопрос, что в практике социального творчества далеко не всегда находили разрешение вскрытые им противоречия самого его субъекта (революционных масс). Но здесь важнее другое: трудящиеся наконец-то получали статус *непосредственного субъекта сознательного исторического творчества*. И именно это обстоятельство стало решающим условием в последующем появлении двух очень важных тенденций.

Первая. Социальное творчество явилось теми «дрожжами», на которых всходили к своей собственной сущности социалистический идеал и

---

¹ Эйзенштейн С. Нунэ // Избр. произв.: В 6 т. Т. 1. М., 1964. С. 315.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 201.

³ Уэллс Г. Указ. соч. С. 103.

⁴ Там же. С. 77–8.

социалистическая идеология. Причем и первый, и вторая обретали свою сущность в русле встречного движения друг к другу.

В чем смысл этой тенденции? Как происходило это встречное движение в реальной истории, в первую очередь с социалистической идеологией?

Классовая борьба, предшествовавшая октябрю 1917 г., и последующая народная революция (гражданская война) стали мощным катализатором в процессе осознания массами своих реальных интересов. Революционные события этого периода едва ли не каждого ставили перед простой, но зачастую смертельно жесткой альтернативой: так ты за белых или за красных? События заставляли каждого искать и выбирать адекватную своим интересам политическую форму их выражения¹.

В то же время нельзя не признать, что многие первоначальные лозунги вершителей революции оказались созвучны интересам значительных масс населения. Прежде всего это касалось задач установления мира и наделения крестьян землей². «Главным козырем большевиков был мир. Захватив в ночь на 26 главный телеграф в Санкт-Петербурге и самую в России могущественную царскосельскую радиостанцию, большевики начали рассылать свои воззвания к миру», – писал в своих воспоминаниях А. Керенский.

«Разогретые» событиями 1917 г. реальные интересы (еще далеко не социалистические) поднявшихся масс, обретшие свое лаконичное выражение в формуле: «Мир – народам! Фабрики – рабочим! Земля – крестьянам!», стали тем мощным социальным энергетическим посылом, который выбросил их на арену исторических действий.

И уже логика революции 1917 г., сопрягая восходящий от своей частной сущности к общественной природе интерес масс с реальной возможностью преобразования действительности, трансформировала энергию стихийного протеста в социальное творчество, а взбунтовавшиеся массы – в субъекта революционного творчества.

Примечательно, что эту диалектику исторической трансформации, которая является заслугой большевиков (чего не желают понимать и признавать их оппоненты, вместо того чтобы по-настоящему критически проанализировать весь большевистский опыт), видели и сами вершители этих процессов. Вот что об этом, в частности, писал Л. Троцкий: «Рабочий класс России под руководством большевиков сделал попытку перестроить жизнь так, чтобы исключить возможность периодических буйных помешательств человечества и заложить основы более высокой культуры. В этом смысл Октябрьской революции»³.

---

¹ В романах М. Шолохова «Тихий Дон», А. Толстого «Хождение по мукам», А. Веселого «Россия, кровью умытая» талантливо показано, каким трагическим и мучительным не только для безграмотных крестьян и солдат, но и для образованных людей был этот процесс.

² См.: Керенский А. Издалека. Сборник статей. Париж, 1921. С. 27.

³ Троцкий Л. Указ. соч. С. 334.

Содержание реальных интересов широких масс логикой включенности их в социальное творчество наконец-то начинает подниматься с уровня частного (а частность – это тоже идеология, причем определенная) до еще не всеобщего, но уже общего – классового. И действительно, уже позже, через диалектическую связь с культурой, этот базовый интерес индивида становился важнейшей основой его мировоззрения¹.

В свою очередь логика социального творчества (впрочем, как любого творчества вообще) востребовала от его субъекта тот прообраз, тот идеал, в соответствии с которым этот субъект и собирался преобразовывать существующую реальность. И за таким идеалом народным массам далеко ходить не надо было – в арсенале народной культуры этот идеал, *идеал справедливости*, существовал в лучшем случае как «нравственный образ желаемого», как этическая мечта, а чаще – просто как религиозная надежда на «царство Божье», но в любом случае – как некая гуманистическая абстракция.

И уж, конечно, не большевики этот идеал придумали. Появился он как результат героических и, как правило, трагических попыток не только народов России, но и всего человечества вырваться из «царства необходимости». А эмоциональная, духовная и нравственная выстраданность этого опыта со всеми его поражениями, победами, к тому же выраженная в искусстве, как раз и обусловила то, что идеал справедливости формировался и развивался как продукт мировой культуры.

Этот этический народный идеал, конечно, был далек от коммунистического, но здесь важно другое – в качестве его нравственного императива выступал принцип социальной справедливости. Существовая как одно из важнейших общественных отношений мировой культуры, этот идеал в значительной степени определял духовные интенции русской литературы XIX в. Хорошо известно, что Г. Манн назвал русскую литературу от Пушкина до Горького революцией перед революцией². Вот почему политические попытки «выкорчевывания» коммунистического идеала невольно связаны с необходимостью полного разрыва с гуманистической традицией не только советской, да и в целом отечественной, но и всей мировой культуры.

Итак, прежний идеал справедливости, будучи вовлеченным в преобразующую практику масс, основанную на реализации его конкретных общественных интересов, начинает спускаться с «небес» абстракции и становится историческим и потому конкретно творимым. Как писал В. И. Ленин *«Человеку нужен идеал, но человеческий, а не сверхъестественный»*³.

---

¹ В дальнейшем эти социальные интересы масс, рефлектируясь в идеологии, приобретали все более ярко выраженный классовый характер. «Специфика идеологии проявляется в том, что она отражает общественное бытие под углом зрения интересов классов», – писал В. И. Ленин. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 356.

² См.: Голик И. Буржуазная критика: политика и литература // Иностранная литература 1974. № 10.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 56.

Так через практику социального творчества происходило восхождение общественного гуманистического идеала от *абстрактного к конкретно-всеобщему*¹.

Именно Октябрь 1917 г. породил процессы *встречного становления гуманистического идеала и социалистической идеологии*, причем не в абстрактной, а в конкретно-исторической форме. Ускорение этого встречного движения происходило по мере становления самого социального творчества, что определялось не только темпами его развития, но и мерой его проникновения в поры всех общественных отношений.

Революционные массы: открытие культуры

Сближение общественного идеала и социалистической идеологии в первые революционные годы объективно вызвало тот взрыв, который для трудящихся происходил как акт великого открытия культуры, прежде существовавшей для них как некая «вещь в себе», как *l'art pour l'art* – искусство для искусства.

И действительно, до революции культура для эксплуатируемых выступала главным образом в отчужденных формах: либо как праздное занятие господ, либо как особый инструмент насилия, эксплуатации, либо как особый и недоступный товар.

Логика же социального творчества 20-х гг. объективно рождала у его субъекта потребность в знаниях, умениях как в важнейшей предпосылке переустройства мира. Вот почему социальное преобразование в новой России и по своей сути, и по своей форме происходило как культурная революция. Идеология культурной политики у большевиков была определена и практически заявлена с первых дней. Идеиная зрелость в этом вопросе происходила не столько из того, что главные идеологи этого течения лично выросли на высокой культуре (хотя это чрезвычайно значимый фактор), сколько из самой логики социально-творческого преобразования (социального творчества), которой был необходим адекватный субъект – социальный творец. И, кроме того, масштабность задач требовала массового субъекта.

Известный советский философ-марксист Н. С. Злобин по этому поводу писал, что культурная революция – это не столько проблема доступности продуктов духовного творчества, сколько, и прежде всего, проблема доступности самого духовного творчества².

Следует подчеркнуть, что значение этого тезиса становилось приоритетным и для общества в определении им задач культурной политики того времени. *Культурная революция вскрыла не реализованную веками творческую энергию и инициативу масс*. Вот лишь некоторые примеры из культурной хроники того времени,

---

¹ В данном случае речь идет о становлении именно коммунистического идеала: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна соотноситься действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 34.

² См.: Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М., 1979.

показывающие как революционные «низы» сами инициировали те или иные идеи, сами принимали решения по их осуществлению и сами брали на себя ответственность за их реализацию.

- Осень 1917 г. Петроград. Путиловцы подают идею создания детской художественной студии при заводской школе¹.

- 10 ноября 1921 г. Брянская губерния. Севский уезд. Граждане села Невдольска обеспечили учителей хлебным пайком на целый год.²

- 24 ноября 1918 г. Орел. Рабочие местных заводов работают в воскресенье с тем, чтобы дневной заработок отчислить в фонд пролетарского университета³.

- 1 сентября 1918 г. Нижний Новгород. Открывается народная консерватория⁴.

- 31 октября (13 ноября) 1917 г. Вятская губерния. Сарапульский уезд. Центральный общезаводской комитет Ижевских заводов принимает решение об отчислении от зарплаты работников и служащих средств на организацию курсов для неграмотных мусульман⁵.

- 15 августа 1918 г. Вологодская губерния. Яренск. Уездный исполком принимает постановление об отпуске средств на изготовление зырянских шрифтов. Коми (зырянский) алфавит был составлен в 1918 г. В. А. Молодцовым⁶.

- 20 декабря 1918 г. Орловская губерния. В Ельце открывается народный университет. Представитель профсоюзов сообщает о решении рабочих отчислить на нужды университета полдневный заработок⁷.

- Крестьянский съезд Кузнецкого уезда единогласно постановил приобрести дом, в котором жил писатель Ф. М. Достоевский во время ссылки, с целью устройства в этом доме избы-читальни и музея Достоевского⁸.

Даже из этого небольшого ряда примеров можно увидеть, что творческая инициатива «низов» чаще всего была:

- (1) связана с решением *культурных задач*;

- (2) ориентирована на их *практическое воплощение*;

- (3) по своему содержанию не являлась проявлением узкоклассового эгоцентризма и *была адресована* не только своему классу, но *всему обществу в целом*;

---

¹ Рабочие и крестьяне России о Ленине. М., 1958. С. 101.

² См.: Известия ВЦИК. 10 ноября 1921 г. С. 2 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 305.

³ Народное просвещение 1918. № 23–25. С. 15 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 94.

⁴ Искусство. 1918. № 3 (7). С. 24 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 75.

⁵ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Сборник документов и материалов (1917–1918). Ижевск, 1957. С. 162 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 20.

⁶ Образование Коми автономной области. С. 27, 39 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 71.

⁷ Народное просвещение (еженедельник). 1919. № 30. С. 18.

⁸ См.: Беднота. 1918. 22 (9) мая.

(4) выступала в форме социально-экономической помощи Другому (иному по возрасту, социальному положению, вероисповеданию, национальности и др.).

Культурный взрыв, вылившийся, в частности, в своеобразный Театральный Октябрь, породил много интересных экспериментов, в частности, в области массовых театрализованных действий (вспомним упомянутый выше тезис «революция – праздник угнетенных»), часть из которых перекликается с художественной практикой Парижской Коммуны.

Так, 1 мая в 1920 г. у Фондовой биржи в Петрограде в массовом театрализованном действе «Освобождение труда» участвовало более 2000 человек¹. 1 Мая в Кронштадте в Петровских доках проходил массовый спектакль, посвященный пролетарскому интернационализму, в котором число его участников составляло более 20 тыс. человек².

19 июня 1920 г. в Петрограде к открытию II-го конгресса Коминтерна было подготовлено массовое театральное представление «К мировой коммуне», в котором было занято 4 тыс. участников.

8 ноября 1920 г. по случаю третьей годовщины Октябрьской революции в Петрограде проходил массовый спектакль «Штурм Зимнего дворца». «Сотни и тысячи людей двигались, пели, шли в атаку, скакали на конях, вскакивали на автомобили, неслись, останавливались и колыхались, освещенные военными прожекторами, под несмолкаемое звучание нескольких духовых оркестров, рев сирен и уханье орудий»³. В инсценировке приняло участие 10 тыс. исполнителей. Режиссуру осуществляли Н. Н. Евреинов, А. Р. Кугель, Н. В. Петров

И таких примеров можно привести немало. Важно то, что в этих спектаклях все его участники были действующими лицами, вот почему эти художественные акции были уже не зрелищем, а особым культурным действием.

Новые культурные практики 20-х гг. в революционной России оказались такими массовыми и богатыми по своему содержанию и противоречиям, что потребовали своего общественного осмысления на съездах.

Вот лишь маленький фрагмент из летне-осенней хроники культурной жизни 1920 г.:

- Городская конференция представителей и деятелей рабочих клубов (Петроград)⁴;
- II съезд работников искусств (Москва)⁵;

---

¹ Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура. 1917–1927. М. 1984. С. 86.

² Там же.

³ Известия Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. 19 ноября 1920 г. // Цит. по: Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура. 1917–1927. С. 86.

⁴ Петроградская правда. 16 мая 1920 г. С. 2.

⁵ Известия ВЦИК. 3 июня 1920 г. С. 2 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 196–197.

- I Всероссийский съезд еврейских деятелей просвещения и социальной культуры (Москва)¹;
- II Всероссийское совещание работников просвещения среди чувашей (Татарская АССР)²;
- III съезд Всероссийского Совета Пролеткульта³.

Это не просто перечень мероприятий. За всеми этим съездами стояла реальная деятельность местных общественных организаций и конкретных людей, которые (как могли и умели) создавали новые формы жизни. Инновационный характер социального творчества масс был обусловлен тем, что политика большевиков связывала идею культуры с **практическим решением разных конкретных социальных задач**: ликвидацией безграмотности населения, включением его в разные формы художественного творчества, налаживанием органов местного самоуправления, привлечением и обучением масс навыкам общественного учета и контроля власти.

В.И. Ленин не раз указывал (этого никогда не допустит современная российская власть) на важность повышения культуры масс, необходимой для организации учета и контроля с ее стороны над деятельностью всех органов власти, например, через такие формы, как отчеты, которые должны быть доступны каждому через газеты, журналы, листки на афишных тумбах⁴. Такой подход позволял, с одной стороны, актуализировать культурное наследие, а с другой – наполнять общественные отношения культурным содержанием.

Идея культуры у большевиков «привязывалась» к решению важных и конкретных проблем жизни. Так, например, выступая перед трудовыми казаками на их Первом Всероссийском съезде, Ленин говорит не о «русских национальных корнях» и не о культуре вообще, а о работе комиссии ученых и техников над планом электрификации, который должен стать программой экономического и культурного развития страны на 10 лет⁵.

Одним словом, Октябрь 1917-го открыл новый социальный смысл культуры, и теперь для трудящихся она обретала новую ипостась, *становясь* для них в первую очередь «*рабочим инструментом*» в деле (пусть порою примитивного, но от этого не

¹ Жизнь национальностей. 1920. 10 августа. С. 4.

² Жизнь национальностей. 3 ноября 1920 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 215.

³ Пролетарская культура. 1920. № 13–14. С. 86.

⁴ Вот что писал он об этом: «Отчеты должны правильно читаться... группой коммунистов по возможности из числа, не состоящих в числе служащих и способных читать отчеты с вневедомственной, а только с коммунистической точки зрения. ...Необходимо бороться неуклонно за постепенное расширение круга обязательно печатаемых отчетов всяких экономических учреждений... ибо без приучения все большего количества населения пользоваться в библиотеках подобными отчетами ни о каком действительно превращении полуазиатской страны в культурную и в социалистическую не может быть и речи». См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 112–114.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 166–187, 188–189.

менее великого) *созидания новой общественной жизни*. Понятие же «рабочий инструмент» для трудящихся – понятие не праздное, вот откуда появляется бережное отношение к культуре.

Более того, водоворот происходящих исторических событий рождал у его субъекта острую необходимость постичь смысл происходящего, понять собственный интерес во всем этом и соотносить все это друг с другом. Может быть поэтому, для масс (как для нарождающегося субъекта сознательного исторического действия) культура и в первую очередь театр становился формой осмысления их собственных классовых интересов и перспектив, проблем и противоречий, позволяя в живом непосредственном диалоге совместно с другими выговаривать и проговаривать важнейшие вопросы и ответы по поводу своего бытия в нарождающейся новой жизни¹. «Люди из народа отводили душу и беседовали о самом важном, о том, как и для чего жить и какими способами устроить единственно мыслимое и достойное существование», – писал об этом времени Б. Пастернак². Этому в немалой степени способствовало еще и то обстоятельство, что доступ в те же театральные студии был открыт для всех желающих³. Может быть, потому в это время «театр оказался самой устойчивой частью русской культуры»⁴.

Октябрьская Революция меняла сущность театра: он, по мнению Р. Вагнера, не должен быть «промышленностью, субсидируемой принцами и королями или на иждивении спекулянта – директора. Театр должен быть праздником, свободной коммуной, совершенно исключаящей деньги и прибыль, должен служить школой воспитания сильного, красивого и свободного человека.

Вот, например, как об этом новом отношении к искусству (как одной из важнейших составляющих культуры), проявляемом со стороны революционного зрителя 20-х гг. писала выдающаяся русская певица Н. А. Обухова: «От прежнего пресыщенного и скучающего зрителя императорских театров его отличало необычайно чуткое отношение к спектаклю, огромная непосредственность, жажда знаний. Каждый, даже рядовой спектакль превращался в праздник»⁵.

Культурная жизнь России в этот период была на подъеме во всех сферах. «В этой удивительной России, измученной войной, холодом, голодом и тяжкими

---

¹ Вот только один пример: из 45 театров, значившихся в списках театров Петрограда и действовавших в сезонах 1917/1918 – 1920/1921 гг., 27 возникли в 1917–1920-х. Учтем при этом, что население города в это время сократилось с 2,3 миллиона до 740 тысяч. См.: Ленинград в цифрах. Экономико-статистический справочник. Л., 1936. С. 4.

² Пастернак Б. Люди и положения // Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1991. С. 780.

³ Вот что писал один из деятелей театрального отдела Пролеткульта П. М. Керженцев: «Мы отказываемся от буржуазного принципа, согласно которому истинное творчество должно совершаться в тайниках кабинетов и релетиционных залах, закрытых для непосвященных» См.: Керженцев П. Творческий театр. М.–Пг., 1923. С. 90–91.

⁴ См.: Уэллс Г. Указ. соч. С. 36.

⁵ Обухова Н. Незабываемые дни // Советская музыка. 1957. № 11. С. 27.

невзгодами, всерьез делается большое литературное дело, которое немислимо сейчас ни в богатой Англии, ни в богатой Америке»¹. И далее Г. Уэллс продолжает: «В голодающей России сотни людей работают над переводами, их переводы набираются и печатаются, и, быть может, благодаря этому новая Россия так глубоко ознакомится с сокровищницей мировой мысли, что оставит позади все другие народы»².

Революция и культура: разрушение и сохранение

Такой была одна – созидательная – сторона взаимодействия социалистических интенций и культуры. Но была и другая.

Правда истории и логика исследования противоречий генезиса советской культуры требует исследования и его «обратной стороны», связанной с разрушением культурных ценностей и репрессиями по отношению к деятелям культуры в первый революционный период. Стихийный вандализм революционных масс, кстати, никогда не был настолько массовым, как его обычно представляют сегодня, вменяя это в вину уже не столько идеологам «Совдепии», сколько самой социалистической идее. И все же следует отметить, что наряду с объективной заинтересованностью революционных масс в культуре одновременно проявлялось и вандалистское отношение к ней, и с этим требуется разобраться отдельно.

Во-первых, не надо забывать, что последующий после октябрьских событий 1917 г. революционный взрыв, реально вызванный накатом классового противостояния, происходил в форме Гражданской войны, усиленной интервенцией против революционной России. И уже в этой экстремальной ситуации, как отмечал Л. Троцкий, ни белые, ни красные войска не склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, провинциальных кремлях или старинных церквях, что вызывало постоянные конфликты между военным ведомством и управлениями музеев³.

Культурные же «издержки» любой войны (например, Первой мировой войны, развязанной весьма «цивилизованными» европейскими государствами, в большинстве из которых господствовали рынок и демократия) оборачиваются большими и неизбежными потерями.

Во-вторых, чаще всего это было проявлением не просто примитивного вандализма, как это принято считать сегодня, но за этим стояло разрушение лишь той части культуры, которая либо выступала инструментом подавления низов, либо была сращена с идеологическими символами прежнего режима.

А. Блок писал в 1918 г.: «Почему дырявят древний собор? – Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу милых усадьбах? – Потому, что там насиловали и пороли девок, не у того барина, так у соседа. Почему валят столетние парки? – Потому, что сто лет под

---

¹ Уэллс Г. Указ. соч. С. 46.

² Там же.

³ См. Троцкий Л. Указ. соч. С. 81.

их развесистыми липами и кленами господ показывали свою власть: тыкали в нос нищему – мощной, а дураку – образованностью. Все так. Я знаю, что говорю»¹.

В-третьих, любая революция наряду с пафосом культурного созидания и идеей качественного обновления мира неизбежно несет в себе и разрушение. Понимание всей диалектики этого трагического противоречия, дается не просто даже для понимания творческого марксиста². Еще сложнее реализовать эту диалектику на практике.

В любом случае, следует признать, что законы творческого преобразования действительности в определенной степени сопоставимы с законами изменения мира культуры. Как писал Б. Эйхенбаум, крутые исторические переломы, в какой бы области культуры они ни совершались, никогда не исчерпывают себя в реформах, и потому навстречу «мирным» попыткам эволюции встает стихия революционная, пафос которой – в разрушении старых форм и традиций³.

И, наконец, *в-четвертых*, надо признать, что в эти годы не обошлось и без актов откровенного вандализма. Социалистический идеал и практика социалистического строительства в нашей истории оказались далеко не тождественны (и насколько такое тождество в исторической практике возможно в принципе?).

Здесь следует различать сознательное разрушение культуры бюрократией «сверху» и стихийный вандализм, возникавший (особенно в первые годы революции) «снизу». Если первый был следствием вырождения социалистических интенций, то стихийный вандализм, шедший снизу, имел несколько иную природу: он возникал из того противоречия, когда народ, создавая «материальное тело» культуры, а иногда и ее «душу», как правило, оставался отчужденным от нее. Накапливавшаяся в этих условиях отстраненность эксплуатируемых от мира «высокой культуры», если и находила свое выражение, то, как правило, в отчужденных формах.

А разве могло быть по-другому? В условиях дореволюционного формально-полицейского порядка любые интенции разрушения или протеста со стороны эксплуатируемых подавлялись, а в условиях устранения этого порядка они проявились во всей своей невосдержанности. Но ведь если бы не было этого отчужденного отношения к культуре, выражающегося подчас в формах вандализма, то тогда и актуальность культурной революции оказалась бы под сомнением – можно было бы обойтись просто культурными реформами. Историческая заслуга большевиков как раз в том и состояла, что они сумели перевести всю ярость и

---

¹ Блок А. Соч.: В 2 тт. Т. II. М., 1955. С. 224.

² Хорошо известен факт, что А. В. Луначарский, под влиянием слухов о разрушении культурных ценностей, подал заявление об отставке, но СНК не принял его. Дальнейшая история показала всю диалектичность и тех сожалений о разрушении памятников культуры, которые высказывал Луначарский, и тех надежд (которым суждено было сбыться, но лишь частично и трагической ценой), которые были характерны для Ленина.

³ Эйхенбаум Б. Анна Ахматова // Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969. С. 81–82.

агрессивность отчужденного отношения в энергию социального преобразования, а снятие культурного отчуждения сделать одной из главных задач революции.

На принципиальном же уровне советская система не только объективно, но и субъективно была заинтересована в сохранении и развитии культурного наследства. Вот лишь некоторые примеры.

28 октября (10 ноября) Военно-революционный комитет назначает своих комендантов в Смольный институт, Зимний, Таврический, Мариинский дворцы и в Эрмитаж¹

Так, например, не ранее 27 октября (9 ноября) 1917 г. сообщается, что во всех государственных театрах установлены караулы из частей Петроградского гарнизона для сохранения порядка во время спектаклей и охраны театрального имущества².

Уже 23 декабря 1917 г. в «Известиях ЦИК» было опубликовано постановление народного комиссариата имуществ республики об управлении имуществом дворцов, согласно которому все дела, связанные с разрешением вопросов, имеющих художественное или историческое значение, рассматривались при участии специальных художественных комиссий³.

19 сентября 1918 г. выходит Декрет СНК «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения»⁴.

В мае 1918 г. создается Комиссия по сохранению и раскрытию памятников живописи в России под руководством И. Э. Грабаря⁵

Практика 20-х гг. показала тенденции взаимного притяжения социалистических и «культурнических» тенденций. Другое дело, что это содержание в практике реального «социализма» в СССР существовало не только в прогрессивных, но и в своих превращенных формах (например, сталинщины и сусловщины). Для соединения идей социализма и культуры большевиками делалось очень многое, и в первую очередь все то, что было связано с сохранением культурных ценностей. Обратимся вновь к свидетельствам Г. Уэллса: «Чтобы надежнее обеспечить сохранность ценностей, Экспертная комиссия собрала и взяла на учет все, все, что может считаться произведением искусства»⁶. И далее: «Мы заметили, что в особняках для правительственных гостей и в других подобных местах все строго инвентаризировано»⁷.

---

¹ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы: В 3 тт. (далее – Петроградский ВРК) Т. 1. М., 1966. С. 221 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 19.

² Там же. С. 205.

³ См.: Известия ЦИК. 23 декабря 1917 г. С. 5 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 28.

⁴ Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 352–354

⁵ См. Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве. Исследования, реставрация и охрана памятников. М., 1966. С. 10.

⁶ Уэллс Г. Указ. соч. С. 49.

⁷ Там же. С. 48–49.

В книге «Подвиг Эрмитажа» (С. Варшавский и В. Рест) описывается, как в ночь падения Временного правительства по решению штаба Красной гвардии на основе обращения одного из чиновников дворцового ведомства Эрмитажа красногвардейцы на всякий случай забаррикадировали проход из Зимнего в Эрмитаж, под которыми находились огромные винные подвалы. В Петрограде начались винные погромы. С целью предотвращения такового Ленин призывал с помощью красногвардейских отрядов и балтийских матросов подвалы, заставленные тысячами бочонков и сотнями тысяч винных бутылок и, в сущности, представляющие собой пороховой погреб, очистить. И это было осуществлено: содержимое было выпущено на пол, в подвалы накачана вода, и все вместе было спущено в Неву¹.

В связи с этим А. В. Луначарский приводит одно свидетельство: «...и я помню одного солдата – павловца, который подобно другим часовым не утерпел, чтобы не хлебнуть винца, сотни тысяч бутылок которого он стерег. А потом, извиняясь, он говорил мне: “Поставьте меня у открытого ящика с золотом – не трону, а около вина стоять никак невозможно... Несмотря на все это, мы сумели выйти с честью из тогдашней опасности”»².

Установка большевиков на сохранение культурного наследия подтверждается, в частности, в воспоминаниях одного из эмигрантов-антисоветчиков А. Терне: «Музейное дело развито шире, ибо большевики свозят в музеи все награбленные в буржуйских квартирах предметы искусства, поскольку таковые не прилипают по дороге к рукам чекистов... Все музеи и картинные галереи открыты ежедневно и обычно полны публикой»³.

Культурная революция: успехи и сложности

Итак, социалистическая революция, вытолкнув массы из вшивых окопов и жалких жилищ, а культуру – из высокомерных салонов на площади, задала вектор их встречного движения. Это явилось *второй тенденцией*, порожденной социальным творчеством 20-х годов (о первой тенденции – встречном движении социалистической идеологии и идеала – мы говорили в начале статьи).

Порожденная революцией 1917 г., правда, пока еще не собственно культурная, но уже *социальная востребованность в культуре* у необразованных революционных масс стала главной причиной развертывания культурной революции «снизу». Вслед за вспыхнувшим политическим Октябрем 1917-го начинал подниматься «Культурный Октябрь» 20-х – начала 30-х гг.

«Сверху» она оказалась востребована как в силу программных устремлений качественного обновления самих основ общественной системы, так и в силу

---

¹ См.: Симонов К. На полях старых документов // К. Симонов. Сегодня и давно. М., 1978. С. 75–76.

² Луначарский А. В. Мир обновляется. М., 1989. С. 143.

³ Терне А. В царстве Ленина: очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922. С. 138–139.

практических требований экономики (необходимость наличия квалифицированных кадров для индустриализации и т.п.). В первую очередь это коснулось вопросов образования, решение которых осуществлялось как государством, так и обществом. «Образование должно было быть главным политическим инструментом реконструкции», – пишет Джон Хейнс. – «Но для большевиков образование не заканчивалось преподаванием в школе, грамотностью и умением считать. Большевики определяли образование в самом широком смысле»¹.

Как обстояло дело с этим вопросом до революции, нетрудно понять хотя бы из нижеприведенных данных. Так, например, в соответствии с данными автора известного толкового словаря В. И. Даля в дореформенной России (1851 г.) в 9 волостях на 9 начальных школ (в которых числился всего 191 школьник, и это из 80 тыс. жителей) приходилась 81 церковь. То есть из 400 человек учился только один, при этом на 1 школу приходилось 9 церквей. Неудивительно, что В. И. Даль требовал светского обучения². К началу XX в. ситуация изменилась в лучшую сторону, но не кардинально. В 1907 г. на все народное образование из государственного казначейства было отпущено 101,43 млн. руб., в то время как на содержание церковного аппарата – 34,8 млн. руб., на содержание царской семьи – 17 млн. руб., на расходы по подготовке войны – 442 млн. руб.³. К 1913 г. более 75% населения России оставалось неграмотным. В 1914 г. в России (на 180 млн. жителей) насчитывалось 101917 начальных, 1654 – неполных средних и 1953 средних школ. Около 4/5 детей и подростков было лишено образования⁴.

После Первой мировой и гражданской войн ситуация с образованием стала еще хуже. Наиболее активно борьба с неграмотностью развернулась с началом нэпа, но еще раньше (26 декабря 1919 г.) был издан Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», который обязывал всех граждан от 8 до 50 лет обучаться грамоте⁵. При Народном комиссариате просвещения была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. Положение было крайне тяжелым, в чем нетрудно убедиться, глядя на нижеприведенные цифры.

- За первую половину 1920 г. органы Наркомпроса получили для распределения среди учащихся в среднем 1 карандаш на 60 учеников, 1 перо на 22, 1 ручку на 12, 1 чернильницу на 100 учеников⁶.

- Для неграмотных взрослых был издан букварь (4,5 млн. экз. на русском и 2 млн. – на национальных языках)⁷.

---

¹ Haynes J. *New Soviet man. Gender and masculinity in Stalinist Soviet cinema*. Manchester University Press. Manchester and New York, 2003. P. 156.

² См.: ЦГИА, ф. 515, оп.72, д. 5739, л.1.

³ Грекулов Е. Ф. *Православная церковь – враг просвещения*. М., 1962. С. 8.

⁴ См.: *Народное хозяйство в цифрах: Статистический справочник*. М., 1925. С. 50.

⁵ *Декреты Советской власти*. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. М., 1968. С. 194 – 196.

⁶ Ким М. П. *40 лет Советской культуры*. М., 1957. С. 59.

⁷ Там же. С. 195 – 196.

Но даже в этих условиях кампания по ликвидации безграмотности добивалась немалых результатов, о чем свидетельствуют следующие документальные данные, показывающие, как менялась система образования в новой России по сравнению с дореволюционным положением.

- За один год Советской власти в 20 центральных губерниях страны сеть начальных школ выросла на 3011, а число учащихся на 204382¹.

Если в дореволюционной России было 16316 культурно-просветительных учреждений (в данном случае не рассматривается ни социальный характер заведения, ни его качество), то в 1919 г. (и это период гражданской войны, голода и разрухи, когда Советская власть контролирует только половину России) их стало 90970, а в 1920 г. – уже 94745².

Результаты деятельности большевиков в деле ликвидации безграмотности дали себя знать: менее чем через 20 лет культурной революции 81,2% населения страны стало грамотным. *«Образование и культурные стандарты были значительно улучшены в течение советского периода. И это сопровождалось сильным стремлением к новому опыту, к прорыву в человеческие условия»*, – так оценивал практику революционного преобразования в культуре СССР М. Мак-Коули³.

В период развертывания новой образовательной политики разрабатывалась и ее парадигма, главными принципами которой были, прежде всего: 1) *светскость*, 2) *широкое самоуправление*, 3) *бесплатность*, 4) *ориентация на производственную практику*, 5) *создание новой рабоче-крестьянской интеллигенции*.

Надо сказать, что в этот период новая система имела и свои недостатки, среди которых особенно заметны были следующие: *громоздкость аппарата управления; бюрократизация деятельности ряда государственных структур; перегибы с политизацией и идеологизацией образования; недостаток высококвалифицированных педагогических кадров; слабое материальное обеспечение*.

И, тем не менее, значимость и успехи культурной революции большевиков были признаны многими, в том числе и западными исследователями. Вот что, в частности, об этом пишет Роджер Петибридж (*R. Pethybridge. The Social Prelude to Stalinism*): *«В течение 22 лет Советское правительство подтянуло свой народ до уровня грамотности большинства западноевропейских стран в конце XIX столетия. В Британии, Франции и Германии подобного успеха удалось добиться по меньшей мере за сто лет»*⁴. Подобную оценку дает и Г. Уэллс: *«И хотя я был исполнен предубеждения и недоверия, теперь мне приходится признать, что в*

---

¹ Там же. С. 191.

² См.: Народное просвещение. 1920. № 3. С. 3.

³ McCauley M. The Soviet Union: 1917 – 1991. Second edition. London and New York: Longman, 1993. P. 305.

⁴ Цит по: О'Коннор Т. Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры. М., 1992. С. 161.

условиях величайших трудностей большевики сумели поднять дело просвещения на поразительную высоту»¹. И далее он продолжает: «В осажденной, голодающей стране большевики из принципа сделали то, что всякое другое правительство сделало бы по необходимости»².

Развитие встречного движения революционных масс и культуры привело не только к тому, что для трудящихся начали открываться ее новые и неотчужденные смыслы. Одновременно с этим начался процесс освобождения и самой культуры от прежних социальных ограничений, теперь она становится доступной и открытой.

В это время разрабатываются проекты создания новых музеев: Восточного искусства, Русского народного искусства, Старинного европейского искусства, Музея церковного искусства и др.³ Вся система культуры в этот период имеет не только государственную, но и общественную поддержку от местных Советов и их исполкомов, органов местного самоуправления (сельских обществ, волостных и земских управ, общественных советов, трудовых коллективов фабрик и заводов и т.д.).

И действительно, огромные творческие преобразования происходили в этот период и в сфере культуры и в частности, в науке. Вот лишь некоторые примеры этого.

- Май 1918 г. Петроград. Начинают работать первые, созданные после Октября, академические институты: физико-химического анализа (во главе с академиком Н. С. Курнаковым) и платиновый (во главе с профессором Л. А. Чугаевым)⁴.
- 15 ноября 1918 г. Петроград. Учреждается Институт живого слова⁵.
- 15 декабря 1918 г. Петроград. Коллегия Наркомпроса принимает решение о создании Оптического (ГОИ) и Керамического государственных институтов⁶.
- Январь 1919 г. Петроград. Начинает работать Государственный рентгенологический и радиологический институт (директор М. И. Неменов)⁷.
- 6 мая 1919 г. Учреждается Российский научно-химический институт в Москве⁸.
- 18 июня 1919 г. Учреждается Государственный гидрологический институт⁹.

---

¹ Узлс Г. Указ. соч. С. 81.

² Там же. С. 77.

³ Искусство. 1918. № 8 (4). С. 26.

⁴ Организация науки в первые годы Советской власти (1917 – 1925). Сборник документов. Л., 1968. С. 7, 132, 139.

⁵ Временник театрального отдела Народного комиссариата по просвещению. Вып. 1. С. 13–16; Вып. 2. Пг.–М., 1919, февраль. С. 58. // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 92.

⁶ Организация науки в первые годы Советской власти. С. 146, 153.

⁷ Там же. С. 240.

⁸ Там же. С. 262, 264 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 137.

⁹ Там же. С. 163 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 142.

- Январь 1920 г. При Оптическом институте начинает работать Атомная комиссия в составе Д. С. Рождественского, А. Н. Крылова, А. Ф. Иоффе и других¹.

- 10 марта 1921 г. СНК учреждает декрет о плавучем Морском институте для всестороннего планомерного исследования северных морей².

- 16 января 1922 г. Научно-техническая секция ГУС принимает решение об учреждении Государственного радиового института во главе с академиком В. И. Вернадским³.

- 17 сентября 1922 г. Торжественное открытие Государственного института театрального искусства (ГИТИС)⁴.

- 16 февраля 1920 г. КЕПС создает особый комитет для порайонного исследования и описания естественных богатств страны. Председатель комитета – академик А. Е. Ферман⁵.

- 2 декабря 1918 г. Петроград. На заседании КЕПС обсуждается вопрос об организации научных экспедиций для обследования залива Кара-Богаз-Гол и калиевых месторождений Соликамского края⁶.

- 30 ноября 1921 г. Петроград. Радиевый завод, организованный Академией наук, получает первые высокоактивные препараты радия из отечественного сырья⁷.

А вот ряд других примеров, показывающих разнообразный спектр направлений деятельности большевиков в области культурного строительства.

- 6 мая 1918 г. Петроград. Открывается вторая выставка картин общества имени А. И. Куинджи. Экспонируются 385 произведений 55 художников⁸.

- 30 мая 1918 г. Постановление СНК «О запрещении вывоза за границу картины Боттичелли (тондо)», принадлежавшей кн. Е. П. Мещерской. Картина «Мадонна с младенцем» художника школы Боттичелли была передана в Румянцевский музей, позднее – в музей изобразительных искусств⁹.

- 1 августа 1918 г. Москва. Постановление коллегии Наркомпроса о выдаче средств собирательнице русских народных песен А. И. Третьяковой на организацию фольклорной экспедиции¹⁰.

---

¹ Вестник Академии наук СССР. 1967. № 11. С. 26 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 174.

² Известия ВЦИК. 16 марта 1921 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 261.

³ Организация науки в годы Советской власти. С. 9, 171.

⁴ Правда. 20 сентября 1922 г. С. 6 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 369.

⁵ Наука и ее работники. Пг., 1921. № 2. С. 36 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 177.

⁶ Организация науки в первые годы Советской власти. С. 178–179.

⁷ Вестник Академии наук СССР. 1967. № 11. С. 30 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 309.

⁸ Выставки изобразительного искусства. Справочник. Т. 1. (1917 – 1932). М., 1965. С. 52.

⁹ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 604.

¹⁰ «Музыкальная жизнь Москвы в первые годы после Октября. Октябрь 1917 – 1920. Хроника, документы, материалы. М., 1972. С. 84.

• 6 августа 1918 г. Москва. Публикуется постановление школьно-санитарного отдела Наркомпроса «О горячих завтраках в школах»¹.

• 20 августа 1918 г. А. М. Горький, А. Н. Тихонов, З. И. Гржебин и И. П. Ладыхников заключают между собой договор об организации издательства «Всемирная литература»².

• 5 октября 1918 г. Выходит Постановление СНК «Об отпуске 5 млн. руб. Наркомпросу и о запрещении продажи школам и просветительным организациям учебников на коммерческих началах»³.

• 17 ноября 1918 г. Петроград. Торжественное открытие памятника Гейне у здания Петроградского университета⁴.

• 29 июля 1919 г. Москва. Декрет СНК «Об отмене права частной собственности на архивы русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях»⁵.

• 22 декабря 1919 г. В. И. Ленин вносит предложение о разработке в короткий срок инструкции об использовании церковных помещений под школы⁶.

• Петроград. 13 апреля – 29 июня 1919 г. В 17 залах Дворца искусств (бывший Зимний дворец) работает первая государственная свободная выставка произведений искусства. Представлено 1826 картин 299 художников⁷.

• 13 августа 1922 г. А. В. Луначарский получил подлинник дела Отдельного Кавказского корпуса за 1841 г. об убийстве на дуэли М. Ю. Лермонтова. Материал доставлен начальником политотдела Отдельной Кавказской Армии т. Лисовским, купившим документы из частных рук⁸.

• 29 июня 1920 г. Ленин пишет записку Е. А. Преображенскому в секретариат ЦК РКП(б) по вопросу об издании переводов лучших новых экономических работ и сочинений материалистов XVII – XVIII вв.⁹

• 21 августа 1924 г. В день столетия ссылки А. С. Пушкина в селе Михайловское открыт Пушкинский заповедник¹⁰.

---

¹ Известия ВЦИК. 6 августа 1918 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 70.

² А. М. Горький – организатор издательства «Всемирная литература» (1918–1921) // Исторический архив. 1958. № 2. С. 71 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 73.

³ Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С. 82.

⁴ Правда. 19 ноября 1918 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 92.

⁵ Декреты Советской власти. Т. V. 1 апреля – 31 июля 1919 г. М., 1971. С. 412.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 462; Т. 51. С. 98.

⁷ Выставки советского изобразительного искусства. Т. I. С. 46 – 47.

⁸ Правда. 13 августа 1922 г. С. 5 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 362.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 229.

¹⁰ Правда. 26 августа 1924 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 515.

- 18 сентября 1924 г. Впервые за 100 лет существования Публичной библиотеки производится ее полная художественная реставрация¹.

Содержание, новизна, темпы и результаты культурных преобразований, проводимых большевиками в 20-е гг., – все это обращает на себя внимание и со стороны мировой культурной общественности. Вот лишь некоторые примеры.

- 23 июня 1922 г. Вернувшись из Флоренции, организаторы русского отдела на международной книжной выставке И. И. Ионов и И. Д. Галактионов свидетельствуют о большом успехе отдела, ставшего центральным местом выставки. (7 мая 1922 г. открылась выставка). Советская Россия получила приглашение участвовать в Международном книжном комитете по восстановлению международной книжной торговли и обмена изданиями².

- Ранее 15 февраля 1923 г. Устанавливаются связи с Международной конфедерацией музыкантов (Брюссель)³.

- 14 апреля 1923 г. Директор Петроградской консерватории А. К. Глазунов избран почетным членом Берлинской академии наук⁴.

- 26 июня 1923 г. Публикуются письма известного германского дирижера Густава Брехера, гастролировавшего в Москве, наркому просвещения А. В. Луначарскому и Государственному институту музыкальной науки, в которых выражается восхищение высоким уровнем художественной жизни в Советской России⁵.

- 9 ноября 1923 г. Издательские и научные организации Франции возбудили вопрос об устройстве в России выставки французской научной книги⁶.

- 12 ноября 1923 г. Альберт Эйнштейн по радиотелефону приветствует Советскую Россию⁷.

- 8 декабря 1923 г. Мария Склодовская-Кюри высказала пожелание ознакомиться с работами советских ученых Рентгенологического и Радиологического институтов⁸.

- 22 июля 1924 г. Иностранная печать отмечает большой успех советских экспонатов книг, представленных на международных выставках книги: дважды в Лейпциге, а также в Вене, Праге, Гельсингфорсе⁹.

---

¹ Известия ВЦИК. 18 сентября 1924 г. С. 2 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 518.

² Известия ВЦИК. 23 июня 1922 г. С. 6 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 352.

³ Известия ВЦИК. 15 февраля 1923 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 406.

⁴ Известия ВЦИК. 14 апреля 1923 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 421.

⁵ Известия ВЦИК. 26 июня 1923 г. С. 5 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 437.

⁶ Правда. 9 ноября 1923 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 459.

⁷ Правда. 14 ноября 1923 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 460.

⁸ Правда. 8 декабря 1923 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 466.

⁹ Правда. 22 июля 1924 г. С. 8 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 510.

- 17 января 1925 г. Французские ученые (Ж. Ренар, П. Буайе, Ж. Легра, А. Олар и др.) приветствуют русскую науку в лице члена-корреспондента Российской Академии наук Е. В. Тарле¹.

- 7 июля 1925 г. Сообщается о приезде директора Метрополитен-музея искусств в Нью-Йорке профессора Башфорта Дина для ведения переговоров о культурном обмене², а также членов Скандинавского музейного конгресса. Цель приезда – осмотр и изучение ленинградских музеев³.

- 3 сентября 1925 г. В Брюсселе конгресс Парижского Интернационала работников просвещения признал большие заслуги советской школы в деле воспитания подрастающего поколения⁴.

- 15 июня 1926 г. Член-корреспондент Е. В. Тарле избирается действительным членом Нью-Йоркской Академии наук⁵.

В любом случае – результаты культурной революции большевиков были настолько заметными, что это отмечали даже те, кто активно боролся против власти Советов, например, известный идейный лидер монархизма В. Шульгин⁶.

Конечно, создать новую систему культуры с ее социальным и экономическим механизмом функционирования, причем не в отрыве от прошлой практики, а пытаясь сохранить ее прежние достижения – дело чрезвычайно непростое, особенно поначалу: трудности гражданской войны и разрухи, противоречия между ростками социального творчества и бюрократизма и т. д.

Но хотелось бы подчеркнуть, что автор во всех вышеназванных примерах был намеренно несколько односторонен. В данном случае это продиктовано не стремлением к идеализации советской системы, в которой противоречия между прогрессивными и негативными тенденциями обретали острейший и зачастую трагический характер, а целенаправленным абстрагированием, выделением ростков новых, специфических черт культуры, вызванных к жизни реальными процессами социального творчества масс.

---

¹ Известия ВЦИК. 17 января 1925 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 542.

² Известия ВЦИК. 7 июля 1925 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 575.

³ Известия ВЦИК. 8 июля 1925 г. С. 3 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 575.

⁴ Известия ВЦИК. 5 сентября 1925 г. С. 5 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 581.

⁵ Известия ВЦИК. 15 июня 1926 г. С. 1 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 637.

⁶ После своего посещения советской России зимой 1925–1926 гг. в своей книге «Три столицы» он писал о своих впечатлениях следующее: «Уже сейчас мне было ясно: Россия встает... Я ожидал увидеть вяжущий русский народ, а вижу, несомненно, его воскресение... Я думал, что еду в умирающую страну, а вижу пробуждение мощного народа. ...Когда я шел туда, у меня не было родины. Сейчас она у меня есть». Цит. по: Владимир В. О книге «Годы» и ее авторе // Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 11.

И все же, говоря об успехах культурных преобразований 20-х гг., нельзя не сказать и о глубоких противоречиях этого процесса, вызывающих волну широких общественных дискуссий, оставивших свой след на страницах многих журналов¹.

Наряду с внутренними противоречиями, характеризовавшими природу этого низового творчества, для этой социально-культурной революции были характерны и жесткие внешние ограничения, связанные с господством определенной политической системы, которая задавала рамки этому творчеству. Политизация и бюрократизация культурно-творческого процесса порождали жестокие и мучительные конфликты в культурной среде. *«Едва ли не самое сильное впечатление, которое вызывает в ретроспективе художественная жизнь страны первых лет Октября»*, – отмечает А.И. Морозов, – *«это ее агрессивнейшая политизация. Именем пролетарской революции произносят свои инвективы в адрес инакомыслящих члены всевозможных групп и объединений»*².

Действительно, трудно не согласиться с тем, что период 20-х гг. отличался высокой степенью политизации всех сфер жизни. Новый субъект истории стремился не только к осмыслению идеи своего общественного бытия, но и к практическому созданию его новых конкретных социальных форм. Поэтому, конечно, этот субъект был очень активен, но его политика – яркая и экспериментальная – решала вопрос не столько властных отношений, сколько культурного содержания новых общественных отношений. Вот почему массовая политика 20-х гг. осуществлялась как культурная революция, огромное значение которой признается даже теми, кто не принял социальной революции в целом.

Действительно, острота общественных противоречий в этот период, ошибки (а кто без них?) новой власти, необходимость идейного и политического самоопределения интеллигенции – все это в итоге приводило к отходу от советской власти ряда художников, ограничению их деятельности и, наконец, к отъезду из страны (здесь нельзя не вспомнить известный «философский пароход»).

Но в любом случае автор данной работы считает, что любая попытка редуцировать все эти сложные вопросы к простой и мифологемной дихотомии *«плохая власть – несчастный художник»* лишь спекулятивно камуфлирует всю остроту противоречий, стоящих за этими проблемами и требующих своего глубокого диалектического анализа.

Революция заставила едва ли не каждого если и не включаться прямо в политику, то в любом случае позиционировать себя в этой новой реальности. Не случайно противостояние и борьба идей так жестко, выразительно и откровенно в этот период разворачиваются не только в сфере политики, но и в сфере культуры, проявляясь, в частности, как борьба разных художественных течений и подходов. Здесь можно вспомнить тот общественный резонанс, который вызвала поэма

---

¹ См.: Культура и жизнь, 1922. № 2–3. С. 65; Вестник работников искусств. 1920. № 2–3. С. 33.

² Морозов А. И. Конец утопии. М., 1995. С. 12.

А. Блока «Двенадцать» (январь 1918 г.), в результате чего поэт получил жесткую обструкцию со стороны своих братьев по цеху символистов.

Другой интересный пример связан с полемикой, вызванный в театральных кругах экспериментами В. Мейерхольда¹. И в этих спорах разделение и разведение борющихся сторон на «белых» и «красных» уже не исчерпывает и не объясняет всей сложности идущей в культурном сообществе полемики, кстати, не менее жесткой, чем в политике.

Анализируя период 20-х гг., следует отметить, что при всем богатстве его исторических, политических и культурных противоречий наиболее сильным и определяющим общественную драматургию этого времени является противоречие не между властью и «низами», а между принципом непосредственно **субъектного бытия** индивида и принципом **опосредованного пребывания** в Истории и Культуре (через партию, бога, героя).

Мера разрешения этого противоречия и определяла меру подлинной революционности и развития, как культуры, так и общества. Дальнейший ход исторического развития советской системы привел к тому, что к концу 30-х гг. началось постепенное вырождение социально-творческих интенций общества, которые оказались подчинены бюрократическому диктату сталинизма, сопровождавшемуся массовым насилием – и в первую очередь по отношению не столько к интеллигенции (как это у нас принято считать сегодня), сколько к тому, кто наиболее ярко воплощал в себе субъекта революционной истории и культуры.

Большевики и художник: миф и правда

Пробивавшийся сквозь тяжелые экономические условия дух революционного общественного обновления, видимо, заражал и самих художников, вызывая у них не только художественное, но, может быть, с еще большей силой – социальное вдохновение, потребность самим участвовать в формировании общественной культурной политики.

Отвечая на вопрос анкеты газеты «Эхо»: «Может ли интеллигенция работать с большевиками», А. Блок писал: «Может и обязана... Интеллигенция всегда была революционна. Декреты большевиков – это символы интеллигенции»².

При этом, конечно же, ответ великого поэта отнюдь не исчерпывает всей сложности проблемы взаимодействия художника и власти. Вопрос взаимоотношений власти и интеллигенции – особый вопрос, имевший и свою историческую традицию, и драму взаимных упреков. «Великие вожди Революции в принципе никогда не

---

¹ «Опять мне больно все, что касается Мейерхольда», – писал А. Блок, – «мне неудержимо нравится «здоровый реализм» Станиславского и Музыкальная драма. Все, что получаю от театра, я получаю оттуда, а в Мейерхольдии – тужусь и вяну. Почему-то они меня любят? За прошлое и за настоящее, боюсь, что не за будущее, не за то, чего хочу...». См.: Блок А. 1914. Записные книжки // Русские писатели о литературном труде. Л., 1956. Т. 4. С. 269.

² Блок А. А. Собр. соч. М. – Л., 1963. Т. 6. С. 8 (январь 1918).

жаловали интеллигенцию, в том числе и художественную», – так оценивают эту связь сегодня многие из исследователей проблемы¹. И далее А. И. Морозов продолжает: «...насилие над творческой личностью имело свою высшую санкцию в социальной телеологии революции, а зачастую и в прямой воле революционной власти»².

Культура и революция – это отношение часто сводится к проблеме «интеллигенция и власть». Но, *во-первых*, социальная природа власти, впрочем, как и самой интеллигенции на разных этапах отечественной истории была разной, и потому говорить о ней следует не абстрактно, а в контексте ее исторического генезиса.

Во-вторых, власть Революции в своем первом представлении сама являлась творческой интеллигенцией в точном смысле этого слова (Н. Бухарин, В. Воровский, Ф. Дзержинский, А. Коллонтай, Л. Красин, В. Куйбышев, Н. Крупская, А. Луначарский, Л. Троцкий, Г. Чичерин, В. Ульянов³ – все они были представителями именно этой социальной группы). Многочисленные научные и публицистические работы многих из них касаются различных аспектов экономики, социологии, политики, культуры и изучаются серьезными учеными, переведены на многие языки мира. Поэтому применительно к периоду 20-х гг. вопрос отношения власти и интеллигенции реально был вопросом взаимоотношения интеллигенции вне власти и интеллигенции, выражавшей интересы «человека с ружьем». Позже эта проблема трансформировалась в проблему взаимоотношения бюрократии и интеллигенции.

В-третьих, логику репрессий даже в сталинское лихолетье с тогдашним чудовищным уничтожением тех, кто свой талант, силу, культуру и, наконец, жизнь положил на служение обществу (о чем не следует никогда забывать), нельзя объяснить достаточно распространенной сегодня формулой: власть ненавидела интеллигенцию и потому так рьяно ее уничтожала. Это достаточно опасное, хотя и заманчивое упрощение всей природы сталинизма. Репрессии того периода в наибольшей степени затронули самих большевиков, во вторую очередь – работников внутренних дел и офицеров, в третью – крестьянство⁴. Репрессии против художественной интеллигенции были чудовищны (достаточно ознакомиться с результатами репрессий делегатов I-го съезда Союза писателей), но они были частью

---

¹ Морозов А. И. Конец утопии. М. 1995. С. 11.

² Там же.

³ Вот лишь два примера. С. М. Киров с 1909 по 1917 г. написал 1270 статей. Он рецензировал «Анну Каренину», многие пьесы Островского – «Бешеные деньги», «На всякого мудреца довольно простоты», «В чужом пиру похмелье», «Волки и овцы» и др., высоко ценил и пропагандировал творчество основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова. В 1916 г. по совету Кирова его товарищ по революционному движению Асламбек Шерипов опубликовал ряд переводов чеченских легенд, отредактированных Кировым. См.: Мостиев Б. Революционер-журналист // Дружба народов. 1965. № 6. С. 235.

Другой пример: по сценарию А. В. Луначарского были поставлены фильмы «Медвежья свадьба», «Саламандра», «Яд».

⁴ См.: Роговин В. Партия расстрелянных. М., 1997. С. 184–207, 481–488 и др.

общего процесса расправы в первую очередь над теми, кто заявлял и проявлял свою субъектность в истории¹.

В-четвертых, интеллигенция на разных этапах также была разной. Известно, как интеллигенция в большинстве своем с воодушевлением встретила Февральскую, но не приняла Октябрьскую революцию. Причин для этого было много: установился качественно иной тип власти – «диктатура пролетариата». Каждое из составляющих этого понятия здесь было чуждо и враждебно интеллигенции по отдельности, а в своем соединении – тем более.

Но ведь в мире отчуждения, как правило, всегда господствует власть отчужденных форм: аристократии, бюрократии, капитала, рынка, однако к этим формам подчинения интеллигенция относится более терпимо, чем к власти пролетариата.

Ситуация первых революционных лет характеризуется, с одной стороны, развитием тенденции социального творчества «низов», с другой – открытым неприятием Октябрьской революции значительной частью интеллигенции. Это было вызвано целым рядом предпосылок, назовем лишь некоторые.

Во-первых, в связи с революцией изменился и субъект власти: вместо привычного чиновника теперь появился революционный матрос или солдат, в любом случае – тот, кто на вертикали социальной иерархии принадлежал к ее «низам», а теперь в своих правах уравнивался, в том числе, с интеллигенцией. Кстати, надо сказать, что интеллигенция внутри себя также имела социальную субординацию.

Во-вторых, противоречивость и сложность исторического контекста 20-х гг.: гражданская война; значительная часть деятелей культуры, добровольно или вынужденно эмигрировав, оказалась вообще «по ту сторону» от процессов, происходивших в России; множество представителей дореволюционной интеллигенции, оставшихся в нашей стране, обрели роль «буржуазных спецов» (если смогли избежать репрессий) и зачастую были отделены от ростков социального творчества, в то же время приобретая тесную связь с другой – насильственно-бюрократической – стороной новой власти.

В-третьих, к названным выше причинам следует добавить уже упомянутые крайне тяжелые общие условия жизни в стране, вызванные двумя войнами – мировой и гражданской (ответственность же за эти тяготы жизни, голод и разруху несли, по мнению большей части интеллигенции, именно советская власть).

В-четвертых, революция вырвала интеллигенцию из привычной для нее социальной инфраструктуры: прежняя ломалась, а новая, находясь в начальной стадии формирования, в любом случае не могла заменить работавшую до этого систему. Привычные социальные формы жизнедеятельности интеллигенции распадались, что усугубляло, в том числе, ее творческий кризис.

---

¹ См.: Приложение. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. 1934. М., 1990.

В-пятых, в 20-е гг. меняется социальная механика жизни, а значит, и ее привычный уклад. Теперь интеллигенту приходилось самому и, – что особенно важно, – практически включаться в те процессы общественного обустройства (либо позитивно – участвуя в созидании новых отношений, либо негативно – терпя притеснения от новой власти), которые ранее решались некими отчужденными от него механизмами, обеспечивая ему относительно (крестьянина и рабочего) привилегированное положение.

Но основной причиной неприятия большинством интеллигенции Октября 1917 г. являлось то, что интеллигенция, если и хотела перемен, то в любом случае не качественного обновления основ общественной системы, а лишь ее модернизации.

Свобода слова (конечно же, в первую очередь для себя) – едва ли не главное требование интеллигенции на исторических поворотах, что объясняется диалектикой ее двойственной общественной природы. В этом смысле Февральская революция чем-то похожа на советскую «перестройку», в частности, своим искренним демократическим пафосом, значительным общественным подъемом и даже своими лидерами (А. Ф. Керенский и М. С. Горбачев – эти два социал-демократа в смысле модели политического поведения, особенно на исторических поворотах, во многом скорее перекликающиеся, чем расходящиеся фигуры).

Возвращаясь к Октябрьской революции, надо сказать, что поначалу (октябрь 1917 – весна 1918 г.) большая часть интеллигенции отказывалась работать с властью.

Период с октября 1917 до весны 1918 г. отличался активным и пассивным саботажем со стороны интеллигенции. Например, на общем собрании членов Академии союза Петрограда 26 октября 1917 г. года был принят «Протест Академии союза» с призывом не поддерживать советскую власть¹. Другой пример: саботаж учителей с осени 1917 до весны 1918 г. привел к тому, что текущий учебный год реально для учеников был потерян.

Но уже в январе 1918 г. начались переговоры, иногда переходящие в деловой диалог, как это было, например, между Наркомпросом и той же Академией союза Петрограда. А уже с весны 1918 г. начали устанавливаться деловые отношения между органами власти и прежними структурами, а также отдельными ее представителями. Правда, в 1921–1922 гг., теперь уже в связи с нэпом, опять началось обострение этих отношений².

При этом надо иметь в виду, что экономическая и материальная ситуация в стране в этот период была крайне тяжелой.

Не имея материального подспорья, а также навыков самоорганизации в сфере налаживания быта, интеллигенция зачастую оказывалась в еще более тяжелом положении. Несмотря на это, правительство в центре стремилось взять на

---

¹ Иванова Л. В. Формирование советской научной интеллигенции. 1917 – 1927 гг. М, 1980. С. 23.

² Там же. С. 24.

себя ответственность за решение проблемы, связанной с материальной поддержкой ряда представителей научной и художественной интеллигенции.

Вот лишь несколько фактов.

- Москва. 26 апреля 1919 г. В. И. Ленин подписывает ученому и общественному деятелю В. И. Танееву охранную грамоту, которая предоставляет ему право посещать библиотеку СНК и другие государственные библиотеки. На основании постановления СНК ученому назначается пенсия¹.

- 4 мая 1919 г. Симферополь. Симферопольский военно-революционный комитет постановляет: объявить дом А. П. Чехова в Ялте национальным достоянием, назначить М. П. Чехову, сестру писателя, пожизненной хранительницей дома писателя с выплачиванием ей жалования².

- 30 марта 1918 г. Выходит Постановление СНК «О выдаче пенсии С. А. Толстой, об охране имения «Ясная Поляна» и утверждении за С. А. Толстой прав пожизненного пользования усадьбой»³.

- 24 января 1921 г. СНК принял постановление «Об условиях обеспечения научной работы академика И. П. Павлова и его сотрудников»⁴. В соответствии с его решениями специально созданной комиссии было поручено в кратчайшие сроки создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика И. П. Павлова; в лучшей типографии государственного издательства республики отпечатать труды академика за 20 лет; обеспечить ученого специальным пайком (он равнялся двум академическим пайкам по калорийности); предоставить профессору Павлову и его жене пожизненное использование квартиры и лаборатории.

- «Здесь (в Доме ученых – Л.Б.) мы увидели подлинный центр распределения особых пайков, где делается все возможное для удовлетворения нужд четырех тысяч ученых и их семей – в общей сложности приблизительно десяти тысяч человек», – писал Г. Уэллс⁵.

- Деятели искусств освобождаются от трудовой повинности по удостоверению, выданному соответствующими отделами⁶.

Вот что об отношении Советской власти к деятелям культуры в 20-е гг. зло, но искренне писал А. Терне: «Учитывая огромное психологическое значение зрелищ для народа, большевики на первых порах приняли театры под особое покровительство, создав им коммунальную няньку в лице Луначарского. Благодаря

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 383, 496.

² Культурная жизнь в СССР. С. 135.

³ Декреты Советской власти. Т. II. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. С. 44.

⁴ Культурная жизнь в СССР. С. 249.

⁵ Уэллс Г. Указ. соч. С. 39.

⁶ См.: Искусство. 1918. № 8 (4). С. 27.

этому, артисты все время находятся в более благоприятных условиях, чем остальное население советской России, и этим обстоятельством объясняется, почему в Совдепии до последнего времени сохранилось много артистических сил»¹.

Но в целом материальное положение в этот период оставалось чрезвычайно трудным. *«Некоторые выдающиеся ученые и литераторы, с которыми я встречался, ходили без воротничков, обмотавшись шарфами, Горький носит единственный свой костюм»*², — вспоминал об этом Г. Уэллс. Тем не менее, большевистское правительство берет на себя ответственность за решение этой проблемы, связанной с материальной поддержкой интеллигенции, и 6 декабря 1921 г. выходит Декрет Совета Народных Комиссаров «Об улучшении быта ученых». Надо сказать, что идейная позиция ученого здесь не играла определяющей роли.

Первый нарком просвещения вспоминал, что В. И. Ленин не раз говорил ему: *«Крупного ученого, большого специалиста в той или иной области надо щадить до самой последней крайности, если даже он реакционер»*³.

Большевистское правительство пыталось решить проблему не только материальных условий интеллигенции, но и вопрос, связанный с возможностями ее творческой реализации. Именно поэтому оно занималось налаживанием системы научных и учебных заведений. Так, например, в самый разгар гражданской войны создаются театр Вахтангова, ТЮЗ, издательство «Всемирная литература».

И все же среди интеллигентов немало было и тех, кто все-таки принял новую власть, по крайней мере, в ее начальном проявлении. Почему? Что привлекло целый ряд деятелей культуры (В. Брюсова, Л. Собинова, В. Кандинского, И. Грабаря, А. Блока, В. Мейерхольда и многих других), сделавших себе имя еще до революции, побудило их пойти на диалог с Советской властью?

Посмотрим опять на некоторые факты.

- Март 1918 г. Петроград. А. Блок приступает к работе в Петроградском театральном отделе Наркомпроса в качестве председателя репертуарной секции⁴.
- Апрель 1918 г. Избирается Коллегия по делам изобразительных искусств, куда входят С. Коненков, А. Коровин, П. Кончаловский, В. Татлин, А. Щусев.
- Май 1918 г. Создается комиссия по сохранению и распространению памятников живописи в России под руководством И. Э. Грабаря⁵.
- Октябрь 1918 г. Одним из руководителей Свободных государственно-художественных мастерских назначен В. Кандинский⁶.

¹ Терне А. В царстве Ленина: очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922. С. 133.

² Уэллс Г. Указ. соч. С. 28.

³ Революция и культура. 1927. № 1. С. 205.

⁴ История русской советской литературы. 1917–1965. В 4 тт. Т. I. 1917–1929. М., 1967. С. 692.

⁵ Грабарь И. О древнем русском искусстве. М., 1966. С. 10.

⁶ Искусство. 1919. № 2. С. 4.

- Январь 1919 г. В. Я. Брюсов утвержден в должности заведующего Московским отделом библиографического отдела Наркомпроса¹.
- Сентябрь 1921 г. В Москве открываются государственная библиотека, показательный литературный техникум. Среди профессоров: А. Белый, В. Я. Брюсов.
- Апрель 1923 г. Композитор А. К. Глазунов назначен директором Петроградской консерватории².
- 1925 г. В Ленинградском государственном институте истории искусств преподают Тынянов, Томашевский, Эйхенбаум, Жирмунский, Щерба, Виноградов, Ларин, Якубинский, Бернштейн³.

Кстати, не только художники, но и значительная часть специалистов в других областях со временем начали сотрудничать с Советской властью. Например, известнейший генерал А. А. Брусилов еще при жизни Ленина в 1920 г. вступил в Красную Армию и служил в центральном аппарате Народного комиссариата по военным делам, инспектировал кавалерию РККА и состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете СССР⁴. В целом более трети офицеров прежней России вступили в Красную Армию. То же касалось массы инженеров, учителей, врачей.

Все эти факты (как и десятки тысяч других примеров, не приводимых в работе), сами по себе, быть может, случайные, в целом рисуют картину поддержки новой власти и, главное, ее культурной политики частью интеллигенции. Еще раз подчеркнем, что данные выводы относятся к первому периоду отношений Советской власти и интеллигенции. Несмотря на все сложности 20-х гг., дух социальных преобразований, в частности, в сфере культуры захватил и самого художника.

Одной из причин этого стала, *во-первых*, возможность самим выстраивать общественные отношения в художественной среде, хотя такие попытки возникали и до революции. *Во-вторых*, возможность соединиться с общественным течением, поднявшим к культуре низы общества (к чему подлинно демократическая интеллигенция всегда была неравнодушна). *В-третьих*, сугубо гуманистический характер общественного идеала новой системы⁵ также находил отклик у части левой интеллигенции (а такой накануне 1917 г. в России было немало). Наконец, была еще одна причина: многие новаторы в искусстве стремились найти себя в новой общественной среде.

Не будем забывать, что в данном случае речь идет об отношении художников и Советской власти, характерном для периода 20-х гг., в сталинский период оно имело уже принципиально иной характер.

¹ Правда. 1919. 3 января. С. 3.

² См.: Известия ВЦИК. 14 апреля 1923 г. С. 4 // Цит. по: Культурная жизнь в СССР. С. 421.

³ Гинзбург Л. Человек за письменным столом // Новый мир. 1982. № 6. С. 35.

⁴ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 184.

⁵ Идея *Нового человека* обсуждалась в общественных кругах задолго до октября 1917 года.

Сегодня в условиях отсутствия исторического подхода, не видящего различия и противоречий между основными этапами советской истории и под «одну гребенку» оценивающего каждый из них, все более востребованным становится мифологемный тип мышления, утверждающий применительно к интересующему нас вопросу одну абсолютную дихотомию: карательная власть и жертвенный художник. На самом деле этот вопрос слишком сложен, чтобы все богатство противоречий данного отношения ограничить вышеупомянутой дихотомией.

Что касается карательной агрессии большевиков в первый послереволюционный период, то следует напомнить следующее. В первые месяцы своего существования Советская власть даже не намеревалась создавать чрезвычайные карательные органы. В то время в стране действовали военно-революционные комитеты, которые ограничивались краткосрочными арестами и широко пользовались своим правом освобождать арестованных под честное слово¹. В действительности первый смертный приговор был приведен в исполнение ЧК лишь в феврале 1918 года над авантюристом, самозванным князем Эболи и его любовницей, занимавшимися грабежами².

Из приказа Президиума ВЧК от 17 декабря 1919 г.: «К аресту специалистов надо прибегать лишь тогда, когда установлено, что его работа направлена к свержению Советской власти. Арестовать же его лишь за то, что он бывший дворянин, что когда-то был работодателем и эксплуататором, нельзя, если он исправно работает»³.

11 сентября 1919 г. Москва. Политбюро ЦК РКП (б) обсуждает вопрос об арестах среди буржуазных интеллигентов. Избирается комиссия для пересмотра дел арестованных⁴.

«После революции 25 октября (7 ноября) 1917 года», – указывал Ленин, – «мы не закрывали даже буржуазных газет, и о терроре не было речи. Мы освободили не только многих министров Керенского, но и воевавшего против нас Краснова»⁵.

И это в ситуации, в которой, по выражению одного из «вождей» буржуазной интеллигенции Бобрищева-Пушкина, «вся доза свободы, которая была первоначально предоставлена интеллигенции», использовалась ею для того, «что юридически называется стремлением к низвержению существующего государственного строя (= советской власти)»⁶. И далее, заключает Бобрищев-Пушкин: «Какое правительство потерпело бы это? А советское терпело долго»⁷.

---

¹ Из истории ВЧК 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 44.

² Там же. С. 45.

³ Там же. С. 346.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 47, 385.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 113.

⁶ Смена вех. Сборник статей. Прага, 1921. С. 118.

⁷ Там же.

Советская универсальность: генезис и распад

Итак, порожденные Революцией два встречных движения: первое – *социалистической идеологии и идеала* и второе – *революционных масс и культуры* – *пересеклись*. Социальное творчество масс стало той центростремительной силой, которая связывала эти компоненты в некое целостное единство. В чем состояли противоречия этого единства и как они развивались – особая проблема. Важно другое – такое единство состоялось и, более того, стало основой зарождения *новой советской универсальности*. Зарождение, развитие и распад этой универсальности и определили логику жизни советской культуры.

Но целостность этого единства была недолгой: развитие сталинского бюрократизма стало сворачивать социальное творчество, и уже в начале 30-х гг. массовые общественные и культурные движения переводятся в режим функционирования формальных институтов.

Безусловно, процессы бюрократизации, объективно идущие из предшествующей системы самодержавия сопровождали и период зарождения советской системы. С самого начала эту проблему считали одной из наиболее опасных и лидеры советской власти¹, и ее сторонники, и ее враги. При этом первые и вторые видели в бюрократизме «пережиток прошлого», с которым можно и должно бороться, развивая участие трудящихся в управлении и повышая их культуру, тогда как последние видели в нем всего лишь проявление диктаторской сущности советской системы.

Начавшееся уже в середине 20-х гг. сворачивание социального творчества приводило к постепенному, но неизбежному распаду той целостности, которая складывалась на диалектической взаимосвязи социалистической идеологии и идеала,

---

¹ «Это было время, когда в наше учреждение бросилась масса авантюристов, людей не идейных, желающих нажиться и обдѣлывать свои делишки, пользуясь тем, что нельзя было наладить контроля», – писал Ф.Э. Дзержинский. И далее он продолжает: «...верхи наших служащих могут сыграть роль «песка, насыпанного» в коммунистическую машину». См.: Дзержинский Ф. Э. О деятельности ВЧК. Доклад на заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г. // Избр. произв. М., 1977. С. 183.

Об этом же не раз предупреждал и В. И. Ленин: «На коммунистов, занимающих должность внизу иерархической лестницы, обратить особое внимание, ибо они часто важнее на деле, чем стоящие наверху». См: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 112–114.

О возрастающей бюрократической угрозе для социализма предупреждал и Я. М. Свердлов: «Поставленные на различные ответственные посты товарищи через несколько месяцев теряют живую связь с выдвинувшей их массой. Длительное выполнение одной особой работы лишает многих товарищей понимания общих задач, суживает их политический кругозор, порождает бюрократизм, местническую психологию. Бороться с последними явлениями возможно лишь путем организации живого обмена работников между центрами и глубокой провинцией». См.: Свердлов Я. М. Письмо ЦК РКП (б) комитетам, организациям российской коммунистической партии, всем членам партии от 8 февраля 1919 г. // Статьи и речи. Избр. произв. М., 1976. С. 272.

революционных масс и культуры. Неумолимость этого распада ознаменовалась многими явлениями в культуре, однако наиболее ярким свидетельством этого стало самоубийство В. Маяковского.

Какой же была дальнейшая эволюция каждой из составляющих этого распадающегося единства?

В 20-е гг. социалистическая идеология для большинства ее адептов была подлинным **убеждением**. Позже, уже в сталинский период, она постепенно превращалась в некий род **веры**. Наконец, в брежневский период идеология окончательно сводится к некому ритуалу и **обряду**. Круги начавшегося в те годы распада идут до сих пор, но это уже завершающая стадия процесса.

И действительно, в 20-е гг. для трудящихся истинность социалистической идеологии в каждый данный момент проверялась практикой личной вовлеченности и личного участия в живые процессы исторических перемен, личным опытом ошибок, противоречий и драм, и потому обретала форму убеждения. По мере усиления бюрократизма творческая энергия масс вытеснялась из социальной и культурной сфер в область материального производства (движение стахановцев, энтузиазм строителей первых пятилеток, которые со временем тоже были прихвачены «ржавчиной» бюрократизма). Критический момент здесь не в том, что социальное творчество переходило в сферу материального производства, – это как раз было позитивом, а в том, что оно уходило из социально-культурной области.

Возникающее отчуждение усиливалось еще и в силу того, что происходил разрыв процесса социального творчества: выработка идей выделялась как особая функция, которая закреплялась, причем даже не за партией, а за ее бюрократической верхушкой, а их реализация – за массами. Несмотря на то, что отношение к этому обстоятельству у разных представителей «верхов» было разным, в 30-е гг. эта тенденция набирала обороты. Как писал Т.Клифф: *«Изоляция Русской революции привела к бюрократической «грязи», поднимающейся вверх. Режим стал государственно-капиталистическим»*¹.

Но ведь природа социального творчества, впрочем, как любого творчества вообще, как раз и строится на неразъемности этих функций – в противоположном случае происходит размывание его внутренней целостности, а значит и целостности самого его субъекта. Вот почему убеждение как субстанциональная форма социалистической идеологии в период 20-х гг. позднее начинает вытесняться ее другой ипостасью – верой², которая рождалась из наглядной и убеждающей своими результатами практики общественного преобразования 20-х – начала 30-х гг., образ и

¹ Cliff T. *Marxism at the millennium*. London, Chicago, Sidney, 2000. P. 68.

² Вера, если использовать одно из определений данного понятия, есть состояние предельной заинтересованности, психологическая установка, мировоззренческая позиция и целостный личностный акт, состоящие в признании безусловного существования истинности чего-либо с такой решительностью и твердостью, которые превышают убедительность фактического и логического доказательств. См.: *Словарь культурологии. XX век*. СПб., 1997. С. 64–65.

ощущение которой были еще живыми и непосредственными – но связь с ней чем дальше, тем сильнее опосредовалась. *Идеологическое канонизирование позитивного опыта общественных преобразований приводило к тому, что сущее (практика) становилось должным (идеологическим императивом)*. А принцип императивности уже сам по себе упраздняет критическое отношение к утверждаемым им постулатам, создавая предпосылки для смены убеждения верой.

Так постепенно происходило качественное изменение социалистической идеологии: из выражения социального творчества она превращалась в аналог *социальной религии, т. е. становилась теологической модификацией «советского социализма»*. Канонизация социалистической идеологии (особенно в сталинской версии), набравшая обороты в 30-е гг., постепенно превращала ее в некий род религиозного учения наподобие христианства или ислама: в ней, во-первых, «Бог» (Сталин) – был один и един; во-вторых, отношения с «Богом» строились как вертикальные, иерархические и на «Вы»; в-третьих, и это самое главное, – «Бога» здесь уже не критикуют. При этом не надо забывать, что такая архитектура идеологии сильно укреплялась еще не изжитым к этому времени господствующим в массах патриархальным менталитетом. Так социалистическая идеология 20-х гг. постепенно обрастала шлейфом социального отчуждения, обретающего религиозную (теологическую) специфику (тут невольно вспоминается Сталин-семинарист, хотя в этом вряд ли стоит искать глубокий символический смысл).

Иными словами, если Октябрьская революция диалектически сняла религию в коммунистической универсальности, то Сталин пошел вспять: он осуществил некое «обратное снятие» – сталинизм «снял» коммунизм как живое и практическое движение в форму теологического типа сознания с соответствующим ему мировоззрением. То есть сталинизм объективно (вопреки своей риторике) стал развивать такой тип мировоззрения, как *объективный идеализм*. Соответственно, сам Сталин стал живой персонификацией той божественной субстанции, которую в этом контексте можно было бы назвать «Бог Истории».

При этом, – что очень важно, – в качестве фундамента под эту свою новую ипостась он использовал реальное революционное движение масс со всеми его достижениями. Одним словом, персонализируя собой Октябрьскую революцию, Сталин в действительности «подгрел» под свое имя все ее практические результаты, теорию, идеи, все этическое достижение революции. Говоря современным языком, он идейно приватизировал и монополизировал идеи и живую практику социализма.

Вот почему с развитием сталинизма советская система эволюционировала не просто в разные, но в противоположные направления: одно из них предполагало развитие человека как субъекта Истории и Культуры, а другое – утверждало реального и вполне конкретного «Бога истории» в лице Сталина, порождавшего много других божков на местах. Сталин стал конкретной персонификацией общего Бога Истории, от лица которого выносились вердикты всем, кто попадал в поле его внимания. И эти два противоположных направления эволюции советской системы утверждали две не просто разные, но именно противоположные субстанции

общественного бытия индивида и социума: с одной стороны, коммунистичность как принцип субъектно-творческого бытия человека в Истории и Культуре, с другой – «социалистическую» патриархальность, утверждающую Бога и рабов Истории. Противоборство (не на жизнь, а на смерть) этих двух тенденций общественного развития и стало тем главным, что определяло драматургию бытия индивида и социума в советской истории.

Сталин стал синтезом всех религий, персонифицируя новый тип абсолютизма: «Сталин – наше все». Не случайно, что именно при сталинизме начали закладываться основы культового отношения и к фигуре Ленина.

Между тем хорошо известно, как яростно выступал Ленин против любых проявлений культа личности еще при жизни: *«Это что такое? Как же Вы могли допустить? Смотрите, что пишут в газетах? Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком. Ведь это ужасно! И откуда это? Вся жизнь мы идейно боролись против возвеличивания личности, отдельного человека, давно порешили и с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это никуда не годится»*¹, – так писал Ленин по поводу первых робких еще попыток его возвеличивания. В этом протесте проговаривалась не просто скромность, но именно последовательная позиция марксиста, к коим и относил себя Ленин. Еще в 1877 г. Маркс писал: «Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов произошло под тем условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами...»².

Итак, если Октябрьская революция диалектически сняла религию в коммунистической универсальности, то в 30-е гг. происходило уже некоторое попятное движение с его логикой «обратного снятия», понимая под этим, то, что коммунистические тенденции 20-х гг. как реальное и практическое движение в период 30-х гг. «снимаются» в своеобразный тип теологического мировоззрения.

Позже, в брежневский период, социалистическая идеология трансформируется в систему ритуалов и обрядов, поначалу активных и искренних, но потом все более и более вялых. Искренность социалистической веры, пусть даже и религиозной, уходит в прошлое. События августа 1991 г. продемонстрировали во всей полноте завершенность этой «эволюции»: социалистическая идеология из орудия общественной практики 20-х гг. постепенно превратилась в идеологию-религию в 70-е – 80-е, а к началу 90-х гг. – в «идеологический нигилизм», отрицающий любую идеологию вообще.

Распад советской универсальности ударил не только по социалистической идеологии, но и по культуре. Логика ее последующего «эволюционирования» свелась приблизительно к следующему: из «инструмента» революционного преобразования

---

¹ Бонч-Бруевич В. Д. Воспоминания о Ленине. 1917–1924 // Избр. соч. Т. 3. М., 1964. С. 296–297.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1935. С. 487–488.

жизни культура постепенно превращалась в своеобразную «икону», понимаемую в данном случае не столько как религиозный, сколько как культурный канон. Ориентируясь на этот канон, люди стремились привнести высокие смыслы и совершенные формы бытия не только в личную, но и в общественную жизнь. Такое отношение было характерно для советского общества 60-х – начала 70-х гг. Но уже со второй половины 70-х культура начала утрачивать свою силу как некий высокий ориентир в реальной жизни людей, становясь некой самодостаточной и приоритетной областью исчерпанных смыслов.

Такое «обоожествление» культуры, превращавшее ее в «икону вне религиозного контекста», неизбежно меняло и ее смысловой вектор: теперь уже не она «шла в жизнь» (понимая под этим наполнение всех общественных отношений культурным смыслом, в котором происходит становление родовой сущности индивида), а совсем наоборот – жизнь уходила с площадей и улиц в культуру, а культура в свою очередь – на «кухни».

На первый взгляд казалось, что в таком изменении общественного смысла культуры ничего страшного нет; более того, будучи освобожденным от исторических задач, теперь индивид мог полностью раствориться в мире культуры, а значит, стать всесторонне развитой и высокохудожественной личностью. В итоге, получилось нечто обратное: *общественный и вполне культурный индивид 60-х из субъекта культуры постепенно превращался сначала в утонченного ценителя, а затем просто в утонченного потребителя культуры 70-х – 80-х.*

Так распад диалектического единства Истории и Культуры размывал и внутреннюю целостность его субъекта, постепенно, но неумолимо превращая его в частного человека. *«Теперь титаны должны научиться хитрить, скрывать свои мысли, прятать чувства. За буйные страсти сажают в Тауэр. Мечту скоро сменит чтение Библии у домашнего очага.*

...Вместо страстей, бушевавших в каменных замках, из углов теплых коттеджей выползают обънные страстишки; отныне они управляют движениями людей. Возникает начало пути от трагедии к фарсу...»¹ – эти слова крупнейшего советского кинорежиссера XX в. Г. Козинцева относятся к его рабочим материалам по фильму «Гамлет»², но говорят далеко не только о проблемах обитателей Эльсинора.

Итак, развитие сталинского бюрократизма привело к сворачиванию свободного социального творчества, что повлекло за собой распад сложившейся еще в 20-е гг. целостности диалектического единства социалистического идеала, идеологии, культуры и трудящихся – того единства, которое стало основой зарождения и развития новой советской универсальности. Существенно, что целостность советской культуры была обусловлена характером и силой противоречий самой универсальности. Именно эти противоречия как раз и были той

---

¹ Козинцев Г. Отелло // Замыслы, письма. Собр. соч. В 5 тт. Т. 4. Л., 1986. С. 75–76.

² Там же.

центростремительной силой, которая соединяла ее самые разные идейные и художественные тенденции (порою прямо противоположные) в единое целое. По мере разрешения этих противоречий происходило и развитие самой универсальности, а значит и советской культуры. И наоборот: затянувшаяся неразрешенность этих противоречий поражала сам источник ее развития, вызывая сначала стагнацию советской системы, а затем и процессы ее тотального распада.

Атрофирование этой центростремительной силы привело к тому, что все целостное многообразие советской культуры стало распадаться на отдельные составляющие. Все они, будучи разными и особенными, когда-то в 20-е гг. диалогом их различий были связаны в некую органичную и противоречивую целостность под названием *советская культура*.

Распад советской универсальности обернулся распадом ее исторических и культурных смыслов на отдельные, отчужденные друг от друга и потому не имеющие между собой никаких отношений частные смыслы. У многих это вызвало ощущение того, что, с одной стороны, разорвалась пуповинная связь между смыслом их текущей жизни и смыслами прошлой советской истории, а с другой – отменено будущее как некий потенциал смысловой перспективы.

Это обстоятельство имеет глубокие исторические предпосылки: если в период 20-х – начала 30-х гг. «нervом» истории было социальное творчество масс, энергичные темпы которого выразил в своей музыке Г. Свиридов («Время — вперед»), то уже в период 70-х гг. «пульс» исторической жизни перемещается в пространство культуры, в те ее формы, в которых оказывается возможным сохранение прежних смыслов Истории. Другими словами: если при застое История, утрачивая социальное время (развитие), все же имела смысловое пространство (культуру), то сегодня, лишенная одновременно и того, и другого, История оказывается «вне времени» и «вне пространства». Не поэтому ли сейчас зачастую можно слышать слова о том, что в России опять наступило безвременье?

А как при этом обстоит дело с самим «творцом Истории»? Положение российского индивида в настоящем таково, что он, будучи отчужденным от творческого бытия в Истории, в то же время не имеет возможности, хотя бы опосредованно – через культуру – «ткать полотно Истории». Или, выражаясь в ключе фроммовской альтернативы, сегодня *индивид не может ни быть в Истории, ни иметь ее*.

Итак, если *сталинизм рождал ситуацию прерванного смысла* (даже ГУЛАГ, физически уничтожая людей, был не в силах упразднить не только гуманистический смысл их прежней жизни, но зачастую и саму убежденность их в этом), то *брежневский застой – ситуацию нереализованного смысла*. Современный же *российский либерализм* практически *обесмыслил сущность* едва ли не всех форм человеческого бытия, сводя их главным образом к деньгам. Все это, на наш взгляд, в то же время является и основным источником глубокой общественной депрессии.

Смысловый кризис самой человеческой жизни нашел свое полное выражение и в отечественной культуре. Так *особенное* многоцветье советской культуры превращалось в бесцветность российского постмодернизма.

Формально постмодернизм предполагает равное право на существование всех стилей и направлений (не только в искусстве). В действительности же эта якобы свобода оборачивается отношением равнодушия, исходного отчуждения всех от всех. Да это и понятно: в постмодернизме вообще нет отношений, так как нет самого субъекта этих отношений – нет Человека. Именно отсутствие Человека (как представителя рода «Человек») «вытащило» сегодня из искусства собственно человеческие (нравственные) проблемы, сделав его бессубъектным, беспроблемным и технологически удобопотребляемым.

«Искусство должно цеплять, но не грузить» – вот кредо искусства, рожденного в лоне современной рыночной тоталитарности. Вот почему искусство как особый «язык» общения – с собой или другими – сегодня оказывается ненужным. Соответственно, оказывается ненужным и искусство уже как художественное хранилище духовной энергии неотчужденных отношений. Так что потеря Человека в обществе привела к потере Человека и в культуре, что стало одной из важнейших предпосылок современного кризиса искусства.

Иными словами: постмодернизм – это попытка утверждения «истории и культуры» без Человека как субъекта. Поэтому с полным правом можно сказать, что постмодернизм – это законная и, более того, заслуженная культурная проекция современного либерализма, утверждающегося на основе рыночного фундаментализма. *«Культурное» кредо такого постмодернизма – принцип агрессивного частного* (нельзя путать с понятием «часть», которая стремится снять свою неприкаянность в целом) – *того частного, которое утверждает свое господство как раз за счет разрушения целого, целостности.* И пример тому – российский постмодернизм, утверждающийся посредством разложения советской универсальности, существовавшей в форме советской культуры.

Постмодернизм адекватен «разорванному сознанию» экзистенциально растерянного индивида, живущего в стрессе от постоянных и стихийных «сюрпризов» криминальной действительности, от своего глубокого разрыва с историческим и культурным прошлым, от непреходящего страха перед будущим. Российский гражданин, независимо от уровня дохода, сегодня имеет только две жалкие ипостаси своего «общественного» бытия: продавец рабочей силы на полукриминальном рынке труда и покупатель товаров и услуг (чаще всего сомнительного качества и назначения).

Итак, история СССР показала, что пока общественные отношения системы были основаны на человеке как субъекте истории и культуры, социум оказывается способным реализовать гуманистический (коммунистический) потенциал развития и человека, и общества:

- создать заново индустриальную экономику;

- ликвидировать почти поголовную безграмотность;
- создать высокую – советскую культуру, ставшую формой всемирной культуры;
- остановить мировой фашизм;
- восстановить экономику и культуру страны после войны;
- создать науку и высокие технологии, сделавшие возможным впервые выход человека в космос.

И самое главное – сотворить *Нового человека* в совместном сотворчестве *нового мира*.

Но по мере размывания субъектно-творческого принципа бытия индивида социальная система в СССР обретала такие формы, которые посредством бюрократии либо гасили идеи и интенции социального творчества, а в итоге и самого его субъекта, либо уже непосредственно через репрессивные механизмы (Гулаг и др.) уничтожали тех, кто являл собой творцов Истории и Культуры. В любом случае все это превращало человека в раба власти – если не капитала, то бюрократии.

* * *

Итак, *первый* вывод. Если мы посмотрим на Революцию с позиции культуры, то увидим, что культурный ее смысл заключался в следующем: социалистическая революция создала предпосылки для появления такого типа культуры, которая несла в себе не только критику отчуждения или действительности, порожденной этим отчуждением (кстати, на этой основе возникали лучшие образцы западного искусства). Советская культура имела в себе еще и установку на преодоление этого отчуждения и, более того, порою была пронизана духом снятия (преодоления), а порою и снятости (преодоленности) этого отчуждения. Советская культура имела идеальный образ мира, в котором снимается в числе прочего и социальное отчуждение.

Понятно, что это была не единственная тенденция советской культуры, но она наиболее адекватно выражала ее сущность. И в этом смысле *идеальный коммунизм* (как мира неотчужденных отношений) в советском обществе *было создано в лоне советской культуры и особенно в «ее душе» – советском искусстве*. Вот почему сегодня к нему поневоле тянутся даже апологеты ельцинского режима. Именно это обстоятельство обусловило то, что большая часть общества, оценивая ситуацию уже с реальным социализмом, причем по *законам духа советской культуры* (которая ими воспринималась как некий прообраз коммунистических неотчужденных общественных отношений), понимала его идеологическое (и не только) мутирование.

Необходимо сказать еще об одном противоречии: создав идеальный коммунизм – советскую культуру, наше общество оказалось впереди реального социализма, в то время как материальные отношения социализма остались позади капитализма. Эти «ножницы» позднего «реального» социализма, с одной стороны, как раз и давали СССР шанс (пусть небольшой, но все-таки шанс) в постленинградский

период разрешить это противоречие попыткой прорыва вперед. С другой стороны, они обусловили специфику современного российского кризиса (аналогов которому не было на Западе). Но исторический кульбит 1991 года и его последствия (по своему общественному эффекту чем-то напоминающие императорские реформы 1861 года, когда Александр II под «громкие рукоплескания всей либеральной Европы провозгласил отмену крепостного права») в итоге выбросили нас не столько в капитализм, сколько в некий постмодернистский феодализм.

Вывод *второй*. Если посмотреть на культуру с позиции революции, то легко заметить, что революция выявила наиболее существенные законы культуры. Можно сказать, революционный смысл культуры заключается в том, что культура по-настоящему может развиваться только тогда, когда она включена в практику социальных преобразований, социального творчества. В любом другом случае она становится предметом потребления (экономического, идеологического, «культурного») – это не важно).

Третий. Революция породила новую универсальность – советскую культуру, которая преодолела ограниченность не только национальных, но и государственных форм культуры, став одной из ее ярких тенденций. До этого мировая культура складывалась как результат диалога разных национальных, народных культур. Советская же культура стала прецедентом зарождения мировой культуры на принципиально иной основе (или по-другому – интернациональной культуры)¹: когда она появляется как результат исторического и главное – совместного опыта разных народов в деле отстаивания мира неотчужденных отношений.

Четвертый вывод. Общегуманистический идеал справедливого и неотчужденного общества, существовавший до революции как некая абстракция, стал не просто составной частью советской культуры (здесь мы говорим прежде всего о ее социалистической тенденции), но вошел в ментальность (психологию, духовную культуру) народа. Это, кстати, обусловило одно из современных противоречий, когда люди при Ельцине оказались с социализмом (открытостью, отзывчивостью) «в душе» и антикоммунизмом – «в голове». Это же самое противоречие в значительной степени объясняет и вязкое состояние реформ: как выявилось, люди оказались не настолько социалистичны, чтобы активно и

---

¹ И действительно, основой универсальности советской культуры стала именно общая система ценностей (а не просто всеобщая технологичность всех общественных связей), в лоне которой получили свое развитие все ее национальные краски. Действительная ориентация на интернационализм была не только политической линией официальной власти, но она диктовалась и самой логикой зарождающейся советской культуры – и результаты этого в полной мере проявились в войне с фашизмом. При сталинизме и «застое» складывалась, увы, уже иная ситуация.

солидарно им сопротивляться, но и не настолько отчуждены от гуманистических идеалов, чтобы принять эти реформы с воодушевлением.

И последнее: *Октябрь 1917 года породил культуру как коммунизм*; следующий этап (если мы говорим об альтернативах современному миру глобального отчуждения) – сотворить уже *«коммунизм как культуру»*.

Опыт исторического творчества народа

*Хлыстова Н.А.,
к.ф.н., СГМУ, Томск*

Революция – «рок истории» [1, с. 108], решение крайнее, исключительно болезненное, но «революция является продуктом общественного кризиса, выражением неспособности властных структур открыть простор для необходимых новаций» [2, с.199]. И в этом смысле «... революция – акт естественно-исторический. Её искусственное торможение чревато столь же трагическими последствиями, как и искусственное провоцирование» [3, с. 81]. Русская революция, которая была «порождена своеобразием русского исторического процесса» [1, с. 109], выросла из системного кризиса мирового капитализма, вступившего в начале XX века в свою высшую стадию империализм и косвенно вызвавшего острейший общенациональный кризис в России. Годы мировой войны, разруха, саботаж, мятежи генералов «перенапрягли» возможность экономики, социальных отношений, политического и административного строя страны, выявили неспособность власти справляться с обеспечением даже элементарного хода повседневной жизни. Перенапряжение общества, вызванное войной, сузило простор для политического и социального маневра, ограничило возможность альтернатив.

Реальной альтернативой Октябрьскому повороту была не буржуазно-демократическая республика, а анархический бунт и кровавая диктатура военщины, в частности, генерала Корнилова, не желавшего мириться ни с Советами, ни с Временным правительством Керенского. Октябрьская революция предотвратила хаотический самораспад страны.

Постижение подлинного смысла масштабного исторического события возможно лишь при рассмотрении его в большом историческом времени и пространстве. В *трансисторическом* плане Великая Октябрьская социалистическая революция подхватила и продолжила объективную тенденцию гуманизации мирового исторического процесса. Она положила начало процессу освобождения человека от власти «естественной необходимости» и рождения «царства осознанной необходимости» - установлению господства человека над обстоятельствами и отношениями. Это освобождение знаменовало возвращение ему его отчуждённой человеческой сущности – сознательного и свободного творца мира, в котором он живёт, и себя самого, как универсального существа. Низвергнув господствующие командующие классы, Октябрьская революция подняла народные слои, раньше скованные, униженные и угнетённые, для исторического дела. По словам Н. Бердяева, «Революция глубоко взрыла почву и совершила почти геологический переворот», обнаружив огромную витальную силу, которой раньше не давали возможности обнаружиться [1, с. 112]. Ситуация затянувшейся исторической тупиковости актуализировала вопрос о человеке как социальном субъекте, *способном сознательно воздействовать на исторические процессы и призванном свершить социальное освобождение, созидать исторически новое состояние общества.*

Важнейшими субъектоформирующими факторами и факторами аккумуляции социальной энергии, вызвавшими грандиозные исторические процессы, связанные с преодолением отчуждения и освобождением Человека, стали:

1. Обострение противоречий в обществе до критической отметки, вызвавшее усиление энергии социального протеста в соответствии с действием всеобщих диалектических законов развития. Несмотря на высмеивание традиционной буржуазной историографией тезиса о том, что развитие капитализма в силу своей природы толкает рабочий класс на революцию и социализм, опыт России его подтверждает. Болезненное и неравномерное развитие капитализма в сочетании с политической обстановкой царской России, жёсткие со стороны властных структур меры по предотвращению организованного сопротивления: в стране было запрещено создание общенационального союза рабочих; профсоюзные активисты обвинялись работодателями и жандармами в ведении подрывной деятельности, рискуя тем самым попасть в чёрный список и быть арестованными; работодатели отказывались признавать их право вести переговоры и часто обращались к государству за военной поддержкой против рабочих выступлений – всё это не могло не провоцировать оппозицию на радикальные действия.

2. И это не могло не стимулировать роста классового самосознания и усиления непримиримости радикальных групп рабочих в борьбе с капитализмом. Так же, как практика регулирования режимом отношений в промышленности мешала появлению умеренного пролетарского движения реформистского типа, его политическая платформа препятствовала появлению реформистской партии [4, с. 77]. Наиболее революционными и сознательными были рабочие крупных промышленных

предприятий, сконцентрированных в Москве и Петербурге. Именно они стали «сознательным деятелем» (В.В.Кизима) [5, с. 154] в полном смысле, т.е. субъектом, у которого происходит полное совпадение объективных потребностей общества и личных осознанных стремлений.

Самые урбанизированные рабочие, имевшие высочайший уровень квалификации, образования и зарплаты, стояли на переднем фронте пролетарского движения. Они имеющие самые глубокие корни в промышленности и городской среде, соединяли острейшее чувство недовольства и мощнейшее чувство сознания себя как класса со способностью чётко формулировать свои классовые интересы и стремления. Их способность доступно объяснить причины недовольства масс и обозначить цели классовой борьбы играла важную роль в мобилизации новых отрядов рабочего класса.

3. Расширение социальной базы революционного действия в соответствии с марксистским законом основательности исторического действия: число участников исторических преобразований тем больше, чем масштабнее само действие. – значится в работе К.Маркса и Ф.Энгельса «Святое семейство». «Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объём массы, делом которой оно является», – писал В.И. Ленин [6, с. 90]. Рост протестных настроений и готовности включиться в активные выступления многочисленных и разнообразных народных низов – «плебейства», в терминологии Реймана, превращал их в совокупного (коллективного) «объективного деятеля» (В.В. Кизима) – того, кто подводится к действию исторической необходимостью, логикой развития, потребностями ситуации. Его активность характеризовалась как *осознанными*, так и *неосознанными* реакциями на действительность, стихийностью в действиях, радикальностью в методах, восприимчивостью к разным вариантам антибуржуазной идеологии и политики, а значит к разным вариантам социализма.

4. Феномен «бессознательного социализма», который, по словам царского министра П.Н.Дурново, имел глубокие корни в формировавшемся на протяжении многих столетий менталитете россиян, заслуживает особого внимания.

• Слабое влияние буржуазной идеологии в этой среде, негативное её отношение к частной собственности, обосновывается современником тех событий Н.А. Бердяевым в его книге «Судьба России» факторами ментального порядка: «Душа России – не буржуазная душа, не склоняющаяся перед «золотым тельцом» [7, с. 28]. В этом контексте антибуржуазной настроенности можно согласиться с мнением Р. Пайпса, выраженном в его фундаментальном труде о русской революции, о «глубинной через «русскость» обусловленности большевистского Октября», который стал по существу, выражаясь словами Ф.Энгельса, «социалистической критикой капиталистического способа производства» [8, с. 154]. И это оказалось «наименее утопическим, считал Н. Бердяев, наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в 1917 г., и наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной

социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием» [1, с. 93].

- Что действительно привязывало крестьян к новой, советской власти, – это интуиция, что эта власть «своя». По результатам выборов в Учредительное собрание ещё до революции было ясно, что значительная часть российского общества отказала в своей поддержке процессу *капиталистической* модернизации [9, с. 83]. Организованный «фронт Учредительного собрания» не только осудил себя на заведомое поражение, но немало способствовал дискредитации в глазах широких масс крестьянства самой идеи политической демократии в её «европейских» формах – именно потому, что, сделав эту идею своим знаменем, встали ради её защиты в гражданской войне на ту же сторону антибольшевистской баррикады, на которой стояли, более того – главенствовали силы так называемого «белого» движения, то есть силы, в которых крестьяне справедливо видели защитников старых земельных собственников и поборников обратного пересмотра только что произведённого «чёрного передела» [10, с. 456, 457]. И поэтому революция 1917 г. – это не «плебейская» [2, с. 201], а пролетарская революция, смыслом которой было освобождение от эксплуатации и угнетения всех обездоленных.

- Российский народ обрёл в ходе революции стимул реализации заложенной в «Душе России» архетипической идеологии об особой миссии россиян; укрепление веры в особое историческое предназначение (русский мессианизм в терминологии Н.Бердяева), в свою способность стать главным действующим лицом иного, чем доселе исторического действия – построить на Земле новый мир, где «кто был никем, тот станет всем». Пожалуй, стоит согласиться с мнением Л. Троцкого о том, что коллективное бессознательное масс соединилось в 1917 г. с высшей исторической логикой. В этой связи снимается вопрос о социальной сущности большевизма. Ответ на него, представляющийся М. Рейману «чрезвычайно сложным», на самом деле лежит на поверхности: рабочий класс как носитель особого строя, идущего на смену капитализму несомненно выражал интересы эксплуатируемых и отчуждённых от основных средств производства, от власти и от сокровищ мировой культуры «народных низов». Большевистский вариант марксизма наиболее соответствовал характеру их мировоззрения, их менталитета, навыкам их общественного поведения.

- На практике под влиянием антимонархических, антивоенных настроений он постиг значимость социального единения (традиционного духа соборности) – совместных согласованных, солидарных действий; это стало мощным социально-психологическим фактором, обусловившим формирование единого субъекта революционного действия.

5. В условиях массового психологического напряжения и преобладания в мотивационной сфере массовых действий феноменов аффективного, эмоционально пристрастного – иррационального порядка и бунтарско-анархических порывов решающая роль в формировании исторического субъекта и организатора

его исторического действия выпала на долю партии большевиков. Им удалось в полной мере реализовать роль авангарда революционного движения, потенциал той организации дисциплинированных, профессиональных революционеров, которая сформировалась и совершенствовалась Лениным и его сподвижниками, начиная со II съезда РСДРП в 1903 г.

- «Народные массы были дисциплинированы и организованы в стихии русской революции через коммунистическую идею, через коммунистическую символику. В этом бесспорная заслуга коммунизма перед русским государством. России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться», - писал Н.А.Бердяев [1, с. 109]. Именно созвучность большевистских программных лозунгов глубинным настроениям многомиллионных масс позволила относительно малочисленной партии в кратчайшие сроки распространить Советскую власть на обширные территории страны.

- Большевики оказались у руля не волею случая, а потому, что они предложили идеи, направленные не на подновление, а на радикальное обновление, переустройство общества. Социалистический проект Ленина, по словам П. Волобуева, «представлял собой не план «осчастливливания» россиян, а программу практического выхода из кризиса буржуазно-помещичьего строя, из войны и разрухи, из того тупика, в котором оказалась наша страна в 1917 г., то есть он был конкретным ответом на конкретные проблемы и потребности общественного развития России» [11, с. 70]. Даже антибольшевистски настроенный историк-эмигрант Б. Кирюшин писал, что рабочие «шли в партию не по конъюнктурным побуждениям. Они действительно видели за победой большевизма новый строй, справедливый, очищенный от всякого балласта старых уродливостей, тяготивших жизнь трудящихся» [12, с. 203].

- Возникновение социалистических партий было в России, по мнению М. Реймана, не столько следствием особой активности самих рабочих, сколько результатом деятельности революционной российской интеллигенции [2, с. 198]. Но существует и другое мнение, в частности Е. Плимак пишет: «Никакие революционные партии, кружки, группы эту революцию заранее не готовили – все они были в военное время запрещены; лидеры партий Г. Плеханов, В. Ленин, К. Марков., Р. Чернов, В. Аксельрод, Л. Троцкий, Г. Зиновьев – находились в эмиграции, менее именитые – в ссылке и тюрьмах» [13, с. 20.] В конце концов это не так важно. Действительно важно то, что партия большевиков – была общественной силой, наиболее значимой в революции, обладавшей максимальной энергией социального творчества – наиболее организованной, способной к решительному действию, социальному преобразованию. Она имела чёткую стратегию. Креативный потенциал ряда выдающихся личностей из числа большевиков может быть соизмерим с трудом тысяч и сотен тысяч людей. Эта организация с честью прошла все выпавшие на её долю испытания – от жесточайших репрессий и сибирских ссылок до внедрения

в её ряды провокаторов и внутренних расколов. Большевики чутко улавливали изменения настроений в народных массах, своевременно отражали эти изменения в своих лозунгах, воплощали в программных установках и вели за собой людей на борьбу за полное искоренение системы угнетения и бесправия подавляющего большинства народа, установление нового строя и торжество социальной справедливости [См.: 14, с. 5]. Их убежденность в соответствии их намерений и деяний чаяниям народа подпитывалась стремительным ростом рядов партии. Если в конце марта партия большевиков насчитывала около 25 тыс., то в августе – уже более 200 тыс. человек. [15, с.18]. Но это же и безмерно развязывало им руки, позволяло действовать иногда вопреки интересам обывательских слоёв, когда инерция их, как казалось большевикам, противостояла прогрессу.

Русская революция показала, что *«там и тогда, где и когда человек (в классовом обществе - определенная социальная сила) вырывается из поля отчуждения (власти бюрократии, денег...) и становится субъектом ассоциированного социального творчества, он ставит ценности и практику освобождения на первое место и готов идти ради этого даже на смерть»*, причём, *«интенсивность противоречий отчуждения и мера их осознания трудящимися - вот что формирует энергию социального протеста»* [16].

Способ её реализации определяется степенью зрелости субъекта деятельности. По мере свершения революционных преобразований становилось всё более очевидно, сколь разновелики были составляющие его звенья. Бунтарско-анархический элемент захлёстывал малосознательную часть. Веками накапливавшаяся ненависть к барам, чиновникам, а зачастую просто к людям, одетым и говорящим не по-крестьянски, оказалась настолько сильной, а озлобление столь иррациональным, что они способны были буквально испепелить Россию. Что, впрочем, в возрастающих масштабах и происходило на российских просторах уже с весны-лета 1917 г.

Позднее В.И.Ленин признавал, что летом 1918 г. именно крестьянство (сибирское крестьянство, казачество, среднее крестьянство и кулачество) оказалось «лучшим человеческим материалом против коммунистов». Вождь революции отмечает, что решающую роль сыграли середняки, которые были настроены против большевиков, что и «предопределило успех контрреволюционных движений, восстаний, организации сил контрреволюции» [17, с. 401; 18, с. 16]. Время до глубокой осени 1918 г. было временем кошмарной и кровавой борьбы на полях производящей деревни. Специфичность состояния субъекта во многом определила содержание и противоречивость действий в тот уникальный период истории России как неотъемлемой составной части всемирной истории.

Основными направлениями деятельности нового исторического субъекта в *экономическом и в социально-политическом плане* стали:

Искоренение системы угнетения и бесправия подавляющего большинства народа и оформление нового общественно-политического, экономического и социального строя, который существенно отличался от всех до той поры известных.

- Благодаря этому строю активизировались процессы *ассоциированного социального творчества* самоуправления, самоорганизации и самоопределения широких масс во всех сферах жизни общества. В первую очередь – создание новой государственной машины, нового политического режима, который без всякого лукавства, откровенно был назван диктатурой пролетариата. Это означало исключение участия во власти имущих слоёв, поскольку рождённая февралём буржуазная власть не считалась с «непреложной программой» масс и все коалиционные правительства и Директории Керенского игнорировали требования народа: жёстко вели курс на продолжение войны в союзе со странами Антанты; их политика в деревне ограничивалась запретом земельных сделок, а цены на хлеб не только не были снижены, но возросли в соответствии с установленными правительством монопольными ценами на хлеб [13, с.18.]. Советы – это господство над самими собой, самогосподство, это другой тип демократии, отличный от рабовладельческой, например, в древнегреческом полисе, и буржуазной. И если «социализм отождествляется с самоуправлением, самоорганизацией и самоопределением широких масс», то Русская революция, согласимся с мнением Э. Мандела, стала началом социалистических преобразований [19, с. 80]. Советы стремились к завоеванию власти рабочим классом, к подлинной (не буржуазной) демократии, главным образом, с целью преодоления экономического и культурного отставания от развитых стран и обеспечения стабильного международного положения страны во имя благополучия простых россиян.

- «Экспроприация экспроприаторов» в городе, почти полная национализация промышленности, её переход под рабочий контроль, а затем и соответствующие действия в деревне означали освобождение трудового народа от эксплуатации и утверждение власти труда над капиталом. Было положено начало формированию качественно новых общественных отношений, принципиально отличных от царивших доселе – отношений господства, эксплуатации и подчинения. В Декретах Советской власти, по словам Б. Славина, «было мало социализма, но без их осуществления двигаться к социализму было нельзя» [28]. Они закладывали социалистический уклад в стране, фундамент для передачи всей власти Советам, национализации земли, крупных фабрик, заводов, для решения национального вопроса, для революции в области культуры. В.И. Ленин в 1919 г. подчёркивал, что пролетариат пришёл к власти в революции, которая была мелкобуржуазной или даже буржуазной [20, с. 20]. Только позднее – с лета 1918 она приобрела, по его мнению, социалистический характер

- Было осуществлено освобождения самого труда – «разотчуждение» (Л. Булавка, А. Бузгалин; В. Парцвания); он стал гарантированным конституционным правом и обязанностью (полная занятость), контролируемым и регулируемым самим работником, рационально и планомерно организованным, исполненным принципиально иным смыслом – Благо Родины и творческая

личностная самореализация. «Всего этого можно достичь лишь при строе свободно ассоциированных производителей – при социалистическом строе» [19, с. 81].

- Раскрепощение человека и создание простора для формирования человеческой субъективности, выражавшейся, в частности в новых, пришедших на смену рыночной конкуренции, стимулах деятельности: состязательности в социалистическом соревновании, изобретательности, в энтузиазме и уверенности в правоте создаваемого. Строили индустрию, защищали отечество не только по принуждению. Был и героизм, ответственность, солидарность, товарищество и братство.

- Сокращение рабочего дня и увеличение свободного времени для развития человеческих качеств, человеческой универсальности, творческого потенциала личности, не только представителя элитных социальных слоёв, но и человека массы. Свободное, а не рабочее время стало источником и мерой личностного богатства.

В социокультурном плане: Основываясь на особенностях российского менталитета Русская революция породила новую – советскую культуру, обеспечившую развитие «низовой» культуры – культуры масс через приобщение их к образованию, науке, профессиональному здравоохранению и культуротворчеству [21] и воплотившую принципиально иную иерархию ценностей. Советская культура – это:

- расширение до границ наиболее массового социального класса пролетариев масштаба ценности свободы в её принципиально изменённом содержании: в негативном аспекте она стала свободой от гнёта и эксплуатации, от частной собственности и отчуждения; в позитивном - свободным трудом масс, различными видами их творческой самодеятельности, социальным творчеством во всём многообразии его форм;

- превосходство интересов сообщества над индивидуальными, без чего никакая система не может быть жизнеспособной; советский патриотизм - своеобразный феномен, воплотивший сыновнюю преданность всех граждан страны Советов, независимо от их национальной принадлежности, Родине-матери, бескорыстное служение Отечеству. Это была по существу конкретно-историческая форма социалистического интернационализма, которая в сочетании с подвижничеством, готовностью её носителей пойти на любые жертвы во имя сохранения целостности, во имя высокого идеала обеспечивала колоссальную жизнеспособность суперэтнуса, новой интернациональной формы исторической общности, нового этносубъекта – советского народа, его динамичное и бесконфликтное развитие на протяжении длительного времени;

- принцип коллективизма, как трансформация соборности, в человеческую - братскую со-единённость не только социально-экономического, но и духовного плана;

- принцип социальной справедливости (баланса, взаимности, точного соответствия – пропорциональности воздаяния за всё содеянное).

Рождённое Русской революцией понимание равенства – это понимание его как «всегда *общественного* равенства, равенства общественного положения, а никоим образом не равенства физических и духовных способностей отдельных личностей» [22, с. 364]. Оно означает равнообязанность хотя и неодинаковость личностей – «от каждого по способностям...» и равенство прав и возможностей, равнодоступность, соразмерная при социализме социально значимому вкладу личности в общее дело – «...каждому по труду». Только приоритет социалистических принципов жизнеустройства может обеспечить *такую систему взаимодействия индивидов, когда рост свободы, самореализация неповторимых качеств одного не ограничивает, а расширяет возможности свободного развития всех* [См.:16];

- приоритет труда, созидания, творчества над потреблением, трудовой энтузиазм, основанные на традиционном подвижничестве и каком-то сверхсознательном постижении высшего смысла (не сиюминутных задач, не утилитарных индивидуалистических целей);

- приоритет долга, обязанности над правом, способность к самоограничению, к жизни на пределе возможного, проистекающие из свойственного только россиянам духа нестяжательства и привычки к аскезе;

- приоритет идеала над реальностью, как выражение традиционной ориентации россиян на абсолют; на основе устремлённости к граду Божьему, к новому Иерусалиму родилась устремлённость к земному светлому будущему, к коммунизму, где не будет эксплуатации человека человеком, отчуждения, неравенства, а будет, творчество, справедливость, свобода каждого, как необходимое условие свободы всех;

- приоритет образа всесторонне и гармонично развитой личности над узкой профессиональной специализированностью её, личности, свободной «не только от экономической бедности, но и духовного обнищания» [23, с. 414, 405, 404], личности, гармонично воплощающей в себе духовное богатство, нравственную чистоту, физическое совершенство. Свободная деятельность свободных индивидов по меркам Истины, Блага и Красоты становится не только предметным воплощением культурных ценностей, но и процессом всестороннего гармоничного развития личности – саморазвитием самого субъекта такой деятельности

И всё же РОССИЙСКИЙ НАРОД НЕ СТАЛ В ПОЛНОЙ МЕРЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ - вполне субъективным ИСТОРИЧЕСКИМ СУБЪЕКТОМ. Почему?

- Несвоевременность его исторического действия? Эту мысль высказывал Г.В. Плеханов в «Открытом письме к петроградским рабочим»: «Не потому огорчают меня события последних дней, что я не хотел торжества рабочего класса в России, а именно потому, что я призываю его всеми силами души... Но для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват власти в такое время, когда он к этому ещё не готов...» [24, с. 244-248]. Напротив, Октябрьская революция не только не преждевременна, но, как и все великие революции в мировой истории,

она произошла тогда, когда в начале XX в. пришел ее черед. Наш народ выстрадал Октябрь, пройдя перед этим через тернии двух буржуазно-демократических революций и поняв, что иначе ему не удастся очистить страну от завалов средневековья. Характерно, что эту истину стали постигать и русские эмигранты. Так, один из них, правый эсер Ф. Степун, в 1929 г. писал: «Нет слов, путь, пройденный большевизмом, ужасен, но как знать, был ли историей дан иной путь революционной победы над старой Россией».

- Отсутствие привлекательной демократической альтернативы? Но дело не в привлекательности той или иной альтернативы, а в ее реальности. Учитывая ограниченность альтернатив развития России в 1917 г., когда баррикады классовых боев разделили страну, народ был обречён на активные действия с перспективой установления диктатуры пролетариата: невозможно было находиться посередине, между баррикадами.

- Политическая неискущённость народных масс как неготовность их к революционной борьбе? Действительно самоопределился неискущённому в политике бойцу-революционеру весьма непросто. Абсолютно не поддержав заговор генерала Корнилова, часть населения сочувственно отнеслась к действиям более грозных противников Советской власти: генералов Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля.

Кроме того стремление к свободе может быть продуктивным лишь при условии интеллектуального овладения философией свободы. Классическая марксистская философия определяет свободу как *возможность действовать в соответствии с познанной исторической необходимостью*. Но историческая необходимость всегда диалектически связана со случайностью. Ход истории закономерен лишь в конечном счете, а непосредственный процесс развертывания социальной жизни во времени и пространстве многообразен и во многом случаен. Именно это многообразие случайных исторических процессов создает объективную возможность свободного *выбора путей исторического развития*. Это не исключает и возможности временной стагнации, торможения исторического процесса или регресса. Многое зависит от (1) степени осознания мирового Логоса, (2) наличия (у субъекта) и мощи социальной энергии и (3) совокупности имеющихся средств социально-исторического действия [См.: 16].

- Духовная незрелость? Известно, что чем выше организован индивид духовно, тем меньше он поддается влиянию массы, которая заражает индивидов однотипным поведением. Но заражение не является однозначным и зависит от субъекта. Зрелая личность в массе более склонна проявлять свои положительные начала, свою позитивную личностную направленность, например, в случае массового героизма или энтузиазма. Она способна сохранить свое «Я» даже в неординарных условиях, защитить его от слияния с аморфным массовым образованием. У духовно здоровой личности имеется нечто подобное «иммунной защите» духовного плана [См.: 25], что препятствует дегенерационным проявлениям, что сохраняет истинно человеческое в личности.

В противовес этому духовно неразвитое лицо представляет собой удобный объект для манипулирования, в том числе и массового сознания. Достаточно небольших усилий, чтобы его неустойчивая, недостаточно организованная натура превратилась под влиянием массы в нечто усредненное, серое, безликое. Духовно незрелая личность под влиянием массы обнаруживает свои отрицательные стороны. Масса как бы усиливает, обостряет доминантные черты индивидов, выступает своеобразной лакмусовой бумажкой их сущности.

Становление вполне субъективного субъекта предполагало очевидные, с позиций сего дня, усилия:

Создание широкой коалиции социалистических партий и групп в революции.

Но, как справедливо отмечает Ю. Поляков, «слишком разнородны были социалистические силы», поэтому коалиция была возможна с действительно революционными элементами типа левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов. С Керенским, Даном, Гоцем, Авксентьевым — нет [11, с. 80]. Вожди меньшевиков и эсеров продолжали свои бесконечные комбинации с Керенским даже после разгрома корниловского мятежа. Большевики отвергали соглашательство эсеров и меньшевиков, хотя не отвергали тактического блока с некоторыми левыми внутри соглашательских партий. В свою очередь и массы, не позволили бы большевикам, при всем их влиянии, иную правительственную комбинацию, кроме блока с левыми эсерами. Нужно иметь в виду исключительную обостренность классового сознания, отсутствие реформистских настроений в пролетарской среде и нараставшую радикализацию масс, которая отталкивала от большевиков правых лидеров социалистических партий. Соперники большевиков в Советах — меньшевики, эсеры, анархисты, отвергали большевистскую непримиримость, склоняясь к соглашению с буржуазией. Не следует забывать, что меньшевики и эсеры были в 1917 г. против самой постановки вопроса о переходе России к социализму [См.: 11, с. 77-78]. А после Октябрьской революции они заявили, что выступают и против открытой контрреволюции, и против большевистской диктатуры. В дальнейшем, в ходе гражданской войны, это нашло свое отражение в формуле «Ни Ленин, ни Колчак». Идея «третьей силы», «третьего пути» представляется и сегодня некоторым весьма заманчивой. Однако нельзя не согласиться с Ю. Поляковым, «не противопоставленный оплоту революции — большевикам — «третий путь», а единство социалистических партий и групп» [11, с. 81], или, по словам Н.Н. Суханова, — «единый демократический фронт против объединённой буржуазии» [26, с. 123], действительно просился в повестку дня. Совместная борьба на действительно революционной платформе при помощи компромиссов, взаимных уступок позволила бы избежать гражданской войны. «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок истории, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной», — писал В.И. Ленин [27, с. 222]. «Расширение демократии — вот задача, оставшаяся тогда не только нерешенной, но даже непоставленной» [11, С.81]. Осуществись широкая

коалиция социалистических сил, справедливо полагает П. Волобуев, мы, может быть, тогда... положили бы первые кирпичи в здание демократического социализма [11, с. 41-42]. Жёсткое противостояние большевикам обусловило необходимость принятия с их стороны решения о запрете сначала партии кадетов, а в 1918 г – и всех других партий. Ответственность за складывание однопартийной политической системы, равно как и за гражданскую войну, таким образом, лежит не только на большевиках.

- Надо было активно вносить в самодеятельность масс научное сознание и развивать культуру их политической деятельности, если понимать революцию не только как разрушение старой системы и замену буржуазного государства социалистическим, но как первый акт сознательного исторического творчества масс: 1) сознательно самим творить эти новые отношения (экономические, социальные, политические) более эффективно, нежели прежде; 2) разрушая формы отношений отчуждения, сохранить материальную и духовную культуру прошлого.

- Следовало развивать и стимулировать опыт самоорганизации и самоуправления масс. Уже с середины 20-х годов события, однако, стали развиваться в ином направлении - выстраивания государственно-бюрократического хозяйства, поскольку, как не без оснований полагает А.Колганов, для Сталина, исходя из реальных позиций, было очевидно, что по своим профессиональным и общекультурным характеристикам пролетариат на роль руководителя хозяйственного строительства не тянул, а буржуазию подпускать к руководству было нельзя. Оставался единственный слой на который можно было опереться и который ходом событий был вытолкнут на поверхность – бюрократия [28, с.15]. Но русская бюрократия, по словам Л. Шестова, «всегда была паразитарной» [29, с. 5]. Очевидно, тактически это могло быть оправдано, но «как длительная историческая перспектива, она оказалась безуспешной и должна была быть заменена чем-то другим» [28, с. 15]. « Советская бюрократия “ допустила в силу *превышения меры воздействия на историю* попятные и боковые движения, а также использование насилия там, где не хватало энергии социального творчества. В «Политическом завещании» В.И.Ленина предполагалась радикальная антибюрократическая революция, что однако проделано не было.

Октябрьская революция представляется главным событием XX в. потому, что именно она в решающей мере определила тот многомерный облик мира, который мы знаем и видим. Без этой революции, без ее идеалов, без ее сражений, щедро оплаченных кровью защитников и врагов, мир был бы другим, менее человечным и социально перспективным. «Треть человечества прошла часть своего пути по проложенной Октябрём магистральной» [30]. Главный итог революции — народные массы пришли в движение во всем мире. И если, повторим вслед за Ю. Поляковым, «российский Октябрь не положил, как мы тогда надеялись, начало мировой революции, он, как и французский 1789 год, в значительной степени способствовал мировой эволюции», развитию мира по пути его демократизации.

Усиленно отрицая закономерность ВОСР и представляя её в качестве результата цепи чрезвычайных событий, традиционная западная историография, сконструировав эту цепь почти бесконечно длинной, *volens nolens*, подтвердила диалектический постулат о переходе случайности в свою противоположность – в становящуюся неизбежной необходимость. Опыт буржуазной западной историографии становится бесценным для россиян, ибо позволяет адекватно оценить смысл тех непрекращающихся выпадов, потоков очернительства нашей истории, переписывания её заново, в том числе и в учебно-образовательных целях, который действительно локализуется в строго определённом русле - слева направо или наоборот. Реставрация традиционализма в западной историографии после доминировавшего некоторое время там ревизионизма обусловлена поправлением Запада в 90-е гг., а также распадом СССР. В ней оказалось поставленным под вопрос существование вообще какой-либо разумной, логической истории человеческого прогресса. Снятие идеи прогресса с повестки дня научных исторических и философских дебатов может означать только то, что история в очередной раз глубоко забуксовала, а методология исторического исследования безнадежно устарела, поскольку не позволяет теоретикам увидеть скрытые в глубинах исторического процесса его магистральные тенденции. Постмодернистская идея о «конце метанарраций» отнюдь не является свидетельством окончания действия объективных законов всемирно-исторического процесса. Она – свидетельство теоретической слабости, неспособности нынешней интеллектуальной элиты масштабно мыслить, либо её идеологической ангажированности.

«Следует отвергнуть тезис, согласно которому поражение так называемого «реального социализма» означает поражение социалистических идеалов», – писал Д. Наполитано в начале 1990-х гг. [31, с. 95]. Сегодня, когда человечество впервые так остро столкнулось с проблемой выживания, поскольку основным способом решения мировых проблем стало насилие (военное, экономическое, политическое, идеологическое, психологическое), однозначно ведущее к регрессу человечества, его деградации, категорическим императивом становится гуманизация мира – гарантии социальной защищённости всем землянам, обеспечение им социальной справедливости, солидарности в совместной борьбе за общезначимые кардинальные ценности, за чистый воздух, за мир и прогресс человечества. Все попытки придать человеческое лицо капитализму оказываются тщетны. Как никогда ранее велика ныне потребность людей в социализме и даже не столько по причинам экономической эффективности, сколько по причинам достижения пределов приспособляемости капитализма, по причине трансформации его производительных сил в силы разрушительные, самоубийственные для цивилизации. Концентрация глобального капитала и интернационализация производительных сил настоятельно требуют возрождения принципа пролетарского интернационализма и пролетарской солидарности в борьбе за новый мировой порядок. Смыслом всех преобразований в обществе и всех модернизаций (революционных или эволюционных) должно быть отстаивание справедливого права каждого человека быть ЧЕЛОВЕКОМ по существу.

Жить по-человечески – это значит всегда всей своей универсальностью приумножать богатейший и многогранный опыт человечества в соответствии с объективной логикой исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: «Наука», 1990. – 224 с.
2. Рейман Михал. Заметки по интерпретации 1917 года // Отечественная история 1994 №4-5.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальные революции XXI века // Свободная мысль. 1997. № 10.
4. См.: Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию// Отечественная история 1997. №5.
5. Кизима В.В. Культурно-исторический процесс и проблема рациональности. Киев: Наукова Думка, 1985. - 216 с.
6. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.32.
7. Бердяев Н.А. Судьба России. М. 1990. – 240 с.
8. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд.2-е. Т.20.
9. Голубев А.В. Россия Век XX // Отечественная история. 1997. № 5.
10. Дан Ф.И. Происхождение большевизма. Нью- Йорк, 1946.
11. Октябрь 1917: величайшее событие века или социальная катастрофа? Под ред. П.В. Волобуева. - М.: Политиздат, 1991. –240 с.
12. Кирюшин Б. Пути российской революционности. Франкфурт-на- Майне, 1959.
13. Плимак Е. Две революции, две точки зрения // Свободная мысль.1997. №10.
14. Бушуев В. Октябрь// Свободная мысль. 1997. № 10. С.4
15. Медведев Р. 80 лет Русской революции // Свободная мысль. 1997.
16. Бузгалин А.В. На пути к социальному освобождению человека (ассоциированное социальное творчество versus либерализм) /[http:// www.alternativy.ru](http://www.alternativy.ru)
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39.
18. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40.
19. Мандел Эрнст. Современная ситуация и будущее социализма // Социализм будущего. Журнал политических дебатов. Том 1, № 1, 1990.
20. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959.
21. Булавка Л.А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс. М.: Культурная революция, 2007. –272 с.
22. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.24.
23. Фромм Э. Душа человека. М.: «Республика», 1992. – 429 с.
24. Плеханов Г.В. Год на родине. Т.1 Париж, 1921.
25. Бармашова Т.И. Общественный субъект в контексте диалектики // [http:// www.alternativy.ru](http://www.alternativy.ru)
26. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3, кн.5-6-7 М.: «Республика», 1992. – 414 с.

27. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.34.
28. Великая Русская революция: от Февраля к Октябрю. Круглый стол, посвящённый 90-летию Февральской революции 1917 года // Альтернативы. 2007. № 2.
29. Шестов Л. Что такое русский большевизм? Берлин, 1920.
30. Октябрь для нас, для России и всего мира / [http:// www.alternativy.ru](http://www.alternativy.ru)
31. Наполитано Джорджо. Социализм будущего // Социализм будущего. Журнал политических дебатов. Том 1, №1, 1990.

Демократия и революция

*Рубинчик-Александрова М.П.,
журналист (ФРГ)*

На первый взгляд, данные понятия представляются противоречащими друг другу, ведь революция – это насилие, смена классов, которая не обходится без диктата. С другой стороны, демократия – это власть народа, а именно в революцию народ выходит на авансцену истории и становится её творцом. Если посмотреть исторически на движение социального прогресса, то после революций, обозначающих смену общественно-экономических формаций, несмотря на реставрации, «низы» постепенно отвоёвывают некоторые права у «верхов». При контрреволюциях, в основном, наблюдается откат, пора социального «зигзага».

Неслучайно модификации парламентско-президентской системы, родившейся в результате буржуазных революций, которые получили в мире распространение после того, как буржуазия стала правящим классом, называются демократиями. Это дань «низам», хотя буржуазная демократия всё больше и больше приобретает черты элитократии, с помощью манипулирования мнением населения. Если спросить неолибералов, есть ли необходимость в расширении демократических институтов в пользу непосредственного и подлинного народовластия, то они ответят отрицательно. Недаром же до сих пор почитаемый ими российский лидер Б.Ельцин расстрелял Дом Советов в 1993 году.

Известно, что Советы в качестве новой формы демократии появились на свет стихийно, «снизу», в период Первой русской революции 1905 г. и сразу же возродились в феврале 1917 года. В постановлении Петросовета №1 был пункт о

том, что «распоряжения Думского комитета должны исполняться постольку, поскольку они не противоречат постановлениям Советов». Это привело в восторг находящегося в эмиграции Ленина: создан Комитет революционного надзора за правительством! Особая всё же у нас была «буржуазно-демократическая» революция...

Посмотрим, как высказывались на этот счёт царские генералы и буржуазные деятели. Генерал Лукомский сообщал генералу Капедину: «Власть перешла в руки рабочих, к коим присоединились и представители революционных войск, и таким образом, основался союз рабочих и солдатских депутатов, к которым за присоединением заводов, работающих на оборону, всех железных дорог, почты и телеграфа перешла фактически власть по управлению страной». «Временное правительство не имеет первое время своего существования под руками никакой силы».

Заметим, что бессилие было свойственно Временному правительству и в последний период его существования, несмотря на все попытки «укрепить» министров-капиталистов участием в правительстве эсеров, репрессивными мерами и т.д. Принимать какие-либо «решительные меры» против Советов, по мнению того же царского генерала, было бы «крайним абсурдом со стороны Временного правительства. Можно погубить всё».

Буквально теми же словами разъясняет положение вещей военный министр А.Гучков руководителю Ставки генералу Алексееву: **Необходимо «отбросить иллюзии», «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих депутатов, который и располагает важнейшими элементами реальной власти, т.к. войска, железные дороги и телеграф были в его руках»**

«Нельзя было допускать большевистского переворота», «надо было остановиться в феврале семнадцатого года после отречения «слабого царя», - кликушествовали в конце XX века интеллектуалы из бывшей «советской элиты», обеспечивая идеологическое обслуживание буржуазной реставрации. Они же в октябре 1993 года призывали своего президента: «раздавите гадину», т.е. казните Советскую власть вместе с её носителями...

Однако представители буржуазной кадетской партии в 1917 году вряд ли бы согласились с нынешними «знатоками» отечественной истории. Кадеты надеялись поправить своё проигрышное положение после Февраля. И кое-что им на том поприще удалось: получить союзников в лице эсеров и меньшевиков. Займать мощную поддержку, в том числе и громадные денежные вливания со стороны Запада. Иначе не было бы тяжёлой гражданской войны и прямой интервенции многих капиталистических государств.

И всё таки – почему российская буржуазия не смогла возглавить вроде бы собственную, «буржуазно-демократическую» революцию? Попробуем посмотреть с другой стороны: а была ли она заинтересована вообще в революции? Основные проблемы страны состояли, как известно, в заключении мира, т.е. выходе из

империалистической бойни и решении земельного вопроса в пользу крестьян. Что касается требований 8-часового рабочего дня и рабочего контроля на производстве, то надо ли говорить, насколько они были капиталистам поперёк горла!

Зададимся вопросом: нужен ли был буржуазии выход из войны, когда её наживу на военных поставках и финансовых спекуляциях иначе как «лихвенной» современники не называли? «Ни дня без войны» - можно считать лозунгом империализма теперь, когда самые выгодные сделки заключаются на продаже оружия. Когда новые сферы влияния сулят новую большую прибыль! Также было и в период Первой мировой войны. Иначе бы она не началась. Любопытно, что в немецком языке понятия воевать и добывать означены одним словом : kriegен. Это указывает на происхождение и цели войн, начиная с древних времён.

С так называемым «чёрным переделом» во время революции дело обстояло сложнее. Начнём с того, что капиталистический строй устанавливался во многих странах мира вслед за передовыми государствами вообще без революций. Судя по всему, не стала исключением из данного правила и Россия. Революционную ситуацию здесь погасили реформы 1861 года: отмена крепостного права, судебные и земские установления. Далее Столыпинская аграрная политика и образование царской Думы после поражения революции 1905г. способствовали становлению российского капитализма.

Поскольку реформы проводились сверху, царскими указами, они неизбежно носили половинчатый, урезанный характер, оставляя место для существенных феодальных пережитков , в особенности, в форме государственного управления и в помещичьем землевладении. Но ведь новый общественный строй не возникает на «чистой доске», поэтому и несёт в себе пережитки прежних формаций. Тем более, если радикальные перемены произошли без очистительной бури революции, зачастую даже забегающей вперёд.

Что касается формы правления, то разве самодержавная диктатура буржуазии чужда? Она её приветствует, поелику диктатура служит интересам капитала. В. Ленин доказал в своей книге «Развитие капитализма в России», что буржуазные порядки в стране вполне утвердились к началу XX века. Отметим, что помещичья земля к началу революции чуть ли не на 90 процентов была заложена и перезаложена в банках. Конфискация латифундий у помещиков означала для буржуазии - «плакали ваши денежки». Тем более, что она давно уже роднилась с дворянством семейными узами. Насчёт формы правления откровеннее всех выразился в своём докладе на 7 съезде партии кадетов в марте 1917г. член ЦК Ф.Кокошкин: **монархия или республика – вопрос не принципа, а «политической целесообразности»...**

Ныне некоторые учёные находят в чертах империалистической глобализации, в особенности, в так называемом периферийном капитализме, в разъедающей общество коррупции, в существовании мафиозно-криминальных кланов - черты некоего неофеодализма. Трубадуры капиталистической реставрации на постсоветском пространстве объясняют нам, неразумным, что государственная

собственность на землю и природные ресурсы, а также социальные гарантии гражданам являются пережитками «ужасного» социализма. Им, что называется, виднее. А прежде исследователи считали, когда капитализм ещё имел прогрессивный потенциал, что развитие капиталистических отношений, тем более буржуазная революция, должны обязательно привести к ликвидации монархии, к всеобщей механизации и вытеснению примитивного производства, к уничтожению феодальных пережитков.

Однако исторический опыт показывает диалектику процесса. Национализация земли, «государство образующие» монополии в виде топливно-энергетического комплекса, массовых коммуникаций и т.д.; плановое регулирование рынка, социальные гарантии представляют собой не что иное, как элементы более высокой, нарождающейся формации в утвердившемся социуме. Поскольку, повторим ещё раз, стерильных общественно-экономических формаций не бывает.

Почему же Временное правительство в 1917 году медлило с созывом Учредительного собрания, которое официоз лъстиво называл «Хозяином земли русской»? Свидетельствует бывший министр, эсер В.Чернов: «В наших «государственно-мыслящих сферах» немалую силу имела тайная мысль, что лучше бы с созывом Учредительного собрания подождать конца войны». В.Д. Набоков: «Если бы Временное правительство чувствовало подлинную, реальную силу, оно могло бы сразу объявить, что созыв Учредительного собрания произойдёт после окончания войны». А когда война может кончиться, тоже никто не знал.

Удивляться ли приходится повторяемым, как заклинание, словам о бессилии буржуазии, по её же собственному мнению, в так называемой буржуазной революции в России ? Удивляться ли надо тому обстоятельству, что прохождение выборов в «Учредилку» по нарезанным правительством Керенского округам, дало кадетам всего пять процентов голосов? В городах за большевистский список №5 проголосовало от тридцати до шестидесяти процентов избирателей. В деревне, где проживало тогда большинство населения, победили эсеры, по поводу которых крестьяне ещё не успели разобраться: где левые, где правые. В сущности, победила эсеровская программа, которую вскоре осуществили большевики.

Поразительно, что миф о «разгоне Учредилки» до сих пор поддерживают и левые, и правые. На самом деле, имел место вполне законный роспуск. Должно было быть 735 депутатов плюс восемьдесят от фронта. Из-за военного противостояния в выборах не участвовали Урал, Северный Кавказ, Средняя Азия, Бессарабия, Западная Украина, оккупированная немцами часть Прибалтики. Мандаты получили 715 депутатов. В ноябре из-за отсутствия кворума открытие было перенесено на 5 января 1918 года. Было зарегистрировано 463 участников, остальные не приехали. Мандатной комиссии создано не было, что само по себе было серьёзным упущением.

После отказа большинства собравшихся утвердить Советские декреты о мире и земле, а также и Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, большевики и левые эсеры покинули собрание. Оно лишилось кворума. **В принятом**

постановлении ВЦИКом Советов о роспуске «Учредилки» говорилось о неправомерности «оставшейся части» собрания. В это же время шёл Съезд Советов, насчитывавший более двух тысяч представителей страны. Туда были приглашены для участия депутаты Учредительного собрания. В дальнейшем, по решению съезда, меньшевики и эсеры были кооптированы в состав ВЦИКА и участвовали в поимённом голосовании о Брестском мире.

Неолиберализм – принципиальный противник системы Советов. Ссылаются идеологи буржуазии на недостаточную компетентность граждан в искусстве управления, на необходимость профессионализма, специальной подготовки для осуществления властных полномочий в современном усложнившемся мире. Да, сегодняшняя демократия несовершенна, согласятся они, но даже самая плохая демократия лучше хорошей диктатуры. Поэтому всерьёз приводят в качестве образца правление в США – «мировом жандарме», с их партиями- близнецами и верховенством президентской власти.

Между тем, там, где вертикаль реальной власти возглавляет президент, трудно говорить о парламентской демократии. Новейшая история стран СНГ ясно говорит об авторитарной сущности воцарившихся после развала СССР режимов. Характерно, что один из российских глашатаев неолиберализма, Л. Радзиховский в одном из интервью каналу RTVY в ноябре 2007 г. воспринял намёк на превращение России в парламентскую республику как неминуемую катастрофу. Отчего же так? Разумеется, партия «Единая Россия» - не подарок, и от её большинства в Думе хорошего ждать не приходится. Но на будущих перевыборах может победить и другая партия, более прогрессивная.

Почему же ревнители свобод так боятся развития парламентаризма в России, т.е. зависимости исполнительной власти от законодательной, а не наоборот, по Ельцинской конституции, что превращает исполнительную власть просто-напросто в распорядительную? Не потому ли парламентаризм в СНГ либералам не нужен, что с одной авторитарной личностью управиться политико-экономической «элите» легче, чем с целым собранием разных депутатов? Да и открытое обсуждение, и голосование в парламенте – всё-таки иное дело, чем закулисные, для кого-то конкретно выгодные договорённости в ущерб интересам населения. Возможно, и США представляют нам себя в качестве образца демократии из-за того, что президент там мало считается с мнением конгресса, как мы видим.

Однако же ответить на безудержное восхваление в СМИ нынешних свобод простым несогласием было бы недостаточно. Истинной оппозиции политические свободы нужны. И гражданам они необходимы. Поэтому нет смысла тем, кто разочаровался в буржуазной демократии, звать к культу харизматической личности либо утверждать анархию в качестве «матери порядка». Великая русская революция семнадцатого года показала неприемлемость практики анархизма, обернувшейся бандитизмом. И практика реального социализма предупредила об опасности тирании в определённые годы.

Нельзя отрицать достижения демократий прошлого, в том числе и греческой, прямой демократии и представительства в буржуазном парламентаризме евроатлантического толка. Но их явная недостаточность для движения человечества вперёд также очевидна. Превращаясь в элитократию, современная демократия больше разъединяет народы, чем их соединяет. Опираясь на экономическую власть крупного капитала, и обслуживая его интересы, она нередко сменяется открытой диктатурой, в том числе и военной, как это было, например, в Латинской Америке. Придуманно социологами даже слово – демократура, для определения марионеточных, авторитарных режимов в странах «третьего мира», зависимых от «более равных» лидеров капиталистической глобализации.

Опыт даётся только опытом, и Великая русская революция ответила реально на вызов истории относительно движения к настоящему народоправству. Она создала СОВЕТЫ. Когда в прежних учебниках истории писалось о триумфальном шествии советской власти по стране во время революции, то это было чистой правдой. Показательно, что эсеры и меньшевики, составлявшие большинство в первых, созданных в марте семнадцатого года Советах, рассматривали их в качестве строительных лесов для построения «нормальной» парламентской демократии.

Революционные же массы сначала выдвинули, а потом и осуществили лозунг «Вся власть Советам!». Этот факт свидетельствует **об едином, последовательном движении от Февраля к Октябрю и о том, что в целом нашу революцию скорее всего надо бы определить как первичную социалистическую.**

Революционные Советы были сильны и непобедимы, и попытки отвоёвать у них власть после практически бескровного Октября со стороны «белых», опиравшихся на помощь и прямую иностранную интервенцию 14 государств, завершились полным разгромом контрреволюции. О дальнейшей эволюции Советов, об их сущностных чертах, будет разговор в дальнейшем, а теперь позволю себе сделать некоторое отступление.

Существует много различных трактовок социализма. Некоторые учёные левого направления, основываясь на статьях Д. Лукача, разделяют «механистическую» версию и «культурологическую». Сторонники «культуризма» в социализме не отличают двух фаз общественного развития в коммунизме, не хотят знать ни о каком «переходном периоде». Автор данных строк тоже воспринимает «коммунизм как культуру». Мне по душе подобная позиция. Умная, спокойная.

Тем более, что действительно можно назвать «механистичным» подход к новому социуму как единой фабрике, чем грешили Каутский и Ленин в начале революционного процесса или как к полностью глобализированному человечеству, чем грешат ныне сторонники всеобщего «обобществления» в транснациональных корпорациях. Глобализация, конечно же, уплотняет и унифицирует планету, перешагивая через национальные границы, которые представляются особенно противоестественными в бывшем СССР. Но в империалистическом обличье

глобализация настолько же и противопоставляет народы друг другу, проводя в жизнь культ силы, откровенно третирруя слабых - «изгоев».

И всё же, всё же, всё же... Даже наш, в конце концов разваленный, государственный, первичный, ранний, мутантный социализм невозможно назвать «механистичным». Слишком уж он кардинально изменил мироустройство на планете, слишком много вызвал энтузиазма, мучительных поисков истины в запутанных действительных противоречиях и жертв... Троцкий, один из самых решительных вождей революции и героической гражданской войны, «вдруг» предлагает переход к НЭПу, т.е. к многоукладной экономике от неудавшегося «военного коммунизма». Ленин в одной из последних статей говорит о перемене точки зрения на социализм. И предлагает, кроме культурной работы, в качестве критерия социалистичности - «строй цивилизованных кооператоров». Не отменяя, разумеется, знаменитой формулы: «Советская власть плюс электрификация страны».

Осуществились ли начертания вождей? И да, и нет. НЭП был оборван «годом великого перелома», коллективная собственность и новая, советская форма правления были заявлены, но не стали таковыми по существу. Почему? А стоит ли задаваться подобным вопросом, если главное в социализме – распространение культуры ? Стоит ли обращать внимание высоколобых интеллектуалов на такие «мелочи жизни», как право трудящихся на сокращение рабочего дня и охрану труда, бесплатное лечение, достойное пенсионное обеспечение, уровень детских пособий и доступное образование для молодёжи ? Нетрудно посчитать эти жгучие проблемы «низкой прозой бытия» так же, как и производственные отношения, между хозяином и наёмным работником, которые являются одним из главных составляющих экономического базиса социума.

Нашему «реальному социализму» отказывают в социалистичности, видя в нём осуществление госкапитализма. Но ведь капиталистический рынок невозможен без купли-продажи всего и вся. А могла ли вроде бы всемогущая партноменклатура приобрести в личное пользование или продать завод, имение, телеканал? Стоит попробовать спросить современного рабочего, находит ли он разницу между статусом директора-менеджера и хозяином предприятия, который может его перепродать и вообще объявить сотрудникам локаут?

Вот Чубайса можно назвать госкапиталистом, когда он стал распродавать в алчные руки «избранного круга» национальное достояние. И не может «реформатор» успокоиться, пока не разрежет на приватные куски единую электросистему страны со всеми вытекающими отсюда последствиями: взвинчиванием тарифов, перманентными авариями и отключениями энергии от вымерзающих городов и весей... Да разве один Чубайс продаёт общенародную собственность «распивочно и на вынос»? Вот он, звериный оскал настоящего госкапитализма!

Если отношения между властвующими и подвластными в любом обществе органичны, а попытки сознательного управления социумом для блага всех граждан обречены на неудачи, то единственная возможность благоденствия, «тропы из утопии» заключена в обязательном компромиссе, «общественном договоре», о

котором писал ещё Ж.Ж. Руссо. Так считают теоретики школы «конфликтологии» в социологии, одним из главных представителей которой является Р. Дарендорф. Вслед за своим учителем, К. Полпером, он выводит отношения господства не из разделения труда, как это делают экономисты, но из «понятий и норм», сложившихся в социуме. В результате, властные полномочия «элиты» мистифицируются.

Впрочем, стоит выйти на улицы мегаполисов из кабинета учёного, как сталкиваешься с множеством асоциальных явлений, с бомжами, нищими, проститутками, ворами и беспризорными детьми. Да и нажатие кнопки телевизионного пульта побуждает вас отрицать какую бы то ни было прочность в пресловутом «общественном договоре», если он на самом деле существует. Каждый день на голубом экране видим волны забастовок, стычки демонстрантов с полицией, террористические акты и заказные убийства в разных уголках земного шара. И кровь, кровь, кровь... «Покой нам только снится» /А.Блок/.

В катастрофической ситуации 1917 года в Российской империи и в кайзеровской Германии 1918 года народ сказал своей «элите» - баста и организовал собственные формы политического управления. В Германии революция была разгромлена, в России победила. Родился великий, сравнительно долговременный, разнообразный ОПЫТ с его позитивными и негативными чертами. Прежде всего, ОПЫТ показал: новая система, чтобы быть по-настоящему крепкой, должна быть **целостной**, а не двойственной, как об этом предупреждал ещё Троцкий в своей книге «Проданная революция».

Рабоче-крестьянское государство с одной стороны, и с другой - номенклатурно-бюрократическое, не имеет прочного политико-экономического фундамента. И действительно гигантская, проведённая в стране культурная работа не смогла помочь. Разрушение Советского Союза стало трагедией для миллионов людей во всём мире. После свершившейся контрреволюции возник однополярный мир с реакционной гегемонией США и НАТО. Неолиберальные реформы в разных странах на поверку оказываются наступлением на социальные завоевания трудящихся, делают бездонной пропасть между богатыми и бедными в так называемых «развивающихся», а конкретно деградирующих территориях.

И недаром аналитики называют нашествие унифицированной поп-культуры пропагандой варварства, насилия, жестокости и распада этических норм. Искусство чистой пробы как предмет роскоши предназначено для изощрённой и обеспеченной публики, а для народа – опиум в прямом и переносном смысле слова. Так что ожидать распространения в массах высокой культуры при капиталистической эволюции не приходится. **Лишь целостный социалистический строй, включающий в себя политико-экономическую основу и культурную составляющую, сможет стать мостом из «царства необходимости» в «царство свободы».**

Однако в «розовеющих» ныне некоторых странах Латинской Америки ставится задача построить социализм XXI века. Что это означает? Развернуть окультуривание населения? Не только. Одной из насущных проблем признаётся развитие базисной демократии. И тогда в Венесуэле и Бразилии, например, на

местном уровне рождаются образования типа Советов. Стало быть, снова востребована данная модель народовластия, востребован советский опыт.

Тут возникает сакраментальный вопрос: отчего в революционный период Советы были сильны и непобедимы, а после гражданской войны сдали свои самостоятельные позиции. Ответ известен: виновата сложившаяся в СССР однопартийная система и необходимость мобилизационной экономики. Заметим, что не Советский строй внутри себя произвёл на свет диктаторский режим, а для утверждения монополии на власть понадобилась внеконституционная политическая структура, а именно ВКП /б/ - КПСС.

Впрочем, на местном уровне Советы в некоторых своих чертах сохранили рождённый революцией генотип широкого участия населения в организации конкретного быта граждан. Вспомним роль депутатских комиссий в жилищном строительстве, организации здравоохранения, сферы услуг, в осуществлении программы всеобщего образования и распространения образцов культуры. Не говоря уже о том, что после тридцатых годов нельзя было и представить, чтобы в Стране Советов были миллионы беспризорных детей.

Тем не менее, можно поставить ещё один тяжёлый вопрос: разве во время перестройки в середине восьмидесятых годов не было у нас шанса на возрождение подлинной советской демократии? Придётся здесь вспомнить о требуемой целостности нового строя, об его экономическом базисе. К несчастью, не культивировалась в Союзе по-настоящему производственная демократия, не стала основой производства коллективная собственность с самоуправлением трудящихся / при нужной многоукладности экономики, включающей в себя и «командные высоты» за государством, и трудового, «неотчуждённого» частника/. В то же время часть номенклатурной «элиты», вкуче с теневым криминалом, жаждала присвоить к власти и «священную и неприкосновенную», крупную частную собственность.

Не было преодолено отчуждение народа от продуктов своего труда и от самостоятельной организации работы и жизни, потому и не удалось избежать контрреволюции. «Переходная фаза» потому так и называется, что возможен переход вперёд и откат назад. Итак, проблема конкретного строительства новой жизни формулируется следующим образом: удастся ли построить народовластие в условиях «осаждённой крепости» при строительстве социализма? Удастся ли проплыть между Сциллой реакционного поражения и Харибдой диктаторского режима?

Разумеется, стабильную демократию участия невозможно осуществить одним махом, «декретом» с сегодня на завтра. Нельзя не учитывать и «переходную фазу», при которой ещё сохраняется общественное разделение труда, с ним и товарно-денежный обмен, закон стоимости, т. е. рыночного спроса и предложения. Хотя социальное рыночное хозяйство требует ограничения стихии, обязательного денежного регулирования. Но без подлинного народовластия человечество скатывается к варварству и балансирует на грани самоуничтожения. Необходимо распределение организационного труда на всех членов общества, хотя профессионализм и квалификация должны сохраниться.

Таким образом, целью политического управления должно быть сочетание каждодневной работы профессионалов-управленцев в исполнительных комитетах и законотворчество людей производительного труда и систем жизнеобеспечения, которые принимают решения. Такой моделью являются Советы – «работающая корпорация». Нечто похожее мы видим в суде присяжных, где гражданами выносятся вердикт, а судья, прокурор и адвокат – профессиональные юристы/.

Является ли отличительной чертой Советской модели то, что в революционных органах власти участвовало не всё население? Без сомнения, нет. Этот признак временный, преходящий. Является ли отличительной чертой модели однопартийная система / «блок коммунистов и беспартийных»/, которая сложилась в СССР после гражданской войны и способствовала негативной эволюции Советской власти, подчинённой Политбюро ЦК КПСС? Нет, не является. Ведь в революционные Советы проводились многопартийные выборы на альтернативной основе, и в них были представлены все тогдашние партии, кроме кадетов, партии крупной буржуазии. Что и естественно, т.к. революция 1917 года была анти - буржуазной.

Итак, «работающая корпорация». Повторим, что на локальном уровне Советы в Советском Союзе сохранили некоторые свойства, рождённые революцией. После неграмотной «лапотной» России, несмотря на две опустошительные войны, что, во многом и привело к свёртыванию демократических тенденций – страна стала самой читающей в мире с громадным количеством высокообразованных людей. В развитии СССР было противоречие, подтачивающее наш «первичный социализм» изнутри. Создание предпосылок для широчайшего народовластия – и с другой стороны, жёсткий авторитарный режим. Но недаром, первое, что сделала буржуазная реставрация, придя к власти - ликвидировала институт народного контроля как таковой. Затем была расстреляна Советская власть танками Ельцина в 1993 году – заметим, что Советы не умерли естественной смертью.

Вторая отличительная черта революционных Советов – опора на структурированные сообщества: фабзавкомы на предприятиях, сельские сходы, комитеты самоуправления на территориях и в армии. Фактически опорой истинных Советов должна быть коллективная собственность, ассоциации производителей и служащих систем жизнеобеспечения, развитое местное самоуправление. Должна практиковаться соответствующая педагогика, приучающая молодое поколение, как к профессиональному, так и организационному труду.

Тут иные предпосылки властных полномочий, чем безликие территориальные округа для выборов, образованные из конгломерата атомизированных избирателей, ничем между собой не связанных. Общепризнанный факт – возможность манипулирования голосами электората с помощью полит-технологий для профессиональных политиков. Сбитые с толку избиратели нередко голосуют против собственных интересов либо вообще не участвуют в выборах, « не занимаются политикой». Но политика, согласно известному выражению, всегда занимается ими, и очень часто не в их пользу.

Ещё одно характерное свойство Советов. Депутаты и делегаты региональных съездов имели императивный мандат. Они выполняли указы избирателей, а не пускались в свободное плавание, забыв об электорате до следующих выборов. Депутат, клонувший на нечестное лоббирование, мог быть отозван структурированным сообществом, его избравшим и внимательно следящим за действиями избранника и его голосованием по важным вопросам. Благодаря действующей системе отзыва депутатов за три-четыре месяца 1917 года большинство меньшевиков и эсеров в Советах сменилось их меньшинством.

Ситуацией овладели большевики. И сразу перешли к террору? Вовсе нет, если следовать историческим фактам, а не домыслам. Арестованные министры были отпущены за границу; контрреволюционный генерал Краснов выпущен на волю под честное слово, которое он тут же нарушил; участвовавшие в мятежах в Москве и Питере юнкера прощены, офицерам в Москве было даже оставлено личное оружие.

В народных судах принимались мягкие решения: к примеру, графиня Панина, виновная в припрятывании для мятежников казённых, «инвалидских» денег, находилась под домашним арестом и лишь была принуждена средства вернуть. После Октября председатель Совнаркома Ленин обратился по радио к полковым воинским комитетам и предложил им самим заключать перемирие с немцами. Так и было сделано. Только беспощадный «белый» террор и эсеровские мятежи заставили большевистское правительство перейти к «красному» террору.

Подведём итог: Советы являются новым словом в развитии представительной и непосредственной демократии, вобрав в себя лучшее, что было в прежних формах демократии. Почему же они не смогли противостоять подавлению со стороны партии-победительницы? Как уже было сказано, это связано с различными, объективными и субъективными факторами. Отметим, что возможность подавления законодательной власти распорядительной, в руках которой сосредоточены все ресурсы, в том числе и силовые структуры, есть первородный грех представительной демократии вообще, разделённой различными ветвями власти.

Преодолеть его можно при чётком подчинении исполнительной власти законодательной / разделение функций нужно/ и ответственности исполкомов перед депутатами. При гражданском контроле за силовыми структурами возможно избежать военных мятежей и переворотов.. Кроме того, не должно быть постоянной «партии власти» как таковой. Она превращает выборные органы в фикцию, а народ отчуждает от организационного труда. По-моему глубокому убеждению, время обновлённых Советов ещё придёт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М. Госполитиздат 1971-1975.
2. Миллер В.И. Революция и Учредительное собрание. М. 1991г.

3. Минц И.И. История Великого Октября. М. «Наука» 1967-1978г.г. Т.1-3.
4. «Советы в Октябре». Сб. док. М. Изд-во Комм. Академии. 1928г.
5. Троцкий Л.Д. Уроки Октября Спб. Лениздат 1981г.
6. Биканин К.Т. «Теория господства, конфликтов Р.Дарендорфа» Самара 1997г.
7. Дарендорф Р. «Тропы из утопии» М. Праксис. 2002г.

Смысл революционной диктатуры пролетариата

*Пичурин Л.,
д.ф.н., ТУСУР*

В современных спорах о предпосылках, ходе и итогах Октябрьской революции постепенно, причем внешне не очень заметно, происходит своеобразный сдвиг, странное смещение ценностей, тем более странное, что через 90 лет после ленинского доклада на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7ноября) 1917 года, начинавшегося словами: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась», пора бы уже выделять в этих событиях основное, сущностное.

Но нет. Спорят о чем угодно - об уровне развития промышленного производства в Российской империи («стремительный подъем» - «непростительное отставание»), о столыпинской реформе («подготовлено развитие фермерского хозяйства» - «крестьянство окончательно ограблено»), о достоинствах последнего императора («образованнейший гуманный человек, святой страдалец» - «беспомощный и нерешительный правитель, не зря прозванный кровавым»), о материальной базе революции («всё это сделано на деньги Людендорфа» - «а как было проехать гражданам России через территорию воюющей с ней Германии, простите, «зайцами», что ли?»), был ли экипаж «Авроры» революционным и правильно ли называть холостой выстрел её баковой шестидюймовки залпом, что представлял собою военный гарнизон Петрограда, и т. д. и т. п. Спорят даже о самом слове «революция», с каким-то особым чувством восторгаясь тем, что и Ленин, и Сталин наряду с этим словом использовали и русское слово «переворот», т.е. использовали буквальный перевод латинского термина. Иначе говоря,

содержательного смысла это противопоставление не имеет, а рассуждения «вот в феврале была революция, а в октябре - так себе, переворот» - бессмысленны. Кстати, попробуйте перевести эту фразу на латынь! Всё это интересно с академической точки зрения, и может быть, действительно подлежит пристальному вниманию специалистов, но за деревьями таких подробностей становятся незаметными грандиозность, смысл и содержание того, что тогда произошло.

В связи с этим необходимо отметить важную особенность идеологии и характера нынешней политической пропаганды, пропаганды большевизма и либерализма. Начну с очень личного аргумента. В нашей семье 80 лет хранится принадлежавшая моему отцу бронзовая плакетка, выпущенная в 1927 году в подарок активным участникам Октябрьской революции. На аверсе изображен Владимир Ильич около знаменитого шалаша близ Сестрорецка, это было его последнее подполье, уход в которое связан с приказом А.Керенского об аресте Ленина по обвинению в шпионаже в пользу Германии. А на реверсе цитата: «Переход от капиталистического общества, развивающегося в коммунистическое общество, невозможен без политического переходного периода, и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата». Это было написано в августе 1917 года, это было опубликовано, это предупреждало о диктатуре, т.е. о неограниченной законом и опирающейся на насилие власти. Иначе говоря, большевики предупредили народ о том, что будет насилие, будет кровь, будет несправедливость во имя будущего счастья большинства. И люди пошли за Лениным! Попробуйте в статьях, речах, призывах Горбачева, Ельцина и других так называемых демократов конца XX века найти прямое заявление о «переходе от социалистического общества к капиталистическому, о контрреволюционной диктатуре олигархов!» Проще говоря - за большевиками в годы революции была горькая правда, принятая большинством народа, за либералами в годы контрреволюции - сладкая ложь, подsunутая обманутому народу.

Один из моих оппонентов как-то с возмущением спросил: «Когда, на каком митинге было сделано это предупреждение?» Чувствую себя неловко, ибо приходится напоминать профессиональному политическому обозревателю, что любой элементарно грамотный человек обязан хотя бы раз прочитать (не пишу «поверить, согласиться, принять», но хотя бы знать!) «Коммунистический манифест» (начиная с 1847 года более 1000 изданий на ста с лишним языках, в том числе многократно, начиная с 1870 года, и на русском), хотя бы две-три из многочисленных работ Ленина, еще до революции более двухсот раз писавшего, в том числе и в открытой печати о том, что такое диктатура вообще и диктатура пролетариата в особенности. Читать надо, господа троечники!

Более того, ленинизм как раз и есть развитие и уточнение понятия диктатуры, придание этому понятию совершенно нового смысла в новых условиях, в условиях перехода «добропорядочного» капитализма к хищному империализму. В ленинизме впервые в истории речь идет не о диктатуре меньшинства (личности, группы единомышленников, клана, партии), а о диктатуре большинства, большинства

трудящихся. Поэтому, критикуя Октябрь, установивший диктатуру пролетариата, необходимо, прежде всего, выяснить содержание как понятия диктатуры вообще, так и диктатуры особой, диктатуры пролетариата, представление о которой возникло во вполне определенную историческую эпоху.

* * *

Слово диктатура происходит от латинского «дикто» - предписываю. Диктатура, как уже подчеркнуто выше, есть неограниченная никакими законами власть, опирающаяся непосредственно на силу. «С вульгарно-буржуазной точки зрения, - писал Ленин еще до революции, - понятие диктатура и понятие демократия исключают друг друга. Буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол, всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора». Но с некоторыми вольными допущениями можно утверждать, что любая «твердая власть» есть чья-то диктатура, а уж в сложные моменты истории внешне демократические формы организации власти неизбежно приводят к диктатуре, в том числе, как ныне в России - к диктатуре буржуазии. При этом декларируемый буржуазией и её прислужниками политический плюрализм нередко приводит во власть политических шарлатанов, диктаторов, которые на словах выступают против диктатуры, а на деле являются её кровавыми сторонниками. Эту мысль, к сожалению и позору России, легко проиллюстрировать обращениями «демократических» политиков к главе правительства в 1993 году, когда они писали и говорили: «Давите, давите, Виктор Степанович, времени нет. Уничтожайте их!» (Б.Немцов), «В ночь на 4 октября я твердил вольтеровское 'Раздавите гадину!'» (В.Черниченко) «Это же нелюди, зверьё! Никаких переговоров! Надо перебить эту банду!» (В.Черномырдин) и т.д. Речь шла о судьбе демократически избранного Верховного Совета РСФСР, во исполнение демократических рекомендаций по приказу Б.Н.Ельцина расстрелянного из танковых пушек под восторженный рёв толпы либеральных московских зевак. Диктатура, как и сама революция, с точки зрения действующих законов, всегда есть беззаконие, и рассуждения, например, на тему легитимности разгона большевиками Учредительного собрания, вообще лишены смысла. Кстати, полезно напомнить, что впервые легитимистами стали называть, начиная с 1830 года, приверженцев свергнутых династий. Возвращения какой династии жаждут сегодня российские легитимисты?

* * *

История человечества знает немало вариантов диктатуры.

Не обращаясь к совсем уж древним пластам истории, к восточным деспотам и египетским фараонам, персидским царям и монгольским ханам, римским и европейским императорам и королям, не вспоминая диктатуру Кромвеля в Англии или якобинскую диктатуру во Франции, в конечном итоге приведшую к диктатуре Наполеона Бонапарта, вспомним тот период истории, когда словосочетание «диктатура пролетариата» впервые зазвучало в европейской политической

литературе, т.е. период создания и развития марксизма (научного коммунизма, напомним этот термин, ибо сам коммунизм как вера, как идеология справедливости и равенства, известен человечеству задолго до возникновения многих современных религий, не говоря уж о политических партиях).

Диктатура Наполеона III рухнула после поражения Франции во франко-прусской войне 1870-1871 гг., уступив 18 марта место диктатуре парижского пролетариата, Парижской Коммуне. Коммуна существовала до 28 мая (мистическое совпадение: 70 с небольшим дней продержалась во Франции первая диктатура пролетариата, 70 с небольшим лет существовала порожденная диктатурой пролетариата советская власть в России!). Весной 1871 года «бонапартовские генералы, побитые немцами и исполненные храбрости в борьбе против побежденных земляков, эти французские Ренненкампы и Меллер-Закомельские устроили такую резню, какой Париж еще не видел. Около 30 000 парижан было убито озверевшей солдатчиной, около 45 000 арестовано и многие из них впоследствии казнены, тысячи сосланы на каторгу и на поселение. В общем, Париж потерял около 100 000 сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий.

Буржуазия была довольна. "Теперь с социализмом покончено надолго!" говорил её вождь, кровожадный карлик Тьер после кровавой бани, которую он со своими генералами задал парижскому пролетариату» (Ленин В.И. «Памяти Коммуны»). Стоит заметить, что и поныне в последнее воскресенье мая парижане ежегодно совершают торжественно-траурное шествие к Стене коммунаров на кладбище Пер-Лашез, где были расстреляны последние защитники Коммуны. В современной России чего-либо подобного в дни годовщин расстрела Верховного Совета пока не делается, ибо, как заметил в беседе со мной один из руководителей нашей области, «бросьте вы говорить про социализм, с ним покончено навсегда!»

Об «окончании социализма» ныне говорят и многие другие современные русские карлики. Они, в компании с Тьером, Гитлером, Хорти, Муссолини, Павеличем, Квислингом и им подобными, многократно хоронили мечту человечества. А русские коммунисты прекрасно знали, что Парижская коммуна, действительно, была подавлена с величайшей жестокостью, знали, что не только пули, но и виселицы ждут и их в случае подавления революции. Не зря несостоявшийся диктатор генерал Лавр Корнилов сказал: «Мы шли к власти, чтобы вешать, а надо было вешать, чтобы придти к власти».

Впрочем, ныне, политики, наиболее изощренные в парламентских дискуссиях, заявляют о своей приверженности какому-то новому социализму, такому, который во всем поддерживает эксплуататоров и капитализм. Они даже изображают некие партии, конкурирующие с партией власти, одновременно декларируя ей свою любовь и преданность. Но такие политики и партии возникали всегда, и вместе со своими лидерами уходили с исторической арены, не оставляя следов.

* * *

Но вернемся к сделанным коммунистами предупреждениям о диктатуре. Действительно, до публикаций переводов «Коммунистического манифеста» на русский язык, выполненных М.Бакуниным в 1870 году и Г.В.Плехановым в 1882 году, в России едва ли было более десятка людей, читавших, что коммунисты «открыто заявляют (подчеркнуто мною, Л.П.), что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего современного общественного строя». Однако с развитием марксистского просвещения и коммунистического движения в России, особенно в их большевистском варианте, число просвещенных росло стремительно. Не только из литературных источников, но и из рассказов родителей (прежде всего, матери, многое поведавшей мне об отце) знаю об удивительно русском революционном феномене - тяге малограмотных рабочих к овладению - вплоть до изучения в подлиннике - основами марксистской литературы. И надо быть очень наивным человеком, чтобы не понимать, что «насильственное ниспровержение» есть кровь, что его придется делать вовсе не в белых перчатках, тем более, что таковых на мозолистых руках этих людей никогда не бывало.

В 1905 году огромным по тому времени тиражом вышла книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции». И, хотя издана она была нелегально, уже десятки тысяч людей прочитали, что «...решительная победа есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», что «...когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, - тогда мы «подменим» (может быть, при ужасных воплях новых будущих Мартыновых) лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т.е. полного социалистического переворота». Ленин писал об «ужасных воплях будущих Мартыновых, имея в виду тогда ещё никому не известных последователей А.С.Мартынова (Пиккера, 1865-1935), видного меньшевика. Сегодня читатель без труда может назвать их имена.

Нелегально? Недоступно? Но в № 3 журнала «Просвещение» за 1913 год, легально выходившем в Санкт-Петербурге, опубликована статья Ленина «Три источника и три составных части марксизма». В ней, в частности, сказано:

«Сторонники реформы и упущений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно не казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут - и по своему общественному положению *должны* - составить силу, способную снести старое и создать новое». Итак, имеется только одно средство борьбы, чтобы сломить сопротивление - сила, способная снести старое. Чем сломить сопротивление? Сладкими речами и уговорами или залпами винтовок и пушек?

В 1915 в энциклопедическом словаре товарищества братьев Гранат опубликована статья «Карл Маркс», заказанная издательством Ленину, и написанная не только для нужд революции, но и, простите, просто для заработка. Слов

«диктатура пролетариата» в ней нет, но о классовой борьбе, о её тактике, о «настоящей гражданской войне» и «грядущей битве» сказано недвусмысленно.

А уж в книге «Государство и революция», написанной летом 1917г. сказано без всяких оговорок: «Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии. Переход от капитализма к коммунизму, не может не дать громдного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата».

Вот вам и митинги с предупреждениями! Но при этом не могу не заметить, во-первых, что наши начетчики (имею в виду псевдокоммунистических «теоретиков» и преподавателей истории КПСС 70-х - 80-х годов XX века) не заметили подчеркнутых Лениным слов и не дали им глубокого анализа применительно к современному периоду развития человечества. Результат известен. России сегодня необходимы программы, созданные на основе научно-теоретической методологии развития, а не просто составленные на основе громкого имени и носящие соответствующее имя (план Явлинского, «только ЛДПР», «план Путина», план Никиты Белых). Пока ни одна из партий, реально определяющих политику и будущее России ничего даже близкого к нашей жизни не создала, а оппозиционные, включая и КПРФ, не ведут агитационно-пропагандистской работы по уровню влияния на общество хотя бы напоминающие деятельность большевиков перед Октябрем, перед установлением диктатуры пролетариата.

И, во-вторых, сегодняшняя буржуазная Россия дает удивительный и совершенно неожиданный пример тому, о чем писал Ленин - пример еще одной из форм буржуазных государств. У нас создано олигархически-криминальное государство, главной задачей ставящее уничтожение исторической, политической, экономической и социальной памяти о предшествующей истории, ликвидацию самостоятельности и независимости Отечества, унижение и растрепывание собственного народа. Явление не только необычное, но и поражающее своей внешней алогичностью.

* * *

Так, коротко говоря, обстоит дело с историей пропаганды революции, пропаганды диктатуры пролетариата. Но напоминание фактов истории имеет смысл лишь тогда, когда политические деятели, партии, общественные движения, сам народ, изучая прошлое, делают выводы о будущем и строят его планы. А вот тут дело обстоит совершенно неблагоприятно. Марксисты-теоретики пока не дали обоснованных, убедительных и понятных людям прогнозов будущего, не дали четких лозунгов, и, может быть, этим хотя бы частично объясняются неудачи коммунистов на всякого рода выборах конца XX - начала XXI веков и совершенно нелогичные итоги этих выборов. Ведь действия нынешней власти отбросили треть населения за черту бедности, большинство граждан России не доверяет власти и не поддерживает её. Тем не менее реально оппозиционную партию на выборах поддерживают лишь

постоянные 10-15 % голосовавших, т.е 6-10 % тех, кто имеет право голоса. Иначе говоря, сегодняшним коммунистам не доверяют, ссылаясь при этом на административный ресурс власти, махинации на выборах, информационную блокаду и прочие «происки врагов», конечно, можно и нужно, но всё-таки это частности. Необходимы ответы хотя бы на такие вопросы.

Ленинская теория диктатуры пролетариата в первой половине XX века была научно обоснованной, убедительной, реальной. Но оговорка о «громадном обилии и разнообразии политических форм», как и реплика Сталина о том, что «существует марксизм догматический и марксизм творческий» были тогда совершенно неслучайными. И сегодня они приобретают характер политических аксиом, из которых должны вытекать практические рекомендации. Старшее поколение современных марксистов в значительной степени заражено догматизмом. «Социализм должен утверждаться во всем мире так, как это сделано в СССР» - так или почти так рассуждали многие во второй половине XX века. Ограниченность и несовременность этой догмы для меня особенно отчетливо проявились в годы работы в Афганистане после Апрельской революции, когда пришлось увидеть, как решение благороднейшей задачи помощи прекрасному народу, задержавшемуся в своем экономическом, социальном и культурном развитии на уровне раннего феодализма, было провалено теоретиками коммунизма, прежде всего московскими.

Теперь приходится думать не об установлении социализма где-то далеко, а о восстановлении его в России. Если догматически следовать Ленину, то надо готовить новую революцию. Об этом, естественно, никто сегодня не говорит - нет ни революционной ситуации, ни революционных сил, ни революционной теории, ни революционного класса пролетариев. Мало того, почти нигде и почти никто не говорит о том, что диктатура пролетариата и советская власть устанавливались для построения социализма, т.е. общества, где нет эксплуатации человека человеком и обеспечивается выполнение лозунга «От каждого по его способностям - каждому по его труду!»

Русские рабочие, спасибо, прежде всего, советской власти, уже давно не живут в бараках, многие владеют скромными, но все же приличными дачами или хотя бы небольшими участками собственной земли, многие имеют скромные автомобили. Да, им не принадлежат орудия и средства производства, да, у них бессовестно украли природные богатства, лишили бесплатного образования и здравоохранения, но они не эксплуатируют чужого труда, они остаются рабочими, а не капиталистами. Но надо обладать богатым воображением, чтобы называть их пролетариями, хотя они, как и пролетарии в XIX веке бессовестно обмануты, вовсе не получая от общества по своему труду.

Нынешние левые агитаторы и пропагандисты ругают власть за низкие пенсии (как будто в СССР у всех граждан она была такой уж высокой, и как будто единороссовская Госдума при хорошем нажиме «снизу» не сможет удвоить и даже утроить пенсии), за разваленные промышленность и сельское хозяйство (как будто в СССР совсем уж не было дышавших на ладан заводов и убогих колхозов, и как будто

сегодня вовсе нет успешно работающих предприятий и эффективно развивающихся сельских хозяйств различных форм собственности), за разгром армии (а что у нас было в 1941 году?), за миллион заключенных (а сколько было перед войной?) и т.д и т.п. И почти никто не решается спросить прямо: каким трудом господ Абрамович, Потанин, Батурина и сотня иных миллиардеров заслужили то, что они имеют? И даже о часто упоминаемом децильном коэффициенте, достигшем в России то ли 30, то ли 40 говорят, как о какой-то неведомой напасти, а не как о прямом следствии отказа от принципов социализма. Впрочем, эту «скромность» можно понять. «По труду» можно жить только скромно, по труду можно жить только при ином общественном строе. А как его добиться, точнее, как добиться смены не просто «курса Путина», а всего направления развития?

Не имею ответа на этот вопрос, хотя понимаю, что в обозримом будущем диктатура трудящихся реализована быть не может, и сегодня левые идут лишь по парламентскому пути. Но можно ли на этом пути достичь принципиального успеха, решить задачу перехода к народовластию (кстати, в какой форме надо устанавливать это самое народовластие?) Сколько дней или часов продержится Государственная Дума России, если она вдруг примет решение о том, чтобы господин О.Дерипаска вернул государству приобретенный им аэропорт в Адлере, чтобы американские господа, недавно купившие знаменитейшую нашу кондитерскую фабрику «Большевичка» в Москве, вернули её нашему народу, чтобы наши автозаводы вновь стали действительно нашими, чтобы имущество России стало подлинно русским имуществом?

Представляется, как это ни грустно, что сегодня коммунистам удастся достичь лишь частных и скромных успехов. Но главную задачу, задачу восстановления социализма в России, мы сумеем решить и обязательно решим, создав современную марксистскую теорию революционного движения. Не остаться бы только нашей стране в хвосте прогрессивного развития человечества - опыт векового отставания у нас уже был, опыт гигантского рывка вперед - тоже. Что же нас ждет?

Факторы субъектности рабочего класса (опыт революции 1917 г.)

Максимов Б.И.,
к.ф.н., Институт социологии РАН, СПб.

Со своим названием выступления я попадаю в поле темы (проблемы) субъектов социальных преобразований. Тема в настоящее время весьма актуальна. Но я не буду рассматривать эту огромную проблему в целом, коснусь субъектности лишь рабочих (правда, как известно, они и рассматриваются коммунистами в качестве главного субъекта революционных изменений).

Задачи сообщения состоят в рассмотрении факторов субъектности рабочего класса в период революции 1917 г., в сопоставлении этих факторов с условиями социальной активности рабочих в период кардинальных преобразований 1990-х гг., в попытке выделить элементы опыта Октябрьской революции, которые можно перенести в настоящее время.

Существует несколько методических, методологических трудностей при проведении намеченного мной сравнительного анализа. Во-первых, это недостаточная исследованность субъектности собственно рабочего класса, как в 1917 г., так и в 1990-е. Дело в том, что активность рабочих носила в основном характер *со-субъектности*, т.е. они выступали в составе других социальных субъектов (групп), совместно с ними; выделить их действия в чистом виде весьма сложно. Особенно это относится к периоду 1990-х гг. Во-вторых, сам рабочий класс был дифференцирован – тогда в меньшей степени, сейчас – в большей, и трудно говорить о социальной группе в целом. Например, историк Ю.Д. Коробков характеризует горнозаводских рабочих Урала даже того времени как переходный класс (1). В наше время видный исследователь шахтерского движения В. А. Борисов, даже действия горняков, казалось бы передового отряда рабочего класса, считает самостоятельной (отдельной) частью рабочего движения, не его основой (2). В-третьих, в периодах начала и конца XX века можно выделить несколько подпериодов (этапов), как преобразований, так и активности рабочих (например, предреволюционный, революционный, постреволюционный); в разные периоды социальная активность была различной. Одно дело – 1917 г., другое – даже ближайшее после революции время, затем время НЭПа, гражданской войны; в конце века: в 1989 – и через 10 лет после антитоталитарных выступлений. Нас, конечно, особо интересует (в плане сравнения) юбилейный, 2007 г; но его надо бы сопоставлять не с 1917-м г. (а более поздним временем).

Ввиду всех этих сложностей приходится огрублять выводы. Вообще, компаративный анализ, конечно, весьма интересен, но его надо применять с

осторожностью, ибо в истории социальной жизни идентичных ситуаций, очевидно, не бывает.

Первым фактором субъектной активности рабочих в 1917 г. назову наличие развитой идеологии рабочего класса, являвшейся составной частью марксистско-ленинской революционной идеологии, проникновение этой идеологии в массовое сознание социальной группы (пусть даже в лозунговых толкованиях) и признание другими группами, общественным мнением ведущей роли рабочего класса, по крайней мере, в революционных преобразованиях, хотя революционное сознание скорее приносилось в среду рабочего класса, чем было выработано им самим.

В 1990-е этот фактор (наличия идеологии) работал позитивно на начальном этапе перестройки, когда шла речь об улучшении социализма. Тогда наиболее активные рабочие ощущали себя ведущей силой, считали, что должны оправдать общественные ожидания («Если не мы, то кто же?»!); существовали и сами ожидания. Но на последующих этапах прежняя идеология была разрушена, новая не выстроена (по крайней мере – на уровне рабочих, рабочего сознания), и это оказывало отрицательное влияние на субъектную активность рабочих. Весьма важно, что разрушено основное представление о революционной роли рабочего класса (оно осталось как бы как тень прошлого, в виде остаточного воспоминания, иногда пугала для политиков; в последнее время и в этом качестве рабочих практически не вспоминают). Прежнее присутствие в идеологии рабочего класса мессианских функций приподнимало борьбу рабочих от тред-юнионистского уровня, придавало ей социально-политический смысл, служило источником воодушевления и героизма. Высокие цели были не только прекрасными, но и выглядели вполне реальными, достижимыми.

Я отмечаю такой важный момент: в прежней идеологии «владыкой мира» ставился труд, субъектами которого были трудящиеся, а классического индустриального труда – именно рабочие. В концепции либерализма, по крайней мере, в российском практическом ее приложении, труд (честный), как можно видеть, не занимает господствующего положения.

С идеологией (тесно) связано наличие (или отсутствие) классовой идентификации, солидарности рабочих, одного из главных ресурсов рабочего движения, при этом как в узком, так и широком масштабе (в рамках, скажем, своего предприятия и в масштабах отрасли, профсоюзного объединения, города, а то и страны). В начале XX века проявления солидарности (различные акции протеста такого типа) были распространенным явлением. Забастовки солидарности прокатывались волнами по стране, не говоря уже о городах. Они имели место даже в трудных условиях областей, захваченных белыми, где бастующие буквально рисковали жизнью (3).

В период кардинальных преобразований 1990-х именно солидарность оказалась в дефиците, притом даже в узких рамках одного предприятия. Данные о классовой идентификации в настоящее время противоречивы. Во всяком случае, некоторые исследователи полагают, что ведущее место начинает занимать

идентификация с семьей, друзьями, городом и даже владельцами предприятий («я – юнилеверец»). Проблема солидаризации остается недостаточно исследованной; неясно, вступили ли рабочие в реформенный период раздробленными советским временем (хотя как будто бы демонстрировали солидарность в конце 1980-х – начале 1990-х), или рыночные условия быстро разрушили рабочую (классовую) солидарность).

Третьим фактором субъектности рабочих можно назвать наличие рабочих организаций, мобилизующих ресурс солидарности, и особенно – политических организаций (организации). В 1917 г. профсоюзы еще были рабочими организациями и, главное, использовались для координации действий; имелись и политические организации (и прежде всего – коммунистические). По мнению некоторых историков, большевистская партия не была авангардом рабочего класса, даже жестоко подавляла отдельные проявления его протестной активности (4); так или иначе, все же она ориентировалась на рабочих, при этом не только теоретически, но, главное, и практически, вовлекала рабочих в свои ряды, шла в рабочие массы (на заводы), обращалась к рабочим в критических ситуациях. Рабочие, благодаря партии, по крайней мере, были номинальными со-субъектами революционной, преобразовательной деятельности. Историки пишут о существовании протестных выступлений рабочих против политики большевистской партии даже в самое революционное время, в годы гражданской войны, об их участии в кронштадтском восстании, как апогее протестных (контрреволюционных) выступлений. При всем том рабочие были втянуты партией в политическую борьбу, созидательную деятельность. Включенность рабочих в борьбу за социализм проявилась, например, в упомянутом рабочем протесте в регионах с властью белых, военной интервенции; этот протест подрывал устойчивость белых режимов.

Совершенно иную картину в плане рабочих, политических организаций видим мы в 1990-е. Существовавшие традиционные профсоюзы были скорее тормозом рабочей активности, альтернативные так и не вытеснили формальные профсоюзные организации; из политических, по моим наблюдениям, ни одна из больших партий, за исключением, пожалуй, РКРП (и Региональной партии коммунистов, СПб.), не ориентировалась всерьез на рабочий класс и тем более не шла в рабочие массы (припоминаю, как, например, социал-демократы СПб. приглашали меня на свои заседания, интересовались настроениями рабочих, но на мои выводы, что надо появляться на заводах, не реагировали). Судьба чисто рабочих организаций (рабочкомов, стачкомов, рабочих профсоюзов тоже хорошо известна; за редкими исключениями (докры и др.) они распадались. В результате этого и оказывается сегодняшнее рабочее движение, как уже приходилось отмечать, «обезглавленным».

Следующим фактором субъектной деятельности рабочих, очевидно, следует считать наличие революционной ситуации, подъема общей социальной активности. Значение этого момента хорошо видно как в революции 1917 г., так и в период демократизации, реформ 1990-х. Приходилось отмечать, что в конце века

рабочие были «разбужены» волной социальной активности (не были инициаторами перемен) и только «проснувшись» приняли участие в крушении административно-командной системы, устранении, ликвидации руководящей роли КПСС и др. Рабочее движение стало лишь частью общедемократического, и в этом положении сыграло свою революционную роль. Другое дело, что нередко направляли действия рабочих, использовали рабочее движение, в т.ч. шахтерское, по выражению тех же шахтеров, «как презерватив», определенного типа лидеры, в т.ч. из среды самих рабочих. Со снижением волны общедемократического движения падает и социальная активность рабочих.

Из факторов, имевших место в 1917-м и отсутствовавших в 1990-е, можно назвать, помимо классовой идеологии, картины «светлого будущего» и веры рабочих в быстрое приближение его; своего рода «мода на рабочих», упомянутое ожидание мессианских функций рабочего движения в 1917 и лишь в начале перестройки в конце века; развитость субъектности социальных групп (например, в начале века какие-нибудь булочники, портные, даже приказчики и т. д. создавали свои профсоюзы и выступали с требованиями, включались в общее движение, не смешиваясь с другими; наличие международного рабочего движения и поддержка с его стороны, хотя бы моральная, революционных действий рабочих России; важнейший момент, как бы не замечаемый сегодня, состоял в соединении активности рабочих с таковой работников умственного труда, интеллигенции; сегодня можно наблюдать покинутость рабочего класса интеллектуалами, отчуждение самих рабочих от специалистов, служащих, инженеров, учителей и т.п., короче – отсутствие формирования многократно упоминаемого неопролетариата, который я понимаю как объединение наемных работников физического и умственного труда. И это объединение могло бы выступать в качестве ведущей, хотя бы оппонирующей социальной силы, субъекта социальных преобразований.

В 1990-е приходится говорить об актуализировавшихся факторах социальной дифференциации между рабочими, служащими, специалистами, внутри группы самих рабочих, роста индивидуализма, отчуждения и самоотчуждения рабочих, так называемого «пофигизма».

Главный, вероятно, интересующий нас вопрос – что же мы имеем сегодня, какие существуют предпосылки субъектной активности рабочих в настоящее время и, соответственно, каких действий можно ожидать от рабочих. Предпосылок немного. Это, в первую очередь, сохраняющееся недовольство существующим режимом, работодателями, хозяевами предприятий. Одним из источников недовольства является ухудшившееся положение рабочих почти по всем параметрам, абсолютно и относительно других социально-профессиональных групп, относительно ожиданий в этом плане (относительная и абсолютная депривация). Очевидно, на этом основании, прежде всего, сохраняется высокий уровень ориентаций на протестные действия. Так, до последнего времени около 30% рабочих изъявляют готовность принять «личное участие в массовых выступлениях против падения уровня жизни, в защиту своих прав» (по данным ВЦИОМа) (5). По концепции относительной депривации,

накопившееся недовольство при переходе за определенную (критическую) черту находит выход в проявлениях взрывного характера. Однако социологам одновременно давно известна неоднозначность (неавтоматичность) связи между недовольством, установками на действия и самими реальными действиями. Иногда связь бывает даже обратной – чем хуже положение и выше недовольство, тем ниже протестная активность, а концепция относительной депривации, кажется, вообще не работает в российских условиях. Иллюстрацией этого положения (вывода) может быть соотношение (связь) между недовольством задержками заработной платы и протестными выступлениями по данному поводу. В период наибольшего распространения задержек создавалось впечатление всеобщего протеста. Но, по моим подсчетам, протестные акции против несвоевременной выплаты заработной платы происходили лишь на немногих из предприятий, где невыплаты имели место.

Скорее можно было бы ожидать повышения социальной активности по мере улучшения положения рабочих. Известно теоретическое положение о повышении уровня забастовочной борьбы при оживлении производства. Оживление, по крайней мере, прокламируемое, имеет место, происходит и улучшение положения рабочих (в связи с отсырым дефицитом рабочих кадров). В последнее время появились и выступления рабочих на данном основании; можно ожидать их распространения.

Можно сказать, отсутствие многих, весьма существенных факторов, предпосылок, работавших в 1917 г., не означает прекращения рабочего движения в настоящее время. Оно не сходит с арены истории. Притом приобретает некоторые новые, современные черты; есть основания говорить о появлении «неоклассического» социального протеста.

Одним из важных факторов сегодняшней активности рабочих может быть, в принципе, высокий уровень образования современных рабочих по сравнению с дореволюционными пролетариями. Это является предпосылкой грамотного, квалифицированного (и эффективного) построения взаимоотношений с работодателями, реализации своих интересов, требований через протестные и конструктивные формы действий (ведение коллективных договоров, применение мер силового давления и в то же время гибкости; использование компромиссов; такой пример подают докеры МП СПб. (о них я писал в «Альтернативах») (6). Второй впечатляющий известный пример грамотной борьбы дают рабочие завода Форда, тоже в СПб. (об этом я писал и в «Альтернативах» и в петербургских газетах) (7).

Однако и эти примеры оказываются не столь заразительными, как ожидалось вначале. Но почин положен.

Один из уроков из названных выступлений – усвоение рабочими той (простой) истины, что не приходится рассчитывать на какие-то силы, инстанции, хороших работодателей, губернаторов, президента, в т.ч. традиционные профсоюзы, «невидимую руку» рынка, надо надеяться только на себя. Строка из Интернационала («Никто не даст нам избавленья») оказывается актуальной и сегодня (хотя, как приходилось отмечать, наряду с убеждением об опоре на собственные силы, существует среди рабочих распространенное представление о возможности решения

проблем путем обращения к непосредственному руководителю в индивидуальном порядке). Применимо, вероятно, и трактование рабочего движения как находящегося в латентной, потенциальной фазе социального конфликта, который может перейти в открытую форму при появлении соответствующего повода (не обязательно значительного). Вероятность взрыва «пороховой бочки», как я выражаюсь, невелика, но она существует. Создается впечатление, что рабочее движение в России должно пройти тот путь, который оно уже проходило когда-то, начиная с занятий в кружках. Не пора ли интеллектуалам организовать такие кружки? Подобную деятельность, обучение рабоче-профсоюзных активистов тактике и стратегии классовой борьбы из известных мне деятелей осуществляют Г.Я. и Б.В. Ракитские. Их опыт заслуживает распространения.

Кроме названных занятий, наряду с оценкой Октябрьской революции, стоило бы подумать о том, что можно перенести в наше время из багажа (опыта) революционных и советских лет.

Прежде всего, очевидно, это рабочий контроль. Д. Мандель показал его эффективность в период Октябрьской революции (8). Важно, что он (контроль) был средством вовлечения рабочих в активную практическую деятельность. В советское время эта идея частично реализовалась в народном контроле, затем в СТК; в 1990-е – в осуществлении рабочего контроля на отдельных известных предприятиях. А.В.Бузгалин предлагает начинать борьбу за защиту своих интересов именно с установления рабочего контроля (9). Если трактовать категорию рабочих в широком смысле, как неопролетариат, то в названном контроле могут участвовать представители различных социально-профессиональных групп. Вероятно, требование установления рабочего контроля надо иметь в программных документах, поднимать в лозунговых выражениях, доводить до законодательного оформления. С этим конкретным делом можно идти к рабочим. Представляется также, что в настоящее время могла бы возрождаться, хотя бы частично реализоваться идея советов, для начала – в рамках муниципального управления (самоуправления). Если в муниципальные формы влить советовское содержание, идея вполне могла бы работать, по крайней мере, на низшем уровне. Форма также пригодна в качестве средства вовлечения рабочих в практическую деятельность. В сельском хозяйстве формой объединения трудящихся могут быть возобновляемые на новом уровне сельскохозяйственные кооперативы. Опыт социологических экспедиций Института социологии РАН (СПб.) показывает, что такие кооперативы практикуются в сфере сельхозтруда и являются средством выживания в раздробленном, кризисном сельском производстве.

Литература

1. Коробков Ю.Д. К вопросу об особенностях формирования горнозаводских рабочих Урала в пореформенный период // Рабочий в XX веке: Российский опыт. Под ред. Д.О Чуракова. М.: КомКнига, 2005. С. 7-21.
2. Борисов В.А. Шахтеры в рабочем движении // Текущий исторический момент: идеологии и стратегии общественного движения. М.: ИППС, 1997. С. 33.
3. Чураков Д.О. Разлом: рабочий протест в годы гражданской войны // Рабочий в XX веке: Российский опыт. Под ред. Д. О Чуракова. М.: КомКнига/URSS, 2005. С. 41-43.
4. Домье В. Рабоче-крестьянская самоорганизация и большевистская власть 1917-1921 гг. // Там же. С. 22-40.
5. Вестник общественного мнения. 2006, № 3 (83), май-июнь. С. 84.
6. Максимов Б. Докеры открывают перспективу // Альтернативы, 2006, № 3. С. 117-131.
7. Максимов Б. О чем говорят выступления рабочих завода «Форда»? // Альтернативы, 2007, № 3. С. 98-104; «Кто сказал баста?» // Санкт-петербургские ведомости, 10 апреля 2007 г. С. 4; «В стачке обретешь ты право свое?» // Невское время, 20 декабря 2007 г. С. 8.
8. Мандель Д. Возможности и условия рабочего контроля в свете исторического опыта. Трудовая демократия. Выпуск 24. М.: ИППС, 1999.
9. Бузгалин А.В., Булавка Л.А. Самоорганизация трудящихся в современной России: опыт и перспективы // Рабочий класс и рабочее движение в России: история и современность. М., 2002. С. 53-66.

Русская революция в контексте модернизации

Зиновьев В.П.,
д.и.н., проректор ТГУ

Сейчас модно предавать анафеме все революционное, списывать на революции все трагедии, потери и ошибки, которыми так богата история России XX в. Первую русскую революцию некоторые, особенно “передовые”, историки вообще таковой не считают, а великую революцию 1917 г. называют или трагической случайностью, сплывшей страну на обочину столбовой дороги мирового прогресса, или результатом заговора жидо-масонов, или делом рук кучки фанатиков-утопистов.

Эти благоглупости поощряются на государственном уровне, просочились в учебники, они тиражируются электронными средствами массовой информации, распространяются в миллионах экземпляров газет и журналов, создают в умах людей новую мифологическую историю. С телеэкранов и со страниц газет нас призывают к покаянию за революционное прошлое, прививают чувство исторической коллективной вины и ущербности. Тем самым разрушается историческое самосознание народа, он лишается нравственных ориентиров и чувства исторического оптимизма. Особенно усилилась эта кампания в связи с перезахоронением останков “царской семьи”. Лично я отказываюсь за себя и за своих предков каяться перед кем бы то ни было, пока бывшие и нынешние правители России не принесут своего покаяния перед русским и другими ее народами.

Долг историков – остановить этот идеологический мазохизм, упрямо твердить, вне зависимости от политической конъюнктуры, что социальные революции были и еще долго будут двигателями развития человеческого общества. Задача настоящего доклада – показать место русской революции в общей цепи истории России XX в. Я уже несколько раз говорил об этом с разных трибун, но вряд ли был услышан и понят, потому что прочно в нас сидят стереотипы старых представлений о законах развития общества¹. Феодализм сменяется капитализмом, капитализм –

---

¹ Зиновьев В.П. Концепция специального курса лекций «Становление индустриального общества в России» // Новое в изучении и преподавании истории в вузах. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. С. 34 – 36; Он же. Этапы становления индустриального общества в России // Цивилизационные и формационные подходы к изучению отечественной истории. Теория и методология (конкретно-исторические проблемы). М.: МАДИ, 1996. Вып. 3. Ч. 1. С. 25 – 30; Он же. Становление индустриального общества в России. Методическое пособие к специальному курсу лекций. Томск: ТГУ, 1998. 26 с.; Он же. Революции XX в. в России в свете теории модернизации // Историческая наука на рубеже веков. Материалы всероссийской научной конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. С. 16 – 26; Он же. Октябрьская революция 1917 г. в контексте перехода России от аграрного общества к индустриальному // Труды научно-практической конференции “Октябрьская революция и ее место в истории XX века”. Томск, 2000. С. 15 – 20; Он же. Россия:

социализмом. Эти представления очень удобны для сторонников традиционных политических партий: коммунистических и либеральных.

Однако с точки зрения теории модернизации мы должны признать, что революции 1905–1907 гг. и 1917 г. были лишь одними из этапов наиболее значимого социально-экономического процесса последних трех веков ее развития - трансформации России из аграрной страны в индустриальную. Если расставлять приоритеты, то именно этот процесс является наиболее важным из всех других, осью развития нашей страны в течение последних трехсот лет. Все происходившее в стране в это время, так или иначе, связано с превращением страны из аграрной в индустриальную. Этот процесс именуется также модернизацией общества. Как известно, индустриальное общество возникает в недрах аграрного в процессе первоначального накопления капитала, формирует свою социально-экономическую структуру в период промышленной революции (первой модернизации), растет экстенсивно в период индустриализации, достигает зрелости в результате второй модернизации и революции массового потребления, а после научно-технической революции переходит к постиндустриальной стадии своего развития. Известно также, что все эти процессы в России были растянуты по времени, шли параллельно друг другу, формируя многоукладность в экономике и сложнейшую социально-политическую палитру общества.

Какое место в этих событиях занимают революция 1917 г.? Для того, чтобы это выяснить, нужно отказаться от стереотипных представлений о том, что революция расщепляла русскую историю на два абсолютно различных отрезка: на дореволюционную и советскую, в которых действовали разные экономические и социальные законы. Нужно привыкнуть к мысли, что природа экономических и социальных явлений осталась и после революции той же, что и до нее. Так, индустриализация капиталистическая и социалистическая - процессы принципиально одинаковые, также как вторая модернизация промышленного производства, научно-техническая революция, революция массового потребления и т.д. Нужно привыкнуть к мысли, что нет особых советских законов истории и экономики, как нет особых законов в советской физике или математике.

Если учесть сказанное и проследить за развитием экономических процессов в России и Советском Союзе на протяжении веков, то можно обнаружить, что многие из них начались еще при феодализме, а заканчивались при социализме, не меняя своей сути. Например, первоначальное накопление капитала (разложение классовословий феодального общества и формирование классов индустриального мира, в

исторические традиции и вызов времени // Вестник института России. Выпуск 1. Сборник материалов конференции "Россия: политика, экономика, культура, история". Тайбей. 2001. С. 232 – 237; Он же. Особенности перехода Сибири от аграрного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII - XX вв. Сборник материалов всероссийской конференции. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 185 – 193.

том числе экспроприация крестьян и ремесленников) длилось в России с XVIII в. до 1930-х гг. Этот процесс начался с экспроприации крестьянского труда для мануфактур в петровское время, приобрел устойчивый характер в период царствования Екатерины II, получил ускорение в результате реформ Александра II (отмена крепостного права, выкупная операция), С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, стремившихся разрушить общину и заменить ее крестьянами-собственниками земли. После революции и гражданской войны, в результате которых исчезло помещичье землевладение и была национализирована земля, процесс экспроприации крестьян был ускорен налоговой политикой советской власти. Весь процесс ликвидации мелких товаропроизводителей был завершен в период массовой коллективизации и кооперирования кустарей. Революция, таким образом, не только не прервала шедший уже два века процесс, но и резко ускорила его. Она устранила с дороги прогресса два главных препятствия: уничтожила класс землевладельцев вместе с образованным им политическим режимом и вырвала из тысячелетней замкнутости российское крестьянство, составлявшее большинство населения страны. Крестьяне были плохими покупателями и плохими продавцами, и включение их в активный социальный и товарный обмен в результате коллективизации расширило перспективы развития страны. Это совершили именно большевики - решительные сторонники ликвидации феодальных пережитков. Разрушение старого крестьянского мира вместе с его традициями, общиной, религией было неизбежно. Обвинять большевиков в том, что разрушая этот замшелый мир, они уничтожали устои русской национальной культуры, значит быть ретроградом или политическим лицемером. Не они, так другие, сделали бы эту работу.

Другой процесс – промышленной революции (первой модернизации) начался в России в 20-30-х гг. XIX в. с текстильной промышленности и машиностроения. Он распространился затем на другие отрасли обрабатывающего производства, металлургию, транспорт, где в основном и завершился к концу XIX в. На рубеже веков промышленная революция затронула добывающую промышленность, где закончилась в 30-е гг. XX в. В эти же годы она началась в сельском хозяйстве, механизация которого завершилась в основном в 50-60-е гг. XX в.

Процесс индустриализации в России на основе первой модернизации начался в обрабатывающих отраслях и на транспорте в конце XIX в., резко ускорился в результате "большого скачка" в конце 20-х - 30-х гг. XX в. и привел в 50-е гг. к преобладанию индустрии над аграрной сферой в экономике страны, индустриального населения над сельским, к созданию второго в мире индустриального гиганта и мощного интеллектуального потенциала. Индустриализация по-советски завершилась в 60-х гг., когда были исчерпаны трудовые ресурсы деревни и легкодоступные источники сырья и топлива, стала настоятельной модернизация промышленности и смена экономической модели развития. Вторая модернизация промышленности, начавшись в 30-е гг., была прервана войной, возобновилась в 50-е гг. и на ее основе в 60-80 гг. произошла революция массового потребления в СССР,

смена жизненных стандартов и общественных идеалов в период так называемого развитого социализма.

Научно-техническая революция, то есть внедрение научной организации труда и конвейерного производства, начавшись в 50-е гг., продолжается до сих пор.

Социальные революции 1905 – 1907 гг. и 1917 г. подтолкнули процесс перехода страны на индустриальную стадию развития, поскольку способствовали ее форсированной индустриализации. Именно большевики и рабочие были наиболее последовательными сторонниками индустриализации из всех политических сил (землевладельцев-помещиков, промышленной и торговой буржуазии, крестьянства, пролетариата), претендовавших на социальное лидерство в стране. Их субъективные устремления совпали с объективными потребностями развития страны, которая нуждалась в индустриализации, чтобы не утратить своего места в мировой табели о рангах. Большевики же нуждались в расширении социальной базы для сохранения власти, росте экономической мощи страны для свершения мировой революции. Строительство социализма реально вылилось в строительство индустриального общества, причем концентрация всех средств у государства обеспечила максимально высокие его темпы. Утопичность идеологических мотивов при этом не имела значения, так как они сыграли свою мобилизующую роль. Переход политического лидерства к классу работников не может считаться только российской особенностью или привилегией слаборазвитых стран. Если обратиться к истории Европы, то мы обнаружим, что в момент завершения промышленной революции и формирования основных классов нового индустриального мира - промышленной буржуазии и пролетариата - они вступают в борьбу за социальное лидерство, в борьбу за политическую власть. В Англии это период 40-60-х гг. XIX в., во Франции - конца 40-70-х гг., в Германии и США - 80-90-е гг. XIX в. В России это период выпал на начало XX в. и привел к власти большевиков.

Приход к власти большевиков разрешил также и другой кризис, который возник в индустриальной сфере страны и был частью мирового кризиса классического капитализма свободной конкуренции. Индустриальная сфера России также достигла уровня обобществления и наполнения рынка достаточного для проявления такого кризиса. Социалистическая революция в России стала еще одним выходом из этого кризиса наряду с либерализацией общества в англоязычных странах и Франции и национал-социализмом (фашизмом) в Германии, Италии и некоторых других странах. Общими чертами всех трех вариантов были введение государственного регулирования экономики и перераспределение национального дохода в пользу класса работников. В.И. Ленин в трудах периода революции ставил знак равенства между государственным капитализмом и государственным социализмом¹.

---

¹ Для непредвзятого взгляда такое понимание Лениным экономики социализма было очевидным. См.: Фишер Л. Жизнь Ленина. М.: «Книжная лавка-РТР». 1997. Т. 1. С. 218-219.

Социальные революции начала века расчистили площадку для строительства индустриального общества, подготовили для такового условия, указали к нему наиболее короткий путь. В сложнейшей геополитической ситуации первой трети XX в. Россия смогла совершить рывок из голодного лапотного прошлого в сравнительно сытый индустриальный мир.

Сталинская индустриальная революция 30-х гг. была лишь одним из шагов страны по индустриальному пути. Курс на государственную поддержку тяжелой индустрии обозначился еще в XIX в., его продолжение в 30-е гг. XX в. был обусловлен теми же внешнеполитическими оборонными задачами. В 50-е гг. XX в. Советский Союз стал страной с преобладающим индустриальным сектором в экономике, что и было зафиксировано решениями XXI съезда КПСС как построение социализма полностью и окончательно. Решения верные, если их трактовать не как победу социализма, а как победу индустриального общества над аграрным.

Время Л.И. Брежнева обычно называют эпохой застоя, я же склонен считать это время периодом бурной и быстрой трансформации общества, происшедшей в результате революции массового потребления. У нас не принято применять этот термин к истории России. Одни историки не приемлют его из консерватизма, другие, считают, что мы еще до нее не доросли, остановившись на стадии индустриализации. Я же полагаю, что революция массового потребления в СССР в 60–80-е гг. XX в. все же произошла, несмотря на ряд особенностей. Ведь именно в это время в СССР произошли резкий рост реальных доходов населения, массовое строительство благоустроенного жилья, улучшение структуры питания, смена стандартов жизни. Пусть этот процесс прошел позднее, нежели в развитых странах Запада, имел менее богатые материальную базу и стандарты потребления при высокой доле централизованных услуг и общественных фондов потребления, но он был реальностью, плодами которой мы пользуемся до сих пор.

Главной особенностью нашей революции массового потребления были ее социальные последствия. В странах Запада революция массового потребления создала средний класс, составивший 60-70% населения, что сделало общество стабильным. Наше общество наоборот – утратило свою стабильность, при доле среднего класса в 10–15%. Равное в нищете на уровне гарантированного существования, оно было монолитным и непобедимым, имущественное же расслоение общества в 60–80-е гг. разрушило советский строй. В период “застоя” была утрачена вера в социалистические идеалы, утвердилась потребительская психология на фоне нарушений принципа оплаты по труду, двойной морали правящей элиты, дефицита материальных благ, корпоративности распределения, отчуждения работников от результатов труда и власти. Были ли замечены эти перемены в обществе советским руководством? Можно сказать, что да. Именно в конце 70-х гг. была выдвинута идея “развитого социализма”, заменившая утопическую идею построения коммунизма.

Между тем возможности мобилизационной административно-командной системы с достижением обществом индустриального уровня оказались исчерпанными

вместе с источниками экстенсивного роста: дешевыми рабочими руками из села, энергоресурсами и минеральным сырьем Европейской России. Плановая экономика, не стимулировавшая работников, душившая инициативу организаторов, специалистов и ученых, зашла в тупик. Она не принимала новой технологии темпами, которые были необходимы в быстро меняющемся индустриальном мире. На этапе научно-технической революции вновь обозначилось отставание СССР от развитых стран по темпам развития. Это побудило правящую элиту Советского Союза на инициацию перемен в сфере управления производством и обществом. Начатая М.С. Горбачевым, перестройка показала, что советская система хозяйствования уже не реформируется по частям, а ломается целиком. Ее разрушение в начале 90-х годов обернулось революцией 1991–1993 гг., совершенной новым социальным лидером общества – интеллигенцией. В результате этой революции утратила власть КПСС и были начаты рыночные преобразования, приватизация государственной собственности, распался СССР. Эти события считаются частью мировой демократической революции, охватившей страны с тоталитарными режимами. Долгое время в стране властвовал рыночный романтизм, однако частная собственность и рынок сами по себе не двинули вперед экономику и кризис 80-х гг. лишь усилился в 90-е гг. Только в последние годы на суть сегодняшней ситуации есть разные точки зрения. По одной из них, мы возвращаемся в капитализм, и тем самым утверждается, что стране предстоит еще длительный путь совершенствования индустриального общества. Эта точка зрения удобна для новых собственников, происхождение капиталов которых неоспоримо. Странники ее склонны закрыть глаза на моральную подоплеку приватизации, поскольку они считают идущий процесс обогащения периодом дикого первоначального накопления капитала, ссылаясь при этом на К. Маркса. Однако капитал уже накоплен трудами всего общества и идет процесс не накопления, а перераспределения капитала. Причем новые собственники не добиваются большей эффективности в управлении предприятиями по сравнению с государственными чиновниками. Правящая элита, судя по всему, приняла курс на возвращение к капитализму. Отсюда ожесточенная драка за собственность, ориентация на самые доходные сырьевые отрасли, и как результат – разрушение промышленного, аграрного и интеллектуального потенциала страны, дискредитация частной собственности и рынка в глазах общественности. Правительство работает в режиме пожарной команды, растет отчуждение власти и общества, перспективы развития событий не внушают оптимизма.

Существует противная этой точка зрения, сторонники которой полагают происходящее со страной ныне трагической ошибкой, результатом заговора мировой закулисы, что народ скоро поймет козни врагов и потребует возвращения назад в социализм.

Думаю, что оба названных варианта развития нашего общества ошибочны. Видимо, ближе к истине те, которые считают, что Россия стоит на пороге постиндустриального мира, что и капитализм и реальный социализм – это пройденные страной варианты развития индустриального мира, к которым нет

смысла возвращаться. Переход в постиндустриальную стадию неизбежен, но чем дольше мы будем спорить - куда возвращаться назад: во вчерашний день или позавчерашний, тем больше времени потеряем на пути к прогрессу, тем дольше сохранится раскол в обществе. Необходима новая мобилизация сил общества для очередного технологического и социального рывка, для достижения новых стандартов жизни.

В этих условиях задача историков объяснять обществу истинное положение дел, способствовать его консолидации, не допустить нового разрыва в историческом сознании, как это случилось в начале века. Прежде всего, следует признать равную ценность всех периодов отечественной истории, в том числе и послереволюционного советского. Сейчас еще рано подводить итоги советского периода в истории нашей страны. Еще не все последствия власти большевиков обозначились, еще слишком много политических страстей разжигает этот вопрос. Однако можно со всей определенностью сказать, что этот период нашей истории не был ни черной дырой, ни потерянным временем, как утверждают антикоммунисты. Это было время наиболее интенсивного развития страны, завершения формирования индустриального общества, время его зрелости. Некоторые наиболее общие итоги таковы: превращение СССР во вторую индустриальную державу мира, создание механизированной аграрной сферы, повышение жизненного уровня, смена жизненного стандарта на характерный для индустриального мира, создание системы социального обеспечения, создание одной из лучших в мире систем образования и науки, сохранение суверенитета, подготовка к самостоятельному существованию 15 новых государств. Очевидны и минусы этого периода: физические и моральные потери населения в результате репрессий, гигантская растрата природных ресурсов, утрата демократических традиций, ограничение творческой деятельности в науке и культуре, уничтожение рыночных традиций и хозяйственной инициативы. Пройдет время и советский период назовут героическим периодом в истории России.

Только в последние годы «жить стало легче, стало веселей», появилось осмысленное движение вперед к информационному обществу.

Россия не первый раз переживает структурный кризис. Так было в начале XVIII в., в середине XIX в., в начале XX-го в. Общими для всех кризисных ситуаций были проведение реформ в области экономики, социальной сферы, в управлении страной, усиление роли государства во всех сферах жизни общества. В экономике государство усиливалось как собственник и дирижер. Общими явлениями становились мобилизация средств в руках государства, милитаризация промышленности, усиление социальной напряженности вплоть до вооруженных конфликтов.

Нынешняя ситуация не является исключением из общего правила. Россия вновь переживает общий кризис и модернизационный пароксизм. Современники его разрешение по внешним признакам видят в возврате к капитализму. Российские либералы твердят об окончании коммунистического эксперимента и возвращении на рельсы капитализма, нормального с их точки зрения для развития страны. Часть

социологов и историков согласна с политиками¹. Эта точка зрения, хотя и активно тиражируется в средствах массовой информации и даже в учебниках, ошибочна и покоится на конъюнктурном антисоветизме.

России нет смысла возвращаться ни к одной из известных пока форм индустриализма – капитализму или “реальному социализму”. Я присоединяюсь к тем ученым, которые полагают, что сейчас Россия переживает состояние перехода в постиндустриальную стадию развития, хотя и не совсем к этому готова². Именно эта идея положена в государственную стратегию современного правительства, стремящегося модернизировать экономику, а не реставрировать старый капитализм³.

Какие меры предпримет современное российское государство, чтобы осуществить постиндустриальный модернизационный рывок? Традиция указывает на тот же набор государственного инструментария, который использовался ранее государями и коммунистами. Это – реформы в области управления (они уже начались), усиление государственного участия в экономике через регулирование и укрепление государственной собственности при опоре на дееспособный частный сектор (процесс уже пошел), усиление военно-промышленного комплекса, как рычага для оздоровления промышленности и модернизации армии, увеличение закупок технологии и оборудования в более развитых странах. Национальные программы указывают на неизбежность государственного дирижирования в строительстве нового информационного общества.

В социальной сфере не стоит ждать скорого подъема жизненного уровня, как бы об этом не твердили правительственные средства массовой информации. Но стоит ожидать более жестких методов управления, традиционного усиления влияния силовых структур на внутреннюю жизнь страны. Конечно, это не будет возвращением к полицейскому государству, чем нас пугают завзятые либералы, но наведение порядка потребует дополнительных затрат.

Какие негативные российские традиции сейчас сохранены? Это – гигантские размеры коррупции, криминализация части бизнеса и политики, негативное отношение большинства общества к частной собственности и недоверие к государственным структурам, противостояние общества и политической элиты.

---

¹ См.: Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. Пособие для учащихся старших классов с углубленным изучением истории, гимназий и лицеев. М., 1996. С. 132 – 134; Хачатурян В.М. История мировых цивилизаций. Пособие для общеобразовательных учебных заведений. М., 1999. С. 471.

² См.: Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 3 – 64; Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. М., 1999. 301 с.; Попов Г.Х. Десять лет спустя или долги Межрегиональной группы // Московский комсомолец. 1999. 3-16 июня; Стародубровская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина - <http://www.liberal.ru/lib.asp?Num=36> и др.

³ См.: Мау В. “Ренессанс либерализма”. Жесткий вариант // Известия. 2000. 5 марта.

Частная собственность вследствие этого сохраняет свою условность. Переломить отрицательное отношение общества к крупным собственникам быстро невозможно. Предприниматели должны доказать, а не декларировать, свою большую, нежели государство, эффективность в управлении производственной сферой.

Каких новшеств по сравнению с предыдущими кризисами можно ожидать в современной ситуации? Прежде всего, следует выделить претензию на роль социального лидера интеллигенции. Именно интеллигенция сыграла главную роль в крушении социалистической системы, бюрократическая ее часть образовала органы власти, она сформировала ведущую часть легального бизнеса, она борется с криминальными структурами за контроль над экономикой. Однако именно интеллигенция меньше всего получила от перемен. Это специалисты в областях науки, образования, медицинского обслуживания. Большая степень цивилизованности российского общества предполагает также большую степень демократизма, либерализма в экономике и политике, нежели в прежние времена.

Советский вариант развития индустриального общества рожден революционной ситуацией начала XX в. Он не выдержал испытания временем на этапе перехода в постиндустриальную стадию. Революционная ситуация конца 80-х–начала 90-х гг. XX в. - лишь первый шаг в этом направлении. Таким образом, революция 1991–1993 гг. не антитеза, а продолжение русской революции 1917 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
<i>Линке П. Революции 90.....</i>	<i>4</i>
Часть I. Природа и перспективы.....	7
Октябрь для нас, России и всего мира (заявление 17-ти).....	7
Великая Русская революция: от Февраля к Октябрю (Круглый стол, посвященный 90-летию Февральской революции 1917 г.).....	13
<i>Бузгалин А.В. Великая Октябрьская социалистическая революция: взгляд через 90 лет.....</i>	<i>38</i>
<i>Воейков М.И. Материальные и социально-экономические предпосылки Русской революции.....</i>	<i>62</i>
<i>Колганов А.И. 1917 год: проблема двух революций в России и современность .....</i>	<i>91</i>
<i>Славин Б.Ф. О мифах Октября и советской истории.....</i>	<i>106</i>
<i>Булдаков В.П. Октябрьская революция: современная судьба старых мифов.....</i>	<i>115</i>
<i>Шубин А.В. Долгий путь к социализму Три вызова марксистской традиции.....</i>	<i>121</i>
<i>Дзарасов С.С. Русская революция: национальная смута или мировой триумф?.....</i>	<i>134</i>
<i>Краус Т. Ленин и российская революция. Можно ли выбросить „ленинский нарратив”?.....</i>	<i>153</i>
<i>Могильницкий Б.Г. Русская революция в перспективе долгого времени: новые подходы к ее осмыслению.....</i>	<i>162</i>

<i>Воронин Д.В.</i> Была ли Октябрьская революция социалистической?.....	185
Часть II. Уроки истории	190
<i>Логинов В.Т.</i> «Синяя тетрадь».....	190
<i>Чураков Д.О.</i> Революция и социально-экономическое положение рабочих (конец 1917 — 1918 г.).....	212
<i>Гусев А.В.</i> Политические оппоненты большевизма о причинах своего поражения в революции 1917 года.....	232
<i>Дорофеев М.В.</i> Год 1917: социально-психологические аспекты крестьянского протеста в Западной Сибири.....	242
<i>Андреев В.П.</i> Октябрь, В.И. Ленин и рождение советской академической и отраслевой науки.....	247
Часть III. Контексты.....	254
<i>Науменко Л.К.</i> Революция и диалектика.....	254
<i>Булавка Л.А.</i> Культура и революция: диалектика генезиса.....	284
<i>Хлыстова Н.А.</i> Опыт исторического творчества народа.....	327
<i>Рубинчик-Александрова М.П.</i> Демократия и революция.....	341
<i>Пичурин Л.</i> Смысл революционной диктатуры пролетариата.....	352
<i>Максимов Б.И.</i> Факторы субъектности рабочего класса (опыт революции 1917 г.).....	360
<i>Зиновьев В.П.</i> Русская революция в контексте модернизации.....	367

Десятилетия, прошедшие после Октябрьской революции 1917 года, не сняли остроты вопроса о природе этого события и его влиянии на судьбы и нашего Отечества, и мира. Был ли случайным порыв сотен миллионов к новому обществу, начавшийся в Октябре? К каким результатам он привел в XX веке? Какие уроки мы должны извлечь из этой истории в новом столетии?

Известные ученые Российской академии наук, МГУ, других научных и учебных центров России, ученые из Германии и Венгрии размышляют и спорят об этих проблемах в предлагаемой книге. В основу текстов положены доклады участников Международной научной конференции «Октябрь 1917: вызовы для XXI века», организованной Фондом Р. Люксембург, Фондом «Альтернативы» и Современной гуманитарной академией.